

INDEBTED #6
FINAL DEBT

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR
PEPPER WINTERS

Предупреждение! Не вычитано! Продолжение истории серии книг "Погрязшие в долгах" Как будут развиваться события? Что интересного ждёт читателя? Чем закончится запутанная и интригующая история? Читайте с удовольствием!

•

Пеппер Винтерс

Последний долг

(серия книг «Погрязшие в долгах», часть 6)

Copyright © 2015 Pepper Winters

От автора перевода читателям

Друзья!

Время диктует свои правила и то, что можно было сделать за один месяц, растянулось на один год. За это время произошло множество событий, у меня – радостное. Я стала мамой очаровательной дочери, которая не дала мне возможности, в приятных хлопотах, быстрее закончить работу над переводом. Но, как и обещала, перевод последней книги серии «Погрязшие в долгах» завершён. История, имеющая множество интересных сюжетных поворотов, подошла к концу. Желаю вам приятного чтения и не судите строго, так как это всего лишь вторая книга, переведённая мною. Но я постаралась сохранить «речь» автора произведения, чтобы вы могли вдоволь насладиться этой интересной, увлекательной, интригующей книгой. Вы всегда можете оценить мой труд, написав свою благодарность на сайте ЛитМир.

P.S. не забывайте, что есть ещё и эпилог, с которым тоже нужно познакомиться.

С любовью к читателям, ваша Joli

Страница 1

- Готова умереть, Нила?

Голос Ката причинил мне физическую боль, когда он заставил меня опуститься на колени. Великолепие бального зала насмехалось надо мной, когда я неохотно склонилась к ногам своего палача.

Бархат и ручные вышивки на стенах сверкали, как алмазы, которые контрабандой перевозили Хоуки, - прямой контраст с топорно распиленным деревом и грубо сделанным гильотинным помостом. Никакой утонченности. Никакой гордости. Только приподнятый подиум, каркас, смягчающий большое потускневшее лезвие, и свисающая сбоку верёвка.

- Не делай этого. Кат ... подумай о том, кем ты стал. Ты можешь остановить это. - Мой голос походил на мольбу, но я поклялась не просить. Я многое видела, многое понимала и страдала от того, что никогда не думала, что смогу вынести. Я отказывалась плакать и пресмыкаться. Я не доставлю ему такого удовольствия.

- Через пять минут все будет кончено, Уивер. - Кат наклонился в сторону и взял плетеную корзину.

Плетеная корзина.

Я не хотела думать о её содержании.

Он переложил её на другую сторону деревянного блока.

Мои легкие требовали больше кислорода. Мой мозг требовал больше времени. И мой сердце... требовало больше надежды, больше жизни, больше любви.

Я еще не готова.

Только не так.

- Кат...

- Нет. Больше никаких разговоров. Не после всего, что ты сделала. – Вынув из кармана чёрный капюшон, он не медлил. Никакой шумихи. Никаких загадок.

Я вскрикнула, когда колючая чернота окутала мое лицо, затягиваясь веревкой вокруг горла.

Плакальщица-Уивер заставила меня похолодеть. Бриллиантовый ошейник, который видел то же, что и я, и шептался с призраками моей убитой семьи, был готов отказаться от своих притязаний и расстаться с моей шеей.

Так оно и было.

Последний Долг.

Кат подтолкнул мои плечи вперед.

Тяжелое ярмо легло мне на спину.

Я закрыла глаза.

Я попрощалась.

...

Я ждала смерти.

Неделей ранее

- Нет!

Я оттолкнулась, вцепившись в поручни частного самолета, сопротивляясь всем своим весом непрекращающимся толчкам Дэниэля. - Стой!

- Поднимайся по гребаной лестнице, Уивер. - Дэниэль ткнул меня локтем в спину.

Я споткнулась, ударившись коленом о высокую ступеньку.

- Ты не можешь этого сделать!

Как это случилось? Как всего за несколько часов вся Вселенная обернулась против меня? Снова.

Мне хотелось разбить все часы. Вырвать каждую шестерёнку и каждый винтик.

Время снова украло мою жизнь.

Джетро!

Дэниэль хихикнул.

- Я думаю, ты понимаешь, что мы можем. - Он толкнул меня выше.

Мое сердце болело, как будто каждая миля между нами и Хоуксриджем была лезвием, отрезающим меня все дальше от защиты Джетро - дисгармония в уже нестройной симфонии.

Только что я была окрылённой от любви и обожания, на цыпочках пробираясь обратно в Холл. В следующее мгновение я была поймана в ловушку, вынужденная одеться в джинсы и толстовку с капюшоном, и повиноваться Дэниэлю, который стоял в дверном проеме моей комнаты, выкрикивая приказы упаковать несколько скудных вещей.

Он не оставил меня одну.

Его глаза следили за каждым моим движением. Я не могла схватить пистолет, который спрятала благодаря Жасмин. Я не могла написать Джетро, чтобы сказать ему, что меня поймали.

Все, что я могла делать, это бегать по комнате, подчиняясь моему заклятому врагу.

Единственным спасением было то, что под ненавистным взглядом Дэниэля я умудрилась упаковать одежду, которую перешила несколько недель назад. Манжеты, полные иголок, и подолы, набитые моими швейными принадлежностями. Эта одежда была моей единственной надеждой. Никакой лазейки не было. Никакого способа, чтобы отказаться.

Я должна была верить, что Жасмин сообщит Джетро. Что он придет за мной...

Пока не стало слишком поздно.

Отчаяние, которое я испытала, когда Дэниэль впервые поймал меня, сменилось негодующим гневом. Я была так близка к свободе. Я была в объятиях Джетро. Я была далеко от его психованной семьи. Мое сердце немного ожесточилось к Джетро за то, что он заставил меня вернуться.

Почему? Почему ты отослал меня обратно?

Я не знала, хватит ли у меня смелости простить его.

Ты знаешь почему. И ты это сделаешь. Конечно же, ты это сделаешь.

Я не могла ненавидеть его, потому что не была эгоисткой. Он послал меня назад, чтобы защитить всех нас. Тех немногих, кто принял его, а он принял их в ответ. Любовь была злейшим врагом, нарушающим свои обязательства, не гарантирующим никакой свободы, когда дело доходило до трезвого мышления.

Джетро любил слишком сильно. Чувствовал слишком много. Слишком много страдал. А его брат и сестра станут нашей погибелью. Кестрел и Жасмин полагались на него - так же, как и я. Ответственность за улаживание семейных проблем была для него тяжким бременем.

Но он не один.

Возможно, я буду украдена. Планы Джетро спасти меня могут быть разрушены. Но я все еще была жива. Все еще дышу. Я уже не была той наивной девушкой, которая впервые приехала в Хоуксридж. Я была женщиной, влюбленной в Хоука. Увер, которая прольет кровь Хоука.

Это еще не конец...

Боль взорвалась в моем позвоночнике, когда Дэниэль ударил меня кулаком.

- Садись в грёбаный самолет.

- Нет! - Я бросилась назад, отчаянно глядя на частный ангар. Мы были не в Хитроу, а на маленьком частном аэродроме под названием Тервестон. - Я не буду!

Я не могла позвать на помощь посторонних.

Ни полиции, ни маршалов авиации.

Когда Дэниэль вытащил меня из моей комнаты и вытолкнул наружу, Кат уже ждал его. С победоносной улыбкой он запихнул меня на заднее сиденье лимузина.

С рычащим мотором мы отъехали от Хоуксриджа, шины хрустели по гравию, когда мы ехали по длинной подъездной дорожке от поместья.

Мои глаза обшаривали деревья, их силуэты становились все отчетливее по мере того, как солнце окрашивало небо розовым румянцем. Дэниэль и Кат сидели напротив меня, произнося тосты, попивая охлажденное шампанское. Однако я была не одна на своей стороне лимузина - у меня был охранник.

Маркиз, чертов приспешник Бонни, сидел рядом со мной - гора мускулов, непреклонная и непробиваемая.

- Поспешите.

Незнакомый голос заставил меня поднять глаза.

Человек в форме капитана улыбнулся с верхней ступеньки трапа самолета. Фюзеляж частного самолета отливал графитово-серым цветом. Хвост украшали сверкающие бриллианты, инкрустированные в виде развевающейся на ветру ленты.

- Я не хочу уезжать из Англии.

Дэниэль рассмеялся у меня за спиной.

- Как будто у тебя есть выбор.

- У меня всегда есть выбор, Баззерд. - Я сердито оглянулась через плечо. - Точно так же, как этот твой выбор не закончится для тебя хорошо.

Если я не убью тебя, это сделает Джетро.

Насколько Дэниэль знал, его убитый брат якобы гнил в какой-то безымянной могиле. Джетро был прав. Элемент неожиданности превзошел все великие заблуждения Ката и Дэниэля.

- Осторожнее, сука, - прорычал он. - Все, что ты скажешь мне здесь, будет полностью оплачено, когда мы будем там.

- Сейчас, сейчас. Нет нужды в угрозах.

Капитан спустился по ступенькам, протягивая руку.

- Она поднимется на борт. Не так ли, моя дорогая? Не нужно бояться летать. У меня образцовый послужной список. - Серые волосы торчали по обе стороны его нетронутой летной шапочки. В свои пятьдесят с небольшим он выглядел подтянутым, пребывая в нетерпении перед взлётом.

- Я не могу улететь.

Я не могу быть так далеко от Джетро.

Капитан улыбнулся, махнув рукой в сторону своего самолёта.

- Конечно, можешь. К тому же, держу пари, вы никогда не путешествовали с таким комфортом.

- Я не имею ничего против воздушного транспорта. Всё дело в пункте назначения, с которым я не согласна. Я остаюсь здесь. - Я уперлась пятками в металлическую решетку, борясь с постоянным напором Дэниэля. - У меня нет паспорта, визы... я не могу пересекать границу, так что вы должны позволить мне вернуться домой.

Домой.

Неужели Хоуксридж-Холл стал моим домом?

Нет, это абсурд.

Это всё благодаря Джетро. Не имело значения, где мы окажемся. То, что мы делали для работы. Как складывалась наша жизнь. Пока я жива и рядом со мной Джетро...я буду дома.

- Не беспокойся об этом. - Капитан призывно махнул рукой. - Путешествия полезны для души.

Только не моей души.

Путешествие означало, что моя душа освободится от тела, благодаря Кату и последнему долгу.

Солнце едва выглядывало из-за горизонта, скрытое густым туманом и отступающей ночью. Мир отказывался согреваться, не в силах сбросить утренний мороз или освободиться от когтей зимы. Англия не хотела прощаться так сильно, как я, ее рассвет неохотно желал, чтобы я осталась.

- Если ты не сядешь в этот чертов самолет через две секунды, Уивер, ты еще пожалеешь об этом, - прорычал Дэниэль.

Я уставилась на самого молодого из Хоуков.

- Разве ты еще не понял, что твои угрозы меня не пугают?

Заставив себя выпрямиться, я спрятала дрожь в костях, дрожь в мышцах, неистовый ужас, бурлящий в моей крови.

- Я знаю, куда ты хочешь меня отвезти, и я отказываюсь.

Дэниэль ущипнул себя за переносицу. Секунду спустя он ударил меня по затылку.

- Веди себя прилично!

Я стиснула зубы от нахлынувшей боли.

- Алмасы Кипанга - это чертово удовольствие для таких, как ты, Уивер. Встань на колени и прояви свою чертову признательность. Иначе я вырву твой гребаный язык и обеспечу тебе покой до конца путешествия.

- Ах, как я уже сказал, в насилии нет необходимости. - Капитан сделал еще один шаг, оторвал мою руку от перил и потянул вверх. - Пойдем, моя дорогая. Давай отведем тебя внутрь. И не беспокойся о визах и прочем. Предоставь это мне. С контролем аэропорта проблем не будет.

Головокружение окрасило мир в монокромные серые тона, когда я качнулась к капитану.

- Но...

Кат пронесся мимо Дэниэля - его терпение иссякло. Схватив меня за задницу, он толкнул меня вверх, заставляя, как невольный скот, подниматься по последним ступеням.

- У меня есть твой паспорт, Нила. Садись в самолет. - Его дыхание скользнуло по моей шее. - И не думай снова отказываться. Поняла?

Вцепившись в фюзеляж, я оглянулась через плечо.

- Мой паспорт? Как ты это сделал...

Он помахал перед моим носом черной папкой.

- Здесь все. У тебя больше нет отговорок, и я больше не буду спрашивать. Садись в этот гребаный самолет, или я вырублю тебя, и ты проснешься, когда мы туда доберемся.

Дэниэль рассмеялся, когда последний толчок заставил меня подняться на последнюю ступеньку и бросил в объятия капитана.

Дерьмо.

- А, вот и ты. - Пилот поддержал меня, держа за плечи, когда я споткнулась, снова потеряв равновесие. Болезнь украла мое зрение, прежде чем отправить меня обратно в ад.

Найди якорь, держись крепче. Сделай это, и все будет хорошо.

Вон.

Его маленькое стихотворение для меня.

Мое сердце плакало о брате и отце. Увижу ли я их когда-нибудь снова?

Капитан повел меня дальше в роскошный самолет. Он гордо надулся.

- Видишь, как здесь хорошо? Все твои заботы ни о чем. Мы будем очень заботиться о тебе. - Он похлопал меня по руке и отпустил. - Занимай любое место, которое тебе нравится. Не забудь пристегнуться.

Мои глаза расширились. Он говорил так, словно это был безобидный отпуск отца и приёмной дочери. Неужели он не видит враждебности? Не слышит предначертанной судьбы?

Я открыла рот, чтобы сказать ему. Но какой в этом смысл?

Он принадлежал Кату. Точно так же, как дипломаты, юристы и члены королевской семьи.

Ему было всё равно.

Грипп, приступы головокружения и тот факт, что я не спала всю ночь, настигли меня. Опустив глаза, я подошла к черному кожаному креслу и села. Пытаясь собраться с мыслями, я опустила голову на руки.

Как, черт возьми, мне выбраться из этого?

Пятясь к кабине, чтобы освободить проход для Ката, Дэниэля и Маркиза, пилот сказал:

- Рад снова лететь с вами, мистер Хоук.

- Приятно вернуться. - Кат кивнул, выбирая место рядом с тем, на которое я плюхнулась. Положив папку на маленький столик, привинченный к полу, он спросил:

- Все планы полёта зарегистрированы?

Я подняла глаза, осматривая интерьер с чёрными и хромированными деталями. Куда бы я ни посмотрела, везде был выбит логотип Black Diamond: от кожаных сидений до плюшевого ковра, оконных занавесок и салфеток.

Самолет состоял из трех зон: два черных дивана стояли друг против друга в конце, большой стол для заседаний занимал среднюю секцию с прикрепленными болтами вращающимися сиденьями, а восемь одиночных стульев занимали переднюю часть, выглядя как любой первый класс в нормальной авиакомпании.

Не то, чтобы я когда-нибудь летала первым классом.

Мое сердце дрогнуло. В последний раз, когда я летела на самолете, Джетро накачал меня наркотиками и увез из Милана в Англию. Он позволил мне написать Кайту в баре, все это время скрывая, что это был он.

Это намного превосходило тот полет в роскоши, но это была просто еще одна клетка. И единственный человек, которого я любила, даже не знал, что я исчезла.

Капитан кивнул.

- Да, все записано и готово к работе. Нам придется заправиться в Чаде, как обычно, но путь до Ботсваны должен быть гладким.

Я застыла, вцепившись в мягкие кожаные подлокотники.

- Ботсвана?

Африка.

Я буду беззащитной и неподготовленной посреди кишасей львами и гиенами сельской местности, захваченной людьми, которые были хуже, чем дикая природа.

Дэниэль сказал мне об этом в коридоре, но я не рассчитала последствия. И вот я уже в самолете, который вот-вот взлетит и покинет Англию. Моя родина. Моя безопасная зона.

О, боже мой! Как Джетро доберется до меня вовремя?

Он не полностью исцелился. Ему нужно было привести в действие тот план, который он разработал. Даже если Жасмин даст ему знать, всё равно будет слишком поздно, чтобы помочь мне.

Страница 2

Я сама по себе.

Мои пальцы теребили карман толстовки, которую я надела перед тем, как Дэниэль забрал меня из моей комнаты. Длинная вязальная спица оставалась невидимой. Она не была хлипкой или слабой. Одноконечная металлическая конструкция длиной примерно тридцать пять сантиметров. Если бы у моей толстовки не было большого переднего кармана, я бы не смогла её спрятать.

Я не особо увлекалась вязанием - предпочитала шить, а не заниматься пряжей и шерстью, но в данном случае это стало моим самым любимым инструментом.

Пожалуйста, пусть этого будет достаточно.

У меня не было ни пуль, ни клинков, зато была моя тетка. Разве я не обещала, что стану иголкой, а не ниткой? Что я буду резкой, безжалостной? Способной проколоть и победить?

Клокочущий гнев и желание борьбы вернулись, поселившись в моей душе. Я была одна, но я многого достигла. Я научилась сражаться с монстрами и побеждать.

Так чего же мне бояться покинуть Англию?

Я сделаю Африку своим личным полем битвы.

Кат посмотрел на меня со злобной улыбкой на губах.

- Не только в Ботсвану, Нила. В алмазную Мекку. В нашу шахту.

Его слова перекликались с предыдущими словами Дэниэля.

Поглаживая спрятанную иглу, я прищурилась.

- Зачем?

Кат тихо рассмеялся, принимая бокал шампанского от светловолосой стюардессы.

- А ты как думаешь?

Капитан прочистил горло.

- Если я вам не нужен, сэр, я вас оставлю.

Быстро отсалютовав, он исчез в кабине, оставив Дэниэля красться по проходу и выбирать место позади меня. Маркиз прошёл, не говоря ни слова, просто играя своими мускулами.

Самолет превратился в банку из-под сардин, заключив меня в тюрьму с тремя людьми, которых я презирала.

- Ты сам ей скажешь или мне сказать? - Кат взглянул на Дэниэля.

Дэниэль наклонился вперед, сжимая мои недавно подстриженные волосы. Каждый раз, когда я думала о недавно срезанных прядях, я замирала от грусти, а потом согревалась от удовольствия. Джетро исправил ошибки своего брата. Исправляя жестокость своей семьи с помощью мягкого успокоения.

Новый стиль только укрепил мою волю к победе. Я отомщу. И мои волосы отрастут снова, пока они будут разлагаться в своих могилах.

Я сидела неподвижно, дрожа от ненависти, когда Дэниэль прошептал:

- Я уже говорил тебе, Уивер. Пришло время наверстать упущенное. Ты все еще должна

нам за третий долг. Ты все еще должна нам за четвертый долг. И как только твои долги будут выплачены, останется вопрос о финальном долге, как о компенсации. - Он засмеялся, проводя своими чудовищными пальцами по моей голове. - Очень удобно, что оставшаяся часть четвертого долга будет выплачена вне поместья. Не только благодаря смене обстановки, но и тому, что моя гребаная сестра не сможет вмешаться.

Боль жгла там, где он держал мои волосы.

Кат погладил меня по руке.

- Да, Жасмин доказала, что она сильная и добилась своего с новыми правками о наследстве, но моя дорогая дочь и ее высокие и могучие нравы не будут приветствоваться там, куда мы направляемся.

Мой голос был исполнен праведности.

- Она никогда не простит тебе того, что ты сделал.

Кат склонил голову набок.

- Почему ты думаешь, что у нее есть выбор? Мы же семья. Все грехи прощаются теми, у кого одна кровь.

Я подавилась смехом.

- Серьезно? Ты действительно так думаешь?

- Я так не думаю. Я знаю, что семьи держатся вместе. Вот почему наши дела идут так хорошо. Почему мы возвысились над вами и обеспечили столетия возмездия. - Он поднял руку выше и коснулся моего бриллиантового ошейника. - Ты когда-нибудь задумывалась об истории, стоящей за Плакальщицей-Уивер? Ты когда-нибудь задумывалась, как это было?

Я поджала губы, не доставляя ему удовольствия ответом. Конечно, мне было интересно. Но я не буду ослаблять себя расспросами - не тогда, когда Кат, казалось, думал, что это знание причинит мне боль.

- Этот ошейник, который я скоро сниму с твоего трупа, был сделан внуком женщины, которую мистер Уивер насилует каждую ночь. Она нарисовала нечто настолько прекрасное, что оно могло быть только отвратительным по своему замыслу, и Уильям Хоук позаботился о том, чтобы последнее желание его бабушки было исполнено, как только она умрет.

Смятение мешало пониманию.

Я не понимала, как они связаны.

- Зачем?

Кат нахмурился.

- Зачем?

Дёрнув его за руку, я повернулась к нему лицом.

- Зачем обижают только женщин-Уивер? Почему не мужчин? Это был мистер Уивер, который причинил ущерб Хоукам. Выместите свою месть на мужчинах. Выберите свой пол.

- Мы все равно победили бы, Нила, потому что, нравится нам это или нет, Уивер слабы. - Кат рассмеялся, сверкнув зубами от смеха. - И кроме того, похищение их женщин ранит их сильнее, чем физические раны.

Мне не нужно было спрашивать почему. Я знала.

Лишение мужчин их любимых, подчеркивало не только их неспособность защитить, но и их слабость в спасении. Они будут жить, вечно преследуемые теми, кого они подвели - обеспокоенные и измученные их падениями, превращаясь в искалеченных, сломленных людей, точно так же, как мой отец.

Я вздохнула, бросив последний взгляд в окно на страну, где я родилась, выросла и была в долгу.

Кат положил ладонь мне на бедро, сжимая его.

- Ты скоро все узнаешь. Все секреты. Каждую историю. С этого момента все твое, Нила. Задавай вопросы. Подглядывай и допрашивай. Твоё время тикает.

Закрыв глаза, он устроился в кресле поудобнее.

- Я бы немного поспал на твоём месте. Как только мы приземлимся, тебе придется заплатить кое-какие долги.

Мы приземлились в темноте.

Сколько времени потребовалось, чтобы обменять родину на чужую землю?

Десять часов? Двенадцать?

Я сбилась с пути.

Впрочем, если бы светило яркое солнце, это ничего бы не изменило. С Хоуками, заключившими меня в тюрьму, в моем мире царила вечная тьма.

Я повернулась в кресле, ловя отблески огней взлетно-посадочной полосы и зданий, когда капитан подруливал к частному ангару. В тот момент, когда самолет проскользнул внутрь, Кат выдернул меня из кресла и подтолкнул к выходу.

Я промолчала.

Мой мозг был словно вата. Моя спина болела, моя энергия иссякла, и мои веки царапались, как кошачьи когти. Все, что мне было нужно, - это отдых и безопасность. Мне нужно было перегруппироваться и подготовиться.

Но я должна была оставаться начеку и быть готовой.

Прохладная ночь сменила душную жару салона, когда Кат вывел меня из самолета. Холодный воздух пронизывал мою толстовку и джинсы. Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы проснуться.

Дэниэль схватил меня за руку и повел к машине, ожидавшей в центре ангара. Обломки авиационных безделушек висели на стенах по всему периметру помещения.

Логотип Ката красовался на всём - от автомобилей до передвижных строительных лесов и гидравлических инструментов. Куда бы я ни посмотрела, я не могла игнорировать, на чьей территории я существую, и кто в конечном счете контролирует меня.

Джип не был похож на типичный для Великобритании, у него были бронированные панели, большие бамперы и тонированные стекла. Следы от пуль и брызги грязи добавляли истории насилия.

Это не Англия.

Я не была слепой или глухой. Я смотрела репортажи о том, насколько опасной может быть Африка. Как безжалостны эти люди. Как смертельно опасны животные.

Меня защищали те же самые дьяволы, которые могли причинить мне боль. Я полагаюсь на Хоуков в спасении моей жизни, только чтобы они могли забрать ее, когда это будет им удобно.

- Залезай. - Дэниэль втолкнул меня в джип и забрался следом.

Кат последовал за ним, но не вошел. Его рука свесилась с крыши, и он навалился всем телом на дверь. Его кожаная куртка скрипела, а мятая рубашка свидетельствовала о долгом

полете, но глаза блестели ярко и пронизательно.

- Пристегнись, Нила. Никогда нельзя быть слишком осторожным.

Если бы я не была согласна с ним, то плюнула бы ему в лицо.

Моя рука немного дрожала от голода, когда я натянула ремень на грудь и пристегнулась. Вот если бы только Дэниэль не надел свой, и мы бы попали в аварию, он бы вылетел через ветровое стекло и разбрызгал бы кровь на дороге, словно комар.

Мой желудок скрутило, когда мои мысли переключились на Джетро. Теперь нас разделяли тысячи миль. Океаны и долины, континенты и горы. Мои пальцы чесались написать ему. Мои руки были свободны от единственного имущества, которое позволяло мне общаться в течение последних нескольких месяцев. Мой телефон стал чем-то большим, чем просто средством связи, он стал спасательным кругом.

Но у меня не было времени схватить его. Устройство осталось лежать в моей комнате в Холле.

Я не могла рассказать об этом Джетро, не могла посоветовать ему, что делать дальше.

Я сама по себе.

Я совсем одна.

Моя спрятанная вязальная спица была горячей, готовой к бою.

Это не имеет значения.

- Я готова.

- Помни, что я сказал, Нила. Следующие несколько дней будут взаимовыгодными. Отнесись к этому серьезно. - Глядя на Дэниэля, Кат потер рукой лоб. - Встретимся там. У меня есть несколько дел по дороге.

Дэниэль кивнул.

- Хорошо.

- Ты все уладишь?

- Не беспокойся о нас. - Дэниэль улыбнулся, сжимая мое бедро пальцами. - Мы прекрасно проведем время вдвоем, не так ли, Нила?

Я вздрогнула. У меня в голове проносились сценарии того, как всё это остановить. Я не знала, сколько времени займет поездка, но в ту минуту, когда мы прибудем к месту назначения, я буду разрушена.

Некому будет сказать ему "нет".

Никто не помешает, если он снова попытается меня изнасиловать.

И он попытается снова.

Моя левая рука исчезла в кармане толстовки, сжимая иглу.

Я должна быть готова сделать все, что необходимо.

Если это означало стать убийцей, то так тому и быть. Ката там не будет. Возможно, это была прекрасная возможность убить Дэниэля и положить одного демона в могилу.

Кат наклонился к джипу, схватив Дэниэля за шиворот. Символизм не ускользнул от меня. Он держал сына так, как животное держит своих беспокойных детенышей.

- Ты не должен прикасаться к ней, понял? Уложи ее в постель и охраняй. Дай ей отдохнуть. А под отдыхом я подразумеваю подготовку к тому, что нас ждет.

Отпустив Дэниэля, Кат вытер руки о джинсы.

- Тронь ее, Баззерд, и ты будешь не в той форме, чтобы требовать третий долг. Понял?

Мое сердце бешено колотилось.

Кат был единственным человеком, которому я желала ужасной смерти, но он только что

спас меня от своего мерзкого отпрыска. Была ли это ревность из-за того, что он не получит меня первым? Или какая-то больная шовинистическая защита?

Дэниэль нахмурился.

- Это нечестно. Ты сказал...

- Я сказал, что мы заставим ее заплатить третий долг, когда приедем. Однако это означает, что мы делимся. - Глаза ката сверкнули. - Узнаю, что ты не поделился, Хоуксридж попадет в доверительное управление и перейдет к наследнику Жасмин.

- Бл*ть! - Дэниэль смотрел в ночь, кипя от злости.

Я никогда не знала более строгого, более бредового родителя. Кат застрелил двух своих сыновей. Он охотно сделал все, что сделал со своим собственным братом, чтобы унаследовать мою мать. У него были свои нелепые законы и абсолютно никаких угрызений совести.

И все же он так легко контролировал Дэниэля.

Дэниэль вздохнул в ответ, потом смягчился в знак уважения.

- Ладно, пап. Ты победил.

- Хорошо.

Хлопнув по крыше джипа, Кат приказал:

- Выдвигайтесь. - Закрыв дверь, он отступил назад.

В машине мгновенно стало душно. Дэниэль тяжело дышал, его гнев клубился вокруг меня, как прогорклый дым.

- Гребаный придурок. Правила. У него всегда чертовы правила.

- Да, и тебе не мешало бы запомнить эти правила.”

Его глаза метнулись ко мне.

- Да пошла ты, Уивер.

Африканец скользнул на водительское сиденье, а его сообщник сел рядом с ним. Послышался лязг металла о машину.

Пистолет?

Какого черта ему понадобился пистолет?

Охранник на пассажирском сиденье резко обернулся, его черная кожа делала его почти невидимым в темноте салона. Идеальный убийца.

- Мы доставим вас туда, Мистер Хоук. В этом месяце не так много волнений. Должно быть безопасно.

Мои глаза широко раскрылись.

Опасность.

Со всех сторон.

Если я каким-то образом переживу Хоуков, мне придется молить о чуде, чтобы вернуться в Англию. Я застряла в чужой стране, а мой заклятый враг крепко держался за мой паспорт.

Дэниэль провел рукой по моему бедру.

- Рад слышать. Я хочу добраться до лагеря и уложить мою дорогую Уивер в постель, чтобы она полностью отдохнула для своего напряженного маршрута.

Одним ударом я стряхнула с себя хватку Дэниэля.

- Не прикасайся ко мне.

Дэниэль выругался себе под нос.

Африканец глянул в мою сторону, пристально посмотрев на меня, прежде чем

обернуться.

- Совершенно верно, босс.

Водитель включил зажигание, смешивая тишину с рёвом двигателя.

Дэниэль придвинулся ближе, стирая пространство между нами.

- Если я захочу прикоснуться к тебе, я, бл*ть, прикоснусь к тебе.

Я зажмурилась, когда Дэниэль собственнически схватил меня за ногу, быстро скользя вверх, вверх, вверх, пока не обхватил мою киску. При воспоминании о том, как он делал нечто подобное, когда Джетро впервые привел меня в Хоуксридж, у меня к горлу подступила желчь.

Дэниэль горячо дышал мне в ухо.

- Теперь ты вся моя, сука. Вдали от моей сестры. Никаких братьев, чтобы вмешиваться. Только я и дорогой старина папа.

Его пальцы надавили на шов моих джинсов, прямо над клитором.

Я содрогнулась от отвращения.

- Жаль, милый старина-папа только что отрезал тебе яйца. - В моем сердце пылал огонь. - Тебе было сказано не прикасаться ко мне. Ты всего лишь мальчик-посыльный. Ты правда думаешь, что Катю есть до тебя дело?

Мой смех отозвался ледяным эхом.

- Правда, Дэниэль? Он любил Джетро и Кестрела больше, чем тебя, и хладнокровно застрелил их. Если бы я был на твоём месте, это заставило бы меня дважды подумать о своей ценности.

Его пальцы впились сильнее.

- Джет и Кес - ничто по сравнению со мной. Всегда слабые. Всегда убегающие играть вместе, пока я смотрел и учился.

- Ты когда-нибудь думал, что они приняли бы тебя, если бы ты был немного лучше? Был им скорее братом, чем сумасшедшим?

Дэниэль фыркнул.

- Ты ничего не знаешь. Джет всегда был слабаком, и Кес думал, что сможет спасти его. Мы - Хоуки. Мы созданы для того, чтобы быть неуничтожимыми, а не нуждаться в гребаном спасении. Зачем мне дружить с такими отщепенцами?

Мое сердце дрогнуло, когда Кес и его тепло и доброта заполнили мой разум.

- Может быть, если бы ты это сделал, ты не был бы таким одномерным.

Дэниэль усмехнулся, его зубы белели в темноте.

- Кого ты называешь одномерным? У меня в рукаве припрятано много трюков, сука. Просто подожди, пока мы доберемся до шахты. - Отпустив меня, он противно громко обнюхал пальцы. - Не могу дождаться, когда попробую тебя на вкус. Не могу дождаться, чтобы заявить на тебя права. Пока что я буду слушаться отца. Но ты продолжай давить на меня, и ты увидишь, кто чертовски сожалеет.

Джип рванулся вперед.

И впервые в жизни я помолилась.

Звонил мой телефон.

Несколько птиц взлетели, их перья загрохотали в листве деревьев. Моя эмпатическая

болезнь пульсировала в моей крови, распространяясь веером, ища признаки того, что Нила была недалеко от меня. Что у меня есть время сделать то, что мне нужно. Что все это закончится.

Закрыв крышку ноутбука, прервав цепочку электронных инструкций, которыми я делился с Киллом, президентом по борьбе с коррупцией во Флориде, я взял телефон и нажал кнопку ответа.

Судя по номеру, звонивший находился в Хоуксридже.

Нила?

Мое сердце бешено колотилось. Пожалуйста, будь в порядке.

- Джет слушает.

- Кайт, это я. - В трубке раздался взволнованный голос Жасмин, мгновенно рассеивая страх.

Дерьмо.

Я любил свою сестру, но ее звонок был плохой новостью. Несмотря на то, что ее не было рядом, и единственной нашей связью был телефон, я чувствовал ее панику и ужас. Мое состояние усилило ее ужас, впрыснув его прямо в мой кровоток.

Мои руки крепче сжались вокруг устройства.

- Что случилось? Где они?

Мое сердце бешено заколотилось, когда Жасмин подавила рыдание.

- Они забрали ее!

Что?

Я вскочил на ноги.

- Кто забрал ее? - Я поморщился, схватившись за свой исцеляющий бок.

Глупый вопрос. Не дожидаясь ответа, я прорычал:

- Куда они ее увезли? Куда, Жасмин?

В её голосе слышались слёзы.

- Бонни все утро была скрытной, не давала мне выйти из комнаты, говорила, что у нас важные дела. Она не позволила мне спуститься вниз. Она не пустила меня в покои Нилы.

Мои пальцы вцепились в телефон, как в смертельного врага.

- Переходи к делу. Выкладывай, Джез! Куда они ее увезли?

Жасмин заплакала еще громче, погруженная в свое горе.

- Я не могу поверить, что сделала это, Кайт. Я схватила ее ножницы для стрижки цветов и потребовала правды. - В ее голосе слышались недоверие и ужас. - Я подъехала к нашей бабушке и пригрозила, что убью ее, если она мне не скажет. Я стала такой же плохой, как и они. Я такая же, как Кат! - Ее рыдания стали громче. - Я стала ими.

Черт, у меня нет на это времени.

Ярость от её траты времени боролась с моей потребностью успокоить ее. Всю свою жизнь она боялась только этого: превратиться в Ката. Забыв о своей человечности, она погрузилась в дурной романтизм долгов, смерти и крови.

Понизив голос, я заставил себя сохранять спокойствие. Это была моя сестра. Моя кровь. Мой страх за Нилу был равен моей преданности Жасмин.

- Ты уже не та, что прежде.

Ворвавшись в палатку, я схватил рюкзак с уже упакованными вещами первой необходимости.

- Ты сделала то, что мы оба должны были сделать много лет назад. Ты угрожала ей? Мы

должны были убить ее за то, что она сделала. Она - катализатор всего этого, Джеб. Ни я, ни ты, ни Кес. Ни кто-нибудь. Она.

Тяжело дыша, я запихнул в карман джинсов все самое необходимое и составил новый план.

- Мы все исправим. Если для этого нам придется убивать, мы это сделаем.

Джеб икнула, сказав сквозь слёзы:

- Я просто ... я подвела тебя. Она знает, что теперь я на твоей стороне. То, как она смотрела на меня, Джет. Все это время она позволяла мне делать то, что, я знаю, тебе никогда бы не позволили. Она потакала мне, как единственной девушке. Но теперь она знает. Она знает, что я на самом деле о ней думаю. Я разрушила доверие, которое ты мне сказал завоевать.

Ее голос дрогнул.

- Ты просил меня беречь Нилу. Ты дал мне задание. И из-за того, что я застряла в этом чертовом кресле, я подвела тебя.

Страница 3

Я резко остановился.

Мой желудок скрутило. Мне потребовались все силы, чтобы мой голос оставался ровным и не дрожал от чувства вины.

- Джеб ... ты сидишь в этом кресле из-за меня. С моей стороны было эгоистично так много на тебя взваливать. Ты действительно оберегала ее. Ты имела дело с Бонни все эти годы. Ты столкнулась с Катом, чтобы изменить Долг по наследству. Это чертовски здорово. Остальное на мне.

- Нет, нет это не так.

От нахлынувшей внезапно ярости, я ударил кулаком по дереву.

- Да, это так. Я держал ее в своих руках несколько часов назад. Я думал, что знаю, как лучше. Я тупо думал, что у меня есть время. Я чертов идиот. Это я виноват. Не ты. Никогда. Понимаешь?

Жасмин не ответила.

Мое время вышло. Мой голос понизился до успокаивающего шепота.

- Я не могу тебя утешить. Не сейчас. Меня, бл*ть, убивает то, что ты вынуждена справляться с этим сама, но, Жасмин, мне нужно, чтобы ты сказала. Куда они ее увезли?

Алмазная аллея?

Дом в Девоне?

Куда?

Джеб громко фыркнула, отгоняя свое горе.

- Они отвезли ее в Алмасы Кипангу.

- Бл*ть!

Мой разум заполнили образы нашей шахты. Пещеры и лабиринты высеченных тропинок. Наше состояние пришло оттуда. Наше имя. Наши титулы. Все, что у нас было, было взято из грязи.

Алмасы Кипанга.

Суахили для Diamond Hawk.

- Когда? Как?

- Я не знаю. Но они забрали ее. Они уехали несколько часов назад. Я связалась с авиадиспетчерской службой. Самолет вылетел по маршруту Чад - Ботсвана. Ты никогда не успеешь вовремя.

Все внутри меня стало холодным, ледяным.

- Вовремя для чего, Джек? Что еще ты знаешь?

Я расхаживал по поляне, чертовски сходя с ума.

- Бонни очень гордилась тем, что сказала мне, что Кат заставит ее заплатить третий долг, как только они приедут туда. И четвертый долг на следующий день после... Джетро ... они планируют заставить её выплатить последний долг к концу недели.

Гребаное дерьмо.

Мой мозг лихорадочно работал, высчитывая часовые пояса и расстояния.

Даже если я уеду сейчас, а чартер отправится немедленно, я все равно опоздаю на несколько часов. Я не успею предотвратить третий долг.

Мое сердце рассыпалось в прах.

Как я мог так поступить с ней? После всего, что она уже пережила. Как я мог, бл*ть, так её подвести?

Господи!

Схватив рюкзак, я поклялся, что больше не позволю Ниле страдать. К черту план. К черту время.

Я не сдамся.

- Я позабочусь об этом.

Мой голос был, словно я произносил поминальную речь. Даже когда я поклялся, что спасу Нилу, я знал правду. Ужасную, отвратительную правду.

Кес сделал то, что не смог я, и спас ее от третьего долга. Он обнимал ее. Утешал ее. Он был рядом, защищая ее от изнасилования.

Все это было напрасно.

Его застрелили из-за меня.

Он может никогда не проснуться из-за меня.

Я хотел убить отца голыми руками. Я хотел вырвать свое сердце, потому что, что бы я ни сделал, я подведу Нилу.

Она заплатит третий долг.

И она будет ненавидеть меня вечно.

Мои колени дрожали, когда я задыхался в агонии. Я приговорил ее. Я был тот, кого она будет винить. Как она сможет оправиться от этого? С чего бы ей снова хотеть меня после того, как я оставил ее в одну?

Она никогда больше не будет моей, но я никогда не позволю моему отцу казнить ее.

Шесть дней.

Мой отец хотел убить любовь всей моей жизни за шесть гребаных дней.

Мой план только что изменился.

Я остановлю это.

Даже если это означало умереть в одиночестве и стать нежеланным из-за этого.

- Как! Как ты об этом позаботишься? - Взвизгнула Жасмин. - Они в гребаной Ботсване, Кайт!

Моя челюсть сжалась, и я бросился к Вингс. Он послушно стоял, прячась за деревьями. Не привязанный и не оседланный, он поднял глаза, когда я подошел ближе. Его черные глаза

светились древним знанием, они были такими умными, такими чуткими. Он почувствовал мое смятение. Он знал, о чем я собираюсь его просить, и не колебался.

Двигаясь ко мне, гигантское животное встало боком, чтобы я мог сесть на него. Никакой веревки или уздечки, только связь между человеком и животным.

- Мне все равно, даже если они на краю земли. Я пойду за ними.

Схватившись за гриву Вингса, я сунул телефон под подбородок. Отработанным движением, которое я проделывал бесчисленное количество раз, я подпрыгнул и перекинула ногу через спину коня.

Мой бок заныл, но я проигнорировал свой дискомфорт, сосредоточившись на боли, которую причинил Ниле, заставив ее вернуться в Холл без меня.

Тупица. Чёртов тупица!

У Вингса была шёлковая грива. Я часто ездил на нём верхом без седла. Я провел много ночей, выстраивая отношения со своей лошадью. Он подчинится и полетит туда, куда мне нужно.

Как только я сел, он пустился в галоп. Я низко наклонился, обхватив его бедрами.

Беги.

Быстрее.

Мой рюкзак хлопал меня по спине, когда Вингс нёсся в сторону Холла. Ветер перекрывал голос Жасмин, но я уловил достаточно.

- Джетро, что ты собираешься делать?

Полуденное солнце заливало Хоуксридж, насмехаясь надо мной и тем, кем я стал. Я поклялся, что все это скоро закончится. Что Нила будет в моих объятиях. Что мой брат очнется от комы. Что моя сестра наконец обретёт покой.

Так много нужно исправить.

Так много несчастий нужно стереть.

Вингс была полон энергии, летя словно пуля. Мои ноги были напряжены, сердце бешено колотилось, и ярость превратилась в дышащее существо.

Кат совершил свою последнюю ошибку.

Я иду за тобой.

- Я иду за ней, Джек. И на этот раз, черт возьми, я собираюсь покончить с этим.

Если Алмазная аллея была местом, где сортировали алмазы, освещённые светом от гигантских прожекторов, то Алмаси Кипанга был шрамом в земле, который их создал.

Всю дорогу от аэропорта Дэниэль держал руку на моем колене. Я кипела от раздражения и отвращения, но не спорила и не вступала в разговор.

Мне так много нужно было сказать.

Но каждое слово лишь предвещало еще большее наказание.

Кроме того, Дэниэль не заслуживал разговора. Он был потерян, маленький мальчик, incapable видеть, что он уже мертв. Он мог быть ястребом, собирающимся причинить мне боль, но я была гадюкой в его гнезде, только и ждущей, чтобы укусить и отравить его.

У меня было время.

Я подожду.

Водитель вёл нас сквозь безмолвную ночь, не говоря ни слова. Его пассажир-охранник

никогда не отдыхал, глядя в окно, его рефлексы вздрагивали и палец взлетал к спусковому крючку пистолета несколько раз. Особенно когда мы останавливались на красный свет и ехали по грунтовой дороге.

Когда мы покинули цивилизацию, он вытащил из ножен мачете и благоговейно положил его себе на колени. Звездный свет отражался от ветрового стекла, целуя потускневшее лезвие.

Улюлюканье и вой сменились звуками пригорода.

Внутри джипа мы были в безопасности ... но там ... там пировали животные, гораздо более подготовленные к убийству, чем мы. Там они охотились, их желтые глаза сверкали в свете фар.

Моя усталость испарялась по мере того, как мы углублялись в Африку. Водитель и пассажир дали мне обильное количество адреналина, пока я подпитывалась их бдительностью. Они жили здесь, но не расслаблялись. Всю дорогу они были на взводе.

Что они видели такого, чего не видела я?

Чем они жили, чем я никогда не смогу жить?

Я не хотела этого знать.

Мы вчетвером путешествовали вместе, но порознь - каждый погруженный в свои собственные мысли.

К тому времени, когда мы выехали с едва заметных дорог на гравийные дорожки, мои мышцы свело судорогой от беспокойства.

При каждом толчке я вздрагивала. При каждом хихиканье гиен и каждом рычании львов я сжимала глаза от страха. Оружие, которое было у наших проводников, предназначалось не для того, чтобы усмирить меня, а для того, чтобы помешать тому, что было снаружи, убить нас.

Цивилизации больше не было. Мы попали в самое сердце природы, где выживание ценнее богатства, а здравый смысл торжествовал над глупостью.

По мере того, как мы въезжали в ужасающий ад территории Хоуков, все больше и больше глаз животных сверкали в темноте, когда высокие лучи освещали дикую местность. Мое сердце ударилось о ребра, когда в ноги эхом разнёсся рёв хищника и визг жертвы. Какое-то несчастное существо умерло всего в нескольких метрах от меня.

Я следующая.

Если я не убью первой.

Дэниэль усмехнулся, облизывая губы при мысли о том, что какое-то бедное животное станет обедом.

Я с отвращением сжала пальцы, глядя в противоположное окно. Там я смутно различала сучковатые деревья и выжженную солнцем местность. Серебристый лунный свет прощал грехи Африки, но не мог скрыть ее опасности.

Перейдя пересохшее русло реки и пройдя по равнинам смерти, мы наконец остановились в постоянном лагере.

Водитель замедлил ход, проскальзывая в ворота, отчего у меня по спине пробежала дрожь. Несмотря на всю мою силу и уверенность в том, что я убью прежде, чем убьют меня, я больше не могла жить во лжи.

Я наконец поняла, что это место было больше, чем просто шахта. Больше, чем просто собственность Хоуков. Больше, чем просто билет к богатству.

Это была моя могила.

- Добро пожаловать в наш офис.

Дэниэль открыл дверцу, как только джип резко затормозил. Его пальцы надавили на мой ремень безопасности, освобождая меня, затем обхватили мое запястье и дернули меня с сиденья. Я выскользнула за дверь, немного спотыкаясь, так как мои ноги онемели и болели от долгого сидения.

- Где мы находимся?

Я потянулась, пока мои глаза блуждали по лагерю. Скопище грузовых контейнеров было превращено в офисы, деревянные лачуги с соломенными крышами украшали окраины, а протоптанные грязные тропинки говорили о лишениях и тяжелом труде. Луна давала некоторое освещение, соперничая с водянистыми огоньками, развешанными в кустах, и более ярким теплом электричества, льющимся из жилищ.

Если бы я не знала, кому принадлежит это место, оно могло бы мне понравиться. Возможно, мне доставляло бы удовольствие мысль о том, что я впервые в Африке. Я бы отправилась на сафари, чтобы понаблюдать за существами, которых я боялась.

Вместо этого, все, что я хотела сделать, это бежать - перелезть через забор, забаррикадировавший нас, и попытаться счастье с острозубыми львами, рыщущими по границам.

По крайней мере, я знала, что они сделают со мной.

- Ты что, глухая или просто тупая? - Дэниэль обвёл рукой место, как будто в нем содержался ответ. - Это точка отсчёта. Место, где был найден первый алмаз. Место, где будущее твоей семьи омрачилось моим. - Сжав свои жестокие пальцы вокруг моего запястья, он повел меня через лагерь.

Я предположила, что здесь было около тридцати-сорока лачуг и брезентовых палаток, в то время как семь или около того контейнеров контролировали любую работу, которую они выполняли. Окружающий забор был залатан, как старое лоскутное одеяло. Все было выжжено солнцем и покрыто пылью.

Но здесь ощущалась необузданная дикость, соседствующая с домашней атмосферой.

Каким-то образом люди, жившие здесь, выжали максимум из того, что у них было, и превратили его не просто в шахту, а в святилище.

Краем глаза я увидела то, чему, как мне казалось, мне никогда не суждено было стать свидетелем.

Дэниэль, казалось... расслабился.

Его плечи расправились. Дикое желание быть замеченным утихло. Безумие внутри него приглушалось обретенной здесь свободой. Возможно, он не просто психопат, в конце концов. Возможно, я ошиблась, когда назвала его одномерным.

Точно так же, как я сломала Джетро, используя его страсть ко мне и доброту Кеса, чтобы стать моим союзником, я пыталась сделать то же самое с Дэниэлем.

- Тебе здесь нравится.

Его взгляд метнулся ко мне.

- Заткнись, Уивер.

- Нет. Я хочу знать. Я полностью в твоём распоряжении, Дэниэль. Кат сказал, что я могу спрашивать обо всем, что захочу. Хорошо, тогда мой первый вопрос касается тебя.

Его рот приоткрылся, как будто он не мог поверить, что я только что добровольно вступила с ним в разговор.

Правильно.

Смотри на меня.

Услышь меня.

Почувствуй меня.

Тогда, возможно, ты не будешь пытаться причинить мне боль.

Это было принятие желаемого за действительное, но, возможно, только возможно, это окупится.

Точно так же, как это случилось с твоим братом.

- Это что, какой-то трюк?

Я отрицательно покачала головой.

- Никаких ухищрений. - Потянув его за руку, я заставила его остановиться в центре лагеря. Здесь была большая костровая яма, а бревна служили сиденьями. - Тебе здесь нравится. Почему?

Его глаза потемнели, но он ответил:

- Потому что это далеко от Хоуксриджа.

- Тебе не нравится это место?

- Я никогда, бл*ть, этого не говорил. - Его гнев угас.

Я отступила назад, пытаюсь читать между строк.

- Но ты предпочитаешь это место Хоуксриджу... почему? - Внезапно меня осенило понимание. - Потому что ты считаешь это место своим, а Хоуксридж - Джетро.

Его рука метнулась вперед, схватив за горло.

- Ошибаешься, сука. Хоуксридж - мой. Джетро мертв. Помнишь? Застреленный. Холодный и похороненный.

Я хранила свою тайну, в то время как мое сердце согревалось, купаясь в истине.

Он жив.

Обхватив пальцами его запястье, я держалась, пока он сжимал мое горло.

- Теперь он твой, если ты будешь вести себя хорошо и следовать тому, что говорит тебе Кат, конечно. Но что-то заставляет меня думать, что ты всегда была счастливее здесь. - Я склонила голову набок. - Почему? Может быть, потому, что оно далеко от Бонни? Не может быть, что потому, что Жасмин не приезжает сюда. Я не видела, чтобы вы общались, но она безвредна.

Как если бы

Жасмин приводила меня в ужас.

Он не ответил, оттолкнув меня и вытирая руки.

Я попробовала еще раз.

- Джетро страдал из-за своего состояния. Жасмин была инвалидом из-за чего-то, чего я не понимаю. Кеса терпели, потому что он поддерживал мир. Но ты... ты ... - я задыхалась. - Я знаю. Ты был ошибкой. Третий сын – запасной вариант при двух наследниках.

Дэниэль внезапно взорвался. Его ладонь ударила по моей щеке.

- Заткнись на*уй. Я. Не. Ошибка.

Я задыхалась от боли, борясь с океаном жара.

Он может ударить меня. Но он не мог этого отрицать. То, как он отреагировал, свидетельствовало о том, что это была правда. Сколько раз его так называли? Сколько раз это подрывало его место в семье и превращало в это злое существо?

Держась за щеку, я пробормотала:

- Я не говорила, что считаю тебя ошибкой. Я спросила, не поэтому ли ты предпочитаешь жить здесь. - Я потеряла свою пылающую кожу. - Ты его ребенок. Как и все его дети. Нехорошо заставлять тебя чувствовать себя хуже, чем они.

- Прекрати этот чертов психоанализ. Ты ни хрена не понимаешь, о чем говоришь. - Снова схватив меня за запястье, он потащил меня к большому брезентовому шатру.

Я пошла с ним, а разве у меня был выбор? Но теперь у меня было более глубокое понимание моего заклятого врага. Его детская ненависть. Его неуправляемый темперамент. Может, у него и не было души, чтобы умолять, но когда-то...он умолял. Он был всего лишь ребенком. Нежеланный ребенок, который делал все возможное, чтобы его приняли.

Сходство с Джетро не ускользнуло от моего внимания. Единственная разница заключалась в том, что Джетро позволил себе наконец измениться, стать лучше...увидеть собственную самооценку.

- Это ведь не Кат сказал тебе первым, верно?

Я не могла заставить себя замолчать. Но, возможно, это мой единственный шанс понять Дэниэля настолько, чтобы победить его.

Он не обернулся, чтобы посмотреть, ускорив шаг.

- Заткнись. Прежде чем я заставлю тебя.

- Это была Бонни, не так ли? Она единственная, кто сказала тебе, что ты был ошибкой.

Что ты делаешь?

Мы прибавили шагу, и мои глаза стали искать пути к отступлению. Мы поднялись по нескольким ступеням в тканевую палатку, которая не выглядела как временное пристанище. Он была поглощена землей и стал частью ландшафта с уличными стульями, верандой, внутренней приемной, спальней и ванной комнатой.

Тяжело дыша, Дэниэль пригнулся и потащил меня вперед по ковру, продвигаясь в большую спальню с альковами. Мой взгляд тут же упал на кровать.

Моё сердце громко стучало.

Дэниэль усмехнулся.

- Если ты хочешь задавать вопросы, сначала уясни гребаные факты. Да, я всегда знал, что я в полном дерьме, имея двух братьев. Да, я не был запланирован, и Кату было очень приятно сказать мне, что моя жизнь - это гребаный подарок и я должен быть благодарным. Но не поэтому он такой ублюдок.

Желая, чтобы между нами было хоть какое-то расстояние, я прошептала:

- Почему?

Дэниэль подошел ближе, прижимаясь своей грудью к моей.

- Потому что она его не любила. Она никогда не любила его, что бы он ни делал. И это, блядь, все испортило.

- Кто его не любил?

- Роза.

- Кто такая роза?

- Жена Питера.

- Питер? - Мой мозг лихорадочно работал, цепляясь за полузабытые воспоминания.

- Черт, да ты просто тупица, - прорычал Дэниэль. - Брат ката. Вот почему Бонни никогда не любила нас. Мы не должны были существовать. Поняла? Кат украл жену Питера у него за спиной. Она от него забеременела.

Я в удивлении открыла рот.

- Так вот почему Кат убил его? Чтобы претендовать не только на наследство, но и на наследников?

Дэниэль покачал головой.

- Нет, он убил его, потому что так велела Бонни. Она притворяется, что Кат предал ее, но как только она узнала, что Роза беременна, она изменила игру. Она всегда, блядь, меняет правила игры.

В голове у меня все поплыло.

- Так...

- Больше никаких, бл*ть, вопросов. - Схватив меня за подбородок, он заставил меня посмотреть на кровать. Его мрачный смех звучал натянуто, но зло. - Очень скоро я этим воспользуюсь. - Он толкнул меня, хихикая, когда я ударилась коленом о кофейный столик с металлическими чашками и кувшином для воды. Кувшин закачался, пролив холодную жидкость на мои джинсы, и расплескавши воду, собравшуюся лужицей по полу.

- Черт возьми, Уивер. - Шагнув вперед, он схватил меня сзади за затылок, заставляя наклониться над беспорядком. - Видишь, что ты только что сделала?

Он обращался со мной, как с собакой, которая помочилась на ковер.

Все разговоры и вопросы исчезли. Его действия скрывали любую слабость, которую он мог бы показать, ловко напоминая мне, что у каждого есть проблемы, у каждого есть скелеты и секреты, но это не имело значения. Важно было то, кем ты стал, несмотря на свое прошлое. И Дэниэль не собирался меняться.

- Убери это дерьмо.

Страница 4

Вошёл Маркиз, не обращая внимания на то, как Дэниэль грубо держал меня. Он кивнул, как будто это было вполне приемлемо, и поставил мой чемодан рядом с кроватью. Не говоря ни слова, он снова ушел.

Сжав мои короткие волосы, Дэниэль приподнял меня и запечатлел на моих губах грязный поцелуй.

Что за...

Меня чуть не стошнило.

Как только он отпустил меня, я вытерла язык и попятилась.

- Просто потому, что...

- С меня довольно. Еще одно слово, Уивер. Еще одно гребаное слово. - Его рука дрожала, когда он указал на лужу на полу. - Убери это и прими душ. От тебя воняет. Я надеюсь, что ты и эта спальня будете чистыми перед нашей маленькой встречей, когда вернется мой отец.

Я оскалила зубы.

- Ты думаешь, что ты такой неприкасаемый, Дэниэль Хоук, но позволь мне сказать тебе. Я понимаю тебя немного лучше, но это не значит, что я позволю тебе изнасиловать меня. Может быть, сегодня, или завтра, или послезавтра, но я причиню тебе боль. Я...

Он громко рассмеялся, перебив меня.

- Такие глупые обещания от такой глупой Уивер. Знаешь, во что я верю? Сегодня ночью я буду трахать тебя. Завтра я сделаю тебе больно. А послезавтра я унаследую одно из богатейших поместий в мире, потому что ты умрешь. Я больше не ошибка. Я - избранный.

Так что, бл*ть, заткнись и приготовься ко встрече со мной. - Он снова поцеловал меня, пытаясь просунуть свой язык мне в рот.

Мой желудок взбунтовался, и во вспышке безумия я открыла губы и позволила ему облизать их.

А потом укусила.

Сильно.

Очень, очень сильно.

Мои рецепторы торжественно почувствовали кровь. И это была не моя кровь.

- Бл*ть. - Он дернул меня назад. Боль взорвалась в моей голове, когда его пальцы рванули мои волосы. - Если ты сделаешь это еще раз, то не проснешься.

- Посмотрим.

Прижавшись ко мне, он вдохнул мой запах, словно зверь.

- Ты хочешь, чтобы я послушался отца? Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь, прямо сейчас? - Он водил носом по моей коже, посылая мурашки. - Еще одно слово - и ты будешь стоять на коленях, мать твою.

Перед моими глазами предстали ужасные образы, но каким-то образом я нашла в себе мужество отомстить. Я не могла выказать страха. Я больше никогда не буду показывать страх.

Я рассмеялась в его демоническое лицо.

Глаза Дэниэля, прищуренные и маниакальные, встретились с моими.

- Хочешь мой член, Уивер? Я с радостью дам его тебе, если ты еще раз разозлишь меня. - Он ждал, сосредоточившись на моих губах. Его эрекция прижалась к низу моего живота.

Подавив свой ужас, я впиалась в него взглядом.

- Прикоснешься ко мне - умрешь. Катю не понравится, если ты ослушаешься его. Ты снова станешь ошибкой. Нежеланный. Ненужный.

Джетро.

Кестрел.

Убил бы Кат и Дэниэля тоже?

От трех наследников до ни одного.

Дэниэль задрожал от похотливой ярости.

- Ты грёбаная...

- Давай, трахни меня, но ты будешь третьим сыном, которого застрелит твой отец.

Он замер.

Мы сердито смотрели друг на друга в течение самой долгой секунды. Звуки дикой природы и наше неглубокое дыхание были нашей серенадой.

Наконец он отшвырнул меня и бросился к выходу.

- Я не настолько сумасшедший. И ты не стоишь пули. Я подожду.

Я не могла унять дрожь в мышцах.

Слава Богу.

Я зашла слишком далеко. Я вела себя по-идиотски, насмехаясь над ним. Это была бы моя вина, если бы он изнасиловал меня. Но я проникла ему под кожу и нарушила его равновесие. Я показала ему, что я не цветок, у который он может оборвать лепестки и растоптать под ботинком. У меня были шипы...иглы...которые могут причинить боль.

Он схватился за полог палатки, дрожа от ярости. Обернувшись, он холодно улыбнулся.

- Ты так терпелива, малышка Уивер. Я знаю, что все эти вопросы должны были

заставить меня сорваться. Я знаю, как сильно ты хочешь мой член - ты практически умоляешь об этом. - Его глаза сузились. - Как ты думаешь, что бы почувствовал Джет? Зная, что его труп едва остыл, а ты уже хочешь трахнуть его младшего брата?

Прищелкнув языком, он послал мне воздушный поцелуй.

- Я обязательно вознагражу тебя за такое терпение, так, что ты будешь кричать от удовольствия.

Прежде чем я успел выкрикнуть проклятия в его адрес, он исчез.

Я стояла так целую вечность, обхватив себя руками. Мои колени дрожали, не давая мне сил держаться на ногах.

Что же я наделала?

Я знала, что я только что сделала.

Я сделала своё будущее еще хуже.

Зачем? Зачем я злила его?

Потому что это было всё. Конец. Отсюда уже не будет пути назад. Второго шанса нет. Они отнимут у меня все. Заберут то, что я могу им дать. И я молила Бога, чтобы я смогла забрать у них все до того, как все закончится.

Онемевшими пальцами я погладила спицу, спрятанную в кармане толстовки.

Оставайся сильной. Не прекращай бороться.

Силуэт Дэниэля вырисовывался на внешней стороне палатки, когда он щелкнул пальцами Маркизу. Его неуклюжая фигура подошла ближе, ожидая приказа.

- Стой здесь. Вооружись своим оружием. Если она попытается убежать, пристрели ее.

На мои глаза навернулись слёзы, но я их прогнала. Это был не Хоуксридж. Дэниэль не был Джетро. И это уже не было игрой. Невозможно скрыть суровую правду: я была по уши в дерьме.

Маркиз кивнул.

- Понял.

Просунув голову обратно в палатку, Дэниэль ухмыльнулся.

- Просто, чтобы ты знала, если попытаешься бежать, ты узнаешь, что чувствовали Джетро и Кес, когда они погибли от пули. Как тебе такая сказка на ночь?

Его ботинки захрустели по террасе, когда он спрыгнул на пыльную землю и ушел. Маркиз просунул голову внутрь, только чтобы холодно улыбнуться мне, прежде чем застегнуть москитную сетку на двери.

Взведя курок, он повернулся ко мне спиной.

В одиночестве.

В заключении.

Мне нельзя терять времени даром.

Я не знала, как долго это будет продолжаться, но времени было недостаточно. Мне нужно было отключить все чувства или оставшиеся намеки на девушку, которой я была, и подготовиться стать безжалостным убийцей.

Схватив свой чемодан, я подтащила его к кровати и расстегнула молнию. Все вещи и предметы лежали в беспорядке. Когда Дэниэль приказал мне собрать вещи, аккуратность не была главным приоритетом.

Отбросив на пол одежду, в которой не было защиты оружия, я поспешно выбрала флисовую куртку со скальпелем, спрятанным в воротнике, и леггинсы с парой тонких ножниц, тайком спрятанных за поясом.

Дэниэль хотел, чтобы я приняла душ?

Хорошо. Я приму душ.

Я буду готовой.

И устрою войну, когда он вернется.

Экономический класс.

Государственная авиакомпания.

Худшее окружение для такого человека, как я.

Я съежился в кресле, стиснув зубы, изо всех сил стараясь вспомнить упражнения, которым меня учили.

Сосредоточься на своих мыслях.

Сконцентрируйся на внутренней боли. Ущипни себя, уколи, делай все, что потребуется, чтобы воздвигнуть этот барьер.

Заиклись на простых вещах: читай, смотри на природу.

Я подавил стон.

Ничего из этого не работало.

Оглядевшись по сторонам, я почувствовал тоску по дому, сожаление, волнение, потерю и страх. У каждого человека были свои мысли, и эти мысли были словно камикадзе в маленьком пространстве.

Зажмурившись, я сосредоточился на своем холоде. Кат сделал одну вещь правильно, воспитывая меня. Он научил меня сосредотачиваться на ненависти и эгоизме, отгораживаясь от всего, даже от боли.

Урок был не из легких. Если я оступался или не добивался успеха, Жасмин принимала удар на себя. Кат понимал, что боль тех, кого я любил, втрое действует на меня. В некотором смысле, заставляя меня прислушиваться к его эмоциям дисциплины и контроля, в то же время блокируя агонию и несчастье моей сестры, я получил силу бороться с наплывом парализующих эмоций от других.

Даже когда она была ранена прямо у меня на глазах.

Я мог переварить свою собственную боль, но когда дело касалось ее...

Точно так же, как я не мог терпеть Нилу, теперь я люблю ее.

Отгоняя эти воспоминания, я изо всех сил старался снова погрузиться в снежную капсулу, но даже когда ледяные щупальца окружили мое сердце, мои мысли сосредоточились на одном человеке.

Жасмин.

Потому что из-за меня она больше никогда не сможет ходить. И это была еще одна причина, почему я не мог бросить ее, когда Нила умоляла меня уйти прошлой ночью в конюшне. Почему я всем обязан Кесу и Джезу, потому что без них я бы умер много лет назад.

Может быть, мне следовало умереть много лет назад.

Возможно, Нила осталась бы в безопасности, а Кесу не пришлось бы бороться за свою жизнь.

Кес был бы следующим в очереди. Если бы Кат следовал правилам наследования долгов - не превращаясь в жадного до власти ублюдка, которым он стал - с мертвым первенцем, контракт не мог бы быть выполнен, и оба, Кес и Нила, были бы свободны. Нила вышла бы

замуж за кого-нибудь подальше от Хоуков и родила бы дочь, такую же красивую, как она.

Только чтобы погибнуть через поколение.

Лед, который я пытался культивировать, растаял, оставив меня несчастным.

Не мысль о будущих долгах, а мысль о том, что Нила выйдет замуж и будет счастлива с другим, заживо сдирала с меня кожу.

Она была моей. Я принадлежал ей. Нам суждено было влюбиться друг в друга и покончить с этим. Точно так же, как Оуэн, мой обреченный предок, и его любовь, Элиза, не смогли этого сделать.

Бл*ть, Нила.

Что она пережила за те часы, что мы провели порознь? Что они сделали с ней после того, как я подвел ее?

- Сок?

Я открыл глаза и посмотрел на стюардессу. Ее эмоции колебались между удовлетворением от работы и клаустрофобией. Она любила путешествовать, но терпеть не могла ждать пассажиров. Если бы я прислушивался внимательнее, то узнал бы большинство ее секретов и многое о ее жизни.

- Нет. - Я посмотрел в окно. - Спасибо.

Темнота неба освещалась каждые несколько секунд красной вспышкой на кончике крыла, в такт моему неровному сердцебиению.

Я не успокоился после звонка Жасмин.

Поскакав галопом в гараж, я оставил Вингс, чтобы он смог найти дорогу обратно в конюшню, и обменял его на другую «лошадиную силу». Мой "Харлей" зарычал в лучах послеполуденного солнца, помчав меня по подъездной дорожке в сторону аэропорта.

Мне и в голову не пришло найти Флоу. У меня не было времени рассказать сестре о своем плане.

Все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы добраться до аэропорта и заказать чартер.

Однако я должен был использовать свой мозг, а не свое испуганное сердце. В этот поздний час не было ни чартерных рейсов, ни частных самолетов. Никаких пилотов по вызову. Некого подкупить, чтобы улететь.

У меня не было другого выбора, кроме как поспешить в Хитроу и сесть на ближайший рейс в Южную Африку. Добраться до аэропорта, купить билет и поспорить о самом быстром рейсе - все это стоило драгоценного времени.

Времени у меня не было.

Никаких быстрых рейсов. Никаких частных самолетов.

У меня был только один вариант - тесный, переполненный рейс с тремя остановками до места назначения. Даже если бы я подождал двадцать четыре часа и нанял частный самолет, выбранный коммерческий рейс был бы быстрее.

Поэтому я купил билет.

Я отправил Ниле сообщение:

Кайт007: *«Я иду. Дождись. Делай все возможное, чтобы остаться в живых. Я так чертовски сильно тебя люблю.»*

Она не ответила. Если она взяла свой мобильный телефон, то всё равно не получила бы сообщение, находясь в небе. И если бы Кат отобрал его у нее, у меня не было бы никакой возможности предупредить ее о моем прибытии.

Еще одна проблема в будущем.

Летать, опасаясь за жизнь любимого человека, было достаточно тяжело. Но полет с эмпатическим состоянием и заживающей огнестрельной раной был в сто раз хуже, черт возьми.

С каждым взлетом и посадкой, с каждым аэропортом и такси я все больше терял человечность и сосредотачивался на жажде крови, обдумывая, что я сделаю с Катом и Дэниэлем, когда приеду.

Представляя широкие открытые пространства и пустынные африканские равнины, я мог сохранить свой рассудок, абстрагируясь от атмосферы вокруг меня.

Я всегда избегал общественных мест. Полет с Нилой из Милана был для меня первым за многие годы. По сути, до того, как Нила вошла в мою жизнь, я был затворником. Хоуксридж - мое святилище, а Бриллиантовая аллея - мой офис. Мне не нужно было общаться с незнакомыми людьми.

Я изо всех сил старался не обращать внимания на эмоции пассажиров. Я изо всех сил старался культивировать свою ненависть и позволял целеустремленной решимости дать мне покой.

Схватив салфетку от коньяка, который я заказала час назад, я разорвала ее на мелкие кусочки, так как мое сердце работало в два раза быстрее. Мой бок заревел, а лоб покрылся испариной. Временные линии и часы обратного отсчета роились у меня в голове, пока я прикидывал, насколько далеко от меня Нила.

В лучшем случае, восемь-девять часов.

В худшем - от десяти до двенадцати.

Возможно, Ниле удалось избежать боли и изнасилования.

Возможно, у нее еще есть время.

Но, пролетев три четверти пути над Атлантическим океаном, я понял, что у меня кончатся минуты.

Они прибыли в Алмасы Кипанга.

Она была одна.

Я остановилась на краю огромной шахты.

Зубы земли широко зияли, ее язык и гланды были вырезаны лопатами и землекопами, ее внутренности были открыты ночному небу в поисках алмазов и богатства.

Взгляд в яму причинял боль чему-то глубоко внутри. Это было огорчение не из-за сломанных деревьев, оставленных гнить никому не нужными, и не из-за чернокожих рабочих, копошащихся в грязи. Это была печаль оттого, что нечто столь драгоценное и редкое, как алмазы, - то, что Земля создавала на протяжении тысячелетий, - было так бездушно украдено без всякой милости или благодарности.

- Впечатляет. Не так ли? - Кат положил руку мне на плечи.

Я вздрогнула, но не отодвинулась.

Не то, чтобы я могла.

Грубая веревка впиалась мне в запястья, туго намотанная Катом, когда он пришел за мной.

Я ожидала, что третий долг будет исполнен в тот момент, когда Кат вернется,

разобравшись со своими делами. Я сидела на кровати, покалывая кончики пальцев спрятанной вязальной спицей, не сводя глаз со входа в палатку.

В моём животе урчало от голода. Я была истощена. Но я отказывалась засыпать. Наяву я столкнулась лицом к лицу со своим кошмаром.

Это был единственный выход.

Прохладная африканская ночь грызла мою кожу: мурашки побежали по коже, когда львиное рычание эхом разнеслось по дому.

Он звучал так близко. Такой голодный.

И вдруг мне показалось, что дирижер оркестра устроил квартет из смеющихся гиен, зебр и ухающих сов.

Песнь животных подняла мой уровень стресса, пока я не задрожала от ужаса.

- Ты меня слушаешь? - Голос Ката ворвался в мои мысли. Я не отдыхала и не спала целую вечность, моя реакция была вялой.

Я моргнула.

- Вы что-то говорили о количестве и о том, сколько это стоит...

- Нет! - Он дернул веревку на моих запястьях. - Я говорил тебе, как глубоко уходит Алмаси Кипанга. В течение столетий добычи мы находили новые пласты. Мы продолжаем расширяться, и в настоящее время шахта находится в полукилометре под землей. Ты можешь это понять?

Я отрицательно покачала головой. Все, о чем я могла думать, это как там темно. Гробница, которая только и ждет, чтобы упасть, как бесчисленные костяшки домино, и задушить любого внутри себя.

Дэниэль улыбнулся.

- Это годы раскопок. Миллионы и миллионы бриллиантов, вырезанных из грязи. Если пласт пересыхает, намечается новый маршрут. - Его зубы сверкнули. - Одному удачливому работнику поручается установить взрывчатку, чтобы предотвратить любые оползни или обвалы.

- А что будет, если взрывчатка устроит катастрофу и его раздавит? - Мои глаза расширились от такого опасного занятия.

Дэниэль пожал плечами.

- Вот почему мы посылаем только одного. Если у него ничего не получится, то это будет крутое дерьмо. Мы не эвакуируем, а просто запечатываем.

Я проглотила отвращение.

- Ты убиваешь людей разными способами.

- Спасибо за комплимент.

Мои глаза сузились.

- Это не комплимент.

- Мне все равно. - Дэниэль ухмыльнулся. - Я принимаю это как должное.

Мне хотелось стереть эту идиотскую жадность, безумие и чувство права собственности с его отвратительного лица.

- На твоём месте я бы не была такой самоуверенной. Ты ведешь себя так, как будто убийство сотрудника - это спорт, будто они такие же одноразовые, как сломанные инструменты.

Указав подбородком в сторону Ката, я прорычала:

- Но твой отец не останавливается на достигнутом. Почему ты думаешь, что ты в

безопасности, Дэниэль? Когда все указывает на то, что ты отвергнутый и не желанный?

- Почему ты... - Дэниэль схватил меня за волосы, вырывая из хватки отца. Свободной рукой он потянулся к поясу, где в кармане лежала грязная тряпка. - Я собираюсь заткнуть тебе рот раз и навсегда...

Кат дернул меня назад, снова зажав под мышкой.

- Я не знаю, что произошло между вами, пока меня не было, но перестаньте ссориться, как избалованные дети.

Сжимая меня, он прошептал:

- Ну же, Нила. Веди себя прилично, молчи, пока с тобой не заговорят, и ты сможешь посетить то, что не многие люди могут увидеть.

Кат сердито посмотрел на сына.

- Успокойся, бл*ть, и будь мужчиной, Баззерд. Нила права. В данный момент ты менее чем желанный. И если ты будешь продолжать в том же духе, я получу третий долг без тебя. Я не делюсь с неблагодарными.

Я содрогнулась от отвращения.

Мысль о том, что Кат прикоснется ко мне больше, чем сейчас, сжала мои внутренности, пока они не превратились в пепел.

Дэниэль побагровел от ярости, но сдержался.

Кат отпустил меня.

- Иди. Давайте посмотрим поближе. - Он поднял мои связанные руки, целуя костяшки пальцев, как будто это была совершенно нормальная ночь в совершенно нормальном отпуске. После своей вспышки он выглядел совершенно беззаботным. Счастливый...

Как ты можешь быть счастлив, ублюдок?

Я поклялась каждому сломленному дереву и искорёженной земле, что сотру самодовольную улыбку с его проклятого лица.

- Пойдём. - Кат шагнул вперед, таща меня за собой.

Мои балетки скользили по гальке, пока я старалась не отставать от него. Вертиго плясало у меня в голове, но я отказывалась поддаваться головокружению.

Я уже была в опасной ситуации. Я не позволю своему телу подвергать меня большей опасности.

У меня пересохло во рту, когда мы двинулись вперед по крошечной тропинке. Чем дальше мы углублялись, тем сильнее становилась клаустрофобия. Тропа была вырублена в горе, постоянно изгибаясь, с голой землей с одной стороны, влажной и затхлой, и крутым обрывом с другой, не давая второго шанса, если вы споткнетесь.

Страница 5

Простой карт не имел ничего общего с бронированным джипом, на котором мы приехали.

Как только Кат вернулся, он усадил меня в другую машину и отвез на рудник вместе с Дэниэлем и Маркизом. У меня не было часов, и мой телефон, по которому я скучала, как по потерянной конечности, остался в Великобритании, но я предположила, что поездка заняла около двадцати минут, прежде чем мы добрались до Алмасы Кипанга.

Я затаила дыхание, когда вдали замаячила стена размером с китайскую. Ворота были высоко подняты, по периметру проходили электрические провода, колючая проволока и

бесчисленные объявления на суахили и английском, предупреждающие о нанесении увечий и смерти, если работников поймают на краже.

- Садись, Нила. - Грубая рука Ката толкнула меня на заднее сиденье забрызганного грязью гольф-кара. Дэниэль сел рядом со мной, а Маркиз, как всегда молчаливый, занял переднее место рядом с Катом.

Чем дальше мы углублялись в пропасть, тем больше сиял от гордости Кат. Он смотрел на это место так, словно оно существовало благодаря ему. Как будто он был создателем, основателем и архитектором.

Но это был не он. Он не мог взять на себя ответственность за то, что было здесь с тех пор, как бродили динозавры. И не мог гордиться тем, что сотворила земля. Он ничего не сделал. Если уж на то пошло, он запятнал ценность алмазов и обагрил их кровью своих рабочих.

Когда мы спускались по извилистой дороге в чистилище, мы едва слышали жужжание кара сквозь хлюпанье грязи.

Повсюду толпились рабочие. Одни с ведрами на коромысле, другие за рулем экскаваторов и самосвалов, полных земли. Вооруженные охранники стояли на страже через каждые несколько метров, они были готовы стрелять за любое нарушение. В воздухе стоял запах истощенного рабства.

Дэниэль заметил, как я смотрю на одном человеке, который бросил кирку и ведро рядом с растущей башней инструментов.

- Ты удивишься, Уивер, куда люди запихивают бриллианты. Воображение может превратить человеческое тело в настоящий чемодан.

Я прикусила язык. Я не хотела говорить. Не потому, что Кат сказал мне не делать этого, а потому, что я больше не пыталась понять его. Джетро искупил свою вину, Кесу никогда ничего не нужно было исправлять, но Дэниэль...он был безнадежен.

Вопросы, которые мне разрешил задавать Кат, потеряли свою блестящую привлекательность. Но мне было все равно. Мне действительно было все равно.

- Нравится то, что ты видишь? - Спросил Кат, когда мы приблизились к зловещему входу в чрево ада. Мысль о том, чтобы войти в крошечную тьму склепа, высосала из меня все мужество.

Если не считать очевидной нищеты рабочих, сокровищница Ката выглядела как любая другая шахта - никаких алмазов, разбросанных по земле или сверкающих в больших бочках в африканской ночи. Во всяком случае, яма была пыльной, грязной...совершенно не впечатляла.

Я смотрела на него недоверчивым взглядом.

- Что я вижу? Что именно? Вашу любовь причинять людям боль или тот факт, что вы убиваете всякий раз, когда это приносит вам пользу?

- Осторожней. - Его золотые глаза светились угрозой. - В полукилометре под землей есть много мест, где можно спрятать тело и никогда не найти.

Я отвернулась, жалея, что я не могла воспользоваться руками, чтобы свернуть ему шею. Возможно, я избавлюсь от тебя там, внизу.

Моя толстовка не особо согревала меня, но зная, что моя вязальная спица находится в легкой досягаемости, я успокоилась.

Если бы я, конечно, была не связана.

Мои пальцы онемели от тугой веревки вокруг запястий.

Недосып и общая обстановка заставили мои нервы сдать.

- Угрозы. Всегда одни угрозы. Приходит время, Брайан, когда угрозы уже не пугают, а просто выставляют тебя дураком.

Кат втянул в себя воздух. Я не знала, было ли это от того, что я назвала его по имени, или от моего ответа, но его взгляд потемнел от похоти.

- Я угрожал, когда убивал Джетро или Кестрела? Это было решительное действие - вырезать опухоль до того, как она заразит хозяина.

- Нет, я называю это безумием, которое становится все более и более безудержным.

Его горло сжалось, когда он сглотнул. Он не сказал ни слова, пока вел гольф-кар к стоянке у отвесной каменной стены. Температура воздуха упала еще больше, когда тени заплясали вокруг входа в шахту. Впереди нас манило большое отверстие. На двери не было ни приветственных циновок, ни счастливых венков, только грубые деревянные рамы, хорошо вытопанная грязь и редкий свет, исчезающий в брюхе этого чудовищного зверя.

Кат вскочил со своего места и стащил меня с моего.

- Ты скоро поймешь, что я не верю в угрозы, Нила. Я верю в действие. И сегодня вечером, когда мы вернемся в лагерь, ты обнаружишь, что тоже жаждешь действий.

То, как он подчеркнул слово "жаждать", заставило мое сердце учащенно забиться. Что он имел в виду под этим?

- Не будем терять времени. - Отступив назад, Кат схватил меня за связанные руки, направляя к грубо сделанному входу. Дэниэль последовал за ним, довольный тем, что слушает и смотрит, а не перебивает.

В ту секунду, когда мы обменяли звездный свет на землю над нами, мое желание бежать усилилось. Деревянный каркас уступил место торчащим деревянным столбам, которые поддерживали жестяную конструкцию.

Открытые лампочки свисали с потолка, отбрасывая тени, пока мы шли по коридору вниз, вниз, вниз, а затем в ответвление, где располагалось большое пространство, похожее на пещеру.

Я моргнула, увидев множество прищепок для одежды и больших мусорных баков, на которых было написано, что в них содержалось: комбинезоны, ботинки, молотки, стамески и топоры.

Я вздрогнула, когда холодная сырость пропитала мою одежду.

Дэниэль шагнул вперед и схватил непромокаемую куртку. На его щеках появились ямочки, и он усмехнулся:

- Если бы только ты была милой. Я мог бы дать тебе куртку. Здесь становится холодно. - Схватив факел из другого бака, он пожал плечами. - Ну что ж, думаю, ты замерзнешь, и мне придется очень постараться, чтобы согреть тебя, когда мы вернемся.

Кат отпустил меня, схватив свою куртку и накинув ее на плечи. Он просто улыбнулся и не стал менять решение своего младшенького не давать мне лишнего тепла.

Так тому и быть.

Я стиснула зубы, напрягая мышцы, чтобы скрыть дрожь.

Дэниэль похлопал меня по заднице, проходя мимо.

- Пойдем в счетную комнату, а потом спустимся ниже.

Ниже?

Дальше...вглубь земли?

Я...я...

Я сглотнула, подавляя панику, и сосредоточилась на другом слове, которого боялась.

Подсчет.

Счётная комната?

Как следы на кончиках пальцев?

Я посмотрела на свои связанные запястья. Пятна и грязь покрывали мой указательный палец, но под ними все еще оставались отметки Джетро.

Мое сердце сжалось, когда я вспомнила, как Джетро наклонился и аккуратно начертил на моей коже свои инициалы. Чернила не вечны: они уже поблекли от мытья рук, но мне нравилось иметь его метку там, в некотором смысле, это делало его бессмертным. Даже когда я думала, что он мертв, его подпись оставалась на моей коже.

Он придет за мной.

Я это знала. Но я также знала, что он не успеет вовремя.

Я тяжело вздохнула. Если я никогда больше его не увижу, то, по крайней мере, мы провели ночь в конюшне. По крайней мере, мне удалось увидеть его в последний раз.

- Хороший план. - Кат взял меня за руку и потащил глубже в шахту. Еще больше каров и тележек, даже старый джип стоял на подземной дорожке. Я не ожидала такого огромного размера. Шахта была похожа на невидимый город, полный транспорта, жителей и ежедневных пассажиров, направляющихся в свои офисы.

Свет от ламп, натянутых под потолком, делал все возможное, чтобы отогнать мрак, но приторная чернота пронизывала мою кожу и одежду. Невозможно было избавиться от зловонья сырой земли, как и от скрытого страха, что в любой момент мир может рухнуть и я буду похоронена навсегда.

Мурашки побежали по моим рукам, когда мы вошли в другую маленькую пещеру, где на многочисленных столах были расставлены весы, пластиковые контейнеры и пакеты на молнии. Эта комната была ярко освещена, будто у нее было свое собственное солнце.

- Здесь каждый рабочий должен оставить свой улов в конце смены. - Кат махнул рукой в сторону комнаты. - Алмазы промываются, взвешиваются, измеряются и обрабатываются лазером перед сортировкой для отправки.

Мои глаза расширились от того, как охотно Кат делился со мной информацией. Я знала, что Кат не собирался позволять мне делиться с другими тем, что я узнала, но я никак не могла привыкнуть к тому, насколько он был открыт.

Я нахмурилась, вспомнив, что он заставил меня пообещать во время игры в кости в Хоуксридже. Он потребовал, чтобы я сохранила долг для него в обмен на то, чем он поделится со мной.

Чего он от меня ожидал? И почему он был так уверен, что я подчинюсь теперь, когда Вона здесь нет, чтобы пытаться?

Отбросив эти мысли, я сосредоточилась на уже обработанных пакетах с застежкой-молнией. Если он хочет поделиться подробностями своего семейного предприятия, кто я такая, чтобы его останавливать?

Знание - это сила.

За несколько вопросов я узнала о Дэниэле больше, чем за полгода.

Я могла бы сделать то же самое с Катом.

Мой голос эхом прокатился по пещере.

- А как вы вывозите камни из страны?

Дэниэль нежно погладил пакет.

- О, у нас есть несколько способов.

Кат подошел к столу и вытащил из кучи грязи тусклый камень.

- Мы пользуемся частными самолетами и подкупаем авиадиспетчеров. Мы используем транспортные контейнеры и проносим контрабанду в каюту капитана. В других случаях мы используем грузовики и расплачиваемся с чиновниками на границе. Иногда мы подкупаем нескольких доверенных лиц из Красного Креста, которые прячут камни в медикаменты. Нет конца возможностям, если вы начинаете искать доступные пути. Каждый вариант помогает нам экспортировать кровавые алмазы к границам, где нет смехотворных налогов и правил.

Мои губы скривились при упоминании Красного Креста. Как он мог использовать то, что должно было принести пользу нуждающимся, превращая их в мулов для чего-то, что причиняло боль?

- Это аморально.

Кат рассмеялся.

- Ты думаешь, это плохо? Глупая девочка, ты бы слышала, что делали мои предки. - Подойдя ближе, он провел по моей руке пыльными кончиками пальцев. - До того, как твоё время в Африке истечёт, ты узнаешь об одном таком методе. - Его глаза светились демонами. - И тогда ты сможешь решить, что аморально.

Я вздрогнула, вырываясь из его объятий.

- Можешь оставить свои методы при себе. Я не хочу этого знать.

Дэниэль обнял меня сзади, прижимаясь бедрами к моей заднице.

- Ты получишь урок истории, как всегда, Уивер. Как только ты выплатишь третий долг сегодня вечером, тебе скажут, что ждет завтра.

Завтра.

Завтра.

Джетро...

Как далеко ты находишься?

В моей голове возник вопрос. Мне хотелось не обращать на это внимания. Наверное, спрашивать было неразумно.

- Зачем тянуть? Почему бы не покончить с этим?

Кат усмехнулся.

- Жаждешь изнасилования, моя дорогая?

Я сжала руки в кулаки.

- Прекрати эти мучения. Я все поняла. Ты богат. У тебя есть сила. Я живу с тобой уже несколько месяцев. Я это уже знаю.

Кат заправили пальцами короткие волосы мне за ухо, перебирая пряди, которые он позволил Дэниэлю отрезать.

- Это метод пытки, Нила. Точно так же, как уроки истории сообщают тебе о твоей кончине, задержка добавляет ценности тому, что произойдет. - Убрав пальцы от моих волос, он схватил меня за бедра, вырывая из объятий Дэниэля в свои собственные.

Каков отец, таков и сын.

Я ненавидела то, что их эрекции прижимались ко мне.

Мое сердце сжалось, к горлу подступила тошнота. Я спала с Джетро по доброй воле. Кестрел помог мне, потому что он был порядочным. Но если я не найду способ предотвратить свое будущее, я близко познакомлюсь с Дэниэлем и Катом.

Четыре человека.

Четыре Хоук.

Одна Уивер.

Мой желудок сжался, угрожая выплеснуть пустоту внутри меня.

- Отпусти меня...

- Нет. - Кат схватил меня за затылок.

Прежде чем я успела отпрянуть, его губы коснулись моих.

Стоп!

Он уже целовал меня раньше. Облизывал меня. Прикасался ко мне. Но это был первый раз, когда он ослабил свою бдительность и полностью отдал мне часть себя. Его язык скользнул по моим плотно сжатым губам. Его козлиная бородка колола мой нежный подбородок. Его грубая кожа намекала на его возраст. И его нетерпение заставить меня ответить разрушило его приличия.

Его ноздри обдували обжигающим воздухом мои щеки, когда он пытался заставить меня поцеловать его в ответ.

Я стояла неподвижно. Я не открывала рот. Я не сдвинулась с места. Возможно, он и мог бы затянуть мое преследование, но у него не было силы заставить меня бояться его.

Его поцелуй внезапно сменился с дикого на сладкий и нежный.

На одну крохотную секунду он перестал быть чудовищем. Он проецировал фантазию, что он действительно заботился обо мне. Что где-то глубоко в его гниющей груди бьется сердце, которое не было чистым злом.

Но это была ложь. Ужасная, ужасная ложь.

Он самый худший из них.

Оторвавшись от его губ, я плюнула ему под ноги.

- Никогда больше так не делай.

Он усмехнулся.

- О, я сделаю больше, чем это, Нила. – Обняв меня за талию, он улыбнулся. - На вкус ты точь-в-точь как твоя мать.

- Ты просто свинья.

- Это твоё заблуждение. Я с превеликим удовольствием покажу тебе обратное.

Он зашептал мне в волосы:

- Сегодня вечером ты будешь хотеть меня так же сильно, как и она. Даю тебе честное слово.

- Ни за что на свете я не захочу тебя, ублюдох.

Снова усмехнувшись, он отпустил меня.

- Посмотрим.

Щелкнув пальцами, он направился к выходу.

- Пойдем, я хочу, чтобы ты увидела то, что видела твоя мать накануне своего последнего задания. Я хочу, чтобы ты знала, как ничтожна человеческая жизнь, особенно жизнь Уивер, по сравнению со всем, что у нас есть.

Дэниэль схватил меня за локоть и вывел из комнаты.

- Я предлагаю тебе насладиться экскурсией, Нила, потому что, как только она закончится, здесь должен быть соблюден определенный протокол. Нужно успокоить местных духов.

Я нырнула под покрытую плесенью балку.

- Что ты имеешь в виду?

- Он имеет в виду, что ты сегодня больше, чем просто наш спальный компаньон. Ты - наша жертва.

Я ахнула.

Что?

Положив мою руку на сгиб своего локтя, Дэниэль повел меня к зияющей черной дыре и неизвестному миру за ней.

- А теперь давай посмотримся, ладно? Пора заглянуть под землю ... пора увидеть, где рождаются алмазы.

Барабанная дробь.

Биение сердца.

Удары крыльев.

Все это слилось воедино, когда Кат вывел меня из джипа и повел обратно в лагерь. Мои кости ныли от сырости шахты. Моя одежда была пропитана ледяной влагой. И мой разум не мог избавиться от туннеля тьмы, где были найдены дорогие камни.

Как долго мы были под землей? Два часа? Три?

В любом случае, я достаточно насмотрелась на родину алмазов и никогда не хотела возвращаться. Я не могла унять дрожь, даже когда оттаивала под открытым небом. Свежий воздух питал мои легкие.

Кат с большим удовольствием показывал мне катакомбы, где был обнаружен первый пласт, а затем места, где рабочие вытаскивали алмазы из почвы. Он доставил меня на лифте с проволочной сеткой в самую дальнюю точку шахты. Он показывал мне подземные реки, белоснежные кресты на стенах, где обвалы уносили жизни, и даже скелеты крыс и паразитов, которые по глупости решили копать рядом с рабочими.

Весь этот опыт убедил меня в том, что я люблю свое призвание еще больше. Материал не мог убить меня. Велюр и ситец не могли меня задушить.

Я больше никогда не хотела приближаться к шахте.

Тем не менее, я не могла перестать теребить своё ожерелье, считая, сколько камней в нём было. Я ожидала, что чем дольше я пробуду в Алмаси Кипанга, тем тяжелее будут алмазы. Во всяком случае, ожерелье стало светлее. Как будто бриллианты были смешанного качества. Половина из них хотела вернуться в свои пыльные постели, а другие были счастливы оказаться на солнце, а не в вечной темноте - несмотря на кровопролития, свидетелями которых они стали.

Кат улыбнулся.

- Время для следующей части экскурсии.

Какофония барабанного боя вырвала меня из моих мыслей. Кат провёл меня через лагерь, загороженный забором.

Барабанная дробь и пение вели нас к центральному очагу.

- Что за ... - мой рот открылся, когда мы обогнули тропинку, входя в другое измерение. Я чувствовала себя так, словно путешествовала во времени - отброшенная на несколько десятилетий назад, где африканские племена все еще владели землей, и их жизнь была связана с музыкой, а не с драгоценными камнями.

Удары кулаков по барабанам из шкур животных отдавались эхом в моем теле, заглушая

мои нервы от того, что должно было произойти. Воздух дрожал от гортанных мелодий и варварских голосов.

Я никогда не видела такой культурной фиесты. Никогда еще меня не соблазняло отправиться в такое безжалостное и опасное место. Но при виде живости и волшебства группы темнокожих танцоров у меня на глаза навернулись слезы.

Там было так много всего, чего я не видела. Так много я не сделала, не испытала и не позволила себе.

Я была слишком молода, чтобы умереть. Слишком свежа, чтобы покинуть мир, предлагающий так много разнообразия.

Это.

Я хочу большего.

Жить...

- Твоей матери это тоже понравилось. - пробормотал Кат, и на его лице заплясали отблески пламени костра. Обнаженные до пояса женщины танцевали вокруг потрескивающего огня, их юбки из льна и перьев создавали трафареты на палатках и зданиях. Мужчины носили набедренные повязки, отбивая опьяняющий ритм на барабанах.

- Это то, что ты имел в виду, когда говорил, что нужно успокоить духов?

Кат кивнул.

- Каждый раз, когда мы возвращаемся в Алмаци Кипанга, наши работники приветствуют нас дома.

- Но почему? Они должны ненавидеть работу на таких монстров, как ты. Ты обращаешься с ними, как с крысами, живущими в шахте.

Кат ухмыльнулся, смягченный племенным зрелищем.

- Для них мы - их хозяева. Их Бог. Мы кормим их, одеваем, защищаем от диких животных и стихий. Их семьи выросли вместе с моей семьей. Как бы ты меня ни ненавидела, Нила, без нашей промышленности эти люди остались бы без крова.

Я в это не верила. Люди нашли бы выход. Они нашли бы лучшую жизнь, чем рабство для человека, который этого не заслуживает.

Дэниэль похлопал отца по спине.

- Пойду что-нибудь выпью. Сделай остаток ночи особенным. - Подмигнув мне, он растворился в толпе рабочих и охранников.

Страница 6

Я должна была бы радоваться, что он ушел. Мне нужно было сосредоточиться только на Кате. Но так или иначе, слова Ката о том, что я буду жаждать его и наслаждаться тем, что он сделает со мной, наполняли мои легкие ужасом.

Кат подтолкнул меня вперед, касаясь нижней части позвоночника.

- Пойдем. Пора тебе сыграть свою роль в сегодняшнем празднестве.

Я упёрлась пятками в землю.

- Свою роль?

- Я же говорил тебе. - Его взгляд сверкнул. - Ты и есть жертва.

- Нет. Ничего подобного.

Я была жертвой своего отца. В ту ночь в Милане Текс без всякой суеты отдал меня Джетро. Я устала от всего этого.

- У тебя нет выбора, Нила. - Кат подтащил меня поближе к огню, несмотря на мое сопротивление.

Нервозность взорвалась в такт племенному барабану, когда он провел меня через танцующую толпу и толкнул на циновку у костра. Мои запястья горели от веревки, болели и ныли.

Все время, пока мы были в шахте, он не отпускал меня. Что он думал я могу сделать? Схватить кирку и отрубить ему голову? Убежать и спрятаться в безопасном месте?

Текстура плетеной циновки под моими пальцами ног говорила мне, что это племя тоже было ткачами. Требовалось большое мастерство, чтобы создавать предметы из растений, а не из ткани или шелка.

Кат сидел рядом со мной на возвышении, украшенном страусовыми перьями и львиной шкурой. Он не смотрел на меня, просто сжимал в кулаке веревку, привязывающую меня, и улыбался, пока женщины танцевали сильнее, быстрее, безумнее.

Я не хотела отвлекаться. Я не хотела поддаваться чарам волшебной музыки и чувственного покачивания, но чем дольше мы сидели там, тем больше я была очарована. Я видела эту культуру только в документальных фильмах и на телевидении. Я ездила в Азию с Ви и Тексом собирать бриллианты и ткани, но никогда не была на этом континенте.

Мои горизонты были так малы по сравнению с тем, что мог предложить мир.

Сидя у ног моего убийцы, наблюдая, как его сотрудники танцуют и приветствуют меня, я поняла, как многого мне не хватает в жизни. Я позволила работе диктовать мне и лишила себя жизни.

Если бы только Джетро был здесь.

Его красивое лицо всплыло в моей памяти. Мне захотелось провести пальцами по его щеке, покрытой щетиной. Мне хотелось поцеловать его густые черные ресницы. Мне хотелось поцеловать его, простить, притвориться, что мир стал лучше.

Чем больше музыка проникала в меня, тем сильнее реагировало мое тело. Чувственная потребность сменила влажную панику шахты, заставляя мои соски болеть при мысли о прикосновении Джетро.

Мое тело стало извиваться и возбуждаться, проклиная расстояние между нами и обстоятельства, в которых я находилась.

У меня защипало глаза, когда дым от костра окутал нас клубами. Ритмичные шаги и заразительная свобода мелодии медленно вытеснили мою кровь.

В этом танце было что-то эротическое. Что-то, что говорило о связи, похоти, любви и вечной близости. Язык тела вытеснил разговорные языки.

Мое сердце трепетало от любовной тоски. Я скучала по нему. Я хотела его. Мне нужно было увидеть его в последний раз и сказать, как много он для меня значит.

Я люблю тебя, Джетро ... Кайт.

Кат не солгал, когда сказал, что суеверия надо признавать. В течение трех песен местное племя приветствовало своего хозяина подарками ручной работы из бисера и керамики, доставляло еду из жареного мяса и фруктов и танцевало многочисленные номера.

В какой-то момент церемонии женщина с обнаженной грудью и белой краской, размазанной по горлу и груди, благоговейно надела цветочную повязку на голову Ката.

Он кивнул с важностью и грацией, снисходительно улыбаясь, когда женщина снова слилась со своим соплеменником.

Мою кожу покалывало, шестое чувство говорило, что за мной наблюдают.

Щурясь от яркого и жгучего огня, я искала взгляд хозяина.

Беззерд.

Дэниэль притаился на краю костра, его глаза смотрели не на полуобнаженных женщин, а на меня. Его губы приоткрылись, взгляд раздевал меня, насилдовал издалека. В руке он держал грубо сколоченную чашку, без сомнения, с ликером.

Одна песня превратилась в Мекку душевного спасения. Молодая девушка отделилась от танцующих женщин, двигаясь вперед с маленькой чашей и лезвием.

Я втянула воздух, когда она посмотрела на Ката и указала на меня ножом.

Нож?

Какого черта у нее нож?

Кат кивнул, дергая меня за поводок. Я пыталась бороться с ним, но это было бесполезно. Без всяких усилий он заставил меня показать свои связанные руки.

У меня перехватило дыхание, когда девушка склонилась у моих ног, поставив чашу на землю. Развернув мои ладони, она поцеловала каждый палец, бормоча заклинание, от которого у меня по спине побежали мурашки.

Я попыталась вырваться, но Кат держал меня крепко.

- Подожди...

Девушка сверкнула клинком.

Я стиснула зубы.

- Нет...

Прежде чем я успела остановить ее, она порезала мою ладонь и разместила кровоточащий порез над чашей.

Ой!

Жгучая боль мгновенно пронзила рану. Хлынула кровь, густо капая в чашу девушки.

- Зачем ты это сделала? - Мой голос граничил с гневом и любопытством. Моя рука умоляла сжать рану и защитить ее.

Девушка ничего не ответила: она просто подождала, пока в чаше не образовалась маленькая алая лужица, прежде чем отпустить меня.

Музыка превратилась в лихорадку, мужчины стучали в барабаны, женщины стучали каблуками. Маленькая девочка вернулась со своей кровавой добычей, танцуя и завывая на Луну, когда голоса поднялись в Древнем благозвучии.

Все мое тело было в огне.

Моя кровь быстро текла.

Моя кожа ярко вспыхивала.

Мой страх превратился в опьянение.

Я хотела присоединиться к ним. Стать такой же дикой.

Я забыла о своей ране. Я игнорировала своё затруднительное положение и будущую опасность.

В тот момент, когда девушка взяла мою кровь, я стала не просто изгоем в этой чужой стране, я стала одним из них.

Кат втянул в себя воздух, что-то странное и не совсем нежеланное пульсировало между нами. Он оторвал от меня взгляд, когда девушка закончила свой пируэт и с визгом уронила чашу в огонь, разбившуюся о горячие угли, шипя от горячей крови. Сильный запах наполнил воздух, когда танец превратился в безумный, поставленный шаманами, бросающими вызов гравитации.

Быть где-то, где жизнь не сводится к телевизору или работе - стрессу или обыденной нормальности - видеть, как люди веселятся, опьяняло меня больше, чем любой опыт.

Ночь ожила от пения и топота ног, и распутывающаяся сила внутри забурлила быстрее. Мне захотелось встать. Мне хотелось танцевать. Я хотела забыть, кто я такая, и отпустить всё.

Это был опыт всей моей жизни, и моя жизнь почти закончилась. Здесь была моя мать. Здесь была моя бабушка. Каждый предок каким-то образом оживал и существовал в пламени зачарованного огня.

Мы все шли одним путем...и потерпели неудачу. Предполагалось, что я буду последней из Уивер, но время больше не влияло на мои планы. Оно рвалось вперед, таща меня с трудом, подталкивая к концу, который я не знала, как остановить.

Передо мной появилась женщина. Кокосовые бусы и крокодильи зубы украшали ее шею, свисая между обнаженных грудей.

- Ты. Пить. - Сунув мне под подбородок грубо сколоченную миску, она поднесла молочную субстанцию к моим губам.

Я попятилась назад, качая головой.

- Нет, спасибо.

Кат потянул за веревку, его лицо светилось силой.

- Пей.

Я поджала губы.

- Ты должна. - Женщина попыталась еще раз.

Я отвернулась. Жидкость пахла вонью и гнилью.

- Ты выпьешь, Нила. - Набросившись, Кат сжал в кулаке мои волосы, удерживая голову на месте, пока женщина снова подносила миску к моему рту.

Я протестующе сморщила лицо. Илистая жидкость брызнула мне на губы.

Я не знала, что это было, но оно было сильным - потусторонний запах предупредил меня, что я не буду прежней, если проглочу его. Мне не понравятся результаты, если я сдамся.

Стойте! Пожалуйста, остановитесь.

Женщина попыталась еще раз, ударив меня по губам краем миски. Раздавленные листья и корни лежали на дне. Женщина выругалась на суахили, глядя на Ката, ища помощи.

- Она этого не сделает.

- Сделает. - Все еще держа меня за волосы, он протянул свободную руку и схватил мою кровоточащую ладонь. - Открой рот. - Со свирепостью он вонзил ноготь в свежую рану. Я изо всех сил старалась не пить, но его хватка была мучительной.

Жар и боль заставили меня открыть рот, и в горло хлынул глоток отвратительной жидкости.

Мои глаза наполнились слезами.

Меня затошнило.

Женщина удовлетворенно кивнула.

- Хорошо. - Она встала и скользнула обратно к своим товарищам по танцу.

Оставшись наедине, Кат обнял меня и поцеловал в щеку.

- Хорошая девочка. - Он высунул язык, слизывая капельку с моей нижней губы, как любовник делает со своей невестой. - Позволь ему преобразить тебя. Позволь ему завладеть тобой.

Я вздрогнула, борясь с его объятиями.

- Отпусти меня.

Кат усмехнулся и поцеловал меня в уголок рта.

- Не сопротивляйся этому. Ты не можешь с этим бороться.

- Я буду бороться, что бы ты со мной ни сделал. - Наши глаза встретились. Мое сердце ревело от ненависти.

Но потом...

Что-то смягчилось.

Что-то закипело.

Пробираясь на цыпочках сквозь мою кровь, крадя рациональность, здравомыслие и связность.

- Что...что ты дал м...мне? - Моя способность говорить на правильном диалекте пошатнулась, когда напиток быстрее сливался с моими мыслями.

Кат широко улыбнулся: его лицо искажалось, пока мое зрение то прояснялось, то искажалось.

- Подожди еще минутку. Ты увидишь, как бесполезно сражаться. - Его губы снова ласкали мои. Мягко, дразня, уговаривая меня отреагировать.

И на этот раз ... я не могла ненавидеть его.

Мое отвращение сменилось симпатией. Моя ненависть – мучительным приветствием.

Мое сердцебиение покинуло эпицентр моей груди, пронзая каждую конечность. Мои пальцы почувствовали это. Мои уши почувствовали это. Даже пряди моих волос стучали в такт.

Мне было жарко.

Мне было холодно.

Я была больна.

Я исцелилась.

Что происходит?

Порыв ветра, буря, муссон пронзили мое тело. Что бы ни дала мне эта женщина, оно разрушило мои отрицания и отвращение, превратив их во внезапное непреодолимое желание поцеловать его в ответ.

Боже, поцелуй. Такой деликатес. Язык, такой дар.

Поцелуй его.

Я вырвалась и сплюнула на льняную циновку.

- Нет!

Кат превратился в рябь пламени и звездного света.

- Я тебе не верю. - Его пальцы прошлись по моей коже. Мой рот говорил "нет", но мое тело говорило "Да".

Нет...этого не может быть...

Я застонала, борясь с веревками, погружаясь все глубже и глубже в то заклинание, которым он меня накормил.

Я не знала, что было в моём рту.

Я не знала, что пробиралось огненным потоком в мой живот.

Но я знала, что это было агрессивно, собственнически и убедительно.

Порочно.

Намного, намного сильнее, чем все, что у меня было раньше.

Я не могу с этим бороться.

Мой язык онемел, а за ним - горло и кожа. Моя киска пульсировала в ожидании освобождения. Мой разум жаждал связи. Я никогда не была так разочарована в себе и так раздражена тем, что не позволяла такой восхитительной потребности вырваться наружу.

Я разделилась на две части.

Я стала тем, кем не была.

Я стала существом без морали и человечности, просто животным, которое хочет трахаться.

Дрожь охватила меня, когда я боролась с ошеломляющим ощущением, чтобы отпустить. Чтобы поддаться магии. Быть унесенной рекой греха.

- Сделай это, Нила. Позволь ему забрать тебя. - Пальцы Ката были крошечными птичками на моем позвоночнике, перьями в моих волосах.

Я застонала, дрожа и желая.

- Пусть он победит, и сегодня не будет изнасилования. Сегодня вечером будет лучший, бл*ть, секс в твоей жизни.

Нет.

Да.

- Нет!

О, Боже мой.

Его слова были приглашением к моей гибели, маня ближе с каждым словом.

Мое сердцебиение стало сильнее, подавая наркотик в каждую часть меня.

- Вот так. Отпусти. Забудь о прошлом и будущем. Подумай о том, как хорошо будет чувствовать себя мой член. Как было бы восхитительно, если бы я трахнул тебя прямо здесь.

Бл*ть.

Секс.

Мой

Бог...

Я зажмурилась.

Его пальцы скользнули по моим волосам, пылая страстью и ужасом.

- Ты хочешь меня, Нила. Признай это.

Моя душа стала дикой, рыча от силы наркотика.

Огонь разгорелся ярче.

Звезды мерцали быстрее.

Танцоры закружились сильнее.

Мир крутился и вращался, быстро мчась, а затем замедляясь, когда галлюциноген играл с моими чувствами.

Я потеряла счет времени.

Я потеряла контроль над собой.

В голове у меня плыли картины темных, мокрых стен шахты. Мои руки сомкнулись и сжались, размазывая кровь по инициалам Джетро. Я не желала ничего больше, чем прикоснуться к себе и испытать оргазм.

Я хотела трахаться, любить и кончать.

Я была черно-белой картиной, загадкой, дрожащим противоречием.

Я оцепенела.

Я была жива.

Я была мертва.

Я переродилась.

Что со мной происходит?

Я покачала головой, борясь с напряжением, отказываясь поддаваться гипнозу секса, желания и музыки.

Но тут чьи-то руки схватили меня и подняли на ноги.

Смех Ката закружился вокруг меня. Команда танцевать поглотила меня.

Я попыталась ускользнуть. Головокружение заключило меня в свои ужасные объятия.

Я упала вперед. Меня поймали.

Я качнулась в сторону. Меня поддержали

Глаза Дэниэля. Глаза Ката. Смех. Опасные обещания. Похоть, жадность и боль.

Я не могла.

Я больше не могла с этим бороться.

Мое головокружение уравнилось. Мои вены запели от опьянения, и я потеряла все.

В кругу потных негритянок я избавилась от своих тревог, страхов, надежд. Я перестала быть Нилой. Я перестала быть жертвой.

Бриллианты на моем горле стали тяжелее и теплее, сжимая меня крепко и окутывая меня радугой от огня.

Я перестала тосковать по Джетро.

Я перестала бояться своего будущего.

Я шагнула в магию и начала танцевать.

Африка

Ведьмин час укутал континент, когда я пробежал через таможню и ворвался в зал прибытия. Аэропорт имени сэра Серетсе Кхама приветствовал меня, прежде чем выпустить в холодную ночь Габороне. Я не был в Ботсване уже два года, но мне казалось, что я никогда оттуда не уезжал.

Я избегал приезжать сюда. Я не мог справиться с эмоциональными потоками, исходящими от наших рабочих. Я ненавидел чувствовать их тяжкий труд и проблемы. Я ненавидел видеть секреты и то, насколько они несчастны.

В последний раз, когда я приезжал сюда, я сказал Кесу о том, что нужно сделать что-то с этим.

Он стал официальным посредником. За спиной Ката он часто путешествовал и наладил контакт с людьми, которые работали у нас на протяжении веков. В своем типичном стиле, помощью и великодушием, он улучшил условия жизни, дал им более высокую зарплату, более безопасное рабочее место и тайные бонусы за их тяжелое положение.

Он позаботился о том, чтобы рабы Ката превратились в добровольных работников, довольных своей работой.

Кат не знал.

Он так многого не знал.

Но опять же, то, что Кат не знал, не причиняло ему вреда. И это означало, что наше предприятие работало более гладко, потому что никакая злоба и нужда не могли подорвать его деятельность.

- Черт побери, где эти чертовы водители? - Я побежал к стоянке машин, ища любые признаки подъёма лифта.

Такси было мало в это время суток.

Я не спал уже несколько дней. Моя рана разошлась, и лихорадка неуклонно усиливалась. Но у меня не было времени. Мои чувства были отключены во время полёта, и это было все, что я мог сделать, чтобы остаться на ногах.

Но Нила была с моим отцом.

У Нилы оставалось мало времени.

Я уже иду.

Впереди показалась одинокая тень. Превратив свою пробежку в спринт, я стиснул зубы и направился к неряшливому африканцу. Его длинные волосы были заплетены в косу, а джинсы местами порваны.

Я указал на его грязную машину.

- Это твой полный привод?

Парень нахмурился, скрестив руки на груди. Его черные глаза оглядели меня с ног до головы, он напряг мускулы, готовый к драке.

В Африке нельзя подходить к незнакомцам, если у тебя нет оружия и ты не готов к бою. Человечество здесь не было столь цивилизованным из-за постоянных раздоров.

- А тебе какое дело, белый мальчик? - Его африканский акцент вызвал воспоминания о том, как в детстве он играл в грязи на нашей шахте. Копал рядом с рабочими и неохотно добывал алмазы из древних пород.

- Я заплачу тебе две тысячи фунтов, если ты отвезешь меня туда, куда мне нужно.

Его гнев немного померк, сменившись подозрительностью.

- А что, если я просто украду деньги и оставлю тебя мертвым на обочине дороги?

Я выпрямился во весь рост, хотя бок болел.

- Ты этого не сделаешь.

Мужчина расцепил руки, сжав кулаки.

- О, нет? А почему бы и нет?

- Потому что для того, чтобы получить деньги, ты должен отвезти меня. У меня нет денег с собой.

- Это афера?

- Никакой аферы.

Парень наклонился вперед, сузив глаза.

- Скажи мне, кто ты.

Я улыбнулся.

Мое имя имело вес в Англии, так же, как и здесь.

Однако здесь я был более чем наследником миллиардной компании. Я был не просто лордом, мастером игры в поло и вице-президентом "Black Diamonds".

Здесь я был жизнью.

Я был смертью.

Я был кровью, властью и королём.

- Я – Хоук.

И это было все, что требовалось.

Его негодование сменилось уважением. Он повернулся и открыл дверцу своего потрепанного 4WD, приветственно кланяясь.

- Для меня будет честью отвезти вас, босс. Я знаю, куда тебе нужно.

Конечно, он знал.

Все здесь знали о нашей шахте. Они знали, что она неприкосновенна. Они знали, что нельзя совершать набеги или грабить. Такого рода уважение имело большое значение в этой стране.

Я пожал ему руку в знак благодарности.

- Ты будешь вознагражден. Но мне нужно, чтобы ты ехал быстро.

Страница 7

- Не проблема. - Он широко улыбнулся. - Я знаю, как летают ястребы.

Я сжал руки, не в силах игнорировать тикающую бомбу замедленного действия в моей груди.

Нила.

- Делай все, что потребуется, но я хочу быть в Алмаси Кипанга до восхода солнца.

- Отпусти её.

Дэниэль ослабил хватку.

Я повернулась к ним лицом. Я не знала почему: я знала, что должно произойти, и должна была спрятаться. Спрятаться глубоко-глубоко внутри. Спрятаться от всего, что они могли бы сделать со мной.

Однако я предпочла смотреть на дьявола, чем идти вслепую. Я готова была сражаться и выиграть у Ката, который заставил меня выпить.

Я не позволю себе подчиниться.

Я вибрировала и пульсировала. Я все еще молила об освобождении.

Наркотики от костра бурлили в моих венах. Кат позволил мне танцевать. Он перерезал веревку вокруг моих запястий, сел у костра и стал наблюдать. Время от времени я улавливала его, зажимающего кулак между ног. Иногда мне казалось, что я вижу нежность на его лице.

С каждым шагом я все больше и больше поддавался наркотику. С каждым ударом барабана моя киска сжималась. Если бы Джетро прикоснулся ко мне, я бы упала на четвереньки и умоляла его трахнуть меня.

Меня бы не волновали ни люди, ни костёр, ни пристальные взгляды. Я бы полностью отдалась любой мыслимой и немыслимой фантазии, которую только могла вообразить.

Но его там не было.

И, погребенная под похоть и постыдной влажностью, я понимала достаточно, чтобы испытывать отвращение к своим желаниям. Я боролась с тем, чтобы не переступить через черту оставшейся у меня морали.

Чем больше я танцевала, тем больше огонь прогонял холод ночного неба, покрывая мою кожу потом.

Потливость и жара помогли.

Пот помог мне немного вырваться из когтей наркотика, возвращая меня от дикого животного к женщине, которую я смутно узнавала.

Я выиграла.

Против самой тяжелой битвы в моей жизни.

Но теперь все, что существовало - это желание и понимание того, что мне некуда бежать.

Не в этот раз.

Здесь нет Кестрела, чтобы притворяться. Нет Джетро, чтобы спасти меня.

Только Дэниэль, Кат и я в этой хлипкой тканевой палатке.

Снаружи стучали барабаны, редкие возгласы и заклинания растворялись в звездном небе. Я никогда не боролась с собой так сильно. Никогда не пыталась цепляться за правильное и неправильное, когда сталкивалась с надвигающейся гибелью и так чертовски сильно хотела сдаться.

Секс.

Они хотели секса.

И то, что они мне дали, заставило меня тоже хотеть этого. Ужасно плохо. Глупо.

Но я не могла.

Я не могла забыть. Я бы этого не забыла.

Мое тело словно расколосось на две части, дрожа, требуя, чтобы я сдалась.

Кат подошел ближе, обхватив мои щеки своими грубыми руками. Моя кожа пылала под его прикосновением, и я ненавидела, ненавидела, ненавидела себя за то, как я наклонилась ближе, сосредоточившись на его губах, жаре и запахе гари от огня.

Он тихо засмеялся, проведя большим пальцем по моей нижней губе.

Потребовалось все, абсолютно все, чтобы не открыться ему и не пососать палец.

- Ты все еще борешься, малышка Уивер. Я предлагаю тебе сдаться.

Никогда!

Я застонала, когда он поцеловал меня, призывая просто отпустить. Кат больше не играл по каким-то древним правилам, которые связывали его. Он играл в другую игру. Он казался моложе, мягче...и случайное сходство между ним и его старшим сыном вызывало в моем мозгу смятение, похожее на сильнейший приступ головокружения.

Он не Джетро.

Это не он!

Я могла отдаться музыке и танцевать. Я могла стать одним из клана, когда прыгала вокруг пылающего пламени. Но теперь я буду контролировать себя, даже если это будет означать игнорирование всего, что хочет мое тело, и то, что меня возьмут против моей воли.

Изнасилование уничтожит меня.

Но добровольно участвовать...я лучше тысячу раз умру от гильотины.

- Мне нужно вдаваться в подробности, Нила? - Кат провел носом по моей челюсти. - Ты знаешь, что случилось с нашим предком. Его трахали с часу ночи до часу пополудни, он был общим. Не было никаких правил относительно того, что можно делать с его телом. Его отдали в долг.

Я с трудом сглотнула.

Ужасная трагедия, постигшая его родственника, укрепила мою решимость.

Я отстранилась от его прикосновения.

- Нет, тебе не нужно. Я помню.

Джетро...

Боже, как бы я хотела, чтобы он был здесь.

Кес...

В прошлый раз он спас меня. Он оставался верным, честным и таким чертовски самоотверженным- я хотела его в тот момент.

Я хотела его сейчас.

Наркотики заставляли меня хотеть кого угодно, лишь бы получить удовольствие и положить конец непрекращающемуся стремлению к освобождению.

Я сжала руки в кулаки.

- Что бы ты мне ни дал - я не уступлю.

Мои глаза остекленели, когда Кат схватил свой член.

- Ты в этом уверена?

Первобытные животные желания взяли верх над моей человечностью. Я была больна. Мне было тошно хотеть этого убийцу. Человека, который убил мою мать. Человека, который убил моего любовника и его брата - его же сыновей.

- Нет!

Волна ясности помогла мне устоять.

- Убирайся отсюда! Убирайся! Я не буду наслаждаться этим. Что бы ты ни делал, я не буду этому радоваться. Ты хочешь, чтобы я отдалась добровольно? Ты хочешь, чтобы я любила тебя так же, как люблю твоего сына? Но я этого не сделаю, никогда не сделаю. Ты извращенный ублюдок, который не заслуживает ничего, кроме смерти!

В комнате повисла тишина после моей эмоциональной вспышки.

Дэниэль, посмеиваясь, провел рукой по лицу.

- О, бл*ть, Уивер. Ты это сделала.

Кат не произнес ни слова, но выражение удовольствия на его лице сменилось гневом. Набросившись на меня, он схватил меня за волосы и дернул назад.

- Любишь моего сына? Я думаю, ты хотела сказать "любила", моя дорогая. Он мертв.

Черт!

Я заставила себя смотреть на него с отчаянием, пряча правду глубоко внутри.

Взгляд Ката изучал меня в поисках лжи.

- Ты сильная, надо отдать тебе должное. Сильнее, чем твоя мать. Хочешь знать, как она умоляла меня трахнуть ее? Хочешь знать, какой дикой она была? Как она призналась, что любит меня и умрет счастливой после той ночи, которую мы провели вместе?

Вранье. Все лгут.

Мое сердце превратилось в мозоль, шрам, утолщающийся от его насмешек.

- Я тебе не верю. - Бриллианты на моем горле тяжело давили на гортань, когда Кат дернул меня сильнее.

- Ты думаешь, что будешь драться с нами, но ты этого не сделаешь, и в ту же минуту, как я прикоснусь пальцем к твоей мокрой киске, ты будешь кричать, требуя большего. — Он отпустил меня, и я попятилась назад.

Кат подошел к маленькому столику, на котором стоял графин с коньяком. Его белая рубашка облегалась худощавое тело. Она была почти прозрачной от пота после церемонии. Его кожа блестела от влаги, а глаза горели, когда он повернулся с налитой рюмкой в руке.

Если бы только он был болен. Если бы только он подхватил какую-нибудь болезнь и умер.

Он поднял кубок, произнося тост:

- За третий долг, Нила. - Сделав большой глоток и отшвырнув стакан, он двинулся

вперед. Сунув руку в карман, Кат вытащил монету в один фунт. - Орел или решка, Дэн.

Мое сердце бешено колотилось.

Мои груди покалывало.

Возбуждение боролось с моей ненавистью, побуждая меня склониться перед ложной эйфорией. Я не поддамся на уловки и не поддамся соблазну. Я буду стоять и сражаться.

Я убью тебя, Кат Хоук. Я убью тебя!

Дэниэль потер затылок.

- А, черт. Гмм ... орёл. Дай мне королеву.

Кат подбросил монету в воздух. Поймав её на лету, он хлопнул по тыльной стороне ладони и раскрыл. Его губы раздвинулись.

- Блять...

Дэниэль ударил кулаком в победном жесте.

- Бл*ть, да.

Бросившись вперёд, он обвил рукой мою талию. - Полагаю, это означает, что мы с тобой выиграли первый раунд, Нила. - Одержимость просочилась сквозь его поры.

- Нет!

У меня вырвался всхлип.

Указывая на откидную створку палатки, Дэниэль прорычал:

- Возвращайся, когда крики прекратятся, папа. Я позабочусь о том, чтобы оставить её для тебя в живых.

Все внутри меня увядало, как цветок осенью, умирало, умирало, умирало.

Кат провел рукой по лицу.

- Ублюдок.

Его золотистые глаза потемнели, но он неохотно зарычал:

- Прекрасно. - Бросившись к двери, он в последний раз оглянулся. - Скоро увидимся, Нила. Помни, что я сказал - как только я прикоснусь к тебе, ты будешь на коленях умолять меня трахнуть тебя. Не позволяй Дэниэлю забрать все. Прибереги немного своих сил для меня.

А потом он исчез.

Оставив меня наедине с безумным Хоуком, который заслуживал того, чтобы его растерзали и сожрали волки.

Оставайся сильной. Ты можешь это сделать.

Мои легкие перестали работать. Я хотела, чтобы земля разверзлась и поглотила меня.

- Готова повеселиться, шлюха-Уивер?

Я стиснула зубы, отказываясь смотреть на него.

Дэниэль подошел ближе, схватив меня за подбородок и подняв мои глаза к своим. Я ненавидела то, что его прикосновение было приятным. Что мое тело жаждало большего. Какие бы наркотики ни были в моем организме, они отнимали у меня силы, панику...я просто ждала, когда слабость поглотит меня.

- Не прикасайся ко мне. - Я попыталась высвободить лицо из его хватки, но он только сильнее сжал его.

- Ах, не стесняйтесь. Сейчас не время стесняться. Не тогда, когда я наконец увижу, что сделало моего брата таким гребаным идиотом из-за тебя.

Проводя рукой по моему декольте, он пробормотал:

- Мне не нравятся твои маленькие сиськи. Может быть, это твоя киска накачала его

наркотиками, а? - Оттолкнув меня назад, он рассмеялся. - Давай выясним. Ну что, пойдём?

Я вскрикнула, когда он толкнул меня к кровати.

Никаких мучений или игр. Никаких уроков истории или задержек.

Он хотел меня. Он получит меня. И тогда это сделает его отец. И я буду морально, физически, духовно сломлена.

Слезы хлынули изнутри, как шторм в море, разбиваясь о грудную клетку.

Не сдавайся.

Время ускорило, когда неуверенность вцепилась в мой мозг, отбрасывая меня в сторону. По моей коже побежали мурашки. Моя кровь вскипела от неуместной отвратительной похоти.

Находясь в этом месте, в этом ужасном чужом месте, я была заключена в тюрьму хуже, чем Хоуксридж.

Я была одна.

Даже мое тело было предателем, поскольку оно горело и таяло, игнорируя мои требования оставаться холодным и сражаться.

- Ложись на кровать, шлюха. - Бросив меня на матрас, Дэниэль захихикал. Алкоголь, который он выпил, застилал его глаза, делая его прикосновения небрежными и жестокими.

Я подпрыгнула на мягком покрывале, тряся головой, чтобы избавиться от дисбаланса. Палатка парировала и делала пируэты, отказываясь оставаться на одном месте.

Дэниэль бросился на меня сверху. Воздух вырвался из моего тела вместе с его тяжестью.

Мгновенно, во мне вспыхнул огонь.

- Слезь с меня!

- О, да. Кричи сколько хочешь. Это никого не волнует. - Его руки возились с поясом моих джинсов, рвали молнию.

- Нет! - Мой голос сорвался, когда крик разорвал мое горло.

- Бл*ть, это делает меня твердым. - Дэниэль лизнул меня в щеку, распространяя отвратительную слюну. - Я сделаю так, что ты предпочтешь меня моему отцу, можешь на это рассчитывать. - Его рука скользнула по моей грудной клетке, вцепившись в мою грудь.

Я извивалась, брыкалась, кричала и билась.

- Черт побери, ты просто дикая.

Я продолжала бороться.

- Остановись. Стой!

Дэниэль только рассмеялся.

- Утомляй себя. Будь чертовски хорошей гребаной сукой. - Он прижал меня плечами к матрасу. Его ноги легли поверх моих. - Я ждал этого дня несколько месяцев, малышка Уивер.

Его пальцы ущипнули мой сосок, и отвратительное удовольствие пронзило мой организм.

Вожделение.

Желание.

Удовольствие.

Нет.

Я могу выдержать бой. Я могу бороться за свою жизнь. Но я не могу справиться с борьбой со своим телом. Оно должно было быть на моей стороне. Моей. Не его.

Моей.

Всплеск силы смел действие наркотика, и я воспарила к жизни. Мое колено резко выпрямилось, столкнувшись с мягкими яйцами и твердым членом.

Дэниэль медленно рухнул, гортанный стон вырвался из его рта. Его кожа побелела от боли - пот выступил на лбу. Задыхаясь, он упал на бок, отпустив меня, держа своё драгоценное достоинство.

Извиваясь, я упала на колени и скатилась с кровати.

- Ненавижу тебя! Ненавижу!

Каким-то образом, Дэниэль поборол свою агонию, и бросился за мной, схватив за ноги.

Мы упали на пол палатки, ветки и обломки под брезентовой подкладкой кололи тело.

Дэниэль покраснел.

- Ты гребаная сука!

Он ударил кулаком мне в бок, выкачивая кислород из легких. Я извивалась и брыкалась, но алкоголь в его крови приглушал все, что мне удавалось на него обрушить.

Поднявшись на ноги, Дэниэль пнул меня в живот.

- Это за то, что причинила боль моему члену, сука.

Агония распространялась с быстротой молнии. Я застонала, тошнота окатила каждый дюйм. Я свернулась калачиком, держась за живот, проклиная его во всех религиях. Каким-то образом, несмотря на боль, мне удалось ударить ногой. Мои пальцы сомкнулись с его пятками, заставляя его упасть на колени.

Он хмыкнул, но это не помешало ему снова ударить меня по бедру.

- Нравится? Тебе нравится, когда я пинаю тебя, как сучку, которой ты и являешься?

Я застонала от боли, когда он перевернул меня на спину.

- Ты никуда не пойдешь, шлюха. Не в этот раз.

Палатка стала расплывчатой, потому что наркотики сделали все таким горячим. Мои мышцы ослабли от недостатка пищи. Я не смогу выиграть бой.

Ты можешь победить.

Я зарычала, целясь ему в нос.

Он отвел мою руку, как будто это был не больше, чем просто палец.

Я не могу.

Я попробовала еще раз, шлепнув его по щеке, соприкоснувшись с его горячей плотью.

Я могу!

Дэниэль зарычал, нащупывая ремень.

- Это последний раз, когда ты меня ударила. - Его голова наклонилась вперед, ударившись лбом о мой.

Взаимная боль пронзила мой череп, заставляя меня онеметь и потеряться. Я изо всех сил старалась отползти назад, пиная его ногами.

- Оставь меня в покое! - Каким-то образом я вырвалась из его гнилостных объятий, плача от мимолетного триумфа.

- Бл*ть! - Он схватил меня за лодыжку.

- Нет! - Моя кожа покалывала. Я застонала, когда еще один прилив жара вспыхнул в моём сердце. Каждый дюйм моего тела был набухшим и влажным от желания. Я никогда не хотела секса так сильно, но боролась изо всех сил, чтобы избежать его.

Ужасное противоречие забрало все до последней капли энергии.

Он дернул меня назад с болезненным смешком на губах.

- Уже устала?

- Никогда.

Да, очень даже да.

Слезы текли по моим щекам, хотя я не позволяла себе плакать. Мое тело хотело сохранить себя.

- Я убью тебя. Ты – ничтожество.

- Я - ничтожество? Я тебе, блядь, покажу ничтожество. - Выпрямившись, Дэниэль поднял кулак и ударил меня прямо в щеку.

Звезды.

Галактики.

Львы, тигры и медведи.

Я потеряла сознание.

Как надолго, я не знала. Я плыла в океане страданий, смутно ощущая, как холодный воздух облизывает мои бедра, потом ягодицы, бедра, пальцы ног.

Ясность сознания вернулась, когда мерзкое ощущение его пальцев на моей киске заставило меня проснуться.

Я пришла в себя с разорванными джинсами и спущенными до колен трусиками.

Комната закружилась, когда мою скулу свело от боли.

- Нет...

- Да. - Дэниэль усмехнулся. - Я собираюсь показать тебе наказание. Я преподам тебе урок, который ты никогда не забудешь.

Звон пряжки ремня и звук молнии быстро привел меня в чувство.

Борись, Нила.

Время вышло.

Дэниэль изнасилует меня на полу палатки посреди их алмазной империи. Я была одна. Если я не выиграю, то Кат возьмет меня следующим, и я буду жаждать того дня, когда заплачу последний долг, поскольку не смогу жить с собой.

Пожалуйста...

Рыдания хотели взять верх над борьбой. Я истратила все, что у меня было.

Как я могу победить, когда у меня ничего не осталось?

Дэниэль пошевелился, стягивая брюки, освобождая свой красный член.

- Мы в гребаной Африке. - Дэниэль тяжело дышал, от него разило спиртным. - Знаешь, что происходит в Африке?

Я ничего не ответила. Мне никогда не нравились его ответы. Я ненавидела его ответы. Вместо этого я извивалась, пытаюсь освободиться.

С меня хватит.

Все было кончено.

Это еще не конец!

Воспоминания об измененной одежде и вшитом оружии нахлынули на меня. Как я могла забыть?

Я напрягла зрение, бегло осматривая палатку.

Мои джинсы.

Они лежали на расстоянии вытянутой руки. В штанине я спрятала скальпель.

Скальпель!

Мое сердце подпрыгнуло в груди от радости. Скрытый клинок будет моим стражем. Мой спаситель. Кряхтя, я вытянула руку, пальцами нащупывая джинсовую ткань.

Дэниэля не волновала моя попытка схватить брошенную одежду. Его пальцы вцепились в мой воротник, трясая меня от отчаяния.

- Знаешь, было бы гораздо веселее, если бы ты подыграла мне. Ответь мне. Что происходит в Африке, Уивер?

Мой рот наполнился слюной. Я потянулась сильнее.

Я не могу дотянуться.

- Бл*ть, ответь мне!

- Я тебе отвечу. - Повернув голову, я плюнула ему в демоническое лицо. - Заткнись! Это делает тебя счастливым, придурок?

Его лицо исказилось, но он не отодвинулся.

- Это последняя гребаная капля. Ты зашла слишком далеко. Я собираюсь сделать то, о чем мечтал несколько месяцев. - Его дыхание стало прерывистым. - Я собираюсь нарушить свое обещание.

Мое сердце остановилось.

Что?

Я разрывалась между желанием дотянуться до джинсов и вниманием.

Хватай их. Пока не стало слишком поздно.

- Я обещал Кату, что оставлю тебя в живых ради него. Но после этого... - он холодно усмехнулся, и его глаза потемнели до золотистой черноты. - После такого вопиющего пренебрежения я вые*у тебя до смерти, слышишь? Я заставлю тебя кричать и плакать, умолять и молить о гребаной смерти.

Он улыбнулся, показав идеальные зубы, которые могли дать только детские брекеты.

- Встань на колени, сука.

Страница 8

Прежде чем я успела ответить, он крепче ухватил меня за ожерелье. Толстая филигрань и непроницаемые бриллианты были идеальным лассо, чтобы поднять меня и перевернуть.

- Нет!

Мои джинсы больше не были на расстоянии вытянутой руки.

Как только я оказалась на коленях, Дэниэль раздвинул мои ноги и схватил меня за бедра.

- Черт, да.

Я закричала, когда он впился ногтями в мою кожу так сильно, что потекла кровь.

Я оставила попытки позвать на помощь. Я оставила попытки остаться человеком. Наркотики гудели в моей крови, терзая меня ужасом и желанием. Но это было уже не желание секса или удовольствия. О, нет. Это было желание убийства. Вырвать его внутренности и засунуть их в кровоточащий рот. Отрезать его член и предъявить его Кату, как мой трофей.

Это желание было моим уничтожением.

Ясность наполнила каждую клетку, даже когда Дэниэль дернул меня назад и сжал свой член кулаком, чтобы войти внутрь. Чистота и точность замедлили мое дыхание. Уверенность и мужество остановили мои дрожащие руки. И умелая сила направила мои пальцы к подолу толстовки.

Я и забыла.

Но теперь я вспомнила.

Спица.

Единственное оружие, которое я гладила и ласкала с тех пор, как покинула Хоуксридж.

Мне не нужен был скальпель. У меня было кое-что получше.

Одно металлическое копьё в тридцать пять сантиметров.

Закрыв глаза, я вызвала в воображении все, что любила, всех, каждую причину, почему я выживу, а Дэниэль - нет.

Джетро.

Вон.

Мой отец.

Я выживу ради них.

Чего бы это ни стоило.

Я отдамся жажде крови.

Я сделаю то, для чего была рождена.

Я выполню свое обещание, данное моим предкам.

Мои ногти превратились в лезвия, когда я разрывала свободный шов и вытаскивала свое любимое оружие. Моя жизнь может закончиться. Возможно, я буду одна. Но я не умру, не взяв с собой Хоука.

Дэниэль хмыкнул, собираясь изнасиловать меня.

Моя кожа похолодела. Мое сердце успокоилось. И я сжала в кулаке вязальную спицу.

- Ты готова к этому, Уивер? Готова быть трахнутой?

Я не ответила, когда его колени коснулись моей спины.

Я не двигалась, когда его бедра прижались к моим.

Я даже не вздрогнула, когда кончик его члена вошел в меня.

Я ждала.

Я охотилась.

Я проглотила слезы и страхи.

Еще один дюйм внутри меня.

Его сознание померкло, полностью сосредоточившись на сексе.

Слабее ... слабее...

И все же я ждала.

Еще один сантиметр члена моего врага внутри меня.

Я сделала паузу в самый подходящий момент.

Сейчас.

Я бросилась в атаку.

Ярость поглотила все.

Я не боялась последствий.

Я не боялась получить травму или умереть.

Все, о чем я заботилась - это покончить с этим чудовищем до того, как он заберет мою душу.

- Да пошёл ты! – Я бросилась в сторону, его член выскользнул, и хватка Дэниэля ослабла. Я врезалась плечом в землю, стуча зубами, когда перевернулась на спину под ним.

Мгновение я упивалась последним образом Дэниэля, который у меня был. Он стоял на коленях, его член был набухшим и голодным, его лицо было злым и удивленным. Простой человек превратился в презренное существо. Он больше не был человеком. Просто ошибка.

Нежеланный.

Я сделаю миру одолжение.

Я сделаю единственное, что могу сделать.

- До свидания, Дэниэль.

Сев прямо, я обняла его за плечи, выстраивая свою траекторию для идеальной цели. Я обхватила пальцами иглу и прижалась лицом к его горлу. Взрыв энергии. Я оскалила зубы и укусила его за шею, когда моя рука взмыла вверх, все быстрее и быстрее, ведомая божеством, летя с призраками моей семьи, летя с точностью судьбы, и пронзила моего смертельного врага.

Острая вязальная спица скользила так же легко и чисто, как нож скользит по дороговому бифштексу. Все выше и выше, пронзая грудную клетку, прорезая легкое и, наконец... наконец, пробивая сердце.

Время остановилось.

Мир перестал вращаться.

Дэниэль превратился из разъяренного животного в потрясенную марионетку.

Его глаза широко раскрылись, когда с губ сорвался самый тихий крик. Его взгляд встретился с моим. Его рука метнулась туда, где вязальная спица вонзилась ему в бок. Он больше не был моим противником, а был просто ниткой, приветствующей мою иглу, готовой превратиться в шедевр швеи.

А потом он упал.

Он падал, падал, падал на бок.

На меня нахлынуло головокружение, когда смерть пронеслась над Алмаси Кипангой и ворвалась в палатку. Мое запястье подвернулось, когда я упала вместе с ним, не выпуская иглу. Я перекатилась, оседлав его, вонзая оружие еще глубже в его сердце. Я чуть не потеряла хватку, когда он дернулся и покачнулся, но я не отпустила его. Используя две руки, я нажала вниз. Сильнее. Сильнее.

Умри, Дэниэль. Умри.

Я размышляла на тем, как отнять жизнь, пока жила в Хоуксбридже. Я читала статьи, смотрела примеры, планировала идеальное убийство. Прокол сердца не гарантировал смерти.

Я не собиралась позволить Дэниэлю выжить.

Сцепив колени по обе стороны от его груди, я вырвала иглу.

Мучительный стон вырвался из его груди, когда из дыры потекла кровь.

Оцепенение Дэниэля прошло. Его руки потянулись к моему горлу, его пальцы дрожали и ослабли, когда его кровяное давление упало из-за крови, хлынувшей из отверстия в его груди. Чем дальше сердце истекало кровью, тем больше кислорода требовалось его мозгу. У него было всего несколько секунд до того, как машина его тела отключится.

Он замахал руками. Он ударил меня ладонью по щеке, отчаянно пытаюсь причинить боль.

Хлынули слезы, и мне стало больно, но я не шевельнулась. У меня не было бы сил бороться с ним, если бы его тело не стало предателем, отравив его изнутри. Но сейчас у меня была вся власть в мире.

- Ты гребаная... - он закашлялся, его пальцы скользнули в попытке обвить вокруг моей шеи, вместо этого схватив меня за ожерелье. Алмазы защищали меня от удушения, когда я выгнула руку и приготовилась нанести последний удар.

- Умри.

Игла сверкнула алой каплей, пронеслась по воздуху и снова поцеловала его кожу. Зловеще острый наконечник с хрустом пробил себе путь сквозь плоть и жир, направляясь к самому важному органу.

Дэниэль взвыл, его тело дёрнулось, лицо напряглось. Он бил меня, бил, пытался сбить с ног. Но у меня был якорь - игла. Я держалась, давя изо всех сил, загоняя острие внутрь.

- Ты не остановишь меня.

Он взревел, когда кончик иглы скользнул глубже, глубже, мимо хрящей и костей, пронзая мою жертву дюйм за дюймом. Он дергался и брыкался, его пальцы не могли сжиматься, когда его нервная система отключилась.

Влажное хлопанье моей иглы, проделывающей очередную дыру в его сердце, вызвало приступ тошноты, но я не дрогнула. Все искусные убийцы знали, что для того, чтобы результат был точным, нужно задействовать самоотверженность и желание.

Я была предана своему делу.

Я жаждала свободы.

Я покончу с этим.

Держа иглу за основание, я закрутила ее, как штопор.

- А! - Дэниэль дернулся. Его руки упали по бокам, хватаясь за иглу, но было уже слишком поздно. Адреналин еще несколько секунд поддерживал в нем жизнь, но всё уже было сделано.

Я отняла у него жизнь, но не с ужасом или сожалением, а без жалости и с полным принятием.

Жизнь за жизнь.

Он был у меня в долгу.

Вид его смерти леденил мою кровь, превращая меня в безжалостного палача. Его золотистые глаза встретились с моими, ища надежды и помощи. Его движения стали вялыми и скучными, как у сломанной пешки, которой уже никогда не жить.

- Как ты себя чувствуешь, Дэниэль? Каково это - знать, что ты проиграл? – Я ахнула, но нервы мои оставались спокойными. - Каково это - знать, что Уивер забрал твою душу?

У него не было возможности ответить. Его лицо застыло. Его дыхание было хриплым, его сердце остановилось, и в эти последние секунды перед тем, как его душа вырвалась на свободу, он зарычал со зловещей ненавистью.

А потом ... пустота.

В моей палатке уже не было двух человек, только один. Только я.

Только я.

Я убила его.

Словно вселенная радовалась тому, что одним чудовищем меньше дышит ее воздухом, я услышала рёв льва. Кровь Дэниэля медленно сочилась странной тонкой струйкой вокруг моей иглы, влажная и теплая, пачкая грудь, как пролитое вино.

Он дернулся.

Я обрадовалась.

Я убила своего первого Хоука.

Дэниэль...

...

мертв.

Сияние близящегося рассвета приветствовало меня в Алмаси Кипанга.

Я хорошо знал это место и приказал водителю ждать в километре от периметра. Он повиновался, потому что доверял имени моей семьи. И я доверял ему, потому что еще не заплатил. У меня не было никаких намерений, пока я не нашел Нилу и не взял ее в свои объятия.

Он был моим билетом на свободу, и я щедро вознагражу его за это.

Пробегая трусцой по высокой траве равнины, окружающей лагерь, я надеялся, что засохшая кровь с моего бока не привлечет нежелательных хищников. Я вступил в мир, где зубы и клыки были гораздо опаснее пули и пистолета.

Лагерь стоял, словно гигант посреди пустоты. Вооруженные охранники патрулировали линию забора, но я знал, что есть и другой путь, который позволит мне остаться незамеченным. Я использовал его, когда был молод, когда общение с большим количеством людей подавляло меня. Кес нашел его - незащищенный вход - любезно предоставив мне путь к бегству, чтобы обрести тишину и убежище.

Пригнувшись, я обошел главный вход и бросился в служебную зону и помещения для персонала. Стараясь ступать легко и дышать тихо, я потянул за расшатанную деревянную панель и проскользнул в уборную. Либо охранники так и не нашли слабого места периметра, либо они не собирались делать ремонт, вдыхая зловоние экскрементов.

Животные избегали запаха человеческих отходов, а люди, которые хотели бы ограбить нас, не подумали бы следовать за зловонием, чтобы найти путь внутрь.

В центре лагеря потрескивал дым от догорающего костра. Крепко спящие соплеменники и их семьи спали в шалашах, в то время как некоторые предпочитали видеть сны в стихии под звездами. Мои губы скривились, вспоминая церемонию, которая почти вывела меня из строя эмоционально.

Мне тогда было пятнадцать.

Я был невольным участником.

Но это не помешало им заставить меня проглотить наркотик, поглотить меня своим барабанным боем и пением.

Это стало хуже, чем обычно. Я никогда не чувствовал себя таким расстроенным и возбужденным, возбужденным от малейшего прикосновения, переполненным самыми примитивными эмоциями. Весь лагерь превратился в оргию, и я бежал далеко и быстро.

Я забаррикадировался на двадцать четыре часа, оставаясь в одиночестве вдаль от сексуально озабоченных людей. Но это не помешало мне ублажать себя или изливаться оргазмом за оргазмом на пыльных африканских равнинах.

Затаив дыхание, я обхватил рукой больной бок. Каждый удар сердца отдавался в ране, подчеркивая отсутствие отдыха и лихорадку. У меня не было бы сил сражаться сразу с несколькими мужчинами, если бы они проснулись.

Пробираясь на цыпочках между разбросанными спящими фигурами, я прикинул, где может быть Нила. Чем быстрее я смогу войти и выйти, тем выше наши шансы на выживание.

Но, по крайней мере, мы снова будем вместе, что бы ни случилось.

Одна женщина застонала и перевернулась во сне, обнимая чернокожего мужчину рядом с собой. Единственным благословением наркотика была безумная летаргия. После

охватившей их страсти и животных инстинктов, они будут лежать на холоде, пока жар африканского солнца не заставит их переместиться в помещение или не сожжёт.

Я плелся мимо палаток и грузовых контейнеров. Спальные помещения Ката располагались на противоположной стороне комплекса, с подветренной стороны и в отличном месте. Помещения Дэниэля располагались в четырех палатках от него, а рядом стояла гостевая.

Мой взгляд метнулся к а-образной палатке.

Свет.

Единственная палатка, в котором внутри горел свет, как пойманный светлячок в банке.

Несколько минут ушло на то, чтобы обойти по краю, шагая в тени, избегая открытых пространств. Я прислушался, не раздастся ли какой-нибудь шум. Я молил Бога, чтобы Нила не пострадала. И мне хотелось иметь пистолет, чтобы защитить ее.

В палатке послышался шум. Мягкий стук, за которым последовал женский стон.

Нила!

Я не мог больше ждать.

Эффект неожиданности был на моей стороне, но я надеялся, что праведность и судьба тоже будут на моей стороне.

Нырнув под входной навес, я ворвался внутрь.

Мое сердце остановилось.

У меня отвисла челюсть.

Этого не может быть.

- Нила...

Она вскинула голову. Она выглядела такой же дикой, как и животные этой страны. Она присела на корточки рядом с моим братом, ее руки были в крови, толстовка свисала с одного плеча, а ноги были обнажены. Синяки портили ее фарфоровую кожу, царапины и пятна намекали на драку, которую я не успел предотвратить.

Она дернулась в сторону, размахивая длинным красным оружием.

- Не надо ... - ее глаза сфокусировались, а затем любовь хлынула из нее. - Джетро? Это не может быть... не может быть правдой.

Я поплелся к ней, переводя взгляд с полуобнаженной женщины на мертвого брата. Его член все еще был твердым, лёжа на животе. У меня по коже побежали мурашки, а сердце перестало биться.

- Как...как это случилось?

Ее кожа была белой, как молоко, тело дрожало от адреналина. Мои глаза скользнули к ее обнаженной киске, и ярость закипела во мне.

- Он тебя изнасиловал? - Мои руки сжались, когда я стоял над трупом брата. - Этот ублюдок дотронулся до тебя?

Она покачала головой, бросила оружие и вытерла окровавленные руки о толстовку. Ее глаза вспыхнули, скрывая правду, которую она не хотела, чтобы я видел.

- Нет. – Она встала и прижалась ко мне своим телом.

Мои руки автоматически обвились вокруг нее, защищая ее, хотя я умолял ее быть честной со мной.

Он прикоснулся к ней.

Это гребаное животное коснулось того, что ему не принадлежало.

Мои объятия превратились в кандалы, и я в отчаянии опустил голову. Вдыхая мягкость

ее запаха и резкость пролитой крови, я дрожал от ярости.

Нила позволила мне обнять ее, и ее руки ответили мне яростным объятием.

Прости.

Мне так чертовски жаль.

Эмоции переполняли её. Она убила его, но не понимала, что будет означать его смерть.

Я обнял ее крепче.

Я здесь.

Ее голос прошептал мне в рубашку:

- Он не насиловал меня, Джетро. Я клянусь. Мне жаль... жаль... очень жаль.

Лгунья.

Я понимаю, почему она солгала. Даже сейчас, несмотря на смерть на руках и страх в сердце, она все еще пыталась спасти меня.

Я был тем, кто подвел ее.

Это я заставил ее вернуться в Холл.

Это была моя вина.

- Я сделал это.

Ее дрожащие руки сжались сильнее, причиняя боль моему незажившему боку.

- Нет. Не вини себя...

- Если я не буду винить себя, то тогда кого же? - Я прижался лицом к ее шее, короткие кончики ее волос щекотали мне щеки. - Я отослал тебя назад. Я, бл*ть, отправил тебя обратно, чтобы тебя изнасиловали и ...

Она вырывалась из моих объятий.

- Он не...

Я отстранился, чувствуя прилив гнева.

- Не лги мне! Ты не можешь мне лгать, помнишь?

Она поджала губы. Она разрывалась между тем, чтобы смотреть в пол, ища уединения, и бороться со мной, как она боролась с моим братом.

- Не надо, не сердись. Я только пытаюсь спасти тебя...

Я оскалил зубы.

- Спаси меня? Это моя гребаная работа, Нила. Не твоя. Неужели ты не понимаешь? Я должен был быть тем, кто защитит тебя. А не наоборот.

Она не ответила. Ее глаза прожигали черные дыры в моей душе. В ее взгляде не было осуждения, только прощение за то, что заставил ее уйти, когда она умоляла меня передумать.

- Бл*ть. - Я снова прижал ее к себе. - Мне очень жаль. Черт, мне так жаль.

Ее руки обвились вокруг меня, ее любовь давала мне возможность спрятаться от моих собственных гребаных эмоций.

- Я знаю. Все нормально.

Все было не нормально. Ничего из этого не было нормально. Но я не стал настаивать дальше. Только не здесь. Не сейчас.

Все, что случилось до моего прихода, вылилось из нее, плескаясь у наших ног.

Ее пальцы впились в мой позвоночник, вновь переживая то, что она сделала.

- Я хотела убить его. Но теперь... теперь, может быть, ... я не... Боже, я убила его, Кайт. Я ... Я отняла жизнь. - Она обняла меня ещё крепче, потерявшись в запутанных мыслях. Чем дольше я держал ее в объятиях, тем более странный оттенок появлялся в ее эмоциях.

Ощущение потребности и желания было настолько сильным, что вытеснило ее страдания от убийства.

Я вздрогнул от ее силы, но мне было наплевать на боль. Я заботился только о ней. О том, чтобы увезти ее подальше отсюда и защитить, как я должен был сделать с самого начала.

Я сжал ее в своих объятиях, держа так чертовски близко.

- Теперь все кончено. Что бы ни случилось, все кончено. - Я поцеловал ее в макушку, в лоб, в глаза. - Ты в порядке? Не лги мне. Мне нужно знать, что тебе не больно. - Мой взгляд скользнул по ее ранам. Дэниэль сделал больше, чем просто прикоснулся к ней, он ударил ее, возможно, пнул ногой.

Ее волосы торчали в разные стороны, а щека покраснела от пощечины. Она побывала в аду и вернулась, но оставила моего брата в вечном проклятии.

Я так чертовски горжусь ею.

Она кивнула, затаив дыхание. Слезы катились по ее лицу. Я никогда не видела ее такой примитивной, сосредоточенной только на выживании и смерти.

- Я в порядке. Я в порядке. Я... действительно. Со мной все будет в порядке. - Та же тень похоти была в ее голосе. Я мог понять внезапную радость победы над врагом, но похоть?

Сделав несколько шагов назад, я оттащила ее от Дэниэля. Он лежал на спине, на боку у него запеклась кровь, по губам уже поползла синева.

Я не хотел, чтобы она смотрела. Мне и раньше приходилось сталкиваться со смертью. Я был зачинщиком убийства другого человека. Нелегко было смотреть в глаза своей жертве, когда все закончилось. Особенно когда самооборона вынуждает вас действовать.

- Не смотри. Забудь, что случилось. Теперь я здесь и никогда больше не уйду. - Я поцеловал ее волосы, благодарный, что она снова оказалась в моих объятиях.

Нила извивалась, не слушаясь меня и глядя на труп Дэниэля. Ее мышцы напряглись, в глазах появилась пустота.

- Он это заслужил. Так почему же я чувствую себя таким чудовищем?

Я положил руки ей на плечи.

- Он действительно заслужил это. Не сомневайся. Ты сделала то, что должна была сделать.

Страница 9

- Что? Неужели не было другого выбора?

Я решительно покачал головой.

- Нет. Это был единственный выход.

Нила закусил губу, ее глаза наполнились слезами.

- Но ... он был самым младшим. Он ничего не мог поделать с тем, что Бонни и Кат называли его «ошибкой». Он не мог прекратить то, чтобы над ним смеялись, и верил в то, что ему говорили.

Что?

Что она могла знать о нашем воспитании и о том, кем стал Дэниэль из-за своего детства? Я поймал его на том, что он причиняет боль ради забавы, убивая животных ради удовольствия. Я отчитал его за то, что он такой эгоистичный и грубый. Кес справлялся с неудачами Дэниэля больше, чем я, потому что быть рядом с ним было слишком тяжело. Я бы

медленно питался этой гадостью внутри него. Но из-за моего состояния я могу искренне сказать, что он заслужил то, что получил. Нила его не убивала. Это была карма.

- Рассказывать трагические истории злодеям - верный способ уничтожить себя, когда они заставляют тебя делать что-то жестокое, чтобы выжить, Нила.

Нила стиснула зубы, готовая возразить. Обречь себя на мучения. И снова еще одна волна потребности, совершенно не связанная с ситуацией, загрязнила воздух.

Заставив ее повернуться и посмотреть на меня, а не на Дэниэля, я обхватила ее щеки ладонями.

- Нила, послушай меня. Не ищи искупления в тех, кто этого не заслуживает. Если бы ты не сопротивлялась, он бы изнасиловал тебя и, возможно, убил. Ты его не знаешь... не так, как я. И я могу с уверенностью сказать, что он это заслужил.

Она шмыгнула носом и опустила глаза.

- Прости, Джетро.

- Прости? - Мое сердце бешено колотилось. - За что? - Отпустив ее, я подошел к кровати и сдернул простыню. Обернув ее вокруг обнаженного тела Нилы, я отвёл её в сторону.

- Какого черта ты извиняешься?

Я тот, кто должен был это сделать.

Я тот, кто оставил тебя одну.

Ее тело содрогнулось, когда она оглянулась через плечо, не в силах оторвать взгляд от Дэниэля.

- Потому что... потому что я только что убила твою плоть и кровь.

Я схватил ее за талию и крепко прижал к себе.

- Я благодарен. Я не злюсь. Неужели ты думала, что меня это волнует? Нила, я люблю тебя. С тех пор как ты ответила на мое первое сообщение, мое сердце поставило тебя выше всех в моей семье. Я люблю тебя. И ты убиваешь меня, ненавидя себя за то, что сделала то, что было необходимо.

Смягчая свой голос, я заправил ее короткие черные волосы за уши, вытирая слезы большим пальцем.

- Нила ... он заслужил смерть. Ты должна мне доверять. Ты не можешь удержать его смерть внутри себя. Ты не можешь чувствовать себя ответственной. Я рад, что ты прикончила его, потому что, если бы ты этого не сделала, я бы сделал его кончину намного хуже, черт возьми. Ты поступила правильно - это все, что тебе нужно знать. Обещай мне, что это все, что ты запомнишь.

Она втянула воздух.

- Но...

- Никаких "но".

Мое сердце разрывалось от того, через что ей пришлось пройти. Жаль, что я не приехал раньше. Что я не был тем, кто ударил его ножом. Все, что угодно, лишь бы не дать ей почувствовать боль последствий. Однако я не был им. И знание того, что Дэниэль причинил ей боль - взял что-то, что ему не принадлежало - было моим наказанием.

Я вздрогнул, когда моя собственная боль всплыла на поверхность. Я не имел права спрашивать. Не сейчас, когда она сопротивлялась. Но я не мог сдержать вопрос, слетевший с моих губ.

- Пожалуйста... скажи мне одну вещь ... и будь честна.

Ее глаза встретились с моими.

- Что угодно.

Я с трудом сглотнул.

Я снова сглотнул.

Я потерял мужество, но все же заговорил.

- Я знаю, что он прикасался к тебе, Нила, ты не можешь скрыть этого от меня. Но насколько сильно он тебя изнасиловал? Как сильно ты ненавидишь меня за то, что я позволил этому случиться?

Я ненавидел свой вопрос. Насколько сильно он тебя изнасиловал? Были ли случаи изнасилования? Любая форма, неважно, долгая или жестокая, была одинаково ужасна.

Господи!

Я хотел убить себя за то, что был таким бесполезным.

Но у меня был еще один вопрос. Тот, о котором я не хотел её спрашивать. Почему я питаюсь ее непреодолимым желанием секса? Почему у нее были такие сильные мысли о сексе, когда в сложившейся обстановке это было так неуместно?

Небольшая пауза. И ещё одна ложь. Она покачала головой.

- Я никогда не смогу ненавидеть тебя. И я уже сказала тебе. Я остановила его-раньше...

Мои плечи поникли.

Она бросилась вперед.

- Джетро, не мучай себя. Позволь мне сохранить кое-какие секреты. Позволь мне выбрать, какие из них рассказать тебе, а каким позволить умереть. - Ее голос дрогнул. - Пожалуйста...тебе не нужно знать. Просто оставить это. Прости...

Мое состояние вспыхнуло в полную силу. Ее эмоции сказали мне все, что мне нужно было знать. Он был внутри нее. И она защищалась единственным доступным ей способом.

Бл*ть.

Как я могу простить себя за это?

Захочет ли она меня сейчас? Поверит ли она, что я смогу защитить ее?

Мои руки сомкнулись вокруг нее, прижимая ее лицо к моей груди.

- Черт Возьми, Нила. Ты заставляешь меня стыдиться. Я буду расплачиваться перед тобой всю оставшуюся жизнь. Я позабочусь о твоей безопасности. Я остановлю все это, потому что никогда больше не выпущу тебя из виду.

Она поцеловала мою рубашку, застонав от благодарности, когда наконец позволила мне взять на себя часть ответственности. Ее пальцы порхали по моим бедрам, ища больше, чем просто объятия...более сильной привязанности.

Ее мысли умоляли меня сдаться. Чтобы дать ей некоторое облегчение от напряжения в ее голове. Но я не мог, сейчас было не время.

- Теперь все кончено. Дело сделано. Ты в безопасности.

На мгновение она позволила мне успокоить ее. Ее похоть уступила место рыданиям, и она еще глубже сжалась в моих объятиях. Мы вместе упали на пол - я на колени, Нила на колени. Я качивал ее. Я поцеловал ее. Я обещал так много, так много всего.

Время шло вперед, оставляя секунды, а затем и минуты между ней и убийством Дэниэля. Ничто другое не сможет исцелить ее - только время и расстояние.

Наконец, шок от убийства прошел, и ее глаза открылись, чтобы решительно сфокусироваться на Дэниэле. Любой намек на желание исчез с ясной решимостью.

- Кат скоро вернется к своей очереди. - Ее голос дрожал. - Что мне делать, Кайт? Что

мне делать с телом?

- Тебе? - Я резко рассмеялся. - Ты ничего не будешь делать. Ты и так уже слишком много сделала. - Я провел рукой по волосам. - Я должен был быть рядом с тобой, но меня не было.

Ее кожа стала холодной под моими пальцами.

- Нет, ты должен идти. Если Кат тебя увидит...

- Мне наплевать, увидит он меня или нет. - Оттолкнув Нилу с колен, я встал. Пройдя через палатку, я вытащил из чемодана и бросил ей чистые трусики и леггинсы. - Надень это. И туфли. Я собираюсь избавиться от Дэниэля, и ты пойдешь со мной.

- Но...

Я рассек рукой воздух.

- Но...ничего, Нила. Я не выпущу тебя из виду. Поняла?

- Но Жасмин и Кес. Ты должен думать о них. Если Кат узнает, что ты все еще жив, он... Убьет меня. Да, я знаю.

Но моя жизнь была ничтожна по сравнению с ее жизнью. Я бы охотно променял её, если бы это означало, что она уйдет от этого без синяков и разбитых воспоминаний. Она уже столько пережила. Она носила на себе следы войны, и я не позволю ей терпеть больше. Я пытался спасти слишком многих людей. Кес поймет, А Джаз будет ожидать, что я поступлю правильно.

Это было правильно.

Нила была моим единственным выбором.

- Не беспокойся о них. Я знаю, что делаю. - Я взглянул на своего мертвого брата, не чувствуя ничего, кроме облегчения. Его член насмехался надо мной, говоря о том, что он сделал с моей женщиной. Если бы он уже не был мертв ... он умер бы жестокой смертью, чтобы очистить меня от гнева в моей крови.

- Итак...как мы избавимся от тела? - Прошептала Нила.

В голове у меня крутились разные сценарии.

- Мы могли бы облить его спиртным и сделать вид, что он напился до смерти.

Нила сглотнула.

- Это правдоподобно? - Она посмотрела на пол, где длинное окровавленное оружие прилипло к покрывалу палатки. - Я ударила его в сердце вязальной спицей. Две раны небольшие, но есть. Они поймут, что это не было самоубийством.

Она убила его иглой?

Благоговейная улыбка осветила мое лицо.

- Ты такая чертовски сильная.

Она отвела взгляд, все еще прибывая в отчаянии.

Я потер лицо, желая, чтобы усталость и боль исчезли, чтобы я мог найти решение.

Думай.

Куда бы я мог его засунуть, чтобы его не нашел Кат?

Алмазная шахта!

- Мы можем сделать так, чтобы это выглядело как несчастный случай. Я могу похоронить его в шахте. Пусть все выглядит так, будто он упал.

Нила помолчала, пробуя мой план на вкус, выискивая в нем недостатки.

- Черт, это не сработает. - Я покачал головой. - Я не могу доставить его туда так, чтобы никто не услышал шум джипа. - Мои глаза сузились, и мне пришла в голову новая мысль.

Африка позаботится об этом за меня.

Я решительно щелкнул пальцами.

- Я знаю, что делать.

Нила открыла рот, чтобы возразить, но я бросился через комнату и схватил ее за лицо. Я ничего не мог с собой поделать. Она была такой чертовски смелой. Ее эмоции так ясны. Ее любовь так глубока. Ее страсть так чиста. Ни капли страха или ненависти, что я не был рядом с ней. Ни капли враждебности или осуждения.

Она чертовски самоотверженна.

Я поцеловал ее.

В тот момент, когда мои губы коснулись ее губ, внутри нее словно произошёл ядерный взрыв. Похоть, которую я почерпнул в ее сознании, разразилась в полную силу, заглушая все. Ее язык скользнул в мой рот, разрушая мою решимость не прикасаться к ней.

Отбросив одежду, которую я ей дал, она застонала долго и низко, ее рот искушал меня дать больше. Простыня соскользнула с ее бедер, когда ее обнаженная нога обвилась вокруг моего бедра, терлась о меня.

- Бля... - я споткнулся, когда она повернулась, обезумев от желания. Я никогда не чувствовал такой страсти, исходящей от нее. - Нила... подожди...

Ее язык быстрее и сексуальнее проникал в мой рот. Поцелуи. Лижущие. Требующие, чтобы я ответил.

- Нила...

- Нет, Джетро. Дай мне это. Мне это нужно. - Ее губы снова завладели моими, увлекая меня.

- Дерьмо. - Все это вдруг обрело смысл. Туманный осадок в ее мыслях. Текучее подводное течение чего-то более сильного, чем смерть и боль. Она хотела секса. Ей нужен был секс.

Они накачали ее наркотиками.

Они дали ей то же самое, что дали мне, когда мне было пятнадцать. Что-то настолько сильное и пьянящее, что никто не мог сказать "нет" силе афродизиака.

Черт возьми!

Мой живот скрутило в узел, когда ее язык лизнул и щелкнул. Я заставил себя не слушать ее грязные мысли - я не хотел, чтобы острая потребность в сексе поглотила меня. Но мой член утолщался, притягиваясь к ней, даже когда я пытался бороться с быстро растущей потребностью.

- Как... как ты боролась с этим так долго? Как ты смогла остановиться?

Ее руки взлетели вверх по моей футболке, огибая мою рану, танцуя по моей коже, как соблазнительные бабочки.

- Хватит болтать. Пожалуйста ... дай мне то, что я хочу. Мне нужно чувствовать себя живой. Мне нужно вернуть то, что Дэниэль пытался украсть. Пожалуйста, Джетро. Пожалуйста, трахни меня.

Воспоминание о нашем первом поцелуе в ее комнате - о том, как она разбила мою решимость на куски своими требованиями поцеловать ее, разожгло похотливое пламя.

Поцелуй меня.

Трахни меня.

Она боролась с ним, она убила его, даже находясь под влиянием наркотика. Если бы она была кем-то другим, то охотно подчинилась бы. Она бы наслаждалась тем, что делал

Дэниэль, потому что ее тело не оставило бы ей другого выбора. Наркотики были невероятно сильными, но каким-то образом ей удавалось бороться с ними, как и противостоять моему брату.

Я не заслуживаю этой женщины.

Это Уивер. Это ответ на мою неправоту. Это спасение для меня.

- Джетро ... пожалуйста. - Ее поцелуй стал глубже.

- Черт возьми!

Я яростным рывком подхватил ее на руки и направился к кровати. Ее руки погрузились в мои волосы, дергая, в то время как ее губы танцевали с моими.

Наше дыхание стало затрудненным. Наша кожа стала гладкой и чувствительной.

Все мое тело напряглось. Воздух в палатке потрескивал от похоти, настолько болезненной, что она могла покалечить нас.

Сколько у нас времени?

Мы искушали судьбу. Это было глупо.

Там мертвое тело...

Это было жутко.

Это было неправильно.

Но я подвел ее во многих отношениях.

Мы не знали, что нас ждет.

У нас не было такой роскоши, как время.

Она хотела этого. Это было самое меньшее, что я мог сделать, чтобы подчиниться.

Бросив ее на кровать, я встал над ней. Ее волосы до подбородка веером рассыпались по белой постели, ноги раздвинуты, а рука опустилась к киске. Ее пальцы не стеснялись, когда она терла клитор.

Мои легкие отказывались работать.

- Черт, Иголочка.

- Возьми меня, Кайт. Мне нужно, чтобы ты взял меня. - Ее палец размазал влагу вокруг входа, живот напрягся от удовольствия. - Я сражалась с ним. Мне удалось остаться верной себе и не позволить похоти взять верх. Но я устала. Я опустошена. Я больше не могу ... не могу с этим бороться. - Слезы блестели на ее ресницах. - Мне это нужно. Мне нужно освобождение. Мне нужно забыть, хотя бы ненадолго. Мне нужно жить, помнить, быть счастливой, быть свободной. Пожалуйста. - Ее пальцы закружились быстрее, кожа покраснела от желания. - О, пожалуйста ... пожалуйста.

Я не мог говорить.

Я был загипнотизирован ею.

Мои руки дрожали, когда я расстегнул ремень. Идиотизм трахать ее, когда Кат мог вернуться в любой момент. Но ничто не было властно над нами. Здравый смысл умер на костре желания, и все, о чем я мог думать, это наполнить это потрясающее создание и брать ее снова и снова.

Ее глаза встретились с моими, и все, что произошло за последние несколько месяцев, рухнуло. Это было все, что имело значение.

Занятие любовью. Наша связь. Слияние в одно целое.

Она была для меня всем и единственной.

Мой мир.

Она облизала нижнюю губу и прикусила её зубами, погрузив палец внутрь своего лона.

- Джетро ... пожалуйста!

- Тише. У тебя есть я. Я здесь. - Мое сердцебиение отдавалось в эрекции, когда я стягивал джинсы и боксеры.

Глаза Нилы были прикрыты, когда я сжимал свой член рукой, поглаживая его жестко и быстро.

- Скажи мне. - Мой голос был гортанным.

- Сказать тебе что? - Бриллианты на ее шее преломляли свет.

- Мой член...как ты его хочешь?

Соблазнительная улыбка осветила ее лицо. Она тихо застонала, и приглашающе прошептала:

- Жестко и быстро. Боже, как тяжело. Очень быстро. - Ее руки скользнули к соскам через толстовку, жестоко поглаживая их. - Я никогда раньше так себя не чувствовала. Это сбивает с толку. Я такая возбужденная. Господи, пожалуйста, не заставляй меня больше ждать. - Ее спина выгнулась дугой над кроватью. - Трахни меня.

Черт возьми.

Я набросился на неё. Мои руки схватили ее за бедра, подтягивая к краю кровати.

- Ты хочешь меня? Ты можешь трахнуть меня.

Она вскрикнула, когда я раздвинул ее бедра, даря мне свою киску - блестящую и идеальную. Я наклонился и укусил ее за колено, проведя рукой по ее бедру и глубоко погрузив в нее палец.

Она закричала.

Я зажал ей рот ладонью.

- Тихо!

Она была моим наказанием и исцелением одновременно.

Ее глаза закатились, когда я ввел в нее еще один палец. Ее бедра опасно и требовательно покачивались. Она была влажной и горячей. Она не хотела прелюдии. Она хотела, чтобы ее трахали, использовали, оскорбляли, требовали.

Мой разум разбился вдребезги, я не мог остановиться.

Ее дыхание стало прерывистым, когда я начал ласкать ее клитор. Мой член стал влажным от того, как чертовски красива она была. Как она нуждалась во мне.

- Я собираюсь взять тебя. - Я глубже толкнулся пальцами. - Я собираюсь заявить на тебя права. Я собираюсь дать тебе все, потому что ты заслуживаешь всего, черт возьми. Ты заслуживаешь, чтобы тебе поклонялись и восхваляли. Ты заслуживаешь, чтобы тебя любили каждый чертов день твоей жизни.

Она задыхалась, ее кожа была липкой от пота.

Мое сердце наполнилось до предела.

Нила тяжело дышала, всхлипывая от моей ласки.

Она выглядела такой хрупкой и нежной, но я знал, что это ложь. Она была сильнее всех. И я хотел кланяться ей в ноги до конца вечности.

Зажав одной рукой ей рот, я потер кончики пальцев вместе, скользкие от ее желаний, и схватил свой член, чтобы расположиться у её входа.

У меня перехватило дыхание, когда тепло ее тела поглотило меня.

Я врезался в нее.

Растягивая.

Жёстко.

Жёстко.

Жёстко.

- Черт Возьми, Нила. - Моя кровь кипела от дикого голода.

Мой рот наполнился слюной.

Ее руки сомкнулись вокруг моего запястья, пока я молча удерживал ее, ее губы широко раскрылись под моей ладонью. Я погрузился глубоко, чертовски глубоко. Она раздвинула ноги шире, ее тело подалось, и я погрузился в свою вторую половинку.

На секунду мы остановились. Сердце к сердцу. Желание к желанию. Секс превратился в насыщенную связь, и я не смог остановить слова, слетающие с моих губ.

- Я люблю тебя, Иголочка. – Я убрал руку с ее губ, оперевшись ладонями по обе стороны ее головы на матрасе, врезаясь в неё. Мои пальцы в туфлях были поджаты, мои джинсы натянулись вокруг бедер, когда я стоял над этой богиней и трахал ее, как она умоляла.

- Я...люблю...тебя... - ее голос был тихим, но мне не нужны были слова, чтобы понять. Ее эмоции кричали об этом громче всего. Я плавал в ее удовольствии и привязанности, и я знал, что пути назад уже не будет.

Это был момент, когда она стала полностью моей.

И что бы ни случилось после, мы будем вместе всегда.

Я не мог прожить и минуты без того, чтобы она не была привязана ко мне. Не зная, что это существо принадлежит мне каждый последующий день, каждый год, каждое десятилетие.

Я нуждался в ней.

- Выходи за меня.

Нила ахнула, ее тело содрогнулось от шока.

- Что?

Я схватил ее за ноги и обхватил ими свои бедра. Ее плечи остались лежать на кровати, выгибаясь в моих объятиях. Ее киска сжала мой член в тиски, давая мне ответ на мой вопрос.

Самый важный, значимый вопрос, меняющий мир.

- Выходи за меня. Стань моей.

Я застонал, двигаясь сильнее, трахая ее, отдавая все, что у меня было. Мои колени ударялись о кровать, мои яйца врезались в ее задницу. Эмоции, чувства и ощущения вышли из-под контроля.

- Ты мне так нужна.

Ее груди подпрыгнули, когда мой темп стал сумасшедшим.

- Ты нужна мне навсегда.

Мои бедра болели, когда я сжимал и трахал её всё сильнее.

Страница 10

- Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Моё желание было голодным, диким, интенсивным.

Мое сердце сжалось, когда Нила облизнула губы.

- Я...я ...

Все остальное померкло.

Я врезался в нее снова и снова. Наши глаза встретились, в них читалось ожидание.

- Скажи "да" ... Бл*ть, пожалуйста, скажи "да".

Я потерялся в ритме, вонзив пальцы в ее бедра.

Ее киска сжалась, её голова была запрокинута назад, а тело приготовилось к разрядке. Ее глаза затуманились, когда боль от дикого секса и удовольствие от нарастающего оргазма превратили нашу связь в почти невыносимую борьбу.

Я никак не мог собраться с мыслями. Я был потерян, поглощен.

Мне не хватало кислорода. Мои руки дрожали, когда Нила, наконец, сделала мне самый большой подарок, который я когда-либо получал.

- Да...да, я выйду за тебя замуж.

- Господи. - Мое сердце разбилось на фракталы.

Я сдался.

Наш ритм стал бешеным.

- Боже, да. Я сейчас кончу...- Она плакала, смеялась и ругалась, когда тонула под гребнем своего освобождения. Ее взгляд встретился с моим, и полуночные радужки поглотили меня, когда фейерверк превратился в катастрофические взрывы.

- Да - прошипела я. - Да. Черт, да. - Электричество пронзило мои пальцы ног, мои мышцы, мои яйца, мой член. Проливаясь глубоко, пока я врезался в нее, доставляя каждую последнюю каплю блаженства. Удовольствие, которое я никогда не испытывал.

Она была моей так же, как и я - ее.

Сейчас и навсегда.

Живые или мертвые.

Мы были единым целым.

- Это не работает.

Джетро шикнул на меня, медленно протискиваясь сквозь шаткую панель, скрытую в туалетном блоке. От мерзкого воздуха меня чуть не стошнило.

Как только пришел Джетро, он заставил меня одеться и взвалил тело Дэниэля себе на плечо.

Его глаза потемнели от нервов и решимости, когда он проигнорировал меня.

- Это работает.

И добавил себе под нос:

- Должно.

Уже в который раз дрожь пробежала по моей спине. Миллионная дрожь с тех пор, как я приехала в Африку.

Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как я забрала жизнь, проткнув сердце иглой и услышала последний вдох, последний вздох, последнюю мысль. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как я наконец поддалась неистовой похоти в своей крови и заставила Джетро взять меня.

Но на самом деле прошло всего сорок минут.

Сколько времени Кат даст Дэниэлю, чтобы изнасиловать меня? Час? Два? Или он подождет, пока Дэниэль устанет и пойдет в свою очередь? В любом случае, время наконец-то на нашей стороне...пока.

С каждым шагом я не могла избавиться от воспоминаний о том, как сердце Дэниэля уступило острию моей иглы. С каждым вдохом я не могла перестать переживать последние

мгновения победы, за которыми последовал каньон сожаления.

Я кого-то убила.

Я убийца.

У меня больше нет права ни на небо, ни на ангелов, ни на вечный рай. Чтобы победить дьяволов, я должна была стать одним из них. Раньше я была готова пойти на такую жертву, но теперь ... теперь я знала, что значит ценить свою жизнь выше жизни других. Имею ли я на это право? Кто-нибудь...независимо от обстоятельств?

Я продолжала видеть струйку крови, сочащуюся и собирающуюся на полу, не желая покидать своего хозяина, медную и алую ... медленно превращающуюся в нежеланную ржавчину.

Грязь к грязи.

Прах к праху.

Дэниэль вырос с бриллиантовыми ложками и бриллиантовыми игрушками. Сольется ли со временем его тело с землей, превратившись в сверкающие драгоценные камни, о которых так мечтала его семья?

Переродится.

В то, что его семья ценила больше всего.

Была ли это карма?

Или счастливый конец?

Прекрати.

Ты же слышала, что сказал Дэниэль. Он бы насильничал меня, пока я бы не умерла.

Если бы это я умерла, он не горевал бы о моей потере и не сожалел бы о своем решении.

Расправив плечи, я перестала думать об убийстве и занялась его последствиями.

Джетро двигался бесшумно и незаметно. Я отказывалась смотреть на завернутое в простыню тело Дэниэля. Кровавый след был единственным признаком того, что под этой тяжестью скрывалось что-то злое.

- Джетро... - прошептала я, проклиная остатки наркотика, всё ещё бьющегося в моём сердце. Мой оргазм был обжигающим и взрывным, но он не уничтожил желание полностью.

Он поднял голову и шагнул через отверстие в заборе, покидая лагерь и направляясь в свободный мир.

- Что?

- Я ... я ... — я не знала, что хотела сказать. Я извинилась за убийство его брата. Я позволяла ему утешать себя, хотя на самом деле должна была утешать его за то, что он потерял еще одного члена своей семьи.

Он не потерял Кеса...пока нет.

Я чувствовала себя ответственной. Это я должна была уничтожить улики, а не он.

- Я хочу, чтобы ты ушел. Если Кат...

Он оскалил зубы.

- Не надо больше об этом говорить. Я. Не. Уйду. Мне, бл*ть, все равно, увидит он меня или нет. Я здесь навсегда. Я с тобой навсегда. Поняла?

Его пристальный взгляд поймал меня в ловушку, я втянула воздух. Волшебный вопрос, который он задал, заполнил мой разум.

Выходи за меня.

Выходи за меня.

Выйти за него замуж?

Я сказала "да", но нервы гуляли в моей грудной клетке. Я хотела, чтобы он был моим больше всего на свете, но было так много того, что мы должны победить, прежде чем стать свободными.

Оглядываясь через плечо, страх на цыпочках пробирался сквозь мою тень, боясь, что Кат найдет нас.

Переложив Дэниэля на плечо, Джетро раздвинул панель шире.

- Давай. - Пот и напряжение выступили у него на лбу. - Нам нужно спешить.

Я больше не колебалась.

Нырнув через забор, я осталась рядом с ним, хрустя высокой травой, держа глаза широко открытыми и настороженными. Мы уже не были в логове Ястребов, а вошли в гораздо большее логово львов и гиен. Я никогда не была в месте, где люди не были бы на вершине пищевой цепи. Это заставило меня осознать, насколько мы уязвимы и съедобны.

Несколько часов назад равнины были окутаны такой густой тьмой, что не было видно ничего. Теперь чернота стала розовато-серой, медленно зевая с наступлением рассвета.

Нам нужно было спешить.

Торопиться.

Джетро нужно спрятаться.

Мы должны бежать.

Следуя за ним по пятам, я не стала спрашивать о его плане. Я ему доверяла. Тем не менее, находиться здесь - на виду у людей и животных - мне это не нравилось.

Мне пришлось ущипнуть себя, чтобы поверить, что он действительно здесь. Когда он вбежал в палатку, мне показалось, что я окончательно сорвалась. Что какие бы наркотики ни дал мне Кат, они поглотили меня целиком.

Но потом он коснулся меня, и отвратительное желание в моей крови превратилось в испепеляющее требование. Его прибытие было настоящим чудом. И я оценила это чудо, заставив его трахнуть меня.

Он помог мне забытья всего на мгновение.

Чем дальше мы удалялись, тем больше я цепенела.

Шок - странная штука.

Он обладал способностью обезболить даже самые ужасные ситуации. Он мог притупить самую мучительную боль и сделать ее пригодной для жизни. Но он также может уничтожить инстинкт и заставить плохую идею казаться хорошей.

Была ли это хорошая идея? Или ужасная?

Джетро споткнулся под тяжестью мертвого брата.

Бросившись вперед, я машинально протянула руку. Моя рука коснулась остывающей плоти. Я подавила позыв к рвоте.

- Позволь мне помочь.

Джетро покачал головой, лицо его исказилось от боли.

- Я справлюсь. Просто держись рядом. - Кровь стекала по его боку в том месте, где раскрылась огнестрельная рана. Жар в его глазах был вызван не только яростью, но и лихорадкой. Как бы он ни отрицал это, он не был полностью исцелен и должен был отдыхать.

Вместо этого он здесь...спасает меня.

Нам обоим было больно. Пинок от Дэниэля пульсировал, а удары и царапины невозможно было игнорировать. Даже порез на моей ладони от церемонии все еще жалил.

Нас обоих нужно было удерживать вместе с помощью швов и бинтов.

- Джетро, пожалуйста, ты нездоров. Позволь мне помочь. Мы в этом деле вместе. Не носи это бремя в одиночку.

Под бременем я подразумевала не только смерть Дэниэля, но и всю ситуацию в целом.

Он мягко улыбнулся.

- Нила, я чувствую твое желание помочь. Я чувствую твою любовь, твой страх, твою неуверенность. - Он вздохнул. - Я даже чувствую твоё противоречие по поводу того, что ты согласилась выйти за меня замуж.

У меня перехватило дыхание. Его состояние не давало мне возможности спрятаться. Никаких секретов.

- Мне очень жаль. Я не могу...

Он снова двинулся вперед, задевая коленями высокую траву.

- Я знаю, что ты ничего не можешь с этим поделать. Но не проси меня опереться на тебя, когда я заставил тебя выживать в одиночку. - Он стиснул зубы. - Мне нужно это сделать. И я был бы тебе очень признателен, если бы ты не вмешивалась.

- Не вмешивалась?

- Ты знаешь, что я имею в виду.

- Джетро...

- Нет! - Он резко остановился. - Нила. Стоп. Просто перестань. Молчи и в голосе, и в мыслях, и давай избавимся от него.

Я посмотрела вниз, потирая пальцы, ненавидя липкие следы крови Дэниэля. Я даже не вымыла руки после того, как украла жизнь. Жизнь, которую он не заслужил, но все же жизнь.

Это ужасное преступление навеки затмит меня.

Кто я? Кем я стала?

- Пожалуйста, Иголочка, - пробормотал Джетро, когда я не ответила. - Успокойся. Просто...сосредоточься на более счастливых вещах. Это мне очень поможет.

Захлопнув двери моих мыслей, я кивнула.

- Ладно.

Если бы блокирование моих чувств было единственным способом помочь ему, я бы это сделала.

- Спасибо.

Спина Джетро сгорбилась, когда он медленно двинулся вперед со своим убитым братом.

Шорох заставил меня поднять голову. Каждая мысль разлетелась, как ветер, а страх тяжело опустился на мой позвоночник.

- Джетро...

- Дерьмо. - Он замер.

- Дерьмо? - Я не могла дышать. - Что ... что это? - Мои уши напряглись в поисках новых звуков, в то время как глаза лихорадочно обшаривали желтую траву высотой до бедер.

Джетро решительно шагнул вперед.

- Не смотри. Просто продолжай двигаться. Нам нужно пройти немного дальше.

Я не подчинилась, замерев, словно статуя.

Холодный утренний ветерок шелестел травой, заставляя ее танцевать и сплетаться. Но было что-то еще...что-то помимо растительной жизни...что-то очень живое.

Преследующее нас.

Охотящееся на нас.

- Он наблюдает за нами... – мой голос был еле слышен.

- Делай, как я говорю. Не беги. Не паникуй. Просто сохраняй спокойствие.

Что-то скользило, подбираясь все ближе и ближе.

Джетро медленно повернулся ко мне, его глаза сузились в сторону. Рука Дэниэля выскользнула из-под простыни и свободно повисла у него на плече, тело болезненно вытянулось.

Джетро напрягся.

- Бл*ть.

Мое сердце бешено забилося. Инстинкты приказывали мне бежать. Но я не могла разогнуть колени.

Не отрывая глаз от пятнышка в траве, Джетро очень осторожно снял Дэниэля с плеча. Его ноги, бедра, торс, руки, пока, наконец, Дэниэль не лег на землю. Как только он оказался внизу, частично скрытый листвой, Джетро сорвал простыню, отбросил ее и направился ко мне.

Глупость заставила меня заговорить.

- Люди найдут его. Это слишком близко к лагерю.

Джетро покачал головой.

- Поверь мне, они этого не сделают, - он попятился, разводя руками, как будто не выказывая никакой угрозы тому, кто охотился на нас.

Я знала почему.

Не спрашивай почему.

- Но почему?

Игнорируя меня, он понизил голос до шепота, а на его лицо застыли страх и борьба.

- Нила...отойди. Возвращайся в лагерь. Мне нужно, чтобы ты убежала, понимаешь?

У меня отвисла челюсть. Я в ужасе глотала воздух.

Джетро подошел достаточно близко, чтобы коснуться меня, поворачивая мои плечи, пока я не оказалась лицом к забору. Его голос обжег мне ухо, когда он прорычал:

- Сейчас же! - Он сильно толкнул меня. - Беги!

Его команда прозвучала как выстрел, и я превратилась в размытое пятно движения. Мои колени взлетали высоко, я неслась, подпрыгивая по высокой траве, мои волосы разлетались во все стороны.

Движение немедленно взорвалось рядом с нами, нарушая покой равнины.

Черт!

Беги.

Беги.

Беги, беги, беги.

Я хотела, чтобы это было объяснимо - трава, которую гладит ветерок. Но это было не так, ветра больше не было.

Покалывание на затылке не имело никакого отношения к холодному утру. Основной инстинкт знал, что это было - почему я бежала, спасая свою жизнь.

Я была добычей в разгар охоты.

Мои ноги побежали быстрее.

Мои легкие взорвались, когда мы преодолели расстояние до базы за секунды.

Добежав до забора, Джетро хмыкнул, открывая панель.

- Внутрь. Быстро. – Грубо и агрессивно толкая меня внутрь, он ворвался следом за мной и захлопнул дверь.

Я согнулась пополам, упершись руками в колени и вдыхая воздух и жизнь. В воздухе висел густой запах аммиака и экскрементов, но мне было все равно.

Я жива.

Я жива.

Мы сделали это.

Джетро не шевельнулся. Он прижался лицом к грубо сколоченной ограде и уставился на нее.

Вот тогда-то я и услышала его.

Ни воя, ни ворчания, ни мурлыканья. Громкий хруст.

- О, боже мой! - Я боком подобрался к нему, глядя сквозь щели на равнину. Дэниэль исчез в траве, простыня зацепилась за стебли, трепеща на ветру. Но он был не один.

Его нашли две львицы. Их хвосты трепетали от жадности, коричневая шерсть отлично маскировала их, а морды были покрыты кровью Хоука.

- О... - мой желудок заурчал, когда большая кошка пригнулась и схватила Дэниэля за горло, вытаскивая его тушу в поле зрения. Я зажала рот рукой, когда она разорвала ему яремную вену, убедившись, что я все сделала правильно и он мертв.

Другая львица впилась в его плечо.

Джетро вибрировал рядом со мной, молчаливый, но безжалостный.

Мы не произнесли ни слова, пока кошки грызли человека, с которым я жила, брата, с которым вырос Джетро. Они съели несколько больших кусков и торжествующе хрюкнули, глядя на рассветное небо.

С рыжеватого-коричневым мехом, колыхавшимся, главная охотница зарычала, вцепившись мощными челюстями в горло Даниэля, и унесла свой трофей прочь. Черный хохолок на ее хвосте подпрыгивал взад-вперед, когда следы моего убийства медленно исчезали.

Его смерть, чтобы дать жизнь.

Его зло питает чистоту.

Мы смотрели, пока не стало совсем нечего смотреть. Никаких львов. Никакого Дэниэля. Ничего.

Наконец Джетро оттолкнулся, проведя рукой по лицу. Его плечи перекатывались, когда он боролся со своими эмоциями.

- Вот почему, - сказал он хриплым голосом.

Я моргнула, игнорируя зловоние туалетов и жгучую реальность того, что только что произошло.

- Что почему?

Он грустно улыбнулся.

- Там, снаружи, ты спросила меня, почему его не найдут.

Дрожь охватила мою нервную систему.

- Они его съедят?

Он молча кивнул.

- Сомневаюсь, что там останутся какие-нибудь останки. А если и останутся...то это прекрасное алиби. Дэниэль напился после того, как изнасиловал тебя, и глупо пошел

прогуляться, чтобы проветрить голову. - Он схватил меня за плечи и крепко прижал к себе. - Обещай мне, что запомнишь только эту часть, Нила. Ты его не убивала. Он не прикасался к тебе. Он не насиловал тебя. И тебе не нужно было защищаться. Сотри это из головы. Это поможет тебе жить. Он сам напросился - даже природа соглашается с тобой.

Я погладила его по щеке.

- Это то, о чем ты беспокоишься?

Его лицо напряглось.

- Это то, что я чувствую от тебя.

- В самом деле?

Проклятье.

Он был слишком хорошо настроен, слишком пронизателен.

Он вздохнул, прислонившись лбом к моему лбу.

- Я чувствую, что ты чего-то недоговариваешь. Я знаю, что он зашел дальше, чем ты хочешь мне сказать. Я знаю, что тебе больно - скорее всего, от пощечины и удара в живот - и я знаю, что наркотики в твоём организме после церемонии сделали борьбу тяжелее.

Как?... Он чувствовал не только эмоциональные, но и физические страдания.

- Я никогда не привыкну к тому, что ты это делаешь.

Он обвил меня руками.

- Ну, ты согласилась выйти за меня замуж - если, конечно, не передумала, - так что, думаю, тебе придется привыкнуть к этому.

Мое тело озарилось ослепительным восходом солнца.

- Я ведь это сделала, правда?

- Сделала что?

- Согласилась выйти за тебя замуж.

Джетро вздрогнул.

- Бл*ть, мне нравится это слышать.

- Что я выйду за тебя замуж?

Он улыбнулся.

- Нет, что ты будешь моей женой.

Я изо всех сил старалась подавить в себе пессимизм, что нам никогда не будет даровано нечто столь драгоценное. Что последний долг все еще может исполниться, независимо от того, что он не оставит меня снова.

Когда-то я был таким ... оптимистом...сейчас...это было тяжело после последних шести месяцев. Я улыбнулась и поцеловала его в губы.

- Ты будешь моим мужем. Как мне вообще могло так повезти? - Я изо всех сил старалась излучать уверенность и радость. Однако я ничего не могла от него скрыть.

Отстранившись, он провел рукой по моим волосам.

- В конце концов мы победим, Нила. Вот увидишь.

Я вздохнула.

- Я знаю.

Я надеюсь.

- Мы сделаем это. Я обещаю. - Взяв меня за запястье, он потянул меня к панели. - Давай. Пойдем. В километре отсюда меня ждет водитель. Мы можем уйти.

Мое сердце бешено забилося.

- Подожди. Ты хочешь снова пойти через это? Нет. Ни за что. - Я потянула его за руку. -

Этот забор - единственное, что мешает нам стать завтраком, которым уже стал Дэниэль.

Джетро нахмурился.

- У них есть еда. Я сомневаюсь, что они придут за нами.

Еда - это его брат.

Осознание того, что Джетро может заглядывать в чужие души, заставило его почувствовать облегчение. Ему было все равно, что Дэниэль ушел. На самом деле, он казался более чем в порядке.

Это о чем-то говорило.

Я переплела свои пальцы с его.

- Я не хочу рисковать. Теперь мы вместе. Ни лев, ни ястреб не отнимут тебя у меня.

Шагая прочь, он походил на дикого зверя, пойманного в ловушку против его воли.

- Я могу убежать вперед. Найти водителя и вернуться за тобой.

Уперев руки в бока, я покачала головой.

- Ты ни за что не уйдешь снова без меня. Ни за что. Ты же обещал. Неужели ты так скоро откажешься от этого?

Он тяжело вздохнул.

- Согласен. Я был не прав, оставив тебя в Хоксбридже. Если бы я тебя послушал, ничего бы этого не случилось.

Я смягчилась.

- Если бы ты послушался меня, то твоя сестра и Кес могли бы пострадать. - Я крепко прижалась к нему. - Ты сделал единственное, что мог.

Страница 11

Он застонал, прижимая меня к себе и целуя в макушку.

- Я тебя не заслуживаю. Не после того что Дэниэль...

Я поцеловала его.

- Замолчи. Я не позволю тебе так думать.

Я никогда не скажу ему вслух, что позволила Дэниэлю войти в меня - совсем чуть-чуть - чтобы убедиться, что моя ловушка захлопнулась, прежде чем убить его. Ему не нужно носить с собой такие знания. Это была цена, которую я охотно заплатила. Джетро не нужно было знать, насколько отталкивающими были эти несколько дюймов, или как сильно я ненавидела себя за то, что позволила этому случиться. Я не могла помешать ему почувствовать то, что я отказывалась говорить. Но это были мои мысли, и я хотела, чтобы они остались невысказанными.

Его губы скользнули по моим.

- Ты совершенно права. Давай выбираться из этой адской дыры.

- Это хорошая идея.

- Молчи и следуй за мной. - Он повернулся, чтобы идти, болезненное шипение сорвалось с его губ.

Я резко остановила его, осматривая бок.

- Ты в порядке? Тебе нужен врач.

Прижав тыльную сторону ладони к его лбу, я прошептала:

- Ты весь горишь, Кайт. Тебе нужно лекарство.

Он нахмурился.

- Я в порядке. Не беспокойся обо мне. Просто сосредоточься на том, чтобы выбраться отсюда. Тогда мы сможем подлечиться и расслабиться, как только победим.

Я не спрашивала, как мы это сделаем. Но я все же спросила:

- Мы идём к водителю в километре отсюда?

- Нет. Ты права. Это слишком опасно. - Он нахмурил брови, обдумывая новый план. - Джипы, на которых рабочие ездят в шахту, совсем рядом. Я знаю, где хранятся ключи. Если мы будем прятаться, то сможем добраться туда вовремя, чтобы уйти незамеченными.

- А как насчет Ката?

- А что с ним?"

- Может быть, он уже разыскивает меня?

Суровый взгляд наполнил его глаза.

- Кат оставит тебя Дэниэлю. Назовем это тренировкой. Как лев оставляет своего детеныша растерзать свой обед, прежде чем войти и убить его. Он хочет, чтобы Дэниэль использовал тебя. Он не будет вмешиваться в это.

Я не была в этом уверена. То, как Кат смотрел на меня, говорило о ярости, что его младший сын добрался до меня первым. Он ненавидел Дэниэля за то, что тот выиграл жребий.

Выйдя из вонючего сортира на свежий утренний воздух, я сжала руку Джетро.

- Я тебе доверяю.

Его золотые глаза светились собственным рассветом.

- Я постараюсь оправдать твоё доверие, Нила.

Потянув меня вперед, он улыбнулся.

- А теперь пойдём домой.

Я спрятал свой страх, держа Нилу за руку и ведя ее через лагерь.

Ей не нужно было знать, что я понятия не имею, как сдержать свое обещание. Ей не нужно было слышать мои тревоги или опасения по поводу этого нового плана. Что ей действительно было нужно, так это чтобы я был сильным и вытащил ее из этой передряги.

И я сделаю это.

Стиснув зубы, я потянул ее быстрее. Я сказал ей, что Кат будет ждать, пока Дэниэль не насытится ею, но это было не так. Кату нравилось заявлять права самому. Его терпение давно бы закончилось.

Я не сомневался, что он уже в пути, разгневанный из-за долгого ожидания.

Пение птиц и пробуждение животных возвестили о наступлении нового дня. От звона и щебета у меня по спине побежали мурашки. Дэниэль заслужил, чтобы его сожрали. Природа позаботилась об этом. Но это не означало, что было легко смотреть на это.

Воспоминания о его детстве, о том, как он гонялся за мной и Кесом, о тех редких случаях, когда мы ладили, все это всплыло в моей голове, когда я смотрел, как кусочки его тела исчезали в глотках львиц.

Чувство вины за то, что я не пытался понять или помочь ему, терзало меня, и на мгновение я пожалел, что не был лучшим братом для всех моих братьев и сестры.

Но я не мог изменить прошлое. И у меня практически не было власти над своим будущим.

Я должен сконцентрировать внимание на настоящем, чтобы спасти женщину, которую я выбрал и которая важнее моей семьи.

- Не высовывайся. - Я дернул Нилу за контейнер, скрывая в тени. Рабочие и охранники, растянувшиеся без сознания после ночи разврата, исчезли. Пыльные следы указывали на то, что в лагере все еще тихо, но люди уже проснулись, в своих домах, готовят завтрак, готовясь к работе через несколько минут.

Нам нужно двигаться быстрее.

Нила, тяжело дыша, трусила рядом со мной. Она повторяла за мной, пригибаясь, когда я пригибался, и бежала, когда я бежал.

Она не была глупой. Она знала, что поставлено на карту. И по какой-то чертовой причине она поверила, что я приведу ее в безопасное место.

Из-за меня ее чуть не убили львы.

В десятый раз я ругал себя за то, что вывел ее на равнину с истекающим кровью телом. Я знал, что хищники придут. Это был мой план, чтобы они утащили Дэниэля и превратили его тело в животные экскременты, но я не планировал, что они появятся так скоро.

- Затаись. - Мой голос был едва слышен, когда я вел Нилу вниз по маленькой аллее, минуя открытые дорожки и делая все возможное, чтобы остаться незамеченным.

Однако я знал, что этого будет недостаточно.

В конце концов, нас заметят... это был лишь вопрос времени.

Нам нужно быть как можно ближе к джипам, прежде чем это произойдет.

Нила потянула меня за руку, указывая в ту сторону, где огонь догорел и исчезли валяющиеся мужчины и женщины.

- Я знаю. - Я прищурился. – Потихе.

Она кивнула.

Мой бок болел от боли, когда я повернулся, чтобы продолжить наше опасное путешествие. Лихорадка постепенно делала меня слабее, истощая мои резервы. Нила была права насчет того, что мне нужен врач. Мы оба в нём нуждались.

Я не мог смотреть на ее синяки, не испытывая душевную боль. Мои краткосрочные цели включали посадку ее на самолет, где я смогу оценить, насколько сильно она пострадала и как много она скрыла от меня. Мой следующий план состоял в том, чтобы спрятать ее подальше, где ее нельзя будет тронуть, пока я вернусь в Хоуксбридж и закончу то, что должен был сделать много лет назад.

Я больше не хотел оставлять Жасмин в лапах Бонни. Особенно теперь, когда Бонни знала всю глубину обмана Жасмин. И мне нужно было увидеть Кестрела. Прикоснуться к нему и заставить его очнуться от комы и вернуться к жизни.

Число детей Хоук сократилось с четырех до трех.

Я больше не хотел, чтобы кто-то из нас погиб.

Нила споткнулась и зашипела сквозь зубы. Я приподнял ее, сопоставляя ее шипение с моим собственным. Я мрачно усмехнулся. Мы оба работали на всех парах.

Наши шаги были бесшумны, когда мы двинулись вперед. Судя по всему, лагерь был невелик: в нем проживало от тридцати до сорока человек. Но сегодня утром нам показалось, что мы пересекли Серенгети, преследуемые гиенами.

Мы пригнулись и замерли, перебежав открытое пространство, остановившись у другого контейнера.

Мы близки.

Сжав пальцы Нилы, я подбородком показал, что мы почти на месте. Парковка была прямо за углом.

Указывая на землю, чтобы она оставалась на месте, оставалась в безопасности, я высвободил свои пальцы из ее и подкрался к краю линии забора. Я не оглянулся, но почувствовал ее раздражение из-за того, что я оставил ее.

Это только на мгновение.

Никого.

Ничего.

Только пустое место между мной и первым джипом.

Неужели все так просто? Неужели судьба все-таки позволила нам победить?

Мои глаза метались от будки охранника к будке охранника. Вчерашняя церемония была особым случаем, когда правила безопасности были ослаблены. Однако там должен быть хотя бы один охранник.

Никого.

В этом не было ничего необычного, но это не успокоило меня. Это только сделало мое состояние чувствительнее, ища любое эмоциональное влияние, чтобы сигнализировать, что люди были там, просто незамеченные.

Мое внимание привлек единственный шкаф, привинченный к полу посреди парковки. В нём хранились ключи от двадцати или около того джипов, которые использовались для того, чтобы отвезти выспавшихся рабочих на замену ночной смены.

Чтобы открыть шкаф требовался не ключ, а пин-код.

И я знал пин-код.

День рождения моей матери.

Махнув Ниле, чтобы она следовала за мной, я бросился по грязи и быстро нажал кнопки.

Пожалуйста, пусть ничего не изменилось.

Это была бы просто моя гребаная удача.

Прошло три долгих секунды, прежде чем замок открылся.

Слава Богу.

Мои руки дрожали, когда я схватил комплект, помеченный номерным знаком ближайшего джипа.

Так близко.

Пожалуйста, дай нам уйти отсюда.

Мои мысли превратились в молитвы, прокладывающие путь к полной надежд свободе.

Махнув Ниле, призывая её покинуть своё укрытие, я подтолкнул ее к машине.

- Давай.

Она не колебалась.

Вместе мы обежали вокруг машины, и я отпер двери. Бросившись на водительское сиденье, я подавил стон от боли в боку. Нила запрыгнула на пассажирское сиденье, и я вставил ключ в замок зажигания.

Но ничего не произошло.

Я нажал на газ и повернул ключ зажигания.

И снова ничего.

- Какого хрена? - Мои глаза метались между тёмной приборной панелью и быстро поднимающимся солнцем.

У нас мало времени.

Я попробовал еще раз, вдавливая педаль в пол.

Заводись. Пожалуйста, бл*ть, заводись.

Двигатель внезапно ожил, закашлявшись.

А потом - самый ужасный звук, какой только можно вообразить.

Громкий треск рикошетом разнесся по тихому утру, разрывая тишину, возвещая миру, где мы находимся.

- Бл*ть! - Я стукнул кулаком по приборной панели. Мое сердце перестало биться.

Нила съежилась в кресле, её глаза блестели от паники.

- Что же нам делать?

Мне хотелось сказать ей, что это еще не конец. Что у нас еще есть шанс. Но у меня не хватило дыхания.

Я перевел взгляд на входные ворота.

Дерьмо.

Появился охранник с затуманенными глазами. Он подбежал к своему посту и поднял оружие, ища угрозу.

Я не стал дожидаться пули или приглашения уйти.

Это был наш единственный шанс.

- Держись! - Повернув рычаг переключения передач, я включил передачу и заставил старенький джип рвануть вперед.

Нила взвизгнула, когда мы помчались вперед и галька зазвенела под нами. Шины жевали грязь, рыча все сильнее и сильнее.

Охранник прицелился.

- Давай! - закричала Нила, вцепившись в грязную обивку сиденья. – Давай! Давай! Вперед!

Я погнал машину быстрее. Она рванулась вперед, взвизгнув в облаке пыли.

Охранник опустил руку, ныряя в сторону, когда мы пролетели половину пути, объезжая припаркованные машины.

Ближе.

Ближе.

Давай. Давай.

Он сжал в кулаке рацию на своем жилете, его лицо колебалось между шоком и удивлением.

Дернув руль, мы понеслись прямо на него. Я не позволю ему собрать силы. Не сейчас. Не тогда, когда мы были так близки.

Ворота и окончательная свобода возникли перед нами, обещая счастье в тот момент, когда мы прорвемся через них.

- Мы справимся. Мы справимся, - пропела Нила, вцепившись в приборную панель побелевшими пальцами.

Я сильнее надавил на газ, готовясь протаранить вход.

- Мы сделаем это. Почти готово.

Мое сердце дрогнуло, и надежда радостно затрепетала при мысли о том, что я наконец-то спасу Нилу и выполню свои обещания.

Только...

В конце концов, судьба была не на нашей стороне.

Ворота широко распахнулись, и с обеих сторон появился барьер из людей с оружием в руках.

- Нет! - Крикнула Нила, и ее голос смешался с ревом мотора.

Какого черта?

А затем мужчина в белой рубашке, с козлиной бородкой и блестящими бесцветными

волосами занял почетное место в очереди. Он стоял, расставив ноги, посреди своих приспешников и ткнул пальцем прямо мне в душу.

Ублюдок.

Я был прав. Кат не стал ждать.

Наверное, он перестал ждать, когда мы ушли с Дэниэлем.

Пока мы кормили львов завтраком, Кат организовал контратаку.

- Бл*ть, бл*ть, бл*ть!

- Нет! - закричала Нила, когда я сильнее нажал на газ. - Не останавливайся. Пожалуйста, Кайт. Не. Останавливайся. Мне все равно. Мне все равно, даже если они будут стрелять. Просто...не останавливайся!

Дикая ярость взорвалась в моих венах.

- Я не остановлюсь!

Они стояли у меня на пути. У меня была машина.

- Надень свой ремень. Сейчас же! - Я переключился на пониженную передачу, давая больше мощности разъяренному двигателю. Наше движение превратилось в стремительный полёт.

Я убью всех до единого охранников, преграждающих мне путь. И я сделаю это с радостью.

Глаза Нилы округлились, но она сделала, как ей было сказано. Дрожащими руками она вцепилась в ремень безопасности, крепко пристёгиваясь. Я сделал то же самое, жонглируя между пристегиванием ремней безопасности и управлением старым джипом.

Я стиснул зубы от наплыва эмоций, исходящих от мужчин передо мной. Их тела могли образовывать стену, но их эмоции тоже. Страх, обязательства, нежелание пострадать, независимо от того, какие угрозы исходили от Ката.

Мое сердце екнуло, когда самый молодой из мужчин - совсем еще мальчик - вышел из строя и поднял ружье.

Он прицелился.

Я поехал быстрее.

Он выстрелил.

Взрыв больно ударил мне в уши, когда парень отпрянул, его рука взмыла вверх от отдачи. Нила вскрикнула, когда пуля отскочила от капота.

- Пригнись! - Схватив ее за шею, я заставил ее упасть на колени.

- А как же ты?! - Она посмотрела в сторону, в ее глазах был безумный ужас.

- Не беспокойся обо мне.

Беспокойся о них.

Я свернул, сделав свою сторону машины более заметной, чем ее. Если кого-то и подстрелят, так это меня. Я уже пережил одну пулю. Я смогу сделать это снова.

- Джетро! - Нила послушалась моего приказа и подняла голову. - Берегись!

Мы уставились на стволы ружей. Пулеметов. Дробовиков. Все виды оружия. Вооруженные, взведенные и готовые к бою...

Они выстрелили.

У нас не было ни единого шанса.

Колеса лопнули, металлический каркас превратился в оспины и искореженные обломки.

Машина продолжала лететь, но не по земле. Передняя часть хрустнула, когда ось

прогнулась, отправляя нас кувыркком в небо.

Как в замедленной съёмке.

Громкий шум.

Настоящая бойня.

Последнее, что я помнил, это как меня занесло, как я врезался в валун и перевернулся.

Затем...

Ничего.

Я пережила это.

Борьбу Джетро.

Дождь выстрелов.

Рывок и пинок джипа, когда его нос врезался в землю и подпрыгнул в воздух. Я видела, как голова Джетро резко повернулась в сторону, его висок ударился о ветровое стекло, а затем воздух превратился в землю и джип превратился из машины в сплюснутый сэндвич.

Головокружение преследовало меня всю жизнь. Но этот... кошмар с перелетами, рикошетами и поворотами был в десять раз хуже. Рывок, крен, петля за петлей заставили наши тела покинуть кости и превратиться в колеса из плоти.

Низ был верхом. Верх был низом. И судьба по-настоящему бросила нас, когда мы, стуча зубами, остановились вниз головой.

Мне было больно.

Я задрожала.

Двигатель не переставал скулить. Осколки стекла посыпались дождем, как расколотые кристаллы. Кровь жгла мне глаза, но я отказывалась оторвать взгляд от Джетро.

Джетро...

Слезы закупорили каждую артерию. Паника поселилась в каждой жилке.

Мы были так близки...

Он висел неестественно неподвижно. Кровь капала с его виска, разбрызгиваясь по крыше автомобиля. Его бок кровоточил ярко-алой кровью, а рана на лбу сочилась почти черно-красной. Его руки болтались, запястья были согнуты и безжизненны.

Нет-нет. Пожалуйста, нет...

Он не мог умереть.

Он не мог.

Жизнь не может быть такой жестокой.

Она не станет заманивать нас надеждой, а затем выдергивать ее из наших рук, когда мы потянемся за ней.

Это не может быть так жестоко!

Джетро...

Мне хотелось протянуть руку и дотронуться до него. Мне хотелось поговорить с ним и заверить его. Я хотел освободить его и утащить далеко-далеко.

Но мой мозг был не в силах передать сообщение ушибленным конечностям.

И я повисла там - сломанная марионетка, которую держат на веревочках.

Мои легкие внезапно потребовали вдоха. Я задыхалась и отплевывалась. Ремень безопасности обхватил меня слишком сильно, перерезав грудную клетку и удерживая вверх

ногами. Мои волосы свисали вокруг меня, капли моей крови стекали по моему лбу, как неправильно текущие красные слезы, присоединяющиеся к слезам Джетро на крыше внизу.

- К... Кайт... - простонала я, когда это слово разорвало меня надвое. Я умоляла свою руку подвинуться к нему, чтобы посмотреть, жив ли он.

Но я не могла пошевелиться.

Джетро не двинулся с места.

Ничто не двигалось, кроме вращающихся шин и оседающей пыли, окутавшей нас облаком желтого пепла.

Сморгнув кровь, я сделала еще один вдох, желая, чтобы кислород оживил меня.

Давай.

Мы не были в безопасности. Я не могла вспомнить почему. Но мы не были в безопасности.

Львы?

Гиены?

Я слышала приближающиеся шаги. Щелчок разоружаемого оружия эхом отдавались в моем черепе. Инструкции давались на непонятном мне языке.

Я вдруг вспомнила.

Хоук.

Кто-то попытался открыть мою дверь, но она не поддавалась. Я даже не взглянула на них. Не сводя глаз с Джетро, я без слов рассказала ему все, что он заслуживал услышать.

Я люблю тебя.

Я тебе доверяю.

Спасибо, что пришёл за мной.

Я пойду за тобой.

Я буду следовать за тобой.

Это еще не конец.

Ужас от того, что он мог уйти навсегда, поглотил меня. Я видела, как он умирал дважды. Дважды.

Я знала, каково это - жить без него. Если бы он умер, я бы тоже хотела уйти.

Слезы текли из моих глаз, смешиваясь с кровью, капающей со лба.

Снова раздались шаги.

Снова хруст и разговоры.

- Джетро... - я боролась с болью и сумела заставить свою руку двигаться. Дюйм за дюймом я тянулась к нему.

Когда кончик моего пальца коснулся его локтя, я разрыдалась.

- Пожалуйста... очнись.

Он даже не дернулся.

Я ткнула его в бок.

Он даже не вздрогнул.

Я ущипнула его.

Он просто висел там, как разделанный труп.

Лобовое стекло вдруг разлетелось вдребезги. Я закричала.

Моя рука сама собой дернулась назад, инстинктивно прикрывая голову. Приклад пистолета оказался слишком близко к моему лицу.

Затем вместо оружия появился человек. Темнокожий мужчина. Его взгляд встретился с моим.

- Жива, босс.

Я зажмурилась. Вид снаружи будто насмеялся надо мной. Нам удалось вырваться из лагеря, прежде чем мы пали под огнем пуль. Мы были свободны. Мы миновали ограждение.

Но теперь...меня утащат назад, и Джетро...я сомневалась, что воскрешение произойдет во второй раз.

Я то теряла сознание, то приходила в себя: образы африканских рабочих, медленно осматривающих аварию, сменяли друг друга. Кто-то сунул руку внутрь и расстегнул мой ремень безопасности.

Гравитация мгновенно заключила меня в свои объятия и сложила пополам на крыше.

Стон сорвался с моих губ от ноющей боли.

В тот момент, когда меня отстегнули, кто-то схватил меня за лодыжки и потащил через рваную дыру, где раньше было ветровое стекло, на яркое утреннее солнце. Острые осколки металла резали меня, когда они вытаскивали меня на свободу. Песок обжигал мою кровоточащую кожу, когда они тащили меня по грязи.

- Нет! - Мои пальцы вцепились в изрешеченную пулями машину. - Только не без него. Нет!

Меня никто не слушал.

Вместо этого чьи-то руки легко подхватили меня и понесли прочь от джипа. Они опустили меня на землю и уложили на спину. Мой позвоночник скрипел и растягивался, мой мозг остро реагировал на боль, агонию и мучительный дискомфорт.

Мое тело так много пережило за такое короткое время.

Мне было больно, но это уже не имело значения.

Боль была лишь временной, поскольку я сосредоточилась на более важных вещах.

Пока часть моего мозга анализировала мои повреждения, я смотрела на разрушенный джип. Все болело, но я могла двигаться небольшими шагами. Я не думала, что что-то сломано.

Человек, который оттащил меня от Джетро, оставил меня в покое. Однако его загорелый силуэт сменился человеком, которого я ненавидела больше всего.

Его ботинки хрустели, когда он стоял надо мной, как дьявольский мститель.

- Вы собирались уехать еще до самого главного, Мисс Уивер. - Кат раздвинул ноги, уперев руки в бока. - Я не могу позволить моему гостю уйти до окончания праздника.

Мне больше нечего было дать. Больше не с кем воевать.

Игнорируя его, я повернула голову, чтобы посмотреть на 4WD. Мое сердце подпрыгнуло, когда Джетро вытащили из-под обломков.

Я не отвела взгляда, когда человек, который нес меня, положил неподвижное тело Джетро рядом с моим на землю. Голова его склонилась набок. Грязь покрывала его красивое лицо, смешиваясь с кровью на коже.

Кат подтолкнул меня носком ботинка.

- Значит...ты говорила правду, когда говорила, что любишь, а не любила моего сына. - Присев на корточки, он ткнул Джетро в раненый бок: в ту сторону, куда он выстрелил.

Я взмахнула рукой.

- Не ... не трогай его.

Кат улыбнулся, положив руку на горло сына. Он наморщил лоб, пытаясь нащупать пульс.

Я прикусила губу, умоляя его найти его, и в то же время надеясь, что он этого не сделает, чтобы Джетро был свободен от новых пыток.

Губы Ката медленно растянулись в улыбке.

- Ну, хорошо. Он все еще жив.

Слава Богу.

Спасибо, спасибо, спасибо.

Слезы радости покатались по моему лицу, несмотря на то, что я знала, что будущее будет совсем не счастливым.

Пальцы ката коснулись моей щеки. Я подавила гнев, безуспешно отталкиваясь от земли, чтобы уйти.

- Я так рад, что ты цела и невредима. - Его пальцы сердито сжали мой подбородок. - Однако тебе придется многое объяснить, прежде чем я позволю тебе оставаться такой. Давай начнем с нескольких простых вопросов, хорошо? - Другой рукой он размазал кровь по лбу Джетро. - Как он здесь оказался? Почему он еще жив? Где, черт возьми, Дэниэль?

Стиснув зубы, я использовала всю свою энергию и оттолкнула руку Ката от своего любовника.

Ты можешь прикоснуться ко мне, ублюдок. Но только не к нему. Только не к нему.

- Я расскажу тебе все, если ты его отпустишь.

- Отпустить его? - Кат усмехнулся. - С какой стати мне это делать? Не каждый день призрак возвращается из могилы.

Я попыталась подползти поближе к Джетро, чтобы встать между ним и его отцом. Он был жив, но без сознания. Кат мог убить его так легко, и он никогда не узнает об этом, пока его душа не освободится и не станет бездомной на африканских равнинах.

- Прекрати. Оставь его в покое.

Кат опустил руку, его улыбка стала еще шире.

- Ты говоришь мне, что делать, Уивер?

- Да.

Его глаза загорелись.

- А что я получу взамен?

Мое сердце звякнуло, и ад разверзся подо мной.

Выходи за меня.

Да.

Муж.

Жена.

Теперь все это не сбудется.

Но у меня была сила, чтобы сохранить жизнь Джетро. Я сделаю все, что потребуется.

- Меня, ты получишь меня. Просто...отпусти его.

Кат встал на ноги.

- Нет. У меня есть идея получше. - Щелкнув пальцами, он приказал охраннику приблизиться. - Свяжите ему руки.

Охранник кивнул. Опустившись на колени, он грубо перевернул Джетро на живот, не обращая внимания на то, что его окровавленное лицо прижалось к земле. Охранник ловко

обернул вокруг запястий ту же грубую веревку, что связывала меня в шахте.

Было физически больно смотреть, как они терзают его, в то время как он не мог защитить себя. С другой стороны, так было лучше. Таким образом, он не смог бы противостоять своему отцу или каким-то образом умудриться получить пулю во второй раз.

Пожалуйста, очнись.

Пожалуйста, не оставляй меня.

Это эгоизм. Будет лучше, если он уйдет с миром. Если он тихо ускользнет. Но я не могла смириться с его потерей.

Независимо от того, что планировал Кат, мы оба пожалеем, что не умерли. Вера в то, что мы выберемся отсюда целыми и невредимыми, осталась в искореженном джипе, вдавливая наши мечты в африканскую почву.

Кат вытер руки о джинсы, свирепо глядя на рабочих.

- Кто-нибудь видел Дэниэля?

Мужчины шаркали сапогами, вертели в руках ружья. Никто из них не смотрел ему в глаза.

Наконец-то кто-то ответил.

- Нет, босс. Ни разу со вчерашней церемонии.

Кат нахмурился и провел рукой по лицу.

- Ну так найдите его. Он не мог убежать слишком далеко. - Его взгляд остановился на мне. - Если только ты не хочешь чем-то поделиться со мной, Нила?

Я молча уставилась на него в ответ.

- Хорошо.

Расхаживая взад и вперед, Кат прорычал:

- Обыщите лагерь, направляйся к шахте, чтобы проверить, достаточно ли он глуп, чтобы пойти туда, и проверьте равнины вокруг лагеря. Я хочу, чтобы он был частью моих дневных планов, и он не сможет сбежать только потому, что у него чертово похмелье.

Мои губы дрогнули. В какой-то мере я обыграла Ката.

Дэниэль страдал от худшего похмелья в своей жизни.

По кусочкам.

Рабочие кивнули, расходясь в разных направлениях, чтобы выполнить приказы Ката.

Когда осталось всего несколько человек, Кат тихо сказал:

- Этот чертов сын должен кое-чему научиться.

Указывая на человека, который спас меня, он приказал:

- Отведите их в пещеру 333.

- Да, босс. - Мужчина пригнулся, чтобы поднять меня.

Кат ухмыльнулся и шагнул ближе, заслоняя солнце.

- Я думаю, тебе пора узнать несколько секретов, Нила, а моему старшему сыну – узнать, что бы он ни делал, это не остановит меня.

Мне хотелось кричать. Я хотела убивать. Но я прикусила язык и сдержала свои эмоции. У меня был шанс уйти. Мы оба постарались сделать это. Мы сделали все, что могли, но этого было недостаточно.

Теперь мы заплатим еще одну цену.

Еще один долг.

Вновь.

Все мое тело заныло, когда рабочий поднял меня на ноги. Головокружение отбросило

меня в сторону, превратив мир в разбитую головоломку. Я застонала, бросив попытки найти опору, и поддалась головокружению.

- Неси ее, черт возьми, - прорычал Кат. – Сама она не сможет.

- Да, босс. - Руки рабочего подхватили меня, крепко удерживая. Я извивалась, глядя через его плечо, когда он уносил меня прочь.

Пока, Джетро...

Я не расслаблялась.

Я не плакала.

Но я действительно словно умерла внутри, когда другой рабочий поднял Джетро на руки, и нас вместе бросили в джип и повезли в вечный ад.

Липкая кровь Дэниэля запятнала мои руки, в то время как его отец расхаживал передо мной. К счастью, она смешалась с кровью с моей рассеченной щеки и натертых ног после автомобильной аварии, скрывая мои грехи.

Мы были уже не над землей, а под ней.

Пещера 333.

Глубже, чем пещеры, которые показывал мне Кат. Больше, чем сортировочные или складские пещеры на поверхности.

Мое израненное тело жаждало солнечного света. Я умоляла солнечный свет даровать мне свою целительную силу, чтобы я могла бежать.

Но здесь...в сырости, зловонии и темноте - я была уже мертва и похоронена.

Эксгумации при дневном свете не будет. Некому было нас забрать, когда Кат закончит свои мрачные дела.

Кат провел руками по волосам, не переставая расхаживать по комнате. Его белая рубашка была в пятнах, а джинсы в пыли.

- Ответы, мисс Уивер. Я их жду. В эту самую бл*ть секунду.

Я прикусила язык, глядя на земляные стены, окутывающие нас холодным влажным гостеприимством, поглощающие нас целиком, как жадный великан.

Это была не пещера. Это был желудок великана. Его внутренности.

- У тебя есть ровно три секунды, чтобы сказать мне то, что я хочу знать. Иначе я перестану обращаться с тобой как с гостем и вместо этого сделаю тебе больно, как своей пленнице.

Я фыркнула.

- Последние полгода вы обращались со мной как с гостьей? Вчера вечером с подбрасыванием монеты? Сегодня утром, после перестрелки? Это типичное поведение для ваших гостей?

Пламя тлело в моем животе, подавляя мои раны и позволяя мне сосредоточиться на том, чтобы остаться в живых.

Кат развернулся ко мне лицом, быстро шагнул вперед и хлопнул ладонями по подлокотникам деревянного стула, к которому привязал меня.

- Шесть месяцев в моем доме, и разве я не кормил тебя, не давал тебе свободу действий? Разве вчера вечером я не дал тебе кое-что, чтобы сделать третий долг более терпимым? Я позволяю тебе танцевать, улыбаться. Тебе было весело, Нила. Ты не можешь этого отрицать.

- Его голос понизился до шипения. - Тебе было чертовски весело, и ты не можешь сказать, что было иначе.

Я задрожала.

- Ты хочешь и дальше считать себя джентльменом? Индивидуалист, приносящий жертвы ради благого дела? Давай дальше. осуществи эту фантазию, отпустив нас с Джетро. Тогда я отвечу на любой вопрос. Дай мне слово, что мы свободны, и я все тебе расскажу.

Не все.

Потому что в тот момент, когда он узнает о Дэниэле, не будет ни гильотины, ни последнего долга. Он свернёт мне шею в считанные секунды. Он отомстит за своего младшего сына, потому что не он был тем, кто решил, что все должно быть кончено.

Оттолкнувшись от подлокотников, он снова принялся расхаживать по комнате.

- Давайте начнем со слона в комнате, хорошо? - Он указал на Джетро. - Какого чёрта он жив и здесь?

Мое сердце дрогнуло, когда я посмотрела на Джетро. Он без сознания ссутулился в точно таком же кресле. Однако веревки, удерживающие его на месте, были втрое больше моих. Они словно змеи обвились вокруг его бедер и туловища, привязав его к стулу. Его запястья безжизненно висели, зажатые за спиной, а лодыжки были привязаны к ножкам стула еще одной веревкой.

Спасения не будет. Даже если бы он был волшебником со всеми заклинаниями в мире.

В голове у меня проносились мысли о том, как освободиться, но пока...у меня ничего не было. Пусто. Ноль. Пшик.

- Я застрелил его. Он умер на ковре у моих ног. Он должен был умереть. - Лицо Ката покраснело.

Я вздрогнула, но выдержала его взгляд.

- Просто отпусти нас. Никто больше не должен пострадать.

Его глаза сузились.

- Никто больше? Ты говоришь так, будто кто-то только что пострадал, Нила. Это был Дэниэль? - Он рванул вперед, его пальцы впились мне в щеки. - Где он?

Это был вопрос выживания. Я никогда не была хорошим лжецом.

- Без понятия. - Держа подбородок высоко, я старалась говорить правдоподобно. - Откуда мне знать, где твой презренный сын?

- Похоже, ты знала, где мой старший сын, даже когда жила под моей крышей. - Его лицо исказилось от ярости. - Ты ела мою еду, спала в моих комнатах и врала мне в лицо.

- Нет, не знала.

Кат холодно рассмеялся.

- Не будь сукой. Ты знала. Все это время ты знала.

- Я не знала! - Я подавила свой крик. - Я думала, он умер. Так же, как и ты.

Сказав ему каплю правды, я добавила:

- Я...я узнала об этом всего за несколько часов до того, как вы посадили меня в самолет.

Кат сверкнул глазами.

- Как? Как ты узнала об этом?

Как это может навредить? Джетро был здесь. Какие бы планы он ни строил, они не осуществляются.

- Он сам мне сказал. Он пришел за мной.

Рот ката приоткрылся, удивленный кашель вырвался наружу.

- Ты хочешь сказать, что он добровольно вернулся в Хоуксридж, а потом снова бросил тебя? - Его глаза горели. - Подожди, вот где ты была, когда Дэниэль нашел тебя возле твоей комнаты.

Я ничего не ответила. Он уже догадался.

- Что за чертов идиот. - Он покачал головой. Еще больше теней омрачили его душу.

Отбросив полученную информацию, он сказал:

- Кстати, о Дэниэле. Давай вернемся к тому, что важно. Джетро жив. Мне понадобится дополнительная информация об этом. Но сейчас Дэниэль важнее. - Его брови сошлись на переносице. - Ты была с ним последней. Что ты сделала?

- Я? - Усмехнулся я. - Как я могу победить Дэниэля? У меня не было ни единого шанса.

- Он тебя изнасиловал?

Кровь течет по моей игле.

Кислород покидает труп.

Львы жуют мясо.

- Да.

Пытался.

- Ты лжешь.

- Нет.

Он расхаживал вокруг меня, остановившись за моим стулом, чтобы я не могла рассмотреть его лицо.

- Мне очень трудно в это поверить.

Я выпрямилась в своем тюремном кресле.

- Но почему?

Голос Ката скользнул по моему затылку, поглаживая покрытые пылью волосы.

- Ты вся в синяках и крови, но я не знаю, от автокатастрофы это или от моего сына. Тебе больно, но ты не сломлена. Не слишком обнадеживающе, если Дэниэль был сыт тобой по горло.

Он усмехнулся:

- Я думаю, что ты лжешь, потому что ты все еще жива. - Его пальцы скользнули вниз по моему горлу к груди. - Ты можешь ходить. Разговаривать. Отвечать. Я знаю своего сына, мисс Уивер, и, если бы он взял тебя так, как планировал, ты бы не сидела здесь с возмущением в глазах. - Его руки сжали мои волосы, болезненно дергая. - Ты бы была разорвана на куски, мать твою.

Дерьмо.

Слезы защипали глаза, когда он снова встал передо мной. Уперев руки в бока, он возвышался, как судья, присяжный и палач.

- Ты лжешь мне.

- Нет. - Я боролась с дрожью. - Я не лгу.

Кат наклонился, приблизив свое лицо к моему.

- Скажи мне правду. Сейчас.

- Я говорю вам правду.

Его глаза потемнели.

- В последний раз. Еще один шанс, иначе ты получишь мучительную награду за каждую ложь.

Мое сердце билось о ребра.

- Я говорю правду. Дэниэль взял то, что хотел.

- Это невозможно. - Его рука сжалась. - Нет никаких доказательств, и мой сын внезапно пропал.

Ври лучше.

Дерись умнее.

- Я не говорила, что он взял то, что изначально хотел.

Кат замер.

- Что ты имеешь в виду?

Пожалуйста, пусть он поверит моей лжи.

- После твоего ухода он ... он передумал.

Кат поднял кулак.

- Я тебе не верю...

- Подожди! - Я вздернула подбородок, напрягаясь от его удара. - Наркотический ликер, который вы мне дали. У него он тоже был. Он сказал, что думал, что хочет, чтобы я боролась с ним, но потом решил, что лучше, чтобы подчинилась ему.

Кат помолчал, не опуская кулак.

- Продолжай.

Слова сыпались в спешке, путаясь с ерундой и сказками.

- Я поцеловала его и сказала, что охотно подчинюсь. Что я хотела его из-за того, что ты дал мне. Что я нахожу его таким сексуальным и хочу его так... так сильно.

Грязь.

Мусор.

- Ему не нужно было причинять мне боль. Я подчинилась. Я с радостью доставляла ему удовольствие, потому что получала удовольствие в ответ.

Мыло.

Мне отчаянно хотелось вымыть рот мылом.

Наступила тишина, прилипшая к стенам пещеры. Я надеялась, что моя ложь не была настолько надуманной, чтобы поверить в неё. Последние несколько месяцев в Хоуксбридже не дали ни малейшего намека на то, кем был Дэниэль на самом деле. Он был ужасен, но я понимала, каково это, когда тебя отвергают с самого рождения, говорят, что ты никому не нужен, лишают человеческих связей. Любовь. У него никогда не было безусловной любви.

Неужели так трудно представить себе, что он может захотеть добровольной близости, а не изнасилования? Джетро и Кес были добросердечны и любвеобильны - под всей этой ерундой, которую на них наслаивал Кат. Но, по крайней мере, у них было хоть какое-то подобие семьи. Их мать заботилась о них. Они были воспитаны в браке, а не в режиме.

Дэниэлю повезло меньше. Может быть, поэтому он так и не превратился в избалованного мальчишку? Неужели ему не хватало всего, что делало его человеком, потому что ему никогда не давали нежности и материнской заботы? Может быть, я зашла слишком далеко, намекнув, что в своих объятиях, он для разнообразия обрел рассудок?

- Я дала ему больше, чем он просил. Я подарила ему любовь. - Мои глаза сузились от гнева. - Я дала ему то, что ты никогда не смог бы дать.

Кат замер. Все его тело сжалось, как будто я сняла с него панцирь и открыла гротескную правду внутри него.

О, боже мой.

Это была и проблема Ката?

Нехватка любви от собственной матери?

Бонни... как сильно она искалечила своего сына?

Его губы раздвинулись, обнажив блестящие зубы.

- И где же он тогда? Если ты устроила ему ночь гребаных чудес, почему он не был в твоей постели? Почему ты бежала с Джетом? Почему каждое слово, вылетающее из твоего гребаного рта, воняет лошадиным дерьмом?

Я напряглась, свернувшись калачиком в поисках защиты.

- Я всегда говорила, что убегу, если представится такая возможность. Джетро дал мне этот шанс. Что же касается Дэниэля, то он ушел, как только закончил. Я предположила, что он пошел за тобой.

Мой разум ухватился за новую мысль.

- Возможно, он нашел другую женщину, чтобы провести с ней остаток ночи. Может быть, он слишком напился и отсыпается в тени. - Я старалась говорить спокойно, хотя голос мой дрожал от неуверенности и умолял Ката не причинять мне боли. - Я не знаю, где твой сын. И сколько бы раз ты меня ни спрашивал, мой ответ не изменится.

Страница 13

Кат устало провел рукой по лицу. Крошечная часть меня хотела закричать так громко, чтобы мое признание эхом отдалось в каждой пещере шахты.

Это был я.

Я.

Я убила твоего отпрыска.

Я - та, кто забрал его жизнь прежде, чем он смог забрать мою.

И я заберу твою, прежде чем всё закончится.

Но я сдержала свой гнев.

- Ты лжешь, - прорычал Кат. - Перестань, бл*ть, врать и скажи мне правду.

- Я не лгу.

Он со всей силы схватил меня за волосы.

- Ты имеешь какое-то отношение к его исчезновению. Я это знаю. Я расскажу тебе, что, по-моему, произошло.

Кивнув подбородком в сторону Джетро, он прорычал:

- Кайт прилетел, и вы вместе убили его. Ты все это спланировала и...

- Нет!

Он дернул мою голову назад. Бриллианты на моей шее поранили гортань.

- Тогда скажи мне правду. Где. Мой. Сын?

Я ахнула.

- Я ничего не сделала.

- Лгунья!

- Нет! - Мои глаза метнулись к Джетро. - Кроме того, сейчас это не имеет значения. Твой первенец воскрес из мертвых. Он твой первый наследник. Он может стать им снова. - Все мои раны вспыхнули в такт бешеному сердцебиению. Борясь с его хваткой, я изо всех сил старалась уговорить его. - В глубине души ты знаешь, что Дэниэль не годился для управления твоей империей. Но есть Джетро. Ты ухаживал за ним. Он...

- Заткнись! - Ладонь ката ударила меня по щеке.

Звезды.

Я застонала от боли: моя голова тяжело повисла, когда он отпустил меня.

Кат тяжело вздохнул и зашагал прочь.

Пытаясь поднять подбородок и моргнуть сквозь серое и черное, я пыталась заставить Джетро проснуться. Я больше не хотела оставаться одна. Я не хотела встречаться лицом к лицу с тем, что может случиться.

Я эгоистка.

Проснись. Пожалуйста...

Джетро не шевелился, обмякнув в своем кресле, едва дыша.

Кат продолжал расхаживать взад и вперед, поднимая сапогами алмазную пыль и землю.

- Меня не волнует, что Джетро вернулся из мертвых. Ты забываешь, что я хотел причинить ему боль. Он предал меня - вместе с тобой, ни больше ни меньше. Я выстрелил в него нарочно.

- Нет. - Я покачала головой. - Это неправда.

Кат сделал паузу, его брови взлетели вверх.

- Ты стрелял в Жасмин, но Джетро защитил ее. - Мое сердце бешено колотилось, изо всех сил стараясь прикоснуться хоть к какой-то капле человечности, пока не стало слишком поздно. - Я не думаю, что ты хотел застрелить Джетро. Ты никогда не понимал его состояния, но ты гордился тем, насколько он силен и предан вашей семье. Как много он вытерпел, чтобы быть всем, о чем ты его когда-либо просил...

- Заткнись бл*ть! - Кат попятился назад, вытирая руки о штанину. - Ты все неправильно поняла.

- Тогда просвети меня. Расскажи мне свои секреты. Ты же сказал, что сделаешь это. Ты сказал, что я имею право знать все. - Я не могла нормально дышать от страха. - Я хочу знать. У меня есть вопросы. Так много, так много вопросов. Расскажи мне правду о том, что случилось, когда ты забрал мою мать. Ты любил ее? Ты когда-нибудь испытывал к ней какие-нибудь чувства, которые могли бы остановить её убийство?

Его губы расплылись в ледяной улыбке.

- И это все, что ты хочешь знать? Непрактичные, до глупости романтичные вещи?

Я молча кивнула.

- Да. Потому что эти глупые романтические вещи покажут мне, была ли у тебя когда-нибудь душа.

Он усмехнулся.

- О, у меня есть душа, Нила Уивер.

- Покажи мне её.

- Что ты хочешь знать?

- Все.

Говори с ним. Продолжай тянуть время.

- Расскажи мне свою историю, Кат. Прежде чем всё закончится, дай мне понять.

Кат не ответил. Вместо этого он подошел к пустому столу у стены и провел пальцем по толстому слою пыли.

- Я вижу твои уловки насквозь. Я знаю, что ты делаешь, но так уж случилось, что твоя просьба совпадает с моими намерениями.

По спине у меня пробежал ледяной холодок.

Бросив мне улыбку, Кат изменил свой путь и направился к грубо сделанной деревянной двери. Единственный вход и выход.

- Поскольку извлечение правды из тебя оказывается утомительным, давай перейдем к более интересным вещам, не так ли?

Я не могла говорить, потому что меня охватил ужас.

Я пыталась тянуть время, а теперь Кат перепутал мои планы с его. У меня было чувство, что я предпочла бы удар кулаком в челюсть каждый раз, когда я лгала, а не то, что он планировал сейчас.

Схватившись за дверную ручку, Кат широко распахнул дверь. Тут же вошли двое мужчин. Мужчины, которых я раньше не видела. Белки их глаз светились на фоне темноты их кожи; желтая грязь окрашивала их кожу боевой раскраской, а одежда - джинсы и грязные футболки - выдавала в них рабочих шахты.

- Положите его на стол. - Кат отступил в сторону, чтобы не мешать мужчинам толкать тележку через пещеру к упомянутому столу.

Я не могла отвести взгляд, когда они расставляли на своих местах случайные, но ужасающие вещи. Резиновый молоток. Ведро, полное до краев воды. Квадратный неглубокий контейнер. Сумка на молнии с черными мешочками, которые, как я предположила, были бриллиантами. Пакет с чем-то, подписанный на медицинском жаргоне, ножницы, марля и, наконец, маленькая палочка.

Что все это значит?

Ничего из этого не имело смысла, но мой желудок скрутило от пронизывающего ужаса.

Как только рабочие опустошили свою тележку, Кат жестом велел им уходить.

- Это все на сегодня. - Он проводил их до двери и запер ее за ними.

Я ненавидела то, как его походка была похожа на походку Джетро - мощная, уверенная, мужественная. Как бы сильно я ни любила сына, я никогда не буду заботиться об отце.

Оторвав взгляд от Ката, я посмотрела на потолок пещеры. Если я умру здесь, найдет ли моя душа путь из шахты в райское небо? Или я провалюсь еще глубже в землю, в ад, за убийство Дэниэля?

Капелька упала мне в глаза, оставив свое окружение из слез наверху, балансируя ненадежно, пока, наконец, не поддалась зову гравитации. Случайный всплеск на моей макушке и крошечный звон, когда капли падали на пластиковую посуду и контейнеры, добавляли еще одно измерение пещере-склепу.

Кат улыбнулся, возвращаясь ко мне.

- Прежде чем мы начнем, я думаю, что мой сын спал достаточно долго. Не так ли?

Мое сердце ушло в пятки, когда он подошел к большой бочке в углу, полной илистой воды, и схватил маленькое ведерко. Расплескивая жидкость, он направился к Джетро. Со свирепой улыбкой он выплеснул воду.

Джетро внезапно ожил.

Его измученное тело дернулось, когда он задыхался, дрожа в своих кандалах. Его лицо было мокрым, блестящие волосы прилипли к голове.

Слезы подступили к моим глазам, когда его голова откинулась назад, глотая воздух, как будто он тонул целую вечность. Его губы широко раскрылись, глаза крепко зажмурились, когда он пришел в себя.

Наблюдать, как он возвращается к жизни, было чудесно. Быть так близко к смерти, таким сломленным, и иметь возможность проснуться - вот что поразило меня.

В пещере эхом отдавались звуки от его прерывистых вдохов. Его голова склонилась набок, борясь с тяжестью окружающего мира. Его глаза горели диким беспокойством, впитывая все сразу.

Мне не нужно было страдать от его состояния, чтобы понять его мысли. Он увидел

пещеру, своего отца, а потом и меня.

Я была привязала к стулу с самой грустной улыбкой на губах.

Он внутренне раскололся, и я слышала каждый удар.

Его плечи опустились еще ниже, а душа все глубже соскальзывала в могилу. Он не мог пошевелиться из-за веревки, но даже если он был свободен, его слабость от боли удерживала его на привязи.

- Все в порядке... - пробормотала я, борясь со слезами. - Все в порядке.

Ничего не в порядке.

Ничего не шло по плану.

Мы так и не освободились.

Его собственные глаза остекленели от желания и ярости. Извинения и безусловная любовь в мою сторону, прежде чем смениться ненавистной яростью на своего отца. Чем дольше он был в сознании, тем сильнее становился. Его спина выпрямилась, заставляя энергию держать его.

Он снова закашлялся, судорожно хватая ртом воздух.

Мое тело умоляло подойти к нему, помочь ему дышать. По крайней мере, чтобы откинуть мокрые волосы и вытереть лицо.

Кат ничего не делал, позволяя своему сыну бороться с наплывом боли.

Подбородок Джетро опустился на грудицу, когда он изо всех сил старался успокоить свое хрипение и сделать глубокий вдох. Наконец, он сглотнул и посмотрел на Ката исподлобья. Его глаза блестели от слез от удушья, но характер кричал об опасности.

- О...отпусти ее ...

Кат сложил руки перед собой, позволив ведру упасть к его ногам.

- Ты думаешь, что можешь отдавать мне приказы?

Джетро застонал и сплюнул на пол, очищая рот от грязи и воды.

- Я сделаю все, что ты...захочешь. - Его голос напоминал наждачную бумагу на пиле. - Только о...оставь ее в покое...

Ирония. Я сказала то же самое.

Разве это не настоящая любовь? Убежденность в самопожертвовании перед лицом агонии любимого человека? Это был величайший бескорыстный поступок, который только можно совершить.

- У меня есть идея получше. - Кат схватил мое лицо своими мерзкими пальцами. Глядя на Джетро, он сжал меня так, что я вздрогнула от боли.

- Вместо того чтобы отпустить ее, я собираюсь немного развлечься.

Джетро застонал, все еще задыхаясь.

- Пожалуйста...делай все, что хочешь...со мной, но забудь о до...долгах. Забудь обо всем, что она сделала. Просто отпусти ее...отец. - Его голос медленно смягчился, произнося слова более четко.

Кат замер от такой нежности.

- Ты слышишь, Нила? Он хочет, чтобы я стал лучше и причинил боль ему, а не тебе. А ты как думаешь?

Я сглотнула, поморщившись в его объятиях.

- Я думаю, тебе следует отпустить его. Он уже достаточно пострадал. Пусть он уйдет, а я останусь на его месте.

Джетро дернул верёвки.

- Нет!

Кат отпустил меня.

- Ты такая же глупая, как и он. Видя, что ты отказываешься спасти свою шкуру и предпочитаешь быть гребаным мучеником, единственный выход для меня - сделать тебе одолжение.

Обойдя вокруг моего стула, он разрезал веревку, удерживающую меня на деревянном сиденье, и поднял меня на ноги. Я покачнулась от слабости. Неизлечимая болезнь слишком долго была моим тюремщиком, моим тюремным надзирателем. Я отказывалась быть слабой, пока Кат уничтожал меня по кусочкам.

- Дай ей уйти. - Взгляд Джетро метался между мной и Катом. Он подавил кашель, его лицо пылало. - Нила, беги.

Это была ложная свобода, мои запястья оставались связанными,

Кат прищёлкнул языком.

- Она никуда не убежит. Так ведь, Нила? - Схватив меня за локоть, он потащил меня к центру пещеры. - Стой там.

- Черт возьми ... - слова Джетро оборвались кашлем. - Отпу... отпусти ее! - Он боролся с веревкой, обмотанной вокруг него. Ножки стула шатались, скрипя от напряжения. - Стой. Нила...не будь идиоткой.

Было так больно смотреть, как он борется, чтобы защитить меня, как сильно ранит себя ради этого.

- Уходи, Нила. Ему наплевать на тебя и твои долги. Не сейчас, когда я здесь, чтобы выместить свой гнев. - Его глаза светились золотом и печалью. - Пожалуйста, ты должна позволить мне спасти тебя.

Слезы бесшумно потекли по моим щекам. Я хотела дать ему то, что он хотел. Я хотела бы повернуться к нему спиной и оценить свою жизнь выше его.

Но я сделала так с моим ненавистным врагом, и я почти была разрушена от осознания правильности и неправильности лишения его жизни.

Я бы не смогла жить, если бы приговорила Джетро к смерти, когда у меня был маленький шанс предотвратить это.

- Прости меня, Кайт. - Я опустила глаза, не в силах смотреть на него. - Пока ты здесь, я тоже.

Кат положил руку мне на сторбленные плечи.

- Здесь слишком уныло. Пришло время немного повеселиться.

Меня передернуло.

- Дай. Ей. Уйти. - Голос Джетро вибрировал от стен пещеры, угрожая лавиной грязи.

Кат зарычал, отпуская меня.

- Она была частью этого с самого своего рождения, Джет. Чем скорее ты поймешь, что она заплатит последний долг и ты ничего не сможешь с этим поделать, тем легче будет твоя жизнь.

Джетро напрягся, его ноздри раздувались от желания драться.

- Что значит «моя жизнь»? Я думал, что умер.

Кат склонился над сыном, обняв его за плечи в зловещем объятии.

- Я имею в виду, что пересмотрел свое решение убить тебя. Тебе не кажется странным, что ты жив и в данный момент тебя не грызут гиены?

Я прикусила губу.

Его гипотеза была пугающе близка к тому, что случилось с его третьим сыном.

Три мальчика.

Три наследника.

Все ушли разными путями.

На самом деле погиб только один.

Это было идеальное убийство.

И мне это сошло с рук.

Джетро содрогнулся от отвращения.

- Прекрати свои игры. Выкладывай.

- Хорошо. - Кат вытащил из кармана грязную тряпку и скотч. - Я имею в виду, что не собираюсь тебя убивать.

У меня перехватило дыхание. Слава Богу! Неужели он все-таки решил восстановить Джетро в качестве своего наследника? Неужели я каким-то образом достучалась до него?

Ты же не веришь в это.

Тоненький голосок подорвал мою надежду, омрачая все.

Размеренными движениями Кат взял Джетро за щеки и бесцеремонно засунул тряпку ему в рот. Джетро бился, крича в материал. Его ноздри раздувались, он боролся изо всех сил, чтобы получить желанный кислород.

Кат не остановился. Его пальцы сжимали щеки сына, пока он не засунул полностью кляп в рот Джетро. Закончив, он грубо заклеил губы скотчем, запечатав рот.

Джетро извивался, ища способ освободиться. Но это не могло остановить неизбежное. Его заставили замолчать, связали.

- Я хочу сказать, что подарю тебе долгую жизнь, сынок. После того, что случится сегодня, после того, что я сделаю с девушкой, в которую ты влюбился, твоя судьба будет хуже смерти.

Потрепав Джетро по щеке, он подошел ко мне.

- Гораздо, гораздо хуже.

- Не подходи ко мне. - Я попятилась, глядя на дверь, чтобы убежать. Даже если бы мне удалось бежать, я не смогла бы открыть дверь со связанными руками. И я не могла бороться с бесчисленными рабочими, которые сновали по шахте, как мыши.

- Я собираюсь сделать больше, чем это, Нила. - Кат поймал меня и притянул к себе. - Помнишь, как мы бросили кости в Хоуксбридже?

Я судорожно сглотнула.

Вилка еретика.

Вон.

Поцелуй Дэниэля.

Я помнила, но прикинулась дурочкой.

- Понятия не имею...

- Всё ты понимаешь. - Он погладил мои руки пальцами. - Ты бросила кости, и я заявил, что оплата будет выплачена, как только мы доберемся до Алмасы Кипанга. - Его голос понизился до глубокого баритона. - Ну, мы в Алмасы Кипанга. А если ты откажешься, то твой брат Вон пострадает. Не важно, что мы не в одной стране. Все, что требуется, - это один маленький телефонный звонок.

Я его ненавидела.

Я дёрнулась в его объятиях, пытаюсь освободиться.

- Нет!

Кат не отпускал меня, давая мне достаточно свободы, чтобы вымотаться, но не позволяя убежать. Его голос стал ниже от смеха.

- Не только твой брат заплатит за твой отказ, но и Джетро тоже.

Он сделал паузу, позволяя предостережению впитаться в мою кровь.

Джетро зарычал, задыхаясь от ярости. Его окровавленное тело извивалось и дергалось в веревках.

Я с трудом оторвала взгляд. Я не могла смотреть на него.

- Что ... чего ты хочешь?

- Я собираюсь преподать тебе урок истории, а потом забрать то, что ты мне должна за игру в кости. Третий долг может снова оказаться неуловимым, но у меня есть идея получше.

- Глаза Ката вспыхнули. - Как только я насытюсь, ты заплатишь остаток четвертого долга...так сказать, пятого.

Передвинув меня так, чтобы я стояла прямо перед Джетро, Кат пробормотал:

- И мой сын будет наблюдать за всем этим. Он останется жив, но его душа умрет, зная, что он не смог помочь тебе. А потом, когда я возьму то, что собираюсь взять, и сделаю с тобой то, что нужно сделать, он будет продолжать жить с этой болью, пожирающей его день за днем. Я оставлю его здесь, живого, зная, что он не сможет помешать мне исполнить последний долг. Что я исполню пророчество, потому что он был слишком трусливым, чтобы сделать это. И он будет жить с твоей смертью вечно.

Поцеловав меня в щеку, он вздохнул.

- Именно этого я и хочу от вас, Мисс Уивер.

Это не был счастливый вздох или даже удовлетворение от того, что он выиграл -скорее усталый вздох, говорящий о человеке, который не проявлял ничего, кроме насилия. - Мой сын любит тебя, Нила, и не пройдет и дня, чтобы он не вспомнил об этой пещере и о твоей смерти. Это твое наследство ему.

Обняв меня, он прошептал:

- Не волнуйся, я дам тебе время попрощаться.

Отстранившись, он улыбнулся Джетро.

- Теперь мы все знаем, чего ожидать, давайте начнем.

Я любил ее уже несколько месяцев.

И все же мне казалось, что всю мою жизнь.

Я влюбился в нее, когда был взрослым.

И все же она заинтриговала меня в детстве.

Она была рождена для меня.

Я был рожден для нее.

Мы были связаны. Соединённые судьбой, историей и судьбой. Несчастные, обреченные с самого начала, абсолютно запретные любовники.

Связанный, с кляпом во рту и совершенно беспомощный, я смотрел правде в глаза. Я тешил себя фантазиями о нормальной жизни. Создать свою собственную семью, положить конец горю и жалкой мести.

Но мне кажется, я всегда знал, что независимо от того, что мы делаем, независимо от

того, как тяжело мы сражаемся, независимо от того, чем мы жертвуем, не будет никакого другого конца, кроме того, который был подписан кровью моих предков.

Я сказал, что любил ее.

Я доказал, что любил ее.

Я поклялся любить ее вечно.

Но долг по наследству оказался слишком сильным.

Он хотел того, что ему давали снова и снова. Судьба вела нас все быстрее и быстрее, крадя все.

Не так уж много людей жили в аду. Не просто побывали там какое-то время, а фактически спали, ели и дышали там. Пока я смотрел, как мой отец грубо обращается с моей женщиной, девушкой, на которой я хотел жениться, я поселился в аду. Я вдыхал его сернистый воздух. Я питался его ненавистью. И я отдал свою душу дьяволу, потому что что толку в праведности, когда побеждает только зло?

Страница 14

Я был сыном демона.

Сын демона.

Сотворенный в огне и в грехе. Мое тело формировалось из ошибок и неверных поворотов. Долги. Контракты. Отмщение.

И как бы я ни рвался освободиться, покончить со своей предопределенной неизбежностью, я не мог найти пути к победе.

Нила вылечила меня.

Она помогла мне выбраться из чистилища.

Она была воплощением совершенства. Свобода полета без крыльев. Дарование ветра воздушному змею.

Я взлетел. Я радовался.

И вот теперь я упал.

Что бы ни сделал Кат, что бы он ни заставил меня наблюдать, а Нилу - пережить, я не уйду невредимым.

Я буду дышать, но умру.

Я стану бездушным.

Я буду опустошён изнутри.

Мое сердце расколется, вены разрежут кровавую субстанцию по всей жизни, которую я больше не хотел.

Я знал, что такое ад.

Пока я боролся с веревкой и молил о спасении.

Я сморгнул слезы и смирился с тем, что проживу худший день в своей жизни.

Я знал, что такое ад.

Я знал...

Потому что я был там.

- Лучший способ рассказать всю историю - это начать с самого начала.

Кат оставил меня стоять посреди пещеры, напыщенно расхаживая вокруг. Его нос самодовольно вздернут, руки самоуверенно скрещены на груди. С каждым шагом он погружался в урок истории, который должен был преподавать Джетро. Мне больше нравилось красноречие Джетро. Его хриплый, восхитительный голос. Его мелодичный акцент. Его любовь сквозила в каждом слого.

Но Джетро был с кляпом во рту, и у меня не было выбора, кроме как застыть там, где я была, и слушать.

- Ты читала "Долг по наследству", - сказал Кат, - ты понимаешь, что Фрэнка Хоука высекли за воровство, которое ты погасила первым долгом. Ты знаешь, что его дочь была убита за колдовство, которое ты оплатила во втором долге. Ты знаешь, что Беннетт Хоук был изнасилован, и я до сих пор не верю, что ты заплатила с Дэниэлем за третий долг, и ты понимаешь, что мать сделала все необходимое, чтобы сохранить свою семью живой. Конкретно об этой жертве говорили в Хоуксбридже, но долг будет полностью оплачен здесь.

Я сжала руки в кулаки, пытаюсь не думать о том, что он заставит меня сделать.

Кат резко обернулся, указывая пальцем, как профессор, преподающий жизненно важный урок.

- Вот тут все усложняется, Нила, так что будь внимательна. Беннетт Хоук презирал то, что Уивер делали с его семьей. Он постоянно страдал от изнасилования, и время двигалось вперед, пока ежедневно совершались зверства. Как бы ему это ни было неприятно, его семья продолжала работать на Ткачей. Задолжала им. Из-за подкупленного офицера полиции они не могли прекратить работать на Уивер. Прошло еще много лет, и казалось, что нет никакой надежды на спасение. Пока Мэйбл Хоук, мать, которая спасла не только свою семью, но и свою родословную, не сделала то, что должна была сделать, чтобы создать лучшее будущее.

Кат широко улыбнулся.

Она мыслила нестандартно. Она использовала все, что у нее было, и боролась против общества и социального положения. - Он покачал головой, почти благоговей перед своим предком. - Она взяла кредит, Нила. Не просто ссуду, это был тщательно спланированный ход. Как только ее муж Фрэнк умер от болезни, она, вместо того чтобы сдаться, расцвела. Она пошла к богатому графу и переспала с ним. Она научилась искусству обольщения благодаря Перси Уиверу, насилловавшему ее каждую ночь, и нашла этому хорошее применение. Благодаря своей решительности она заслужила благосклонность графа, который согласился предоставить ей деньги для мести.

Его сердце привязалось к ней. После ее рассказа о том, что натворили Уивер, а также свидетельств ее ночных кошмаров, смерти мужа и неприятностей сына, он согласился принять Хоуков и помочь им юридическим советом и составлением долгового наследства.

Беннетт Хоук был психически неуравновешен после своей трагедии, когда дело дошло до подписания долгового наследства. Тем не менее, это не помешало документу быть переданным короне благодаря графу, который был очарован Мейбл Хоук. В день подписания Беннетт не имел наследника, но Мейбл обошла эту проблему, записав нерожденного сына по имени Уильям Хоук в обязательный контракт. Она думала обо всем и никогда не отдыхала, готовясь свергнуть Уивер. Для нее не имело значения, что будет разница в возрасте. У нее были более серьезные планы, чем просто лишиться жизни.

За несколько коротких лет она заслужила любовь влиятельного джентльмена, и все это ради ее собственных целей, защищала свою семью и обеспечивала возмездие тем, кто причинил ей боль.

Кат перестал расхаживать по комнате.

- Но этого было недостаточно.

Он провел рукой по волосам.

- Она была одна, без мужа и помощи. Если она потерпит неудачу, Уивер позаботятся о том, чтобы ее арестовали и отправили гнить в тюрьму за то, что она посмела бросить их работу. Долговое наследство было в лучшем случае непрочным. У нее не было богатства, чтобы подтвердить свои притязания. Никакой суд не встал бы на её сторону. У неё не было никакой короны, чтобы защитить ее. Она сделала все, что могла, с помощью графа, но ей нужно было больше. Больше денег, больше власти, больше защиты.

Как бы то ни было, живя в доме графа, она и Беннет были недостижимы в течение короткого времени. Она работала не покладая рук, ни разу не потерпев неудачи в своем стремлении свергнуть Уивер, но, несмотря на помощь графа, его небольшой власти было недостаточно, чтобы обеспечить исполнение долга по наследству.

Прошло несколько лет, и угроза долгового наследства не позволила Уивер прийти за ней. Однако Соня подросла, а у Беннета все еще не было наследника. Поэтому она приступила к следующей части своего плана.

Несмотря на то, что она обманула графа в спальне, он больше ничего не сделал. Он не хотел публично объявлять о своей связи с ней - отношения вне классов были запрещены - и она устала быть еще одной тайной и обузой.

Вместо этого она нацелилась еще выше. Ее семья была свободна - на данный момент - и гордилась документом, в котором говорилось, что наследник Беннетта Хоука может претендовать на Соню Уивер, чтобы получить долги, которые пережила его семья. Однако Беннетт отказался. Его борьба закончилась, и он погрузился в болезнь и депрессию.

Мэйбл заметила, что ее сын увядает, и сделала то, что сделала бы любая мать, чтобы увековечить родословную своей семьи. Она наняла девушку с улицы - проститутку, с которой познакомилась мимоходом, девушку, которая попала на злые грехи высшего класса. Она побеседовала с этой девушкой, сблизилась с ней и убедилась, что она была хорошей породой для выведения идеального потомства. Только убедившись, что она сильна и не подвержена болезням, она напоила сына до такой степени, что он мог заниматься с ней любовью ночь за ночью, пока она не забеременела новым наследником.

Кат поджал губы.

- Как звали того наследника, Нила?

Несмотря на внезапный переход от рассказывания историй к расспросам, я легко все вспомнила.

- Уильям Хоук.

Первенец-сын. Судьба благосклонно улыбается семье, которая столько пережила. Насколько иначе сложилась бы история, если бы у него была девушка?

Он удовлетворенно кивнул.

- Да, именно так.

Разорвав зрительный контакт, Кат продолжал бродить по комнате, не в силах усидеть на месте. Джетро следил за ним взглядом, как и я. Пока Кат говорил, мы были в безопасности. Однако в тот момент, когда урок закончится...нас не будет.

Я не хотела слушать. Я хотела спланировать побег. Но голос Ката вернул меня под свои мучительные чары.

- Беннетт ожил, когда шлюха родила ему сына, но этого было недостаточно, чтобы

полностью избавить его от демонов. Он прожил немного дольше, достаточно, чтобы увидеть, как его сын вырос из малыша в маленького мальчика, прежде чем поддаться лихорадке, поразившей Лондон без предупреждения.

Вместо того чтобы оплакивать смерть сына, Мейбл Хоук держала это в секрете и назначила встречу с Соней Уивер. Она уже достигла зрелости и была достаточно взрослой, чтобы понимать свое место в обществе. Она была совершеннолетней, но Уильям был еще слишком молод. Однако это никогда не входило в намерения Мейбл, и это не помешало ей привести все в действие. То, что она планировала в течение многих лет, теперь у нее был наследник, чтобы осуществить ее драгоценное будущее.

Дождавшись, когда Соня будет вдали от своей семьи, прогуливаясь с новой горничной в парке, она подошла к ней с контрактом. Девочка пыталась отрицать это, но она была достаточно взрослой, чтобы знать, что происходит в доме. Она была достаточно умна, чтобы понять, что отец причинил Мейбл боль и за подобные преступления надо отвечать.

Без сомнения, Перси Уивер рассказал ей об этом нелепом контракте, посмеиваясь вместе со своей женой над подобными вещами. Но Соня по-своему мудрая, юная, смотрела на долговое наследство не как на шутку, а как на что-то строгое и серьезное.

Она не рассмеялась и не убежала, когда Мейбл произнесла: "близится время платить твои долги", - и передала ей запечатанную и подписанную копию согласованного контракта.

Соня не верила, что должна отвечать за грехи своего отца, и пыталась отказаться - как и любой другой, - но она была свидетелем того, что сделала ее семья. Она слышала крики Мейбл, лежа в постели. Она была слишком молода, чтобы остановить это, но недостаточно молода, чтобы остановить гноящееся внутри чувство вины за то, что не попыталась помочь.

- Даже в молодости она была хорошим человеком, - перебила я. - Не все мои предки были жестокими. Ты не можешь ненавидеть всю мою родословную из-за двух гнилых людей.

Кат фыркнул.

- Нет, но та же жестокость, что текла в жилах твоего предка, течет и в твоих. Неважно, насколько мизерная. Мы просто сдерживаем её, заставляя вас заплатить за то, что вы сделали. - Пройдя дальше, Кат вернулся к своему рассказу. - Мэйбл знала, что ведет рискованную игру, приближаясь к Соне. В течение нескольких недель она сидела словно на иголках, ожидая, что Перси Уивер ворвется в ее убежище и лишит ее безопасности. Она не выходила на улицу, не позволяла Уильяму играть с друзьями. Теперь, когда ее сын умер, он был всем, что у нее было, и она ждала с тревогой. Однако ничего не произошло. Соня ничего не сказала. Она показала себя достойной мученицей, и не было никакой необходимости прибегать к помощи ее тихого благодетеля графа.

Я скрутила запястья, крутясь на месте, пока Кат вышагивал по пещере. Глаза Джетро остекленели от боли и досады, кляп и клейкая лента растянули его щеки. Он выглядел наполовину в этом мире, наполовину в другом, исчезая на моих глазах.

Несмотря на то, что его рассказ вызвал у Джетро дискомфорт, Кат продолжил:

- В ту судьбоносную встречу Мейбл и первой девушкой-должницей была заключена новая сделка. Без ведома Перси Уивера новая сделка была выгодна всем участникам.

- Что? - Я проглотила вопрос, ненавидя себя за то, что оказалась втянутой в историю Ката.

Он улыбнулся.

- Соня была бы избавлена от долгой и мучительной смерти из-за долгов, если бы сделала две вещи. - Он сделал паузу, ожидая, что я спрошу его, что это за две вещи, но я

молчала. Он расскажет мне все и без того, чтобы я играла в его извращенную игру.

Кат фыркнул.

- Эти две вещи связали женщин вместе, когда прошел еще один год. Мэйбл терпела жизнь с графом, хотя его привязанность сопровождалась все большими и большими синяками на кулаках, а Уильям рос с каждым месяцем все быстрее.

Мэйбл была готова ждать, сколько бы времени ни потребовалось Соне, чтобы выполнить свои обещания. Однако ей не пришлось ждать так долго, как она боялась. - Кат усмехнулся. - Пункт Номер один, который должна была выполнить Соня, чтобы быть уверенной, что ее пощадят, осуществился без особых проблем.

Кат резко повернулся и провел рукой по подбородку.

- Глупая девчонка влюбилась и в ночь страсти разрушила жизнь, которую Мейбл согласилась спасти.

Я вздрогнула.

- Что вы имеете в виду?

- Я имею в виду, что первое условие было выполнено. Мэйбл хотела, чтобы Соня забеременела и родила много детей, которых унаследует Уильям. Он никогда не достигнет совершеннолетия, чтобы унаследовать свой первоначальный долг. Но будут и другие. Поправки будут внесены. Новые правила, нацарапанные на пергаменте. Соня не была замужем, но по глупости забеременела от своего тайного любовника. Мейбл немедленно позаботилась о том, чтобы граф позаботился о приданом, и обвенчала их.

Перси Уивер стоял в шоке, когда его дочь приняла условия, потому что ее имя будет опозорено, если станет известно, что она спала с кем попало. Он ненавидел то, что его бывшая экономка и секс-рабыня покинула его работу и теперь находилась под защитой человека, к которому он не мог прикоснуться. Мэйбл не была глупой: она не стала бы враждовать с Уивер, не заложив сначала прочный фундамент. И одним добрым поступком, выдав Соню замуж за своего возлюбленного, она держала свою жизнь в своих руках.

- Ту самую жизнь, которую она предложила вернуть ей при одном условии. - Кат сделал драматическую паузу.

Его слова резко оборвались, сделав тишину в пещере жутко холодной. Мои глаза остановились на Джетро. Мы вели молчаливую беседу.

Я люблю тебя.

Я люблю тебя больше.

Что бы ни случилось, я найду тебя.

Что бы ни случилось, мы будем вместе.

- Что это было за условие, Нила? - Спросил Кат, подходя достаточно близко, чтобы провести пальцами по моим волосам.

Я покачала головой, освобождаясь от его хватки.

- Из того, что я начинаю узнавать о Мейбл, единственным условием будет их смерть.

Поторопись.

Я слушала достаточно долго. Я не хотела, чтобы меня поглотили прошлые обиды. Я всегда кончала тем, что испытывала ненависть к собственной плоти и крови и невольно становилась на сторону Хоуков.

Несмотря на это, мне нужно было знать. Я никогда бы не подумала, что эта история настолько запутана и полна обмана и двуличия. Мне было больно думать о Беннете Хоуке, живущем такой печальной жизнью только для того, чтобы умереть несчастным и мучимым

своим прошлым.

Кат улыбнулся, его козлиная бородка ошетибилась.

- Ты быстро учишься. Хорошая девочка. - Он продолжил свой путь по пещере. - Вот именно. Соня будет жить полной жизнью с мужем и детьми ... если она согласится убить своих родителей.

Мое сердце бешено забилося. Трудная сделка, но, смею ли я согласиться, оправданный конец?

- Соня согласилась, и Мейбл нашла в гетто женщину, которая продавала зелья и яды. То самое колдовство, за которое была убита ее дочь благодаря жене Ткача. На деньги графа она купила две ампулы смертельного яда и отдала их Соне.

Голос Ката ускорился.

- Через две недели Соня встретила с Мейбл в условленном месте. На пальце у нее было новое обручальное кольцо, ребенок в животе, и весть о том, что оба ее родителя - те самые, что насиловали, калечили и убивали Хоуков, - умерли от смертельного отравления.

- Разве полиция не провела расследование?

Кат рассмеялся.

- Нет. Власти не вмешивались. Утомленные бумажной работой и предыдущими кошмарами, вызванными Уивер, они держались в стороне. Положение Уивер в общине было запятнано, и никому не было дела до подозрительной смерти.

Кат хлопнул в ладоши.

- Итак, вот оно. Мейбл Хоук в одиночку обеспечила продолжение рода Уивер беременностью Сони, сделала так, что ее психически сломленный сын оплодотворил шлюху, а двое людей, которые были сутью ее боли, были мертвы.

К сожалению, Беннетт умер до своего триумфа. Ее месть пришла спустя годы после его жестокого изнасилования, но это не уменьшило удовольствия от того, что она выиграла первую битву.

Мой голос сменил глубокий голос Ката.

- Это не объясняет, как она стала такой богатой или как Хоуки разгромили Уивер. Подобные скандалы со временем утихают. У моих предков был навык. Они работали на корону. Даже если Мэйбл выйдет замуж за графа, ее титула будет недостаточно, чтобы иметь большое влияние при дворе - не говоря уже о том, что она простолюдинка, независимо от брака.

Кат улыбнулся, смакуя остальные свои секреты.

- Не торопи события, Нила. Я никогда не говорил, что она вышла замуж за графа. На самом деле, совсем наоборот. Через некоторое время она перестала его любить, и он вышвырнул ее на улицу. Он наконец понял, что она использовала его, и больше не хотел иметь с ней ничего общего. За эти годы он стал пьяницей и избивал жену, разрывая на части то, что они могли бы разделить.

Мэйбл перешла от жизни в хорошем доме к попрошайничеству на улице. Единственное, что она взяла с собой, был ее внук Уильям. Мальчику только что исполнилось двенадцать, и он был беспокойным ребенком.

Придвинувшись ближе, Кат прошептал мне на ухо:

- И это ведет к следующей части рассказа. Той части, где начался истинный подъем к алмазной власти. Той части, которая разрушила твою семью раз и навсегда.

Слишком много лет прошло с тех пор, как моя семья распалась из-за Перси Уивера и его адской семьи. Так много лет прошло с тех пор, как он изнасиловал меня в последний раз. Мучительные годы с тех пор, как я обеспечила нашу родословную и обеспечила передачу наследства моего сына другому.

Моя дочь была мертва, утоплена за ложь о колдовстве. Мой сын был мертв, изнасилован и психически сломлен. И мой муж умер, оставив меня защищать наше наследие в одиночку.

Ненависть к семье, которая отняла у меня все, никогда не переставала кипеть, бурлить, так сильно желая мщения.

И теперь, у меня есть способ, чтобы спросить по заслугам.

В те дни, когда мы еще не работали у Уивер, я была полной надежд девушкой, ищущей любви. Я познакомилась с Фрэнком Янгом и забеременела через несколько месяцев. В течение многих лет я думала, что наши проблемы, связанные с жизнью на улицах, с попрошайничеством и воровством, будут самой низкой точкой в нашей жизни.

Однако мы еще не встречались с Ткачами. Мы не работали на них. Мы не знали, насколько все может быть плохо.

Мне хотелось отдохнуть. Мне нужно было отдохнуть. Но я не могла.

Какое-то время у меня все шло хорошо с графом Уэйвингхерстом, но потом у меня иссякли силы, чтобы обманывать. Он часто распускал свои руки, и, хотя я охотно заплатила за свою свободу от Уивер небольшой болью, я достигла своего предела.

Это было взаимно - в тот день, когда он попросил меня уйти.

У меня не было ничего своего, только мой драгоценный внук, и я променяла служебные помещения его поместья на трущобы лондонских бедняков.

Уивер были мертвы.

Соня родила мальчика, а через полтора года – близнецов, мальчика и девочку. Первенец был рожден, и для того, чтобы претендовать на наследство долга и, наконец, уравновесить весы кармы, я должна была найти больше власти и неизмеримого богатства, чтобы Уильям мог претендовать на свое первородство.

А пока мне нужно было найти способ положить еду в желудок внука. Я не хотела, но у меня не было выбора - я вернулась к тому, чем стала с графом. Я продала свое тело, охотно отдав единственное, что у меня осталось, чтобы остаться в живых.

Страница 15

Мать Уильяма - шлюха, с которой я беседовала, которую подарила моему сыну и купила ее ребенка, - помогла мне найти работу у ее нынешней мадам. И я была благодарна. Уильям рос хорошо. Он не был болезненным и рос сильным. Когда-нибудь из него выйдет отличный Хоук. Все, что мне нужно было сделать, - это обеспечить его в младшем возрасте, чтобы он, в свою очередь, обеспечил меня в старшем.

В тот первый год мы много переезжали, живя в соответствии с фамилией Хоук, данной нам судом. Ястребы были падальщиками, хищниками, всегда готовыми налететь и украсть. До сих пор мне никогда не нравилось это имя. Теперь я приняла его и воспитала своего внука. Всю его жизнь я рассказывала ему на Ночь истории о том, что делали Уивер. Я водила его в соседний парк, где Соня гуляла с детьми и показывала ему дочь, которая скоро будет

принадлежать ему.

Он наблюдал за этой маленькой девочкой с несказанным интересом, умоляя меня познакомиться их, поиграть с ней. Потребовалось немало усилий, чтобы проигнорировать его просьбы. Я не знала, что будет лучше. Чтобы они встретились как дети или как взрослые. Что было бы проще для выполнения условий?

Прошло еще несколько лет, и я нашла работу в кладовой и на рынке. Наряду со случайными уловками в темном переулке, у нас было достаточно, чтобы выжить. Мы справились. Уильям продолжал расти, его интерес к нашей истории и тому, что сделали Уивер, возрастал с годами.

Однако он взял дело в свои руки, когда дело дошло до встречи с дочерью Сони. На его четырнадцатый день рождения я дала ему несколько монет и сказала, чтобы он отправился на местный рынок, чтобы купить все, что он хочет для своего праздничного угощения.

Только он вернулся с деньгами и рассказом о встрече с девушкой-ткачихой, которая попросила, чтобы ее звали Коттон, хотя ее звали Марион.

Время стремительно шло, и скоро оба первенца станут совершеннолетними, чтобы начать наследование. Однако я часто ловила Уильяма на странных поступках. Он был силен. О, да. Он был красноречив, добросердечен и трудолюбив, но в нем была какая-то странность, которую я не могла объяснить.

По ночам я лежала в постели и размышляла, почему он такой непохожий. Почему его так волновали чужие беды, почему он часто отдавал наши с трудом заработанные деньги тем, кто этого заслуживал, или успокаивал случайных знакомых на улице.

Став старше, он не мог справляться с толпой так же хорошо, как другие молодые люди. Он дрожал и потел, вселяя в мое сердце страх, что он заболит потной болезнью, как его отец.

Я делала все, что могла, чтобы защитить его. Я копила каждый пенни и готовилась к лучшей жизни.

И, наконец, наступила эта лучшая жизнь.

Наше новое существование началось однажды вечером в местном борделе, где часть моих ночных прибылей обеспечивала заплесневелая постель. После работы я направилась обратно во временный дом, который нашла благодаря доброте местного пекаря.

Уильям поднял голову, весь в муке - как обычно, работая все часы дня на булочника и его клиентов. Он предпочитал эту работу - вдали от людей, спрятавшись на кухне, в компании только своих мыслей. Он превратился в восхитительного, красивого мужчину.

Я не могла поверить, что в следующем месяце ему исполнится двадцать один.

Я гордилась им. Гордилась тем, что он никогда не сдавался, даже когда жизнь становилась такой тяжелой.

Бросив шаль на посыпанный мукой стул, я сказала:

- Я кое-что услышала, Уилл. Кое-что, что уведет нас далеко отсюда в лучшее место.

Мой внук, мой дорогой внук, поднял глаза. Его золотые глаза, такие же, как были у его отца, светились на покрытом глазурью лице. Его руки месили свежее тесто, и его улыбка согревала мою душу.

Каждый раз, когда я смотрела на него, мое сердце разрывалось при воспоминании о дочери и сыне. Отчаяние и ярость никогда не оставляли меня в покое - они питали меня лучше, чем любая другая субстанция, и пока я не отомщу тем, кто причинил мне зло, я буду жить.

Уильям вытер руки кухонным полотенцем, сидя на грубо сколоченном табурете у печи. Подойдя к ведру с водой, я ополоснула руки и шею, жалея, что не могу очистить свое тело от отвратительного запаха мужчин, которые использовали его.

Может, у меня и есть внук, но я сама себя содержу. Я выглядела лучше, чем большинство шлюх в центре города.

- Что ты слышала, бабушка?

Я улыбнулась.

- Уличные глашатаи сказали, что человек из Генуи - исследователь Христофор Колумб - отправился в свое второе путешествие. Говорят, со времен викингов никто не был настолько храбр, чтобы рисковать, плавая по морям, и совершать путешествие к новым мирам. - Мой голос повысился от нетерпения. - Его успешное первое путешествие вдохновило многих торговцев кораблями последовать за ним. Разведка - это новое богатство, Уильям. Те, кто рискует, вернутся с несметными сокровищами и знаниями.

Мое сердце бешено колотилось, когда я пересказывала то, что услышала сегодня утром на улице. Новости из Европы распространялись быстро, распространяясь, как болезнь, чтобы заразить тех, кто слушал.

- В прошлый раз он захватил три корабля. На этот раз семнадцать. Можешь себе представить, Уильям? Семнадцать отважных лодок, чтобы узнать, что там, за горизонтом. Он уехал сегодня утром. Жаль, что я не видела отплытия такого флота. Я бы поехала в Испанию и помахала белым платком, на счастье.

Уильям снисходительно улыбнулся, его скулы были покрыты небольшой щетиной.

- Бабушка, ты должна отказаться от этих фантазий об отъезде. Мы живем здесь. - Он встал, используя кухонное полотенце, чтобы вытащить хлеб ручной работы из потрескивающего камина. - Я знаю, что тебе здесь не нравится. Я знаю, что ты и твоя семья не нашли счастья. Но это все, что я знаю.

Уильям пошел в отца. И так же, как Беннетт, он был тихой душой. Он предпочитал быть мягким и добрым, а не сражаться и вести войну за то, что принадлежало ему по праву.

- Мы можем жить здесь, но я отказываюсь здесь умирать. - Я скрестила руки на груди. - Я так или иначе уеду из этой страны, и ты поедешь со мной.

Он покачал головой, мягко улыбаясь. Он привык к моим бредням о поисках лучшей жизни, лучшего мира. Я бы все отдала, чтобы переехать. В поисках того, что нам нужно было после такой трагедии.

- Это хорошая идея. Но это наша жизнь. - Он поморщился, когда снова сел - его тело уже было перегружено даже в таком нежном возрасте. Я не хотела, чтобы он перетруживался в таком молодом возрасте, когда у меня хватило ума найти способ обеспечить себе роскошную жизнь в высшем обществе.

Встав, я пошарила в юбках в поисках единственной спасительной благодати. Я работала десятилетиями, чтобы собрать такую сумму. Я никогда никуда не ходила без них и прятала в нижних юбках.

Деньги.

Хватит на два места на следующем пароходе, выходящем из порта.

Обойдя стол, я протянула ему скудный кошелек, который предлагал так много.

- Мы уезжаем отсюда, Уильям. Никаких споров. Мы разбогатеем и только тогда вернемся.

Восемь недель и все.

Почти половина пассажиров, которые поднялись на борт и заплатили за гамак в кишках крысами недрах корабля "Королева куртизанок", погибли. Десны кровоточили. Мой желудок не выдерживал еды. И мои глаза видели только размытые пятна и тени, а не яркие картины.

Но Англия была далеко-далеко от нас.

У корабля не было конечного пункта назначения. Но мне было все равно. Я верила в судьбу и предпочла бы умереть, преследуя свои мечты, чем сидеть дома, не имея достаточно смелости, чтобы попытаться.

Верная своему слову, я купила нам билет на следующий отплывающий пароход. Мореплаватели видели триумфы Христофора Колумба и бросились за ним в погоню. Когда я предложила деньги и свое тело в обмен на безопасное путешествие, капитан согласился.

Мы уехали на следующий же день. Никаких вещей. Ничего, кроме надежды в наших сердцах.

Я либо приговорила нас к смерти в море, навсегда затерянных под волнами, либо освободила для лучшего будущего.

Мне просто хотелось, чтобы морская болезнь не превратила мою новую жизнь в такие страдания

Застонав, я снова схватила ведро, и меня вырвало, когда очередная волна сотрясла скрипучий сосуд.

Двенадцать недель.

Еще больше нас погибло. Налетели штормы и разбили экипаж и корабль. Но мы все равно качались и плыли.

Солнечный свет пробивался сквозь облака, давая пищу в виде своих горячих лучей. Уильям похудел. Он походил на ходячий скелет, но я была не лучше. Мои ребра стали такими острыми, что кожа покрылась синяками там, где они растягивали мои бока. Я потеряла зубы из-за гниющих десен, мои глаза слезились, размывая всё видимое.

Но надежда все еще горела.

Мы были обязаны стать счастливыми. Я не сомневалась, что нам воздастся за все страдания.

Через четырнадцать недель после того, как я покинула матушку Англию, моя надежда оправдалась.

Земля.

Сладкая, животворящая земля.

Следующие несколько дней дали новую энергию кораблю и его оставшимся обитателям. Празднование шло полным ходом, и уровень возбуждения дал нам последний толчок к спасению.

Первые шаги на твердой земле подняли мое сердце, как ничто другое. Я сделала это. Я покинула ад и нашла рай. Здесь мой внук найдет лучшую жизнь. Я была перед ним в долгу.

Только я не знала, насколько трудным будет этот новый мир.

Три долгих года мы жили в нищете и лишениях. Наше новообретенное существование оказалось не лучше, чем в Англии. Вместо зданий мы жили в хижинах. Вместо еды нам приходилось охотиться и убивать. И вместо улиц были грязные дороги и насилие.

Однако с каждым днем Уильям всё больше расцветал. Он превратился из застенчивого пекаря из Англии в воина, не уступающего в храбрости чернокожим соседям нашего нового дома. Они научили его выслеживать и ловить. Они научили его своему языку и в конце концов приняли нас в свое племя.

После того, как мы были приняты в племя, они предложили нам вернуться с ними в их дом. В портовом городе нас ничто не удерживало, и мы согласились совершить паломничество в их деревню. Путь пешком занял несколько недель. Моя старость медленно догоняла меня, и еда стала рутинной с очень небольшим количеством зубов от плохого питания на лодке. Мое тело отказывало, но я не достигла того, что обещала.

Ещё нет.

Я должна была обеспечить Уильяма. Он должен был вернуться и потребовать долговое наследство, пока не стал слишком стар. Мой список дел был еще слишком длинным, чтобы поддаваться старческой усталости.

Уильям был просто находкой, он помогал мне на каждом шагу. Он взял меня за руку. Он нес меня, когда я упала. Он помог шаманам снять мою лихорадку, когда я была больна. Он никогда не переставал верить вместе со мной, что однажды мы найдем то, что нам причитается.

И вот однажды, через пять лет и четыре месяца после отъезда из Англии, мы наконец нашли его.

Мое зрение ухудшилось еще больше, но каждую ночь в сумерках Уильям брал меня на прогулку по нашей приемной деревне. Он проводил меня до русла реки и охранял от местных хищников, пока я умывалась и отдыхала.

Однако в тот вечер все было по-другому. Появилась гиена, смеющаяся и голодная, и Уильям прогнал ее копьем. Я стояла посреди воды, не решаясь уйти, но и не видя своего храброго внука.

Он не отвечал на мой зов. Ни один звук не давал намека на то, что он победил. Слезы потекли из глаз при мысли о том, что я могла потерять его. Если бы он умер, я больше не могла бы продолжать. С какой стати? Моя глупая надежда и слепая вера в то, что произойдет что-то хорошее, больше не будут поддерживать меня.

Однако мое беспокойство было напрасным, потому что он вернулся. Кровь размазалась по его обнаженной груди, когда он тащил за собой тушу гиены. Он выглядел таким же диким, как наши чернокожие спасители. Он бросил тушу и вошел в воду прямо ко мне. Моя юбка из шкуры животного плавала на поверхности, обхватывая мои бедра, когда он протянул что-то большое, блестящее и черное. Черный, как ночной кошмар, но воплощенная мечта.

- В чем дело? - Прошептала я, мое сердце забилося быстрее. Я не знала, что у меня в руках, но чувствовала, что это то самое. Чувствовала, правда. Это было похоже на искупление.

- Не знаю, но истории, которые нам рассказывают у костров, могут быть основаны на правде. Помнишь, они поют о волшебной черной скале? Я думаю, что это может быть оно. - Он поцеловал меня в щеку, взвесив на весу внезапно теплый камень. - Я думаю, это кое-что стоит, бабушка. Я думаю, что это может быть началом чего-то хорошего.

Я бы хотела сказать, что дожила до того, чтобы увидеть, как придет добро, но я сделала

все, что могла, для своего внука. Через несколько месяцев я заболела и осталась прикованной к постели, пока он находил новые черные камни, копая копьями и костями львов, медленно просеивая почву и камни. Черные камни уступили место белым, чистым, сверкающим, прекрасным.

Наше племя собирало и копило, наполняя бушели и надежно закапывая их, чтобы другие кланы не ограбили нас. Уильям собрал охотничью группу, чтобы вернуться в шумный порт и обменять свои магические камни.

Я осталась позади, изо всех сил цепляясь за жизнь.

Мое тело выполнило свою задачу, но я не хотела уходить...пока.

Мы слышали рассказы о торговце золотом, который сколотил состояние на шафране и слитках. Тот же торговец отвел Уильяма в сторону и шепнул ему на ухо, что, возможно, он нашел редкий алмаз.

Бриллиант.

Я никогда не видела их вблизи. Я слышала о них в королевских нарядах, но никогда не была достаточно удачлива, чтобы увидеть лично.

В ту ночь, когда Уильям вернулся из порта, он сказал мне, что обменял достаточно прозрачных камней, чтобы вернуться в Англию. И тогда я поняла, что приливы и отливы наконец-то изменились. Увер правили достаточно долго.

Настала наша очередь.

При свечах мы обсуждали его план по возвращении в Великобританию. Я поделилась с ним своей старой мудростью и тем, что узнала на собственном горьком опыте. Чтобы стать неприкасаемым, он должен был купить тех, кто его защитит. Он должен был отдать королю все, чтобы купить его доверие. Он должен был тратить деньги, чтобы его состояние было дольше, чем мимолетное.

Я надеялась, что он прислушается к моему совету.

К сожалению, я так и не узнала.

Я умерла за две недели до того, как Уильям назвал горстку доверенных воинов "черными бриллиантами" и заказал билет на первый же пароход обратно в Англию.

Мне так и не довелось увидеть, как он раздевает и уничтожает тех, кто погубил нас.

Мне так и не довелось увидеть плоды моей жертвы.

Но это не имело значения.

Я любила его всем сердцем.

Я отдала ему все.

Я наконец-то освободила его.

- Ты чувствуешь ее преданность, Нила? Ее непоколебимый дух по отношению к любимой семье?

Голос Ката вырвал меня из гипноза, когда я узнала о Мэйбл Хоук. Она была единственной причиной, по которой Хоуки стали сверхдержавой, которой они были сегодня. Без нее, без ее решимости и готовности сделать все, что потребуется, ястребы остались бы бедными и неизвестными.

Я повела плечами, заставляя себя выйти из транса, в который он меня ввел. Я не могла забыть, что стояла в сырой шахте - той самой шахте, которую Уильям Хоук начал много

веков назад. Кат рассказывал мне историю не ради забавы - он дал мне прелюдию к долгу, который мне скоро придется заплатить.

Слушая рассказ Мэйбл, я никак не могла понять, какой будет плата. Мейбл отказалась от всего ради внука. Какая она сильная, достойная похвалы женщина! Даже если она была причиной моей боли.

- Да. - Я кивнула. - Она так много сделала. - Мои глаза встретились с глазами Джетро. Его ноздри широко раскрылись, втягивая влажный воздух, он не мог говорить с кляпом во рту. Мое сердце переполнилось любовью и нежностью. Я полностью понимала стремление Мейбл спасти того, кого она любила.

Она спасла их.

Я грустно улыбнулась, подумав, что две вещи в наших семьях передавались из поколения в поколение. Во-первых, моя семья всегда имела тенденцию размножаться в несколько раз. Близнецы были обычным явлением, а тройняшки – тем более. А Джетро ... его сочувствие исходило от Уильяма. Мейбл не поняла бы его положения, но, слушая характеристики своего внука, я не сомневалась, что он страдал так же, как и Джетро.

- Ты видишь, что всем, чем мы являемся, мы обязаны этой женщине? Что она, без сомнения, самый смелый Ястреб. – Кат вышагивал передо мной.

Да, я вижу.

Я задала свой собственный вопрос.

- Почему бы тебе не повесить ее портрет в Хоуксридже? У вас так много мужчин висит в столовой, где же Мэйбл, учитывая, что она основательница состояния вашей семьи?

Кат остановился.

- Портрет есть, по крайней мере настолько близкий к ней, насколько Уильям мог изобразить. Вернувшись в Англию и начав новую жизнь, он постарался описать свою бабушку местному художнику. Бедняки не могли позволить себе художников, Нила. И она умерла прежде, чем у нее появились средства для таких легкомысленных вещей.

- Где вы храните ее картину?

Губы Ката скривились в улыбке.

- Интересно, что ты об этом спрашиваешь.

- Но почему?

- Потому что скоро сама увидишь. Ты увидишь ее портрет вместе со многими другими женщинами-ястребами еще до того, как будет выплачен последний долг.

Джетро зарычал, пытаясь вырваться из пут.

Кат усмехнулся.

- Не нравится, что я упомянул, что у твоей девушки не осталось времени? Я рад, что заткнул тебе рот. Приятно иметь возможность поболтать и не прерывать нас.

Глаза Джетро вспыхнули яростью.

Повернувшись к нему спиной, Кат обратил на меня все свое внимание.

- Теперь ты знаешь, как мы нашли алмазы. Давай продолжим историю Уильяма, когда он вернулся в Англию.

Я не одобряла и не отрицала, когда Кат двигался вокруг меня, его голос приобрёл характерный для рассказчика тембр.

- Уильям скорбел о смерти своей бабушки, но знал, что она хотела бы, чтобы он достиг высот, о которых она мечтала. Поэтому он уехал на корабле со своими воинами черного алмаза и вернулся в Англию без бабушки.

Добравшись до английской земли, он отправился прямо к королю. Он не пытался найти кого-то, кто оценил бы камень или искал сомнительных сделок. Он знал, что это верный способ покончить с собой.

Вместо этого он объявил, что был в плавании и вернулся с подарком для короля. Ему потребовалось четыре месяца, чтобы околачиваться вне двора, следовать за герцогами и герцогинями и проскользнуть через королевскую гвардию, прежде чем король наконец согласился на аудиенцию.

На встрече, на которой присутствовали придворные и советники, Уильям подарил черный бриллиант. Камень был самым большим из когда-либо найденных в то время, и король немедленно дал ему полномочия вернуться с флотом кораблей, чтобы собрать больше от его имени.

Уильям вспомнил, что говорила ему Мейбл. Он был готов отказаться от богатства, которое он нашел, платить непомерные налоги и щедрые подарки короне, чтобы иметь за собой самую могущественную монархию.

Кат провел рукой по волосам.

- Представь себе. Отдавая каждый найденный камень, возвращаясь домой богаче короля и снова оставаясь без гроша.

Я держала подбородок высоко поднятым. Я должна была признать, что это будет трудное решение, но в то же время разумное. Ни один король не хотел иметь более богатого подданного, чем он. Таким образом, корона стала безумно богатой, а ястребы закрепили пожизненное партнерство, гарантируя лучшие вещи, чем деньги.

Друзей.

Союзников.

Королей, в своих отделанных перьями карманах.

Так вот как корона стала такой богатой? Неужели драгоценности на их одеждах и бриллианты на скипетрах - все это благодаря Хоукам?

Я ахнула от того, к каким выводам приводили меня мои размышления.

Каждая война. Каждый триумф и захват других стран - были ли они возможны и полностью финансировались Хоуками?

Кат прервал мое прозрение.

- Уильям вернулся в Африку и нашел еще больше алмазов. Его воины «черного алмаза» увеличились в числе, его шахта и деревня стали самым защищенным клочком земли в Ботсване, и он вернулся в Англию с гораздо большим, чем раньше.

Король в очередной раз приветствовал его с распростертыми объятиями. Он даровал Уильяму титул, землю, собственность - все, что тот пожелает. Он согласился на условия, согласно которым все Уивер - родственники Сони или нет - больше не пользовались благосклонностью двора, и выслал их в Испанию. Он также одобрил «долг по наследству», которое будет иметь силу и в будущем.

К своему третьему путешествию юный Хоук превратился в неприкасаемого аристократа. Он вырос в богатстве и власти и носил свою самооценку, как дорогой костюм, который он заказал. Флот кораблей, подаренных ему королем, рос до тех пор, пока драгоценности короны не наполнились бриллиантами всех форм и размеров.

- А как же «Долг по наследству»? - Я попыталась быстро подсчитать. - Ему было около тридцати лет, если не больше. Как насчет того, чтобы заявить права на Марион?

Кат наморщил лоб.

- Не торопите меня, Мисс Уивер. Я как раз к этому подхожу. - засунув руки в карманы, он продолжил свой рассказ. - Прошло почти десять лет, прежде чем Уильям нашел еще один черный бриллиант, который превзошел даже тот, что он подарил королю, тот, в честь которого он назвал всех своих братьев и братство. Это новое ... это черное чудовище, найденное под землей африканских равнин, сделало то, что принадлежало королю, бледным по сравнению с ним. И по сей день он тщательно охраняется в нашем сейфе в Алмазной аллее.

Алмазная аллея?

Мои глаза метнулись к Джетро.

О, Боже мой! Он показал мне. Он позволил мне держать камень, который стал самым ценным предметом в истории его семьи.

Джетро нахмурился и слегка покачал головой: не говори об этом.

Я прикусила губу. Не буду.

- В течение многих лет соглашение с королем процветало, но затем честолюбивый придворный попытался убить Уильяма и забрать его торговые пути и алмазные рудники себе. Он устроил засаду на лодках, возвращавшихся домой. Его свита ограбила ящики с драгоценностями, когда они прибыли в порт. И они убили членов братства Уильяма, чтобы ослабить богатого импортера Хоука.

Уильям, очевидно, не смирился с таким поведением и боролся со своими врагами, став контрабандистом.

Я повернула запястья, заставляя кровь прилить к кончикам пальцев.

- Как?

- Рудники в Алмаси Кипанга давали много алмазов. Некоторые низкосортного качества. Некоторые - высокого. Низший сорт Уильям смешивал с кварцем и другими бесценными драгоценными камнями, делая вид, что груз содержит бесценный груз на миллионы. Он допускал кражи, жертвуя добычей, не потеряв при этом ничего ценного.

Король знал об этой уловке и позволил ему сочинять небылицы и выдумки о грабежах и банкротствах. Но воры не знали, что Уильям нашел лучшие способы транспортировки. Он потерял свою репутацию почтительного блюстителя этикета и приобрел дурную славу строгого и боязливого.

Его доверенные воины увеличили его тайну, убивая тех, кто противостоял ему, создавая грозную империю, которую никто не мог уничтожить. Даже король.

Кат остановился передо мной.

- Это богатство положило начало нашей династии и власти, которая обеспечила нам превосходство над Уивер, хотя они десятилетиями были придворными швеями и королевскими дизайнерами. Это была та же самая сила, которая заставила Уивер бежать, как паразитов, прячась в своем новом испанском доме, полагая, что они в безопасности от любого другого претендента на контракт.

Я нахмурилась.

- Значит, Уильям так и не заставил Марион выплатить долг наследства? Он оставил ее в живых?

Кат улыбнулся.

- Есть кое-что, чего ты не узнала об Уильяме. То, что объединяет Джетро с его великим пра-пра-предком.

Я улыбнулась, довольная тем, что поняла смысл его рассказа.

- Мне кажется, я знаю, что это такое.

Кат прищурился.

- Полагаю, после того, как ты была так близка с моим сыном, это имеет смысл. Итак, что это?

Мои руки болели от желания обнять Джетро. Мое сердце трепетало от желания быть с ним, подальше от этого места. Я не сводила глаз со своего возлюбленного, когда пробормотала:

- Он тоже был эмпатом.

- Именно. - Кат кивнул. - Прискорбная черта, которая передается в семье. Это не было диагностировано или даже признано как состояние. Но записи и журналы путешествий дают намеки на эмоциональное восприятие Уильяма. Его болезнь не позволяла ему причинить боль единственной девушке, которой он был обязан.

Кат двинулся ко мне, тепло его тела осквернило мое. Мои ноги двигались с каждым его шагом в медленном вальсе по комнате.

- Потому что Уильям был настолько слаб эмоционально, что чувствовал всю тяжесть причиненной боли. Он терпел неудобства в своем торговом мире. Он многое видел, многое делал и пережил, но не мог избавиться от чувства, что ему приходится самому испытывать агонию. К несчастью, мысль о том, чтобы подвергнуть ее такому же наказанию, выпороть ее для деда, утопить для тети и изнасиловать для отца, - он знал, что не сможет этого сделать.

История Ката достигла двух целей. Во-первых, это показывало, что, хотя мои предки были тщеславны и жестоки, Соня была сострадательна и добра. И хотя сегодня Хоуки были безумны, тогда они казались честными и мужественными.

Голос Ката прервал мои размышления.

- Вместо того чтобы взять ее себе, Уильям позволил Марион выйти замуж и родить детей. Он женился сам и принял дар земли от короны, чтобы построить наш дом, Хоуксридж-Холл.

Кат перестал двигаться, я перестала пятиться.

Его седые волосы мерцали в свете электрических ламп. Его голос стал хриплым от такой длинной истории.

- К несчастью для Уильяма, его первенец, Джек Хоук, был совсем не похож на своего отца. Джек охотно принял «Долг по наследству», когда достиг совершеннолетия.

Я наконец поняла, почему на протяжении стольких поколений претендовали лишь немногие избранные наследники. Таких Хоуков, как Джетро, было бы больше - особенно если бы это была общая черта. И моя семья не восприняла угрозу всерьез, потому что требования не соблюдались строго.

С минуту Кат молчал, позволяя истории раствориться вокруг нас, позволяя призракам вернуться в свои гробы.

Глубоко вздохнув, он закончил:

- Так что ты видишь, Нила. У нас были свои трудности. Мы знали, каково это - подниматься из сточной канавы. И Уивер не могли нас остановить.

Я извивалась в своих веревках, ненавидя, что он подошел к концу - зная, что это означало только одно. Урок мне понравился, но я хотела убежать от любого долга, который он заставит меня вернуть.

- Но у тебя так много всего. Зачем причинять боль другим, когда в этом больше нет

необходимости?

Кат нахмурился.

- Почему политики лгут? Почему самые богатые семьи в мире устраивают войны? Почему те, у кого есть власть исправить глобальную бедность, вместо этого предпочитают эксплуатировать и убивать? - Его пальцы погладили мою щеку. - Нила, мир черный под юбками общества. Мы ничем не отличаемся от других.

- Это неправда. Я в это не верю.

- Не веришь, чему?

- Что это делают другие мужчины. Причиняют боль другим.

Кат громко рассмеялся.

- Ты что, не обращаешь внимания на новости? Разве ты не видишь между строк, в каком развращенном мире мы живем?

Я отвела взгляд.

Джетро продолжал извиваться. Пот бисеринками выступил у него на лбу, а в глазах горела дикость.

Мы оба понимали, что время вышло. Кат был готов к следующей части этой больной и извращенной игры.

- Я согласна, что некоторые семьи контролируют все земные активы. - Я стояла прямо и вызывающе. - Я согласна, что смерть для них так же проста, как подпись или произнесенное шепотом слово. С чем я не согласна, так это с тем, почему. Почему ты должен это делать?

Кат быстро зашагал и сжал меня в своих крепких объятиях.

- Потому что я могу, Нила. - Отпустив меня, он подошел к столу, где лежали предметы, на которые я не хотела смотреть. - Ну, хватит истории. Я уже достаточно долго болтаю, и это начинает надоедать. Давайте перейдем к самой захватывающей части, хорошо? Давай заплатим оставшуюся часть четвертого долга.

Убери свои гребаные руки от нее.

Не прикасайся к ней.

Отпусти ее.

Оставь ее в покое, черт возьми!

Каждая мысль ураганом пронеслась в моей голове, пузырясь от возмущения, но не способная выплеснуться наружу из-за прогорклого кляпа во рту.

Я хотел убить его. Снести его чёртову голову с плеч.

Каждый дюйм моего тела пылал от боли - от огнестрельного ранения до лихорадки, от пульсирующей головной боли и, возможно, сломанных ребер после автокатастрофы.

И все же ничто не причиняло мне большей боли, чем слушать, как Кат рассказывает историю Мейбл и Уильяма - ту же самую историю, которую я слышал снова и снова, - и отсчитывает минуты, когда все закончится.

Нила внимательно слушала, увлеченная сверх своей воли, впитывая историю моей семьи. Услышать это в первый раз было бы ответом на многие ее вопросы, но у меня были свои, касающиеся Уильяма Хока. Вместе с Оуэном я чувствовал себя наиболее связанным с ним. У меня были документы о том, как Уильяма ввели в Палату лордов во время строительства Хоуксриджа. У меня были бесчисленные записи о его восхождении к

богатству и гроссбухи с его кораблей.

Он был краеугольным камнем моей семьи, как и Мейбл. Он сумел доставить нам законное счастье, не пролив больше крови Уивер. Он мне нравился. Но я ненавидел то, что случилось после того, как прошло его время.

Нила изо всех сил пыталась контролировать Ката.

- Я заплатила четвертый долг в Холле.

Кат рассмеялся.

- Ты заплатила только одну часть, вот и все. Это основная часть, и она должна быть завершена, чтобы контракт был удовлетворен.

Схватив ее связанные запястья, он погладил татуированные кончики пальцев.

- Ты заработала только два счета. Тебе нужно еще две метки, прежде чем будет выплачен последний долг.

- Если ты думаешь, что сможешь выгравировать свое имя на моей коже, я тебе этого не позволю. Инициалы Джетро - вот что я ношу. Только он может отметить меня. Только он может претендовать на меня в соответствии с правилами наследования.

Кат отпустил ее, ворча себе под нос.

- Как вы, без сомнения, поняли, Мисс Уивер, я больше не играю по этим правилам.

Еще одна волна парализующей боли притупила их голоса. Мои плечи болели от переворачивания в машине.

Они продолжали спорить, пока я боролся оставаться в сознании.

Мне хотелось, чтобы они продолжали говорить. Каждая лишняя украденная минута могла стать спасением.

Стиснув зубы, я боролся с новой силой. За последние полчаса я сделал все, что мог, чтобы освободиться.

Ногти впились в веревку, язык толкнул кляп. Но Кат связал меня слишком надёжно.

Все, чего я добился, - это еще больше боли и усталости. Несмотря на горечь и ненависть, я стал беспомощным. Все, что я мог сделать, это сидеть там, как гребаная задница, пока мой отец мучил Нилу ожиданием.

Четвертый Долг.

Первоначально долг гарантировал максимальную боль и быстро погашение окончательного долга. Немногие выжили бы долго - особенно несколько столетий назад, когда не применялись обезболивающие и дезинфицирующие средства. Четвертый долг был последним и самым варварским.

Недостающие части тела.

Я вздрогнул, тяжело дыша через нос. Мои внутренности поднимались от того, что произойдет, что переживет Нила, чему я стану свидетелем.

Я должен найти способ остановить это.

К счастью, Нила не будет подвергаться хирургическим навыкам Ката. Не в наше время. С тех пор долг немного изменился. Но все равно будет больно. Это все равно будет жестоко и жестоко.

Я скрутил верёвки, желая немного ослабить их, чтобы я мог воспользоваться шансом. Но бечевка только крепче затянулась, пока я извивался.

Кат посмотрел на меня, его глаза сузились.

- Я бы поберег твои силы, Джетро. У тебя новое задание, помнишь?

Мой взгляд был пронизан ненавистью. Если бы только взгляд мог убивать. Я бы оторвал

его гребаную башку одним взглядом.

- Твоя судьба больше не смерть, - Кат подошел ко мне, спокойный и собранный. Он вел себя так, словно это была деловая встреча, на которой обсуждались новые условия владения. - Твоя судьба - остаться в живых и скучать по ней, когда она уйдет. Навсегда наедине с воспоминаниями о ее смерти.

Нила подавила крик, ее глаза метнулись к выходу.

- Это не должно быть так. Он твой сын. Я влюблена в него.

Она могла бежать, но ее руки оставались связанными - без пальцев, чтобы открывать двери, и рук, чтобы защищаться, она была в ловушке, как и я.

Кат пригнулся до уровня моих глаз. Он так много скрывал от меня. Сейчас передо мной стоял совсем другой человек. Осталось ли в нем хоть немного добра, или он всего лишь черная тень, Мрачный Жнец душ Уивер?

Не делай ей больно!

Не делай этого.

Ему не нужны были слова, чтобы понять, о чем я умолял. Если бы веревки не привязывали меня к стулу, я бы упал на колени и умолял. Я отдала бы ему все - свою жизнь, свое будущее - все, чтобы спасти Нилу от того, что он сделает.

Он с улыбкой погладил меня по голове.

- Держи глаза открытыми. Нила согласилась кое-что сделать для меня в Хоуксбридже. Пора посмотреть, послушается ли она.

Наклонившись ближе, он прошептал так, чтобы Нила не услышала:

- Если она это сделает, то вырвет твое гребаное сердце, но она останется невредимой. Если нет, она будет верна тебе, но заплатит за это болью.

Сделав шаг назад, он ухмыльнулся.

- Давайте посмотрим, что она выберет, а?

Я смотрел непосредственно на Нилу. Как я мог сказать ей, чтобы она вела себя хорошо и делала все, что он попросит? Как я мог сказать ей, чтобы она выбирала между двумя ужасными вещами?

Ее глаза расширились, на её лице появилось замешательство.

Пытаясь успокоиться, я сделал все возможное, чтобы молча передать сообщение. Делай то, что он просит.

Она вздрогнула. Никогда.

Пожалуйста.

Не проси меня об этом.

Ее эмоции просыпались в пространстве, заражая стены и воздух. Я не мог отключить свое состояние, и я не переживу агонию Нилы.

Мои мышцы напряглись, когда я стал бороться сильнее. Я поперхнулся слюной, посасывая отвратительный кляп.

Кат встал перед Нилой спиной ко мне.

Я ничего не видел.

Я ничего не вижу.

Я отодвинулся в сторону, ища лучшую точку обзора, но не мог видеть вокруг большого тела Ката.

- Теперь, когда вы услышали историю, давайте сосредоточимся на настоящем, - голос Ката эхом отозвался в пещере. - Но сначала ты должна мне за то, что бросила кости в

Хоуксбридже. Я не скажу, чего вы избежите, если будете повиняться, но я скажу вам, что если вы этого не сделаете, вам будет причинена еще более сильная боль, чем та, которую вы терпели до сих пор.

Его рука опустилась на ее щеку, отбрасывая в сторону блестящие черные волосы. Я ненавидел его руки на ней. Я ненавидел себя за то, что не мог видеть реакцию Нилы или читать ее лицо. Я ненавидел, ненавидел, ненавидел, что он уже так много у нее украл - ее длинные волосы, ее счастье...ее улыбку.

Она совсем не походила на молодую швею с подиума, ни намек на ту сексуальную застенчивую «монашку».

Вместе мы с отцом лишили ее всего, чем она была, и создали это новое существо. Существо, которое ведут на бойню.

- Нет! - Прорычал я.

Кат оглянулся через плечо и закатил глаза.

- Рычание? И это все, что ты можешь сказать? - Его взгляд остановился на клейкой ленте у меня на губах. - Как я уже сказал, Джет. Побереги свою энергию. Все, что тебе нужно делать, это наблюдать.

Я, бл*дь, буду смотреть.

Я буду смотреть, как волки разрывают твою тушу.

Я буду смотреть, как демоны засасывают твою душу в ад.

Мое дыхание нарастало, пока не закрипели ребра и не закружилась голова.

Нила задрожала. Она замкнулась внутри. Я чувствовал, что это происходит со многими людьми. Когда стресс перегружал систему, естественной реакцией человека было затихание. Чтобы сосредоточиться. Чтобы онеметь. Чтобы удалить все отвлекающие факторы.

Я здесь, с тобой, Нила.

Я с тобой на каждом шагу.

- Если я откажусь, ты навредишь Джетро?

- Нет, мой сын не будет участвовать в следующей части.

Она фыркнула.

- В таком случае, ты не можешь причинить мне боль сильнее, чем я уже испытала. В тот день, когда ты застрелил его и я поверила, что он мертв, это было самое худшее, что ты можешь сделать. Так что делай свое худшее, Хоук, потому что я смогу пережить тебя.

Кат не ответил, но его рука метнулась, чтобы обхватить ее за талию.

- Это мы еще посмотрим, - дернув ее за локоть, он развернул ее лицом к себе. - Если ты так хочешь играть, - отпустив ее, он вытащил из заднего кармана складной нож.

Мое сердце упало к пяткам.

- Стой!

Я рычал и боролся, но это было бесполезно.

Дерьмо!

Может быть, я ошибался. Может быть, четвертый долг все еще будет включать отрезание конечности или придатка. Я должен был остановить его!

Не надо!

Не трогай ее, мать твою!

Взмахнув рукой, Кат перерезал верёвку вокруг запястий Нилы и развернул ее, чтобы снова встретиться с ним глазами.

Облегчение от того, что кровь не пролилась, легло на мои плечи тяжелым грузом. Я,

ссугулившись, тяжело дыша, боролся со своей головной болью.

Спасибо, бл*ть.

Сунув нож обратно в карман, он улыбнулся.

- Теперь, когда у тебя было время подумать о своей лжи, Нила, давай попробуем еще раз. Где Дэниэль?

Черные волосы взметнулись, когда она покачала головой.

- Я уже говорила тебе. Я не знаю.

- Ты знаешь.

- Нет.

Кат прижал ее тело к своему.

- Когда я узнаю правду, ты поймешь, что я могу причинить боль, помимо первоначальных долгов. - Он провел рукой по ее подбородку. - Если я узнаю, что ты ранила или каким-то образом убила моего младшего, ты пожалеешь, что не погибла сегодня в автокатастрофе.

Страница 17

Отойдя, он собрался с духом. Его ботинки шаркали по земляному полу.

Мои глаза тут же встретились с глазами Нилы. Теперь тело Ката не заслоняло ее, я впитал столько любви и гордости, сколько смог.

Я так чертовски люблю тебя.

Она грустно улыбнулась. Я знаю.

Мы пройдем через это.

Ее тело осунулось от эмоций. Ее глаза не отвечали.

Кат встал позади Нилы, сжав ее руками в своих гнилых объятиях. Встретившись со мной взглядом, он прошептал что-то на ухо Ниле.

Я ничего не услышал, но перемена в Ниле заставляла ее сердце биться удар за ударом.

Господи, как же мне хотелось все это прекратить! Разве он не сделал достаточно?

Мой язык упирался в кляп, я изо всех сил старался избавиться от этой помехи и выругаться или закричать.

Ее спина была напряжена, щеки побелели, руки то сжимались, то разжимались. Когда Кат закончил шептать, она прикусила губу и покачала головой.

Он снова что-то пробормотал, ее короткие волосы колыхались от его дыхания.

Она снова покачала головой, стиснув зубы от внезапно нахлынувшей тошноты. Не тошноты от болезни, а тошноты от ненависти и отвращения.

Что он ей сказал?

Что случилось в Хоуксридже с кубиками?

Кат прошептал громче, его голос был будто шипение змея. Я снова не услышал слов, но тон его был настойчив. Он ткнул в меня пальцем, и его губы быстро начали угрожать.

Не слушай его.

Что бы он со мной ни сделал, я это приму.

Если это означает, что ты в безопасности, я сделаю все, что угодно.

Нила подняла голову, ее смуглая кожа была такой же белой, как облака далеко-далеко над нами. Она внимательно посмотрела на меня.

Я чувствовал ее борьбу, но хотел завывать, когда она наконец кивнула.

Не надо...не надо...

Что бы это ни было...не надо.

- Прекрасно.

Кат улыбнулся.

- Хорошая девочка.

Мои глаза вылезли из орбит, когда Нила охотно развернулась в объятиях Ката, лицом к нему в клетке его объятий. Ее спина скрывала то, что делали ее руки, но мышцы ее позвоночника дрожали под одеждой.

Мой желудок скрутило узлом, когда она втянула воздух. Её руки потянулись к поясу Ката.

Нет. Бл*ть, нет.

Я утроил свои усилия, моя голова ревела, мои ребра стонали.

Я рычал, кряхтел и стонал. Я походил на дикого зверя, борющегося за свою жизнь.

Нет!

Ее локти двигались, когда ее пальцы летали над его поясом и ширинкой, легко расстегивая их. Я ненавидел ее умение обращаться с молниями и пуговицами. Я ненавидел ее великолепные руки и сильные пальцы и то, как они исчезали в брюках Ката.

Мой голос исказился из-за кляпа, ругаясь на всех диалектах, когда Нила проглотила стон и коснулась моего отца там, где ей никогда не следовало касаться.

Глаза Ката потемнели, когда ее рука обвилась вокруг него.

У меня внутри все сжалось, я был потрясен и возмущен тем, что он заставил ее сделать что-то настолько неправильное.

- Хорошая девочка, - пробормотал он, пока ее рука двигалась вверх и вниз. Мне не нужно было видеть, что произошло, чтобы грязные образы всплыли в моей голове. Она прикоснулась к нему. Она, бл*дь, гладила член моего отца.

Стул закричал, когда я задрожал, борясь с веревками.

Нила напряглась, когда Кат прошептал достаточно громко, чтобы я услышал.

- Вот так. Сделай меня твердым. Наркотики прошлой ночи, возможно, и покинули твой организм, но я заставлю тебя кричать, пока ты будешь платить мою часть Третьего Долга.

Бл*ть, он собрался изнасиловать ее у меня на глазах?

Он собрался кастрировать меня и убить снова, лишив Нилу ее прав как женщины.

Этому не бывать.

Она не может.

Откинувшись в сторону, ножки стула подогнулись. Гравитация взяла своё, швырнув меня боком на пол. Плечо пронзила боль, но мне было все равно. Мои ноги брыкались, пытаюсь распутать веревку вокруг лодыжек. Я потянулся, медленно стягивая бечевку с ножек стула.

Я отдал все, что у меня было.

Я проигнорировал раскалывающуюся головную боль. Я заставил ушибленные мышцы набраться сил сверх нормальных пределов, в то время как Нила продолжала гладить Ката.

Стой!

Не трогай его.

Кат улыбнулся, обнимая Нилу одной рукой, когда она сделала то, что он приказал. Но его глаза не отрывались от моих. Они сияли триумфом. Зная, что это сломает меня хуже любой пули, лучше любой гильотины.

Земля размазалась по моей щеке, когда я катался по полу, изо всех сил стараясь освободиться.

Тебе это не сойдет с рук, ублюдок!

Воспоминания об Эмме, матери Нилы, оказавшейся в объятиях Ката, слились с настоящим. Она терпела моего отца. Она играла с ним лучше, чем он думал. Но я всегда знал ее истинные мысли. Я чувствовал ее отталкивающую неприязнь к нему, даже когда она ласково улыбалась и позволяла Кату думать, что любит его.

Она сделала то, что пыталась сделать Нила: только Нила влюбилась в меня. Эмма

никогда не влюблялась в Ката. И это только усугубило его фундаментальную проблему.

Никто его не любил. Никто не заботился.

Люди уважали и боялись его, но это было не то же самое, что быть полностью преданным через привязанность. И он знал это.

Нила беззвучно плакала, а ее рука работала все сильнее. Чем он угрожал? Почему она согласилась прикоснуться к нему?

Я знал Нилу. К ней это не имело никакого отношения. С собственной болью она столкнулась слишком легко. Нет, он стал бы угрожать мне, хотя и сказал, что я не буду влезать в этот долг. Ублюдок. Абсолютный ублюдок.

Нила!

Крик, приглушённый кляпом, вырвался из моего горла, когда Кат уткнулся лицом в изгиб ее шеи и вдохнул.

Ее плечи дрожали. Слезы заставляли ее тело трястись.

Я бы убил бесчисленное множество невинных людей, если бы только у меня была сила встать и вонзить кинжал в сердце Ката.

Слезы жгли мне глаза от того, что я был так чертовски беспомощен.

Кат откинул волосы Нилы, целуя бриллиантовый ошейник.

- Боже, это так хорошо. Надеюсь, ты уже вся мокрая для меня, Уивер. Потому что я не могу больше терпеть твои поддразнивания.

Все изменилось.

Рука Нилы перестала гладить. Ее плечи перестали дрожать. Время в комнате будто остановилось.

- Я ... я не могу ... - Вырвар руку от его брюк, она сильно толкнула его. – Я не буду!

Кат пошатнулся от ее толчка, его ноги были раздвинуты, а джинсы расстегнуты. Тень его эрекции натянула ткань. Его голос был олицетворением черноты.

- Хорошо подумай, моя дорогая. Уверена ли ты?

Нила кивнула, лихорадочно вытирая правую руку о штаны.

- Не буду. Я не доставлю тебе удовольствие. Что бы ты ни говорил. Я не буду!

Грозовые тучи застлали лицо Ката. Он поджал челюсть, глядя на нее исподлобья.

- Будь по-твоему. - Подойдя к ней, он схватил ее за запястье. - Сюда, пожалуйста.

Нила оглянулась через плечо. Ее глаза расширились, когда она увидела, что я сижу прямо, а не лежу на полу. Ее лицо исказилось от горя и вины. Прости.

Я покачал головой, стряхивая пыль. Никогда. Здесь нечего...

Кат вынудил ее повернуться, украл наш интимный момент.

Ее ноги споткнулись, когда он швырнул ее на стол через всю комнату. Выдернув стул, он толкнул ее на него.

- Сядь.

Она тяжело дышала, на щеках выступили красные пятна от страха и ярости.

- Кат...пожалуйста, что бы ты ни собирался сделать...не делай. Пожалуйста.

- Вы начинаете повторяться, мисс Уивер. - Серdito взмахнув рукой, Кат отодвинул принесенные шахтерами принадлежности и расчистил место на грязном столе.

Его руки дрожали, когда он поправлял член и застегивал молнию на джинсах. Пряжка его ремня лязгнула, когда он нащупал ее.

- Ты могла бы заплатить Третий Долг без боли. Я бы не причинил тебе вреда. Я бы даже доставил тебе удовольствие.

Нила сплюнула на пол.

- Удовольствие? Изнасилование никогда не доставит удовольствия. Твое прикосновение гротескно.

Я втянул бесполезный воздух через нос. Ее сила поразила меня, но и разозлила. Будет только хуже. Как бы мне ни было больно видеть, как любовь всей моей жизни подчиняется моему отцу, наблюдать за этим...чем бы это ни было...было еще хуже.

Но по крайней мере, Нила будет цела.

Ты в это не веришь.

Ее сила была в том, чтобы ответить и постоять за себя. Если она позволит Кату добровольно лишиться ее сексуальных прав и позволить ему взять ее...Я сомневаюсь, что ее разум останется таким мятежным и неприкасаемым.

Господи, мне так жаль, Нила.

Я извивался на полу, пытаюсь подобраться поближе, изо всех сил стараясь освободиться. Каждый дюйм моего тела работал против меня, медленно истощаясь с каждым мерзким вздохом.

Кат тяжело дышал, откидывая назад волосы, сосредотачиваясь.

- Дай мне руку.

Нила застыла.

- Что? Нет! Я больше не прикоснусь к тебе.

- Я не просил твоей руки, Нила. Я попросил твою руку.

Она медленно покачала головой, вызывая скрестив руки.

- Ты просишь, а я отказываю. Нет, ты не можешь взять мою руку.

- Ты ошибаешься. Я не спрашивал с самого начала. Я сказал - дай. - Гнев Ката поднялся на поверхность. Я был удивлен, что он позволил вспышкам Нилы продлиться так долго. Как бы он ни отрицал это, у него были чувства к Ниле. Чувства, которые он все еще питал к ее матери. Он хотел ее. Он хотел удержать ее. Но его чертовски убивало то, что дочь влюбилась в его сына, когда мать послала его в ад в тот день, когда он лишил ее жизни.

Он предоставил ей выбор....

Мои мысли вернулись к частному разговору, который я не хотела подслушивать. За неделю до Последнего Долга с Эммой Кат признался своей пленнице-Уивер, что любит ее слишком сильно, чтобы убить. Он хотел от нее большего. Больше времени. Больше единения. Он был готов отложить Последний Долг на неопределенный срок, если она согласится полностью принадлежать ему.

Выйти за него замуж.

Подчиняться ему, когда он пожелает.

Его единственное условие для ее жизни - ей было запрещено видеться с Тексом и ее детьми.

Это было свидетельством любви Эммы к своей семье и мужу, что она отвергла его и предпочла смерть.

- Ради всего святого, дай мне свою окровавленную руку, - выпалил Кат, хватая Нилу за руки и разрывая ее хватку. Она боролась, но не могла сравниться с силой Ката.

Ударив ее предплечьем по столу, он прорычал:

- Ты слышала ту часть истории о контрабанде алмазов?

Нила извивалась в руках Ката, делая все возможное, чтобы вырвать руку из его хватки

- Да. Я слышала.

- В таком случае ты понимаешь, что влечет за собой остальная часть Четвертого Долга. Она перестала дышать.

- Нет...я не...

Он усмехнулся, борясь с ее рывками, удерживая ее руку на столе.

- Да, ты знаешь. - Удерживая ее одной рукой, другой он потянулся в сторону. Выдернув узкую палочку, он прижал ее к ее губам.

- Открой пошире.

Ее лицо выгнулось в сторону от предложения.

- Что? Нет!

Кат ущипнул ее за руку. Боль привлекла её внимание, и она приоткрыла губы. Воспользовавшись этим, он сунул палочку ей в рот, так что концы торчали по обе стороны от ее щек. Она выглядела так, словно ее обуздали.

На повернула голову, чтобы выплюнуть ее, но Кат удержал палку на месте.

- Ах, ах, ах. На твоём месте я бы этого не делал.

Ее глаза сверкали кинжалами.

- Прикуси. - Кат медленно убрал руку, провоцируя ее.

Нила замолчала, держа палку в зубах. Ее бровь вопросительно поднялась, когда Кат медленно поднял черный резиновый молоток. Тип молотка, используемого для забивания деревянных гвоздиков в отверстия. Молоток, который принесет невыразимую боль.

Она втянула воздух.

- Нет! - Ее голос дрогнул из-за преграды.

- Я же сказал, прикуси, - Его пальцы крепче сжали молоток. - Это будет больно.

Нет!

Мое сердце дрогнуло, когда я извивался и брыкался.

- Стуроп! - Я презирал себя за то, что не могу двигаться, говорить, кричать, не могу помочь. - Нвеееее!

Нила.

Бл*ть, мне так жаль.

- Что...что ... - Нила не могла оторвать глаз от молотка. Все ее тело замкнулось. - Кат...не надо.

Палочка оставалась у нее в зубах, а язык старательно выговаривал слова.

Его глаза сверкнули.

- Когда слава Уильяма о бесценных бриллиантах распространилась по городу, все больше и больше людей пытались его ограбить. Оппортунисты и пираты все хотели получить часть его удачи, даже когда он заплатил за нее так много. Воры. Скряги. Они все заслуживали виселицы.

Нила заскулила, борясь с его хваткой, когда Кат напряг ноги, готовясь отдать Четвертый Долг.

Мое сердце подпрыгнуло, ударяясь об ушибленные ребра, подпрыгивая в пульсации внутри моей головы. Под моим углом на полу мир наклонился вбок, мой разум напрягся, чтобы остаться с ней, чтобы найти способ освободиться.

- Уильяму постоянно приходилось придумывать новые способы контрабанды своего груза в страну. Он начал с очевидного: отверстия его людей. Уловка с фальшивой упаковкой. Но со временем каждый из них потерпит неудачу, как только станет известно о последней афере.

- Даже в последние несколько десятилетий мы сами терпели неудачи. Наши контрабандисты проглатывали алмазы, либо обматывали небольшие порции вокруг ног и живота. Но, испытывая страх, они потели, а значит можно было гарантировать, что груз не будет доставлен. Мы могли бы засунуть их в задницы и киски, но это стало слишком широко использоваться наркоторговцами и с ужесточением пограничной безопасности - не практично. Итак...мы придумали новый план.

- Его голос стал хриплым. - Знаешь, как мы решили эту проблему?

Нила покачала головой, черные волосы прилипли к потным щекам, слезы лились ручьями.

- Вшивание в плоть.

Она в ужасе втянула воздух, воздух свистел вокруг ее палки.

Кат нахмурился.

- Шитье было довольно варварским и не имело таких удовлетворительных результатов. Врач разрезал бы контрабандиста в наименее инвазивном месте, вставил бы несколько пакетов алмазов и зашил их обратно. Как только путешественник прибыл к месту назначения, рана была вскрыта, бриллианты изъяты, а их сумма выплачена. Однако риск заражения и госпитализации был слишком высок. Итак...мы придумали кое-что получше.

Он повернул запястье, привлекая внимание Нилы к черному молотку в своем кулаке.

- Мы больше не режем, мы ломаем. Мы предлагаем законную инвалидность, используя перелом в качестве идеального алиби. - Он ухмыльнулся. - Понимаешь, о чем я говорю, Нила?

Дерьмо.

Я отдал все, что у меня осталось. Мои запястья пропитались кровью, пока я боролся с веревкой. Моя спина раскалывалась при каждом движении. Я не мог смотреть. Я не мог предотвратить то, что сделал бы Кат. Я ничего не мог поделать, когда он сломал ее и одел в бриллианты.

Я выкрикивал ругательства, давась кляпом. Я хотел поговорить с ней. Утешить ее. Я не хотел снова подвести ее.

Шок прошёлся током по ее телу. Она выплюнула палку, хотя она ей понадобится, чтобы справиться с надвигающейся болью.

- Ты же не серьезно.

- Я очень серьезен. - Улыбка Ката исказила его лицо. - У тебя был выбор сделать меня твердым и доставить удовольствие своей правой рукой. У тебя был мой член в твоих пальцах, твое будущее в твоих руках, и все же ты бросила его мне в гребаное лицо. Ну, твоя правая рука заплатит, Нила. Теперь у неё другая задача.

Нила боролась сильнее, царапая свободной рукой руку Ката.

- Нет, отпусти меня. Позволь мне...

- Тебе действительно следовало прикусить, как я тебе и говорил. Теперь уже слишком поздно. - Кат не смягчился, подняв молоток над головой. - Ты раскаиваешься? Принимаешь ли ты на себя ответственность за грехи своей семьи и согласна ли заплатить долг?

- Нет! Черт возьми, нет!

- Неверный ответ. - Кат приготовился нанести удар.

- Нет. Подожди!

Он стиснул зубы.

- Остановись, пожалуйста!

- Я не остановлюсь.
Его взгляд сверкнул.
Его рука опустилась.
Молоток превратился в черный валун агонии.
- Это будет больно.

Молоток взмыл вверх и опустился вниз.
Нет!
Свист ветра предвещал неминуемую агонию.
Пожалуйста!
Этот тихий крик был моим спасением души.
Не надо!
Безмолвный крик Джетро погубил меня.

Треск удара.
Боль.
Громкий треск ломающегося скелета.
Пытка.
Волна тошноты, когда молоток повредил кость.
Мучение.
Облако беспамятства, от которого все онемело.

Комната закружилась и накренилась.
Я калека.
Агония нарастала и нарастала.
Я изувечена.

Молоток оставил мою горящую сломанную кость, безобидно лежа рядом с запястьем,
как поверженный палач.

Я разорвана на куски.
Я разбита на осколки.
Я сломлена.
Меня вырвало.

Существовало два мира.

Тот, где я существовала всего несколько мгновений назад - нетронутая, целая, испуганная, но цельная.

А теперь вот этот новый. Тот, где меня трясло от мучительной боли...была разорвана на куски...уничтожена.

Запоздалый крик сорвался с моих губ, когда я обхватила свое раздробленное

предплечье.

Я закричала

и кричала

и кричала.

Было больно.

Боже, как это больно.

В прошлом я разбивала себя вдребезги. Как я могу не жить с головокружением? Но я никогда не чувствовала его приближения. Никогда не видела разворачивающейся боли. Никогда не слышала агонию.

Я застонала, борясь с волнами глубокой пульсирующей боли.

Пожалуйста...останови это!

Нежные руки баюкали меня, обнимали, пальцами вытирая слезы со щек.

- Я же говорил, что будет больно, - пробормотал Кат.

Я не могла смотреть на него. Я не могла дышать рядом с ним. Я не могла остаться в живых в мире, где он существовал.

Нет!

Уклоняясь от его прикосновения, я прикусила губу так сильно, что пошла кровь. Мои целые пальцы обхватили сломанную руку, успокаивая ожог, желая стереть повреждения. Плоть покраснела и распухла, раздуваясь от боли. Она не была изуродована или деформирована, но горячая зыбь намекала, что он сделал то, что намеревался.

Страница 18

Он сломал ее.

Он сделал мне больно.

Он сделал это!

Рядом со мной что-то лязгнуло.

Я не смотрела. Я позволила волосам заслонить внешние ужасы. Я даже не взглянула на Джетро. Я и глазом не моргнула. Мне было все равно.

Все, о чем я заботилась, - это уход за своим израненным телом и серфинг в цунами страданий.

Время шло вперед, увлекая меня все дальше в этот новый мир, где я обнимала сломанную конечность. Он сломал меня. Он ударил меня. И все ради чего? Чтобы он мог использовать рану как «чемодан» для своих отвратительных бриллиантов.

- Отдай её мне, пожалуйста.

Голос Ката прорезался сквозь мой ужас.

Я крепче сжала свою рану.

- Пошел ты, - слезы брызнули у меня из глаз. Только не снова. Пожалуйста, только не снова. Я не могу справиться с этой болью дважды.

Мне нужно было согласиться поработать руками. Я должна была встать на колени и сделать минет, как он приказал. Я должна была позволить ему трахнуть меня - даже если это означало, что Джетро навсегда запомнит мою готовность быть изнасилованной.

Вот что шептал Кат, вот что он обещал. Он поклялся, что мне это понравится. Что если я с радостью сделаю его твердым, если послушно сниму одежду и раздвину ноги, он заставит меня кончить, стонать, умолять о большем.

Я ему не поверила. Как я могла это сделать? Как я могла предать себя таким образом? Но я не могла верить, что он не будет играть моим телом лучше, чем я могу его контролировать. Я не могла знать, полностью ли наркотический ликер покинул мой организм, и не собиралась сдаваться. Мне оставалось только подчиниться и позволить Джетро покинуть Африку целым и невредимым. Или не соглашаться и смотреть, как Кат сломаёт его на части, когда он все равно изнасилует меня.

Что хорошего в вариантах, если они предлагают только один вывод?

Мне очень жаль, Джетро.

Он пришел мне на помощь только для того, чтобы узнать, что Дэниэль прикасался ко мне, а я прикасалась к его отцу. Что за хреновая ситуация.

Кат прислонился к столу, его пальцы заправили мои волосы за ухо.

- Это простой перелом, Нила. Ты должна быть благодарна, что я не разрезал тебя и не вставил свои бриллианты прямо в твою плоть, - он прикоснулся, очерчивая контур на моем запястье. - Ты сохранила все конечности. Ты сохранила свое драгоценное тело. Это всего лишь средство для достижения конечной цели.

Я подняла глаза, дрожа от гнева. Боль переплелась с яростью, когда я посмотрела на него сверху вниз.

- Однажды кто-нибудь сделает с тобой то, что ты сделал с другими. Когда-нибудь ваши преступления вернуться, чтобы навестить вас, и я надеюсь, что буду там, чтобы сказать вам, чтобы вы были благодарны.

Кат нахмурился.

- Если этот день когда-нибудь наступит, мисс Уивер, я могу с уверенностью сказать, что вы не будете присутствовать.

Протянув руку, он рявкнул:

- Дай мне руку.

Я вывернулась, прижимая к себе сломанную конечность.

- Я не причиню тебе вреда.

- Ты уже это сделал.

- О чем это тебе говорит?

Я не ответила.

- Это говорит тебе, что я исправлю боль, которую причинил. Я не сомневаюсь, что после каждого долга Джетро заботился бы о тебе. Я прав? Он бы исправил свои ошибки и убедился, что ты здорова, чтобы продолжать.

У меня отвисла челюсть.

- Ты болен.

Я не могла оторвать глаз от Джетро. В тумане боли я не обратила на него внимания. Я не видела, как он метался по полу, отчаянно пытаюсь освободиться. Я не видела, как он покрывал себя пылью, как яростные слезы текли по его щекам.

О, Кайт.

Моё сердце болело почти так же сильно, как рука.

Кат указал на оборудование на столе.

- Открой глаза, Нила. Как ты думаешь, что это за штука?

Невольно я присмотрелась внимательнее. Раньше эти предметы не имели смысла...теперь они начали иметь.

Марля, вода, прокладки и медицинские пакеты с знаками, обозначающими их

содержимое как пластыри.

Гипс.

Он собирается сделать тебе гипс.

Я шмыгнула носом, борясь с очередным приступом агонии.

- Если ты действительно собираешься вправить мне руку, то сначала я хочу обезболить.

Я ожидала насмешки и отказа. Но Кат лишь кивнул и открыл маленький пластиковый футляр. Вытащив две таблетки из блистерной фольги, он протянул их мне вместе с бутылкой воды.

- Это кодеин. У тебя ведь нет аллергии?

Я оскалила зубы.

- Что? Тебе не все равно, есть ли у меня аллергия?

Он нахмурился.

- Несмотря на то, что я только что сделал, я хочу, чтобы ты оставалась здоровой. Нам предстоит долгий путь, и с твоей болью нужно справиться соответствующим образом - за вычетом аллергии.

Я проглотила свой страх.

- Долгий путь?

Кат кивнул, когда я забросила таблетки в рот и запила водой. Вода текла по моему пересохшему горлу, как жидкая жизнь. Я так давно не ела и не пила. Слишком долго. Вода плескалась у меня в животе, напоминая, как он пуст.

- Я сломал тебе руку не ради забавы, Нила. - Кат оттолкнул пластиковый контейнер и через мгновение вскрыл пакет с пластырем. - Я же сказал. Мы занимаемся контрабандой алмазов. Мы едем домой, и я хочу взять с собой несколько высококачественных камней. Они крупнее обычных и встречаются редко. Я хочу, чтобы они всегда были со мной.

- С тобой все время? Ты имеешь в виду меня? - Еще одна волна боли заставила меня зашипеть.

Кат высыпал гипс в свежее ведро с водой. От поверхности мягко поднимался пар.

- Да, тебя.

Он занялся вскрытием пакетов и приготовился вправить мне сломанную кость. Я не знала, что и думать. Он все предусмотрел заранее. Он хладнокровно сломал мне руку, а затем собрал достаточно припасов, чтобы починить ее в том же месте.

Кто так делает?

Ответ сочился сарказмом. Ястреб.

Как только его приготовления были окончены, Кат поднял пластиковую шину. Три стороны, гладкие и хорошо сформированные, с маленькими отделениями, скрытыми там, где моя рука будет лежать.

- Теперь, когда ты знаешь, что я не причиню тебе вреда, дай мне свою руку.

Я обхватила запястье, глядя на Джетро, лежащего в грязи.

- Отпусти его.

Кат оглянулся через плечо, прежде чем повернуться обратно.

- Нет. А теперь дай мне руку.

Дрожь охватила мое тело, шок пытался стереть все, что произошло.

- Пожалуйста, хотя бы развяжи его.

Джетро лежал на боку, корчась от боли. Страшно подумать, как он справлялся с моими

внутренними и внешними криками, когда Кат сломал мне руку.

Почувствовал ли он это?

Пережил ли он это, как Вон, когда я падала и ушибалась?

Черт, Вон.

Он всегда знал, когда я что-нибудь сломаю. Двойная интуиция. Будет ли у него болеть правая рука в знак сочувствия? Прочешет ли он всю Англию, пытаясь найти меня, или, что еще хуже, Хоуксридж Холл, пытаясь спасти меня?

Кат рассмеялся.

- Зачем? Чтобы он мог по глупости напасть на меня и снова погибнуть? - Он закатил глаза.

Это было так по-детски просто, что у меня по спине побежали мурашки.

Его гнев усилился.

- Я больше не буду просить, Нила ... Руку. Сейчас же.

Болеутоляющие уже просочились в мою кровь благодаря тому, что никакая пища не задерживала всасывание. У меня не было другого выбора, кроме как позволить Кату вылечить меня.

Не то чтобы меня что-то могло вылечить. Не после последних шести месяцев.

Осторожно, тяжело дыша носом и шипя сквозь зубы, я положила руку в трехгранный гипс.

- Нет, не туда. Ещё нет.

Вытащив её, он открыл непрозрачную сумку на молнии и извлёк несколько черных бархатных мешочков. Подняв один, он улыбнулся.

- В каждом из этих мешочков лежит более миллиона фунтов камней - всего пять миллионов. - Его взгляд остановился на моем бриллиантовом ошейнике. - Почти так же бесценно, как драгоценные камни на твоей шее.

Он аккуратно вставил свертки в вырезанные из пластиковой шины части.

- Они будут спрятаны. Они не металлические, поэтому на них не сработает сигнализация, и они не будут внутри тебя, поэтому они не появятся на сканерах тела.

Сигнализация?

Сканеры тела?

Он отвезет меня домой и заставит солгать службе безопасности аэропорта.

Комок ужаса застрял у меня в горле.

- Они меня поймают.

Кат покачал головой.

- Я абсолютно уверен, что с тобой все будет в порядке. Нервный пот будет списан на новый перерыв. Восковая бледность твоих щек от непреодолимой боли. Они могут задавать тебе вопросы, но они не найдут ничего предосудительного в твоей актерской игре. Вот увидишь.

Слезы защипали мне глаза от испытаний, с которыми я все еще сталкивалась. Мои губы скривились от ненависти.

- Ты мог бы просто наложить на меня фальшивый гипс. Никто не заметит разницы.

Кат обхватил мое лицо ладонями, крепко держа.

- Ошибаешься. Лжецов легко обнаружить в аэропортах. И кроме того, у нас будет дополнительный арсенал, который докажет, что наша история не лжива.

Я вырвалась из его хватки, задыхаясь от боли.

- Что это?

- У нас будут рентгеновские снимки, подтверждающие твой несчастный случай, доказательства перелома, а также времени и даты.

Мои глаза расширились.

- Как? - Я рассмеялась. - Вы хотите сказать, что у вас здесь есть суперсовременный рентгеновский аппарат? - Полубезумный, полудемонический смех вырвался у меня. - Ты не только контрабандист алмазов, но ещё и доктор, президент байкеров и любящий отец. Есть ли что-то, что ты не можешь сделать?

Кат прищурился.

- Осторожнее, Нила. Если тебе больно, это не значит, что я не могу тебя наказать. Я всегда требую уважения. Тебе не мешало бы помнить об этом, пока мы вместе едем домой. Когда ты пройдешь через охрану, я буду с тобой. Когда ты поднимешься на борт и приземлишься, я буду рядом. Ты не будешь свободна, и тебе лучше держать язык за зубами. - Он ткнул пальцем в Джетро. - Иначе он не будет жить так, как я обещал. Повинуйся мне, и он выживет. Выкинешь какую-нибудь глупость, и он умрет. - Он пожал плечами. - Просто никаких глупостей.

Просто никаких глупостей?

Как насчет того, чтобы я убил тебя в самолете?

Это было бы глупо, потому что я закончу свою жизнь в тюрьме. Но так просто, потому что Кат больше не будет дышать.

Я саркастически рассмеялась.

- Звучит так, будто ты все продумал.

Он нахмурился, но ничего не ответил. Вместо этого он проигнорировал меня, вставив алмазные пакеты и наслаивая мягкую обивку на отсеки. Даже если служба безопасности аэропорта посветит фонариком или ткнет палкой в мой гипс, они не найдут камни.

Кат поднял гипс.

- Теперь ты можешь положить руку внутрь.

Мое сердце бешено колотилось, но я сделала так, как мне было сказано, вздохнув с облегчением, когда мягкая подушка помогла немного успокоить боль.

Кат ухмыльнулся.

- Видишь, я же говорил, что все исправлю.

Мой голос превратился в ножницы, разрезая его на куски.

- То, что ты ухаживаешь за мной сейчас, еще не значит, что я прощаю тебя за то, что было раньше.

Джетро застонал, привлекая мое внимание к себе. Его прекрасные золотистые глаза были тусклыми и полными гнева. Любовь связала нас вместе, сковала сильнее, несмотря на все невзгоды.

Он сделал мне предложение.

Я бы сказала ему "да".

И все же, как это ни ужасно, время уходило.

После того, как Кат позаботится о моей ране, я не сомневалась, что мы недолго пробудем в Африке. Он хотел бы вернуться домой. Он хотел бы закончить все, что задумал.

Исполнит ли он Последний Долг, прежде чем принять участие в Третьем?

Я вздрогнула. Как же я ошибалась, надеясь, что он убьет меня, а не изнасилует? Я должна ценить свою жизнь выше всего, чему подвергалось мое тело. Но Кат внутри меня

будет не только физическим, но и ментальным и духовным. Я бы окончательно запуталась, узнав, что он был с моей матерью и убил ее. Потом проделал то же самое со мной.

Я убью его прежде, чем это случится.

Воспоминание о том, как я ударила Дэниэля в сердце, дало мне столь необходимый толчок. Я была в ужасе от него. И все же я победила. Я могла бы сделать то же самое с Катом.

Кат надавил на мою руку, заставляя меня закричать от боли. Я вздрогнула, пытаюсь вырваться.

- Стой!

Его сильные пальцы перестали меня мучить.

- Просто хочу убедиться, что ты удобно устроилась.

- Ублюдок. – произнесла я проклятия себе под нос.

Если Кат и услышал меня, то не ответил.

Отпустив меня, он наложил на мою руку еще одну обивку, а затем марлю. Он обматывал ее вокруг, заковывая мою руку в ее новую тюрьму. Как только она была закреплена, он надел на пальцы хирургические перчатки и вытащил полоску пластыря из лотка.

- Не двигайся.

Я не ответила, пока он старательно обматывал теплым, влажным пластырем мою сломанную конечность. Химическая реакция принесла горячее утешение пульсирующей боли, и я немного расслабилась, когда обезболивающие подействовали.

Это не заняло много времени. В прошлом врачи обматывали мой гипс тремя или четырьмя слоями пластыря, чтобы я не могла сломаться или повредить себя еще больше. Однако Кат сделал только два слоя, обмотав сверху марлевым рукавом, разглаживая гипс мокрыми пальцами.

- Вот. Не крути и не двигай рукой в течение шестидесяти минут, пока она не затвердеет.

Мне хотелось смеяться. Он знал, как применять элементарную медицинскую помощь. Но его манеры в постели были ужасны. Во-первых, ни один врач никогда не причинял вреда своему пациенту.

Сидя прямо, я слегка наклонилась вперед, чтобы Кат мог работать с моим гипсом, я держал его подальше от себя, чтобы дать высохнуть, но хотела прижать его поближе к себе.

Я перевела взгляд на Джетро. Лицо его покраснело от ярости, глаза остекленели от горя.

Я в порядке.

А ты - нет.

Я буду жить.

Ты лучший.

Я улыбнулась последнему молчаливому сообщению. Я буду жить, потому что заслуживаю этого. И Джетро тоже. Мы снова найдем друг друга - даже с неизбежной разлукой, которая вот-вот снова разлучит нас.

Вымыв руки в ведре свежей воды, Кат улыбнулся своему творению.

- Все сделано. - Его глаза сверкнули. - Каково это - быть миллионером с таким количеством бриллиантов на коже?

Я снисходительно постучала по ошейнику.

- То же самое я чувствовала с тех пор, как Джетро надел на меня Плакальщицу-Уивер.

Я посмотрела на Джетро, извиняясь. Я не имела в виду ничего плохого.

Он зажмурился, вздрагивая от воспоминаний о нашем хреновом начале.

Кат кивнул.

- Это справедливое замечание. Ты носила больше бриллиантов, чем большинство Хоуков за всю свою жизнь. - Он склонил голову набок, глядя на Джетро. - Ты заметила булавку Кайта на лацкане? Этот бриллиант в два карата передавался из поколения в поколение. Я подарил его ему на шестнадцатый день рождения, когда он заверил меня, что держит свое состояние под строгим контролем. Я ничего так не хотел, как верить ему, - Его голос смягчился. - Я знаю, ты не можешь этого понять, но я люблю своего сына, Нила. Больше, чем ты думаешь.

Я фыркнула.

- Ты любила Кеса, когда стрелял в него? Или Дэниэля, когда ты позволил ему вырасти, веря, что он был нежеланным ребёнком?

Кат замер.

- Что ты об этом знаешь?

Сама того не желая, я придала вес своей предыдущей лжи.

- Я же сказала. Мы провели ночь вместе. Он поделился кое-чем из своего прошлого. Он открылся мне, потому что я дала ему то, в чем он нуждался.

Джетро не шевелился на полу.

В первый раз Кат сделал паузу. Его глаза сузились, пока он обдумывал мой ответ. Он выглядел неуверенным...в конце концов, это могло быть правдой.

Я сомневалась, что он когда-нибудь найдет останки Дэниэля. Возможно, мне сойдет с рук его убийство, и все благодаря охотничьему отряду львиц.

Я никогда не знала, что природа может предоставить алиби.

- Как бы то ни было, когда Дэниэля найдут, я узнаю правду и решу, как тебя наказать. - Кат вытер руки и провел ими по седым волосам. - Теперь Четвертый долг выплачен, нам пора уходить.

Пройдя через пещеру, он присел на корточки рядом с Джетро и похлопал сына по грязной щеке.

- Чувствуй себя как дома. Я дам инструкции персоналу освободить тебя, как только мы пробудем в Хоуксбридже несколько дней, и ты не сможешь вмешаться.

Встав, он улыбнулся мне.

- Все, что тебе нужно сделать, Нила, это пройти через охрану с моими бриллиантами, все еще находящимися у тебя, и твой любовник останется жив. Это не слишком много, чтобы просить, не так ли?

Я соскользнула со стула, слегка пошатываясь от головокружения и остаточной боли.

Двигаясь к Джетро, я жаждала обнять его, поцеловать, сказать, что люблю его и всегда буду любить. Но Кат остановил меня на полпути, положив руку мне на грудь. - Нет. Попрощайтесь на расстоянии.

Я отрицательно покачала головой.

- Почему я не могу прикоснуться к нему? Какой от этого может быть вред?

Кат стиснул зубы.

- Больше вреда, чем хотелось бы.

- Ты же знаешь, что у меня нет оружия, чтобы дать ему. Ты же знаешь, что у меня сломана рука, и у меня серьезный шок. Позвольте мне как следует попрощаться. Ты мне это должен.

Кат тяжело дышал, преграждая мне путь. Но он медленно кивнул.

- Ладно.

В тот момент, когда он отошёл с моего пути, я бросилась вперед и приземлилась на колени. Моя здоровая рука потянула ужасную клейкую ленту вокруг рта Джетро.

- Дыши. – Это было моё единственное предупреждение.

Быстрым рывком я оторвала липкую ткань от его пятнадцатичасовой тени и выдернула отвратительный кляп.

Он хрипел и брызгал слюной, шумно втягивая воздух.

Кат шагнул вперед, возвышаясь надо мной.

- Грёбаная Нила Уивер...

Я впилась в него взглядом, скомкала промокший кляп и швырнула ему в лицо. У моей левой руки никогда не было сильной координации, и бросок закончился тем, что кляп пролетел мимо его щеки.

- Он едва дышит. Заткнись! Если ты позволишь ему говорить, это ничего не изменит, чудовище.

- Иголочка ... - Джетро закашлялся, слюна упала ему на подбородок.

Иголочка.

Имя, которым я просила его называть меня много месяцев назад, когда еще не знала, что он Кайт-007. На глаза навернулись слезы.

- Я здесь.

Мне хотелось посадить его прямо, но он сломал стул, и, не разрезав веревки, я не могла ему помочь.

Боже, как я это ненавижу! Все это.

Джетро улыбнулся, скривившись от боли.

- Черт возьми, Нила, я ...

Я приложила дрожащий палец к его пересохшим губам.

- Не надо. Я знаю.

Мы обменялись бесконечным взглядом, отягощенным прошлым и настоящим. Невысказанные слова тяжелым якорем вонзились в мою душу, навеки поселившись в сердце.

Склонившись над ним, я коснулась губами его виска. Его окровавленного виска после автокатастрофы. Насколько серьезно он был ранен? Его лоб все еще горел от лихорадки, а огнестрельная рана на боку не затянулась.

Ему нужна помощь. И быстро.

Взглянув на Ката, я взмолилась:

- Пожалуйста, возьми его с нами. Ему нужен врач.

Страница 19

Кат скрестил руки на груди.

- Он останется здесь, пока я не скажу.

- Но...

- Никаких гребаных "но".

Протянув руку, Кат огрызнулся:

- Пора уходить.

- Нет!"

Кат возвышался над нами.

- Чем дальше ты будешь отрицать то, что произойдет, независимо от твоего желания, тем дальше Джетро придется обходиться без медицинской помощи. - Он склонил голову набок. - А теперь это тебя ободряет? Зная, что у тебя есть сила, чтобы привлечь его столь необходимое внимание своим поведением?

Я ненавидела, что у меня есть сила спасти человека, которого я люблю, повинуюсь человеку, которого я ненавижу.

Стиснув зубы, я в последний раз посмотрела на Джетро.

- Мне нужно идти.

Он покачал головой.

- Нет.

- Я люблю тебя, Кайт.

Его глаза заблестели от страха.

- Нила...не надо. Это еще не конец. Мне все равно, что он говорит. Я приду за тобой. Я остановлю Последний долг. Я обещаю. - Он сильно дрожал в своих оковах. - Я, бл*ть, обещаю, что остановлю это. Ты моя. Я не позволю Долгу по наследству завладеть тобой. Не позволю!

Его изливающееся несчастье и отчаяние разбили мне сердце. Я не могла позволить ему истощить все оставшиеся у него резервы. Обхватив его щеку здоровой рукой, я приблизила его лицо к своему.

Я никогда не закрывала глаза, и он тоже, когда я целовала его.

Его губы приоткрылись, его язык переплелся с моим, и мы договорились, что он будет сражаться за меня. Он будет преследовать меня. И кто знает, может быть, он спасет меня в последний раз.

Кат разрушил наш момент, выдернув меня из рук Джетро и потащив к выходу. Моя рука ныла, но это было ничто по сравнению с внутренним потрясением от того, что я оставила Джетро позади.

В дверях Кат притянул меня ближе, и я пошатнулась, навсегда запечатлев Джетро в своей душе.

Он вздернул подбородок, держа меня в поле зрения так долго, как только мог.

- Не сдавайся, Нила. Это еще не конец.

Тихие слезы капали с моих ресниц, когда Кат вытолкнул меня за дверь и разлучил с моей второй половинкой.

Дверь за мной закрылась.

Слезы потекли быстрее.

Боль становилась всё сильнее.

И все, что я могла сделать, это прошептать:

- Прощай...

- Бл*ть!

Дверь закрылась. Нила исчезла. Я так и остался лежать на полу, как брошенный чертов пленник.

Я бывал и в худших переделках.

Бывал ли?

Мне нравилось думать, что я их преодолел. Что я преодолею и эту. Но как?

Мой желудок не расслаблялся с тех пор, как Кат начал свой жуткий урок истории и занялся самой ужасной вещью, которую я когда-либо видел.

Стук молотка по руке любви всей моей жизни. Крик, когда ее кость сломалась.

Я вздрогнул.

Это не останется самым худшим, что ты когда-либо видел, если ты не оторвешь свою задницу от пола.

Последний Долг.

Жасмин сказала, что Кат планирует провести его до конца недели.

В тот момент, когда он вернется в Хоуксридж, Нила будет мертва.

Ярость разлилась по моим венам, и в миллионный раз я начал извиваться и бороться, чертовски сильно пытаюсь освободиться.

Веревки вокруг моих лодыжек соскользнули с ножек стула, но запястья и туловище оставались связанными.

Думай. Должно же быть что-то, что ты можешь сделать.

Стараясь успокоить дыхание, я оглядел пещеру. Стол с остатками оборудования находился слишком далеко. Я мог бы передвинуться вместе со стулом, прикрепленным к моему телу, но это было бы пустой тратой драгоценного времени и энергии. Кроме того, Кат не использовал никаких острых инструментов, а нож, которым он пользовался, исчез вместе с ним в заднем кармане.

Кес.

Именно в такие моменты - когда я облажался и не видел выхода - он приходил мне на помощь. Он всегда приходил. Всегда отвечал на звонки, если у меня случался рецидив, или делился со мной пивом, когда мне требовалась его долгожданная поддержка.

Кес был единственным, кого я знал, кто мог регулировать и успокаивать свои эмоции до невообразимой степени. Я не знал, как он это делает, но быть рядом с ним было противоположно тому, что быть рядом с другими.

Я скучаю по тебе, брат.

Дверь открылась.

Мои глаза метнулись ко входу, сердце подпрыгнуло от надежды.

Нила...

Только это была не Нила.

Маркиз протопал внутрь. Его дородный рост и черная кожаная куртка с бриллиантами перекрыли выход, когда он повернулся и снова запер дверь. Он не сказал ни слова, только поднял бровь в мою сторону и сел на стул, на котором сидела Нила, когда Кат сломал ей руку.

Он. Сломал. Ее ... Руку.

Чертов ублюдок.

Я почувствовал ее боль, недоумение и ужас, когда молоток раздавил ее плоть. Я почувствовал ее страх, что она не пройдет через охрану аэропорта с бушелем бриллиантов в гипсе.

Я хотел сказать ей, чтобы она кричала, когда садилась в самолет. Пусть пилоты знают, что у нее контрабанда и ее следует задержать. Если ее поймают, ее задержат, возможно, осудят, и она останется жива в тюрьме, пока я не найду способ освободить ее.

Если бы она была заперта, Кат не смог бы убить ее, и я мог бы нанять лучших адвокатов, чтобы закрыть ее дело. Я мог бы показать всему миру, чем занималась моя семья. Я мог бы открыть правду и, наконец, показать, на что способны деньги.

Какую преданность он мог купить.

Какие грехи он мог скрыть.

Как счастливые семьи среднего класса были обмануты теми немногими, кто владел богатствами земного шара.

Если это означало, что я попаду в тюрьму, так тому и быть.

По крайней мере, моя совесть наконец-то будет чиста, и Нила будет жива.

И Кат сгниет рядом со мной в камере восемь на восемь, никогда больше не увидев ни своего драгоценного Хоуксриджа, ни бриллиантов.

Мечта разбилась вдребезги, когда я повернулся, чтобы посмотреть на Маркиза. Я не мог освободиться сам. Но он мог бы мне помочь.

- Освободите меня, и я заплачу вам два миллиона фунтов.

Я потянул за веревки вокруг моих запястий, тяжело вдыхая воздух. У меня был сильный ушиб груди после аварии, и я не переставал мучиться от сильной головной боли. Я не сдержал своего обещания заплатить водителю, который привез меня сюда, и не сделал того, что обещал, спасая Нилу.

Вся эта поездка была одним большим провалом. Тем не менее, я бы променял все хорошее, что я когда-либо делал, если бы мог перемотать время назад и не дать Кату сломать руку Ниле.

Маркиз усмехнулся.

- Твоя бабушка заплатила мне гораздо больше за мою преданность. - Скрестив руки на груди, он свирепо посмотрел на меня. - Хватит болтать. Я не отпущу тебя ни за какие деньги.

- А как насчет титула? Собственное поместье? Акции наших компаний? - Я плюнул. - У каждого есть своя цена. Назовите её.

Маркиз разглядывал свои ободренные ногти, как будто он был гребаным королем на своем троне.

- Я получу все это, если останусь верен Бонни. - Он фыркнул. - Так что заткнись на хрен.

Я тяжело выдохнул. Сейчас он не сдвинется с места, но он сделает это. Мне просто нужно было найти его слабое место. Всех можно было купить. Мы узнали этот яркий пример за годы взяточничества и контроля.

Мои мысли вернулись к Ниле и Кату, ведя счет времени и расстоянию, медленно разделявшим нас.

Я должен освободиться.

По пещере разнеслась пронзительная мелодия.

Маркиз ссутулился и вытащил телефон. Он ткнул пальцем в экран, прижимая его к уху.

- Да?

Молчание.

- Все еще на полу и связанный. Да, сделаю. Понял.

Он повесил трубку, и зловещая улыбка растянула его губы.

- Похоже, тебе следует устроиться поудобнее, Хоук. Я получил приказ не отпускать тебя, пока президент не сядет в самолет. И затем... он хочет, чтобы я преподнес тебе особый сюрприз.

Конечно...

Я не ожидала, что Кат позволит мне выжить - не после того, как пытался убить меня. Может, у него и было болезненное увлечение тем, что я выживу в мире, где Нила не существует, но он понимал, что в тот момент, когда я буду свободен, в тот момент, когда у меня появится шанс, он будет мертв.

Если он оставит меня в живых, это только вопрос времени.

Он не оставит меня в живых...

Я стиснул зубы.

- А что за сюрприз?

Я уже знаю.

Боль, а потом смерть.

Кат был не слишком оригинальным.

Маркиз сжал кулаки, показав покрытые струпьями костяшки пальцев и мускулистые предплечья.

- Увидишь.

Кат крепче сжал мою неповрежденную руку, таща меня быстрее через аэропорт.

С тех пор как мы оставили Джетро в шахте и полетели на джипе в маленькую хирургическую клинику на окраине Габороне, он не давал мне покоя.

Пока африканский доктор кивал, улыбался и готовил мою руку к рентгену, Кат умылся и переоделся, сменив грязные джинсы и белую рубашку на черные брюки и рубашку.

Доктор не снял гипс и не показал мне рентгеновские снимки, когда дряхлый аппарат жужжал и сделал зернистые снимки того, что сделал со мной Кат.

Как только большие черно-белые снимки были надежно спрятаны в его портфель, Кат дал мне пять минут, чтобы вымыться как можно лучше в маленькой ванной хирургического отделения. Кровь Дэниэля и из ран от автокатастрофы просачивалась в отверстие ванной, открывая царапины и синяки во всем их красочном великолепии.

У меня не было косметики, чтобы скрыть следы, и не было другого выбора, кроме как переодеться в ту одежду, которую я прихватила из чемодана по пути из Алмасы Кипанга.

К сожалению, он не выбрал ничего из одежды, которую я художественно исправила, оставив меня без скальпелей или вязальных спиц, оставив меня уязвимой.

Единственной хорошей вещью в операции доктора было то, что приятный мужчина дал мне домашний медовый батончик мюсли - то ли заметив, как я пялилась на его бутерброд, лежащий на столе, когда он делал мне рентген, то ли почувствовав слабость, когда Кат вывел меня наружу.

Я была не очень высокого мнения о его практике, учитывая, что он не проверил, правильно ли «собрана» моя рука, или внутри ничего серьезно не повреждено, но я сунула еду в рот, прежде чем Кат успел выхватить её.

В соответствии с временным графиком Ката, он представлял себе мою голову в корзине в течение нескольких дней. Кому какое дело, если у меня рука не в порядке? Больше в этом нет надобности.

Вот чего ты боишься.

Но этого не произойдет.

Я сжала пальцы, проверяя уровень боли от перелома. Моя хватка была слабой, и она горела, чтобы двигаться, но у меня все еще была подвижность. Мои пальцы все еще работали, за что я была благодарна. Я не могла смириться с мыслью, что никогда больше не смогу шить или держать в руках замысловатые иглы и кружева.

Кат украл так много - он не мог украсть все мои средства к существованию и навыки.

- Поторопись. - Кат потянул сильнее.

Я шаталась рядом с ним, тяжело дыша, когда каждый шаг отдавался болью в моей руке. Боль резонировала под мышцами и кожей, дискомфорт лишал меня энергии.

В тот момент, когда мы прибыли в аэропорт, Кат оставил джип на долгосрочной стоянке и только потрудился взять свой портфель. В то время я задавалась вопросом, будут ли нас допрашивать за подозрительное поведение, путешествуя на дальние расстояния без багажа. Но я закатила глаза и спрятала свое фырканье.

Это был Кат Хоук.

Эта часть Африки принадлежала ему - без сомнения, служба безопасности аэропорта тоже будет принадлежать ему.

- Ради Бога, Уивер. - Кат замедлил шаг, заставляя меня ступать рядом с ним. - Мы опоздаем на самолет.

Новая пульсация вызвала колючие слезы в моих глазах.

- Я хочу опоздать на самолет. Я хочу вернуться за Джетро.

Всю дорогу я не переставала думать о Кайте. Его окровавленного и в лихорадке привязали к стулу. О том, что у него нет другого выбора, кроме как смотреть, как меня забирают.

От съеденного мною батончика мюсли скрутило живот.

- Ты ведь сохранишь ему жизнь...Правда? Ты сдержишь свое обещание не причинять ему вреда.

Кат застенчиво улыбнулся.

- Я бы не стал беспокоить твою хорошенькую головку. Скоро такие тривиальные вещи перестанут иметь для тебя значение.

Завуалированный намек на мою смерть должен ужаснуть меня. Я должна бороться, кричать и вести себя как террорист, чтобы предотвратить посадку в самолет. Но страх перед допросом и тюремным заключением заставлял меня молчать.

Кат был сумасшедшим, но он был только один. Одно бьющееся сердце, чтобы нанести удар. Одна жизнь, которую нужно погасить. Если меня схватит полиция, я не буду знать, с кем и как драться. Я буду одна.

Да, но ты можешь остаться в живых.

Возможно, в Англии я вызвала бы шум. Но не здесь. Я не доверяла силе Хоука в Африке. У Ката могут быть средства убить меня, даже находясь под стражей закона. Купить копа - устроить удобное самоубийство в моей камере.

Нет, я подожду.

Я вернусь в Англию, к себе домой, в страну, которую знаю и могу поставить на кон свою жизнь с лучшими шансами.

Регистрируя нас, Кат не отпускал меня, пока агент передавал наши паспорта и посадочные талоны. Темнокожие сотрудники службы безопасности и аэропорта не смотрели в нашу сторону, пока Кат грубо вел меня через таможенную и иммиграционную службу к багажному рентгену.

Чем ближе мы подходили к металлоискателю, тем сильнее билось мое сердце.

Не думай о бриллиантах.

Кат зашептал мне на ухо, его пальцы впились в мой бицепс.

- Если вы привлечете нежелательное внимание или сделаете какую-нибудь глупость, я дал Маркизу строгий приказ заставить Джетро заплатить.

Я вздрогнула, вставая в очередь, чтобы пройти через детектор.

Стук моего сердца отдавался в ушах, в то время как моя очередь быстро приближалась, и я держала свою сломанную руку, словно защищаясь. Я не знала, обнимала ли я её из-за боли или из-за нелегальных бриллиантов. В любом случае, румянец и восковой цвет моей кожи сыграли свою роль в маскараде Ката.

Женщина-офицер улыбнулась, махнув мне рукой.

- Проходите, мэ.

Я прошаркала через арку, съездившись, когда она запищала.

- Стойте там.

Женщина подошла ближе, размахивая палочкой над моей спиной.

Я зажмурилась, ожидая, что она меня задержит. Боялась, что найдет бриллианты на миллионы фунтов и приговорит меня к смертной казни через повешение.

Что было бы лучше? Повешение или гильотина?

Что это за больная мысль?

Кат прошёл внутрь, не включив сигнализацию, и ухмыльнулся мне, снимая свой портфель. Он стоял рядом, не вмешиваясь, когда женщина сделала еще один проход и палочка перестала пищать.

Она опустила руку, махнув мне, чтобы я проходила.

- Приятного полета.

- Э...э-э, спасибо.

Я поспешила вперед, пот струился по спине от нервов. Зуд появился на моем предплечье под гипсом, медленно сводя меня с ума, когда Кат положил руку мне на поясницу и повел в зал вылета.

- Видишь, все было не так уж плохо, правда? - Он говорил тихо, не глядя в глаза, пока мы уворачивались от утомленных путешествием пассажиров.

Моя здоровая рука болела от того, что я держала гипс. Как бы мне хотелось держать его поближе к себе, но я не могла. Подождите...

Вот чего не хватало.

Я остановилась в центре магазина беспошлинной торговли, через который мы проходили.

- Подвязка. Мне нужна подвязка.

Кат нахмурился.

- Что?

Я подняла руку.

- Это больно. Мне нужно держать его близко, чтобы он не болтался, но мое другое плечо болит после автомобильной аварии. Мне нужна подвязка.

Когда его губы скривились в презрительной усмешке, я поспешила добавить:

- Кроме того, подвязка только добавит маскарада. Это не так много. Просто что-то, что даст мне некоторое облегчение.

Кат нахмурился, его горло сжалось, когда он сглотнул.

- Прекрасно.

Ворвавшись в книжный магазин, он быстро купил мне холщовую сумку и попросил продавца разрезать ее прямо по центру.

Ведя меня из магазина, он быстро обхватил мою руку разрезанной сумкой и завязал ручки вокруг моего бока и плеча, создавая несовершенную, но практичную перевязь. Легкость и быстрота, с которой он сделал такую нежную вещь, заставили меня замереть.

Если честно, я не ожидала, что он меня выслушает, не говоря уже о том, чтобы помочь.

- Ты ... ты ... - Я отвернулась, ненавидя его, но благодарная. - Спасибо.

Кат напрягся, его золотистые глаза встретились с моими.

- Я бы не стал благодарить на твоём месте, мисс Уивер. Ты же знаешь, что я сделал это не из заботы о твоём благополучии.

Теперь, когда другая моя рука была свободна, я откинула волосы с глаз и немного расслабилась.

- Нет, но ты не можешь скрыть, что в тебе есть нечто большее, чем просто сумасшествие и одержимость желанием править всеми.

Он ухмыльнулся, кожа у его глаз сморщилась.

- Ты могла бы понять Дэниэля, но ты никогда не поймешь меня, так что не беспокойся.

- Подойдя ближе, мы образовали маленький островок, когда поток пассажиров метался вокруг нас. Страх за Джетро и нервозность в животе заставили мои ноющие мышцы напрячься, но я не отступила. Я не выказывала слабости, которая была из-за близости Ката.

Его взгляд упал на мои губы.

- Ты сильная, Нила. Я дам тебе это. Ты так сильно напоминаешь мне Эмму, что иногда трудно вспомнить, что ты не моя. Что ты не она. Ты можешь думать, что мне будет приятно думать о тебе по-доброму, но это не так, поверь мне, - Он понизил голос. - Твоя мать вырвала мне сердце, прежде чем я отрубил ей голову. И ничто не доставит мне большего удовольствия, чем сделать то же самое с тобой и Джетро.

Я замерла.

Кат склонил голову набок, улыбаясь моему ошеломлению.

- Почему это продолжает вас шокировать? Почему даже сейчас вы все еще ищете хорошее в других?

Похлопав меня по руке, он переплел свои пальцы с моими и вернул меня в движение.

- Ты должна знать, что никто не является тем, за кого себя выдает, и каждый заслуживает того, чтобы за что-то платить. Люди веками скрывали свои ошибки или обвиняли в них других. Я беру контроль над своим. Я делаю все, что в моих силах, чтобы улучшить себя, и я отказываюсь позволить вам или кому-либо еще встать на моем пути.

Я промолчала - что я могла на это ответить?

Мы прошли через большие ворота вылета, направляясь к самолету.

Кат улыбнулся, вытаскивая нашу документацию для персонала ворот. Его взгляд встретился с моим.

- Это самая легкая часть, - протянув посадочные талоны, Кат повел меня вниз по мостику, держа меня близко к себе, постоянно контролируя. - Самое трудное - это стресс при приземлении.

Посадка.

Английская служба безопасности.

Максимальное наказание за ложь и неверные заявления.

Пройдя в самолет, мы двинулись по проходу, через первый класс, через бизнес, прямо в отбросы эконом класса.

Кат толкнул меня в ряд с окном и сиденьем у прохода.

- Садись.

Страница 20

Я села.

Потянувшись, он положил свой портфель в верхний шкафчик, прежде чем спокойно и неторопливо сесть рядом со мной.

Как только он устроился, я спросила:

- Почему не частный самолет, на котором мы прилетели?

- А ты как думаешь? Потому что на частном самолете было бы слишком просто. Этот путь гораздо сложнее.

Мои глаза расширились.

- Сложнее?

- Сложнее для тебя - Его голос понизился до угрозы. - Таким образом, тебе придется сидеть с сотнями незнакомцев, гадая, подозревают ли они тебя. Тебе придется скрывать свой страх, когда мы приземлимся, и врать сквозь зубы, когда тебя будут допрашивать. Стресс от того, что за тобой наблюдают, что тебя окружают бесчисленные люди, что тебе приходится лгать - это чтобы показать тебе, как трудно хранить тайну. Ты будешь ценить её намного больше.

Откинувшись на спинку, он вытянул перед собой длинные ноги.

- Ты знаешь, каково это - защищать что-то столь ценное любыми средствами.

Я сглотнула.

- Ты забываешь, что мне плевать на твои бриллианты. Мне все равно, найдут они их или нет.

Его глаза сузились.

- Я говорю не о бриллиантах, Нила. Это мой первенец гниет в Алмаси Кипанга под присмотром Маркиза. Ты потерпишь неудачу, и он умрет самым ужасным образом. Ты победишь, и он будет жить, даже когда ты умрешь. Это честная сделка, не так ли?

Я прикусила губу, сдерживая поток ненависти и беспомощности.

Я не могла ответить. Это был бы взрыв возражений и ругательств.

Протянув руку между нашими зажатыми бедрами, он выдернул один конец моего ремня безопасности.

- А теперь пристегнись, Нила. Ты никогда не можешь быть в полной безопасности.

- Я никогда не буду в безопасности, пока ты жив.

Я убью тебя.

Я найду способ.

Его глаза потемнели.

- Осторожнее.

- Зачем ты это делаешь?

Кат улыбнулся, выглядя безупречным знатным джентльменом, путешествующим по делам.

- Потому что Уильям Хоук много раз переправлял свои богатства контрабандой. Он

завершил наследство своей бабушки, но, несмотря на его тяжелый труд и ужасную историю, король не был удовлетворен тем, что забрал половину своей прибыли, он хотел получить все.

- Итак, Уильям сделал еще один шаг. Он платил королю дань, платил налоги, давал взятки и пользовался благосклонностью двора, но умудрялся держать в секрете точное местонахождение рудника нашей семьи. А камни ... Ну, он использовал дополнительные корабли, которые купил, чтобы переправить контрабандой такое количество, о котором король и помыслить не мог. Он пожертвовал миллионами, чтобы укрепить свое положение, но он также спас несметные богатства, будучи умнее, чем напыщенная задница на троне.

Еще одна волна агонии нахлынула на мою руку. Я схватила гипс, снимая его с перевязи, чтобы потереть марлю, жалея, что не могу потереть колотящийся разрыв под ней.

- Мне все равно, что ты думаешь. Мне все равно, сколько у тебя денег или власти. Однажды карма догонит вас и заставит заплатить.

Кат провел руками по волосам, приглаживая белые пряди.

- Вы можете сколько угодно сыпать пустыми угрозами, мисс Уивер, но правда останется в силе.

- Какая правда?

- Правда в том, что нельзя заставить кого-то заплатить, если он абсолютно неприкасаем.

Я оторвала от него взгляд и уставилась в окно.

Но в этом-то ты и ошибаешься.

Ваш сын был принцем вашей империи, неприкасаемым, неубиваемым - Хоуком.

И все же я прикоснулась к нему.

Я убила его.

Я умертвила его.

И тебя я тоже убью.

Один час полета.

Я застонала в агонии от боли в руке.

Два часа полета.

Подали еду. Какая-то чрезмерно разогретая в микроволновке резиновая смесь с салатом и скользким клубничным чизкейком. Я проглотила весь поднос, даже твердую, как кирпич, булочку. Еда помогла заменить маленький кусочек пустоты внутри меня.

Три часа.

Я извивалась рядом с Катом, умирая от боли. Он забаррикадировал меня, сидя в своем кресле у прохода, как мой тюремщик. Мой мочевой пузырь протестовал, и мои мысли были вместе с Джетро.

Четыре часа.

Я не сдержал своего обещания не создавать проблем и нажала кнопку вызова

стюардессы. Кат нахмурился, когда появилась женщина с уложенными рыжими волосами. Не обращая на него внимания, я умоляла дать мне немного Панадола, немного Адвила, что угодно, чтобы уменьшить мою боль.

Она посмотрела на Ката.

Он покачал головой.

Я так и не получила обезболивающее.

Пять часов.

Я смотрела в окно, считая звезды, следуя за клочьями облаков и умоляя Вселенную сохранить Джетро в безопасности.

- Перестань ерзать. - Кат прищурился, глядя на мои постукивающие пальцы и танцующие ноги.

- Позвольте мне пройтись. Мне нужно размяться.

И воспользоваться ванной.

Его челюсть дернулась.

- Пять минут, Нила. Если ты удержишься, или я заподозрю, что ты не слушаешься меня, я дам тебе попробовать «Алмазную пыль».

Алмазная пыль?

Его губы скривились.

- Помнишь...лекарство, которое Джетро дал тебе в Милане? Волшебная субстанция, которая делает вас немым и послушным, в то время как вы можете кричать все, что хотите внутри?

Я сглотнула.

Я уложилась в 4 минуты, сделав небольшую растяжку и посетив уборную.

Шесть.

Семь.

Восемь.

Девять.

Десять часов.

Липкий пот выступил на моей коже. Чем ближе мы подлетали к Англии, тем больше адреналина накачивало мой организм. Гипс зудел от горячего заточения, жутко тяжелый от своего мучительного груза. Недосып затуманил мой разум, и я готова была поклясться, что грани и острые края бриллиантов впились в мою плоть, грызя меня, как червь грызет яблоко.

Одиннадцать часов.

Капитан объявил о нашем скором прибытии. Завтрак был подан и убран в рекордно короткие сроки. Кат улыбнулся и похлопал меня по руке.

- Почти приехали, моя дорогая. Почти дома.

Я съезжилась, глядя в окно.

Я просто хочу, чтобы это закончилось.

Одиннадцать часов сорок минут.

Самолет покинул облака и полетел к земле, навстречу моему величайшему вызову и худшему долгу. На кону была не моя боль. Это был не сон Вона, как в ту ночь с костями. Он принадлежал Джетро.

Человеку, которому я добровольно отдала свое сердце. Человеку, за которого я обещала выйти замуж. Человеку, который нуждался во мне так же, как я в нем.

Если я потерплю неудачу, он умрет.

И не просто умрёт, а будет подвергнут пыткам, пока не начнет умолять о смерти.

В ушах зашумело, а рука вытянулась, когда шины самолета скользнули по горизонту, прежде чем скользнуть на асфальт.

Я молчала, пока мы выруливали к воротам. Кат заполнял карточки прибытия, собственнически проводя пальцами по моему паспорту.

Мой желудок исполнял цирковые трюки и трюки на трапеции, когда воздушный мостик был прикреплен и стюардессы объявили, что мы можем сойти. Пассажиры сорвались с места, хватая чемоданы, детей и загораживая проход в спешке.

Никто из них не знал, какая грандиозная задача стояла передо мной.

Сохраняй спокойствие.

Не думай о том, что у тебя в гипсе.

Кат ухмыльнулся, выпрямился и протянул руку.

- Готова, Нила?

Мне хотелось закричать и сказать правду. Мне хотелось бы рассказать всем, что я пронесла контрабандой.

Джетро.

Подумай о Джетро.

Ты сделаешь это из-за Джетро.

Встав, я взяла Ката за руку для равновесия и последовала за другими пассажирами на английскую землю.

- Мисс?

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Я медленно повернулась, изо всех сил стараясь сдержать нервы.

- Да?

- У вас нет никакой ручной клади?

Я моргнула, удерживая очередь, ожидающую прохождения через сканер. Новое оборудование сделало свою работу лучше, чем металлоискатель в Африке. Улучшенные условия, пронизательный персонал аэропорта и подозрительные офицеры заставляли моё сердце стучать сильнее.

- О, нет. Сумки нет.

Охранник средних лет наморщил лоб.

- Нет багажа в дальней поездке?

Мой желудок набросился на внутренние органы, завязываясь узлом с почками и селезенкой.

- Ну, я...

- Она со мной. - Кат бросил свой черный портфель на конвейерную ленту, приподняв бровь.

Я замерла.

Почему он пришел мне на помощь? Разве это не было его намерением - заставить меня попотеть? Чтобы дать ему причины причинить боль Джетро? Не то чтобы ему нужна была причина.

Мужчина окинул его взглядом, окинул взглядом его дорогую одежду и седые волосы, требующие уважения.

- Хорошо... - Он оглянулся на меня, жестом приглашая войти в круглую комнату с изогнутым стеклом и двумя следами, нарисованными на полу. - Держите руки над головой и ждите, пока я не скажу вам двигаться.

Слезы навернулись мне на глаза. Слезы страха. Слезы боли.

Я указала на перевязь.

- Я ... я только что сломала руку. Я не могу...

Мужчина позади меня ударил меня молотком по предплечью.

Он убьет меня, когда мы вернемся в его дом.

Помогите мне...

В его глазах не было сочувствия.

- Сделайте все, что в ваших силах.

Джетро.

Его судьба все еще была в моих руках. Я не могла колебаться.

Проглотив бешено колотящееся сердце, я сняла гипс и подняла руки так высоко, как только могла. Кровяное давление пульсировало в кончиках моих пальцев, и стреляющая боль пронзила мое предплечье. Ужасный образ бриллиантов, высыпавшихся из конца гипса, заставил меня проглотить судорожный кашель.

Закрыв глаза, я ждала, когда два больших датчика развернутся вокруг меня с жужжащим шумом лопастей ротора.

- Спасибо. Выходите, пожалуйста.

Я повиновалась, заставляя свои ноги оставаться твердыми и не подгибаться. Стоя рядом с мужчиной, когда экран осветился изображением невзрачного человека, он нахмурился, когда на экране появились черные пятна там, где были мой гипс, мой лифчик и бриллиантовый воротник.

Офицер откашлялся.

- Мисс, вам придется пройти осмотр.

Оглянувшись, он сказал:

- Джин, вы можете помочь этой даме? - Он отступил в сторону, давая место сотруднице, чтобы она вошла в мое личное пространство со своими резиновыми перчатками и осуждающим взглядом.

- Вы хотите пройти в отдельную комнату? - Ее голос резанул меня по нервам.

Отдельная комната.

Я могла бы рассказать ей, что сделал Кат. Я могла бы сообщить ей о том, что у меня с собой. Я могла бы разрушить не только свою жизнь, но и жизнь Джетро.

Кат встретился с моими глазами через сканер. Он еще не прошел через это. Он не сказал ни слова, скрестив руки на груди, ожидая моего решения.

Я прикусила губу.

- Нет, здесь все в порядке.

- Хорошо.

Сцепив руки, она приказала:

Мне нужно, чтобы вы раздвинули ноги и развели руки в стороны.

Другие пассажиры сновали вокруг, лукаво наблюдая, хватая свои сумки и надевая обувь и куртки.

Я сделала все возможное, чтобы подчиниться, но моя рука горела. Боже, как жгёт.

Не спрашивая разрешения, она быстро провела руками от моих запястий к плечам и вниз по груди. Мой белый джемпер с единорогом в тех же серых цветах подался под ее прикосновением. Ее пальцы вцепились в косточки моего лифчика, убеждаясь, что там ничего не спрятано. Проведя по моим леггинсам, она вернулась к моей груди и просунула пальцы под мой бриллиантовый воротник.

Я задержала дыхание, заставляя себя не задохнуться, когда она слегка потянула, проводя своим прикосновением прямо по моей шее.

Она поджала губы.

- Вам придется снять перевязь. Я хочу сделать рентген.

Я неловко пожалала плечами и передала ей одной рукой.

Она положила её на поднос и передала другому охраннику, чтобы тот пропустил его через рентгеновский аппарат.

- Мне также нужно будет заглянуть внутрь вашего гипса.

Вытащив фонарик из арсенала на поясе, она сказала:

- Встаньте в сторону и протяните руку.

Воздух внезапно превратился в желе.

Слезы защипали, когда я протянула свою сломанную, пульсирующую конечность.

Кат был не прав.

В наши дни актеры не вызывали сочувствия. Возможно, в прошлом так и было. Когда-то давным-давно признак слабости и боли, возможно, позволил торговцу людьми свободно ввозить все, что они хотели, засунув посылку с контрабандой в поддельный гипс. Но больше нет. В наши дни у людей не было сочувствия. Высоко ценившие свою карьеру и напыщенные своей приверженностью защите границ - любая крупица сострадания исчезла под строгим обучением.

Я напряглась, когда женщина наклонилась ближе, ее фонарь осветил внутреннюю часть моего гипса. Могла ли она видеть? Сверкали ли бриллианты сквозь гипс?

Кат прошел через сканер. Он не сводил с меня глаз, пока снимал свой портфель и мою перевязь с конвейерной ленты. Подойдя ближе, он вытащил конверт, который африканский врач дал ему перед тем, как мы поднялись на борт.

- У меня есть рентген, если он вам понадобится. Она моя невестка. - Выдержнув изображения моей сломанной руки, он сунул его женщине, которая в данный момент смотрела на мой гипс.

Она отстранилась, нахмурившись.

- Я не просила доказательств. Признаки боли очевидны.

Кат самодовольно улыбнулся. Я знала его мысли - они светились в его глазах. Я говорил вам, что люди могут отличить фальшивку от правды.

Бросив фонарик, она быстро осмотрела рентгеновский снимок. Свет в аэропорту с

четкой точностью показал, что Кат сделал с моей рукой.

Глупо, но я надеялась, что Кат ошибся. Что молоток только сильно ушиб меня. Что щелкающий звук, который я услышала, был не внутренней структурой, которая поддалась, а просто движением стола.

Однако на снимке был отчетливо виден чистый перелом на одной из двух костей моего предплечья. Две части не разделились, но большой тени было достаточно, чтобы я потеряла сознание. У Ката, очевидно, была практика. В конце концов перелом срастется воедино.

Не так ли?

Он сломал меня, и мне не оказали должной медицинской помощи.

Нужно ли сделать всё заново? Сколько времени уйдёт на исцеление чего-то подобного?

Я зажмурила глаза. Умру ли я с этим переломом?

- Как вы повредили руку, мисс? - Офицер поджала накрашенные красным губы.

Мое сердце затрепетало, когда страх охватил меня.

- Я не ... я не...

Джетро.

Ври лучше.

Кат скрестил руки на груди, сжав рентгеновский снимок.

- Я ... я упала.

Я втянула в себя воздух.

- Мы с моим тестем были на сафари. Один из тех джипов с открытым верхом, без дверей. Я не послушала гида, и мы перелетели через овраг и довольно сильно подпрыгнули. - Я опустила глаза. - Я выпала из машины и сломала руку.

Кат рассмеялся.

- Дети. В наши дни невозможно научить их навыкам выживания.

Раздражение окрасило ее лицо.

- Сэр, я вынуждена попросить вас отойти. - Женщина указала в сторону выдачи багажа.

- Ваша невестка догонит вас, когда закончит здесь.

Я прищурила глаза.

Ужасно, но я не хотела, чтобы он уходил. Я не хотела давать ему никаких причин причинять боль Джетро. Он подкрепил мой рассказ, предоставив рентгеновские снимки с доказательствами. Я не была сумасшедшей, думая, что это было сделано для того, чтобы удержать меня от нарушения моего обещания Кайту.

Все, что его волновало, - это бриллианты, засунутые в мой гипс, - контрабанда его собственного богатства, чтобы избежать налогов и правительственных порогов.

Мой желудок скрутило.

Он отрубил бы мне голову прежде, чем Джетро сумел бы найти способ вернуться обратно в Англию. И Джетро придется жить каждый день, зная, что он потерпел неудачу.

Эта участь была хуже смерти.

Мои плечи поникли, когда неуправляемая слеза вырвалась из-под моего контроля.

Сотрудник аэропорта смягчился.

- Все в порядке.

Кат отошел на несколько шагов, наблюдая, контролируя.

- Вы ничего не хотите мне сказать, мисс? - Женщина широко раскрыла глаза. Я догадывалась, что она пыталась казаться сочувствующей и услужливой, но это только делало ее еще более двуличной.

Я покачала головой.

- Нет, мне просто больно, вот и всё.

Подняв перевязь, которую мне вернули, я спросила:

- Могу я надеть это обратно?

Она надолго замолчала, разглядывая мой гипс и покусывая внутреннюю сторону щеки.

Она собирается арестовать меня.

Она собирается запереть меня, и Кат причинит ему боль.

Наконец, она кивнула.

- Я надеюсь, что вам скоро станет лучше. - Выключив фонарик, она махнула мне рукой, чтобы я проходила. - Ступайте. Идите домой и ложитесь спать. Вы выглядите измотанной.

- Я так и сделаю.

К сожалению, я понятия не имела, сколько часов мне осталось дышать. Я бы не стала спать... Я бы не стала терять ни минуты. В конце концов, я бы не очнулась от смерти - самого долгого сна, какой только можно себе представить.

Я слабо улыбнулась ей, тащась следом за Катом к выходу.

Я выиграла, но какой ценой?

Бриллианты проникли в Англию незамеченными, и я только что приговорила Джетро к адской жизни, когда выплачу Последний Долг.

Что бы я ни предлагал Маркизу, он не клевал.

Он совершенно, бл*дь, игнорировал меня, стуча по своему телефону, сидя, как тролль, в углу. Я ненавидел, что у него здесь ловит сигнал. Раньше считалось, что на глубине нескольких метров под землей не будет связи, но это было до появления технологий, маршрутизаторов и модемов.

Мое плечо вопило о пощаде, как и в последние несколько часов. Моя шея болела от лежания на полу, и моя головная боль давал о себе знать.

Я хотел спать, но не мог.

Если бы у меня было сотрясение мозга - а я боялся, что так и есть из-за автомобильной аварии, - я не мог позволить себе не проснуться. Я должен был продолжать идти. Продолжай пытаться.

Кровь залила мои запястья от попыток освободиться. Я надеялся, что, как только я разорву кожу, алая смазка поможет мне. Во всяком случае, она просто забила бечевку и завернула ее потуже.

Нила.

Была ли она сейчас в самолете?

Помог ли ей Кат пройти через охрану?

- Во сколько я получу свой сюрприз? - Мой голос прорвался сквозь застоявшуюся тишину. Мы не разговаривали с тех пор, как Маркиз сообщил мне об окончательном плане Ката.

Я не сомневался, что мое время истекает.

Маркиз оторвал взгляд от светящегося экрана в его руках.

- Не терпится начать?

- Мне не терпится уйти. - Я прочистила горло, отчаянно нуждаясь в воде. Не то чтобы я

просил его о чем-то. Он будет только насмеяться и мучить. - Да ладно тебе. Назови свою цену.

Страница 21

Он усмехнулся.

- Ты понятия не имеешь, не так ли? Ты думаешь, что ты главный. Но это не так. Я знаю, кто владеет всем богатством вашей семьи. Бонни - единственная, у кого есть полная юрисдикция, и она та, на кого я работаю. У тебя нет денег - ими управляет твоя крошечная бабушка, и я держу пари, что это бесит тебя до чертиков.

Я стиснул зубы.

- Она старая. Как ты думаешь, сколько она еще продержится?

Маркиз пожал плечами.

- Живая или мертвая, это не имеет значения. Я записан в ее Завещании. Верность - это то, что она купила, и верность - это то, что она получит.

Его взгляд упал на телефон.

- А теперь заткнись, мать твою, и приготовься ко всему тому веселью, которое тебя ждёт.

Я замолчал. Не потому, что он мне сказал, а потому, что мой уровень энергии был опасно низким. Я должен был быть умным. Я должен был найти выход из этого богом забытого склепа, пока не стало слишком поздно.

Что-то содрогнулось над нами. Брызги грязи посыпались с потолка, сливаясь с грязью внизу. Я повернулся, посмотрел вверх, прищурившись, когда грязь упала мне на лицо.

- Что за...

Затем раздался грохот. Низкий, гулкий и ужасающий.

Черт!

Взрыв или обвал.

Когда я был маленьким, Кат впервые привел нас с Кесом сюда. Мне бы скорее понравились гнетущие туннели. Толща земли и одиночество так далеко под солнечным светом взывали к моему хаотичному, сверхчувствительному мозгу. Но я зашел слишком далеко. Я заблудился.

Я пытался найти выход, но только застрял и попал в ловушку в неиспользуемой части шахты. Часть стены обвалилась, частично блокируя мой выход. К счастью, рабочий довольно быстро пришел на подкрепление и нашел меня.

Я посмеялся над этим опытом, и Кес использовал мой рассказ как увлекательную историю алмазной войны, но я никогда не забывал мгновенный ужас от того, что меня похоронили заживо.

Еще одно эхо прокатилось по стенам и полу, дрожа, как просыпающийся зверь.

Маркиз резко выпрямился, сжимая в руке телефон.

- Что, черт возьми, это было?

Это ненормально.

Шахта была крепкой, несмотря на свой возраст. Редкость постоянной добычи алмазов после столь долгого времени была еще одной причиной того, что шахты и проходы были в хорошем состоянии. Никто не хотел уничтожать бесконечного создателя богатства, особенно после стольких столетий.

Я вздрогнул, когда еще одна завеса земли опустилась на мое связанное тело.

Маркиз бросился к двери. Мы, люди, были похожи в этом отношении. Мы жаждали кислорода и солнечного света. Погрузи нас под воду, и клаустрофобия убьет тебя быстрее, чем любая акула. Загони нас в подполье, и страх может свести тебя с ума.

Мое сердце вышло из-под контроля, когда прозвучала еще одна канонада поменьше.

Бл*дь.

Если не Маркиз убьет меня от имени Ката, то, похоже, это сделает Алмаси Кипанга.

Шахта не должна вести себя таким образом. С годами туннели ныряли все глубже и глубже, но рабочие знали, как их укрепить. Их жизни были на кону. Они не срезали углы.

Еще один бум. Громче. Сильнее. Ближе.

Стены пещеры задрожали, рассыпав землю по столу и использованным медикаментам.

Я поднял глаза, опасаясь трещин и внезапного падения камня и земли.

- К черту это дерьмо.

Маркиз схватился за ручку и распахнул дверь.

Разразился Армагеддон.

Стрельба.

Пули внезапно срикошетили в комнату. Воспоминания о смятом металле джипа и аварийных посадках роились у меня в голове. Я уткнулся лицом в землю, свернувшись калачиком так, как только мог, пока был привязан к стулу.

- Какого черта...

Свист пуль и глухой стук их изрытого оспинами приземления ускорили мое сердцебиение, пока я не вдохнул грязь с пола. Ужас разрывал мою кровь, поселяясь в моей раскалывающейся голове.

Моя система испытывала здоровую дозу страха, когда дело касалось свинцовых снарядов. Когда он выстрелил в меня, я отреагировал инстинктивно. Я думал не о боли или смерти, а о спасении жизни моей сестры. Я не знал, каково это будет. Но теперь я знал, что случилось с телом, оказавшимся на пути смертельно раненого оружия.

Это чертовски больно.

Я не хотел повторения.

Борясь с веревками, чтобы защитить себя, я не мог перестать мысленно очищать свой разум, прощаясь со всеми и всем, что я когда-либо любил.

Нила.

Жасмин.

Кестрел.

Даже Вингс.

История моей жизни показалась мне жалкой.

А потом... всё было кончено.

Так же внезапно, как началась, стрельба прекратилась.

Тишина была почти такой же оглушительной, как и выстрелы.

Звук пуль сменил вой, нарастающий в децибелах по мере того, как тикали секунды.

Я поднял глаза.

Маркиз.

Он лежал на спине, прижав руки к груди, где на футболке расцвели многочисленные красные пятна. Я не мог понять, что произошло. В комнате были только мы. Никто не вошел. Больше никакой стрельбы.

Я посмотрел на открытую дверь. На деревянной раме были вмятины и осколки от брызг огневой мощи, но выход оставался пустым. В глубине шахты раздался топот ног, выстрелы орудий, и из ниоткуда донеслись звуки битвы.

Что, черт возьми, происходит?

Вопли Маркиза медленно превратились в стоны. Почва под ним приняла его кровь, как дерево принимает свежий дождь, впитывая ее глубоко в землю.

Я воздвиг барьер между ним и мной. Мне не нравился этот парень, но я не мог не разделить его боль, когда он умер у меня на глазах. Смерть была личным делом, и я не собирался участвовать в его последних минутах.

Где-то в шахте разразилась война. Я не знал, кто на чьей стороне. Я не знал, сработает ли это в мою пользу. Но я знал, что мне дали второй шанс: я бы не стал его упускать.

Отталкиваясь, я каким-то образом умудрился покачнуться в сторону, неловко опираясь на хрупкую ножку стула. Мои плечи облегченно поникли, но то, как я изменил положение, оказало огромное давление на мою грудь и ребра от веревок.

Я не мог сделать глубокий вдох, когда дергался и извивался. Стул затрещал, борясь с моим желанием сломать его.

Внезапно шаги послышались ближе, шурша по гальке.

Я замер.

Пот капал с кончика моего носа, когда я начал извиваться сильнее. Если это новые враги, я не мог быть все еще связанным, когда они...

Они вошли в пещеру.

Пятеро мужчин ворвались внутрь, блокируя выход. Их темная кожа поглощала скудный свет ламп, белки их глаз были напряжены и сосредоточены. Винтовки в их руках были старыми, но все еще способными убивать.

Я сердито смотрел, упиваясь их воинственными мыслями и жестокостью. Один из мужчин двинулся вперед, шаркая по пропитанной кровью земле там, где лежал Маркиз.

Маркиза ожил, вытащил из кармана пистолет и выстрелил. Он попал одному из мужчин прямо в сердце.

Нет!

Все произошло очень быстро. Еще больше рабочих хлынуло в дверь, бросаясь на гору мышц, размахивая пистолетом, хлопая руками по полу.

Он кричал, как зверь, на которого напали насекомые, но он был ошеломлен.

Вошел еще один мужчина, на этот раз с нашивкой менеджера на грязной футболке. Он был старше, ровесник Ката, и, стоя над Маркизом, был полон власти. Не дрогнув, он рубанул по его шее мачете.

В одно мгновение Маркиз был жив, скрывая меня от Нилы. В следующее мгновение он отправился в подземный мир. Ужасно наблюдать, но гуманно избавить его от страданий. Он уже был мертвецом... Таким образом... Боль ушла... даже если он и не заслуживал такого сострадания.

Бонни нужно будет купить чью-то преданность.

Если она выживет, когда я вернусь домой, конечно.

Если я вернусь домой.

Ко мне подошел мужчина. Мои мышцы напряглись, когда он склонил голову набок. Вблизи он казался моложе. Его кожа была безупречной, а зрачки такими же темными, как и его кожа. Не говоря ни слова, он пошел за мной.

Я с трудом сглотнул, ожидая, что нож перережет мне горло или пуля вонзится в мозг.

Свист клинка, вынимаемого из ножен, заставил мое сердце учащенно забиться, но затем давление в груди внезапно исчезло.

Я повалился набок, освобожденный от стула, веревки тянулись за мной. Обрезанные концы упали на пол, как обезглавленные змеи. В тот момент, когда стул больше не держал меня в плену, молодой человек схватил меня за запястья и разрезал оставшуюся бечевку.

Я не мог понять...Почему?

Зачем они это сделали?

Мужчина помог мне принять сидячее положение. Моя голова раскалывалась от боли, но я моргнул и потянулся. Это было потрясающе – сидеть, не опираясь на жесткую древесину, удерживающую меня на месте. Мои ребра ныли, и слабость в глазах не помогала, но я мог двигаться, я мог дышать, я мог выжить.

Во мраке показались жемчужно-белые зубы, почти такие же яркие, как бриллианты. Он улыбнулся и быстро заговорил на африкаанс.

Я плохо помнил их язык, но я позволил своему состоянию и нескольким оставшимся словам, которые я вспомнил, дать мне намек на то, что он сказал: Мы спасём вас, спасём.

В этом не было никакого смысла.

Рабочий, который освободил меня, протянул мне руку. Не колеблясь, я сжал кулаки и, пошатываясь, поднялся на ноги. Я споткнулся, обнаружив еще больше ран, теперь я стоял прямо. Моя правая коленная чашечка болела, а большая шишка на бедре распухла.

Слабость от недостатка отдыха и питания настигла меня, комната закружилась перед глазами.

Держа меня за локоть, рабочий не сказал ни слова, я моргнул и заставил себя быть сильнее.

Оттолкнув помощь, я дрожащими руками отряхнул влажную грязь с одежды. Это движение помогло напомнить моему телу, как реагировать, фильтруя свежую энергию, и боль немного утихла. Подняв глаза, я посмотрел на мужчин, которые все наблюдали за мной.

- Я не понимаю.

Вперёд вышел один из мужчин. Его некогда белая рубашка теперь была запятнана ржавой рудой, которую он копал всю свою жизнь. Его кожа блестела, а глаза горели жаждой мести. Его рука, сжимавшая мачете, все еще блестевшее от крови Маркиза, дрожала, когда он поднес его к моему сердцу. По-английски он повторил:

- Мы спасли тебя, чтобы ты мог спасти нас.

Его клинок дрожал, когда он тяжело дышал.

- Мы позаботились об охране. Теперь мы контролируем шахту. Мы благодарим Кестрела Хоука за его помощь, но охранники подчиняются приказам босса, и наши условия ничуть не лучше.

В его голосе слышалось напряжение.

- С нас хватит того, что с нами обращаются как с рабами. Сегодня вечером мы поднимемся. Так что отвечай мне честно, алмазный сын, или раздели их судьбу

Его оружие дрогнуло, когда он указал на Маркиза и обратно на меня.

- Ты такой же, как они? Или мы правы, думая, что ты не похож на свою семью?

Я потер лицо, заставляя себя сосредоточиться на разговоре, а не на физической боли. Вся работа Кеса здесь была напрасной? Неужели ни одна из его щедростей и сделок за

спиной Ката не была реализована?

Несправедливость по отношению к нашим мужчинам и делу моего брата вывела меня из себя.

- Ты спрашиваешь, Хоук ли я?

Он покачал головой.

- Нет, мы спрашиваем, похож ли ты на них.

- Почему? Зачем спрашивать об этом сейчас?

Молодой человек, который освободил меня, сказал:

- Мы видели тебя.

Я посмотрел на труп Маркиза, не в силах отвести взгляд от раны на его шее.

- Видели что?

- Видел, как ты тащил тело своего брата, и львы забрали его. Ты убил свою собственную плоть и кровь.

Бл*дь.

Я замер.

Я не думал, что сейчас подходящее время упоминать, что Нила убила его. Я просто помог навести порядок.

Управляющий придвинулся ближе, его пальцы сжались на лезвии.

- Ты убил его, потому что не согласен с его методами, да?

Я нахмурился. Как долго они ненавидели мою семью? Как долго они ждали, чтобы свергнуть нас? Мое сердце грохотало от их объединенной боли и надежды. Они убили, чтобы я им помог.

Мы шли по одному и тому же пути.

Собравшись с духом, я позволил себе быть честным с мужчинами, которые спасли мне жизнь.

- Нет, я не согласен с его методами. Если честно, никогда и не был.

Управляющий улыбнулся.

- Мы наблюдали за тобой, когда ты был моложе. Ты не такой, как они.

Он не знал, что только что сделал мне комплимент, который я всегда буду помнить. Всю свою жизнь я ненавидел тот факт, что я не был похож на свою семью, что я был изгоем, разочарованием. Но сейчас... Сейчас я не мог бы быть более чертовски благодарен.

Это просто спасло мне жизнь.

Я прижал кулак к сердцу.

- Я навсегда у тебя в долгу.

Долг.

Казалось, Нила больше не была в долгу, но я был. Хоук в долгу. Мне скорее нравилась ответственность за то, чтобы отплатить им за что-то такое незабываемое.

Управляющий опустил мачете.

- Ты поможешь нам?

Я кивнул.

- Я даю тебе свое слово.

Он что-то проворчал себе под нос.

- Хорошо.

- Я обещаю, что изменю все, что тебя не устраивает. Но сначала... Мне действительно нужно пойти за своим отцом. Мне нужно спасти ...

- Эта женщина. Да. Я знаю. - Управляющий отступил в сторону, махнув рукой в сторону выхода. - Джип ждет на вершине шахты. Водитель отвезет тебя в аэропорт.

Я не мог сдержать прилив благодарности. Подойдя к сумке на молнии, которую Кат оставил после того, как загрузил гипс Нилы таким количеством бриллиантов, сколько он мог вместить, я зачерпнул пригоршню, засунул их в свои грязные джинсы и протянул ему остатки.

Внутри лежали бесчисленные драгоценности, которые должны были быть включены в следующую партию. Камни стоимостью в сотни тысяч фунтов.

- Пожалуйста, зовите меня Кайт. Распространи это среди своих людей. Я вернусь, как только возьму ситуацию под контроль дома.

Он ухмыльнулся, забирая бриллианты.

- Спасибо, босс.

Я покачал головой.

- Нет, вам спасибо.

Сделав несколько шагов, мои ноги дали о себе знать, а огнестрельная рана заныла, но у меня были более серьезные причины для беспокойства.

Мне нужно было вернуться домой.

Мне нужно было лететь.

Взглянув в последний раз на управляющего и работников, которые изменили мое будущее, я вышел из комнаты так плавно, как только мог. Я проигнорировал свою головную боль. Я отмахнулся от боли и дискомфорта в мышцах. Я бросился через земляной лабиринт и вырвался наружу.

Свежий воздух.

Новое начало.

Ослепляющая надежда.

Вот оно.

Это было мое истинное наследство.

Я заслужил преданность мужчин, оставаясь верным себе.

Теперь я хотел бы сделать мир лучше и покончить с теми, кто не заслуживал того, чтобы жить.

Рабочий просиял, завел джип с гербом Хоуков на боку, ожидая, пока я заберусь внутрь.

В тот момент, когда моя дверь захлопнулась, мы рванули в сторону аэропорта.

- Ах, сынок, я так рада, что ты дома.

Мои глаза метнулись вверх, когда Кат толкнул меня в Хоуксридж-Холл.

Бонни.

Она стояла с гордым самодовольством, когда я, спотыкаясь, переступила порог.

Член клуба "Блэк Даймонд" забрал нас из аэропорта. На обратном пути Кат не сказал мне ни слова, предпочитая яростно печатать на своем телефоне всю дорогу домой.

Домой?

Хоуксридж никогда не был домом.

Не без Джетро.

Он был моим домом.

Я крепче сжала гипс, пытаясь отогнать страхи за безопасность Джетро. Я испытывала двойной ужас теперь, когда вернулась в то единственное место, которое могло украсть мою жизнь.

Сколько вдохов у меня осталось?

Сколько ударов сердца и мгновений?

Бонни медленно двинулась вперед, тяжелее обычного опираясь на свою трость. Когда я только приехала, она отказалась пользоваться своей палкой, передвигаясь без какой-либо помощи. Теперь она, казалось, постарела на десятилетия за те месяцы, что я была ее пленником.

Я слегка улыбнулась. Неприятности, которые я ей причинила, иссушили ее - она променяла свою молодость на мое долголетие.

Если я умру, по крайней мере, она не будет далеко позади меня.

Мои пальцы дерзко сжались, активируя перелом в руке. Адреналину потребовался почти час, чтобы покинуть мою систему после решения проблем с безопасностью в аэропорту. Я сожгла то, что ела в самолете, и чувствовала себя дрожащей и больной.

Однако в том, чтобы снова оказаться в крысином гнезде, был один положительный момент.

Мы вернулись в Хоуксридж без Ястреба.

Дэниэль.

Его тело теперь было львиным дерьмом, превращающимся в пыль на африканской равнине.

Это было то, о чем Кат писал по электронной почте? Пытается найти своего своенравного сына?

Я была удивлена, что Кат ушел, не дождавшись новостей о нем. Бросить своих отпрысков казалось бессердечным, но я предполагала, что он поступал и хуже. Что это был за отъезд без пометки в плане того, что он совершил?

Бонни, казалось, прочла мои мысли. Ее карие глаза сузились, глядя на меня.

- Где мой внук?

Кат рванулся вперед, чмокнув мать в щеку. Она стояла в большом фойе зала, где мы с Джетро проводили интервью.

Ее юбки величественно свисали, подбородок был по-королевски запрокинут.

- Я тоже хотел бы это знать.

Кат еще раз чмокнул ее.

- Привет, мама.

Повернувшись ко мне лицом, он прорычал:

- Нила что-то знает. В настоящее время она не разговаривает, но она будет говорить. Не сомневайся в этом.

Я сглотнула, когда Бонни холодно сказала.

- Я понимаю.

Шаркая вперед, ее взгляд остановился на моем гипсе.

- Несмотря на эту вспышку плохих новостей, я понимаю, что Четвертый Долг прошел нормально.

Кат кивнул.

- Да. Никто ничего не заподозрил. - Подойдя ко мне, он схватил меня за здоровое запястье и дернул к Бонни. - Я оставляю вас, чтобы вы сняли гипс и забрали товар. Мне

нужно кое-чем заняться.

Его глаза блестели, полные тайн.

- Спроси меня, чем я должен заняться, Нила.

Я сжала губы вместе. Мне не нужно было спрашивать. Он слишком долго угрожал мне.

Последний Долг.

Больше не будет никаких проволочек.

Больше никаких передышек или надежды, что все может закончиться по-другому.

Я не сдамся без войны.

Сжав мои волосы в кулаке, он поцеловал меня в щеку.

- Мне нужно отряхнуть пыль со старого друга и подготовиться к его последней жертве.

У тебя завтра свидание в бальном зале, моя дорогая.

- Завтра?

Мое сердце разорвалось на части. Так ли чувствовали себя заключенные в камере смертников? Зная дату их казни? Желая побольше времени и умоляя его притормозить?

Страница 22

- Завтра.

Его губы прижались к моим.

Я дернулась, но он крепко держал меня.

- Дэниэль, возможно, заставил тебя заплатить Третий Долг, но ни на секунду не думай, что я забыл, что я этого не делал. Ты струсил в Алмаси Кипанга, но сегодня у тебя не будет выбора.

Я отказывалась показывать ему свой страх.

- Я сражалась с тобой тогда. Я буду драться с тобой и сейчас.

Кат усмехнулся.

- Посмотрим.

- Я умру, сражаясь. Я буду бороться каждую секунду за Джетро.

- Джетро? - огрызнулась Бонни. - А что насчет этого предателя?

Кат улыбнулся матери.

- Долгая история. Я расскажу тебе позже. - Снова повернувшись ко мне, он прошептал - Джетро будет знать, что ты будешь сражаться. Его воображение будет безудержно представлять, как я делаю с тобой все, что угодно, теперь, когда мы дома.

Он снова поцеловал меня в щеку.

- Глаза рисуют ужасную картину, Нила, но разум гораздо хуже.

Отпустив меня, он зашагал прочь, бросив через плечо:

- Когда ты умрешь и Джетро получит урок, он, без сомнения, попытается найти способ убить меня. Чего он не понимает, так это того, что я на шаг впереди него. Я причиню ему боль. Я его погублю. И я расскажу ему слово в слово, что я сделал с тобой, и посмотрю, как это разорвет его на части.

Из-за угла послышался обещающий голос Ката.

- Он не убьет меня, потому что он погибнет прежде, чем у него появится такая возможность.

Наконец-то.

Наконец судьба решила дать мне гребаный перерыв.

Капитан нерешительно взял мешочек, полный необработанных бриллиантов, проведя рукой по густым усам. Я никогда не встречался с ним, но он слышал обо мне - как и все в Ботсване.

- Ты хочешь уйти сейчас, сейчас? В смысле прямо сейчас?

Я кивнул, беспокойство пульсировало в моей крови.

- Да. В эту самую гребаную минуту.

Нила...

Он нахмурился.

- Только ты?

Я кивнул.

- В аэропорт Тервестон, Англия?

Я снова кивнул.

Мы уже обсуждали это, но я чувствовала его противоречие. Ему нужны были бриллианты. Он хотел лететь со мной. Ему просто нужно было время, чтобы оценить масштаб регистрации нового плана полета и вылета в тот момент, когда он приземлился по предыдущему контракту.

Понизив голос, я подбодрил:

- Я знаю, что ты только что прилетел с другим клиентом. Но мне нужно уйти сию же минуту. Если это невозможно, тогда мне придется поискать в другом месте.

Я протянул ладонь, прося вернуть сверкающие камни.

Капитан сжал кулак, в котором лежали бриллианты. Он прикусил губу, медленно соображая, чего стоит усталость по сравнению с мгновенным состоянием. Удивительно, как такие простые камни могли развратить даже самых невинных.

- Я не говорил, что не могу взять тебя.

Я скрестил руки на груди, слегка поморщившись от боли в теле.

- Решай. Нам нужно уходить.

Его взгляд метнулся к частному самолету, безмятежно стоящему у ангара. После прибытия в аэропорт, благодаря любезности работника, который должен был быть гонщиком, а не добытчиком алмазов, я обнаружил, что в течение тридцати шести часов не было коммерческих рейсов.

Это было слишком долго.

Это не сработает.

Я, бл*дь, отказался проходить через кошмар полёта эконом-класса, опасаясь за жизнь Нилы. В прошлый раз я опоздал. Дэниэль прикоснулся к ней, и Ниле пришлось защищаться, отнимая жизнь.

Я не позволю этому случиться снова.

Но боги судьбы, наконец, улыбнулись мне, когда капитан прошел через терминал со своей полетной сумкой и усталыми глазами, готовым выпить стаканчик на ночь и лечь спать. Он сделал паузу, подслушивая мой разговор с другим пилотом, предлагающим все, что угодно, если он зафрахтует самолет и доставит меня в Англию сегодня вечером.

Он прервал меня и вывел наружу, где другие уши не слышали бы.

В тот момент, когда мы остались вдвоем, я вытащил из кармана бриллианты и поставил ему свои условия. Нескольких не хватало - я заплатил рабочему большую премию за то, что он так быстро отвез меня, прежде чем отправить его обратно на шахту, чтобы найти парня,

который отвез меня прошлой ночью. Я обещал ему за предыдущую поездку две тысячи фунтов. Кто знает, ждал ли он все еще у ворот, но он заслуживал компенсации за свою преданность.

Я бы никогда больше не стал неблагодарно относиться к готовности людей помочь другому.

Пилот покатал в пальцах прозрачный камень, на его лице застыло решение. Наконец, он кивнул.

- Отлично. Поехали.

- Хороший выбор.

Я хотел, бл*дь, расцеловать его. Вместо этого я направился к самолету и приготовился встретиться с отцом в последний раз.

Я в миллионный раз взглянул на часы над кабиной пилота.

Почти на месте.

По моим подсчетам, я отстал от Нилы и Ката всего на пару часов. Их международное сообщение было отложено - я видел табло вылета в терминале, - и их авиалайнер летел с меньшей скоростью.

Кроме того, оказавшись в Англии, таможенное оформление заняло бы некоторое время, в зависимости от актерских навыков Нилы.

Несмотря на то, что я был так близко, гоняясь за Нилой по небу - это было недостаточно быстро.

Ну же. Лети быстрее.

Стюардесса, которая не выглядела счастливой, когда пилот попросил ее переключиться на двойную смену, вышла вперед. Второй пилот тоже ворчал, но ничего такого, чего нельзя было бы исправить несколькими взятками и обещаниями. И стюардесса, и экипаж предполагали, что на сегодня они закончили. Но они согласились. Все согласилось за деньги. Даже если усталость и здравый смысл говорили им об обратном.

Мы все работали на парах, вялость и стресс медленно загрязняли салон самолета. Мы летели мило за милей, и я пил кофе за кофе, заправляясь заранее упакованными бутербродами и фруктами, запасенными в камбузе самолета.

Мой желудок больше не был пуст, и вместе со съедобными витаминами пришло исцеление. Мое тело срослось достаточно, чтобы пережить этот день. Мое зрение стабилизировалось, и головная боль отступила. Однако у меня всё ещё была лихорадка.

- Еще выпьете, мистер Хоук? - Стюардесса с заплетенными в косу темными волосами была достаточно хорошенькой, но не шла ни в какое сравнение с Нилой.

Боже, Нила.

Меня никогда еще так не влекло к кому-то как физически, так и эмоционально. Общие текстовые сообщения заставляли меня гордиться ею, злиться на нее, вожделеть ее. Она стала моим другом...потом любовником. Но в основном она стала всем, в чем я когда-либо нуждался.

Я ощутил боль в сердце.

Я чертовски скучаю по тебе, Иголочка.

Я покачал головой.

- Телефон. У вас есть телефон в полете, которым я могу воспользоваться?

Она кивнула.

- Я достану его для вас.

Исчезнув в задней части самолета, она вернулась со спутниковым телефоном.

В тот момент, когда я включил его, я совсем забыл о ней и сосредоточился на том, чтобы собрать все планы, которые я разработал, прежде чем Жасмин позвонила и сказала, что Нилу увезли в Африку.

Как давно это было?

Десять лет? Два?

Черт, мне показалось, что прошла целая вечность.

Первый звонок был Тексу.

Он ответил после первого же гудка, как будто почувствовал всю серьезность ситуации и опасность, в которой находилась его дочь.

- Арч слушает.

- Это Джетро.

Его голос стал резким.

- Ты сказал, что позвонишь мне несколько часов назад, Хоук. Что, черт возьми, случилось?

- План изменился.

Я провел рукой по лицу.

- Послушай, они забрали ее прежде, чем я успел все расставить по местам. Это происходит прямо сейчас. Тебе нужно собрать всех, с кем ты работал, и добраться до Хоуксриджа сию же гребаную секунду. Ты можешь это сделать?

- Что, черт возьми, случилось? С моей дочерью все в порядке? Скажи мне, что, черт возьми, ты сделал!

- Пока да, но ее не станет, если мы не будем действовать быстро. Приготовься. Я встречу тебя за воротами поместья в ...

Я посмотрел на часы. Посадка была через два часа. Местный аэропорт, в котором я приказал нам приземлиться, был ближе к Бакингемширу, чем Хитроу. Каждая лишняя минута, которую я выигрывал у своего отца, была на счету. На коммерческом рейсе у Ката не было бы другого выбора, кроме как приземлиться в Хитроу. По местному времени я должен был прибыть поздно утром.

Выясняя разницу во времени, я сказал:

- Встретимся в одиннадцать тридцать утра, Принеси все, что у тебя есть. Я скажу тебе, что нам нужно сделать, когда я буду там.

- Джетро...

- Нет, у меня нет времени утешать или повторяться - просто будь там.

Я повесил трубку и набрал номер следующего человека в моем списке.

Килл ответил после третьего гудка.

- Говорите.

- Килл, это Хоук.

- Как раз вовремя, бл*дь, ты позвонил. Я сидел в этой чертовой кровати и завтракал, ожидая, когда загорится зеленый свет.

- Ты в Бакингемшире?

- Где, черт возьми, еще я мог быть? Я сказал, что приду. Я пришел. И привел с собой троих моих лучших людей.

Я с благодарностью откинулся на спинку стула.

Слава Богу, что есть такие друзья.

Я сделала глубокий вдох.

- Мне нужно, чтобы ты как можно скорее добрался до Хоуксриджа. Пробирайтесь на территорию и спрячьтесь. Если вы увидите, что что-то угрожает жизни Нилы Уивер, у вас есть полное разрешение сделать все необходимое.

Мой голос затих.

- Просто сохрани ее в безопасности для меня. Я почти на месте.

- Женщина, которую я встретил на вашем складе алмазов?

Я ущипнул себя за переносицу.

- Она самая. Она будет у моего отца или, возможно, у моей бабушки. Я хочу разобраться с ними самостоятельно, так что оставьте их в живых, если это возможно. Но прежде всего, делай все, что тебе нужно, чтобы Нила не пострадала - даже если это означает убить их.

Голос Килла стал холодным и расчетливым.

- Даю тебе слово. Мы выезжаем сейчас же. Скоро увидимся, Хоук.

Повесив трубку, я дрожащими пальцами набрал последний номер.

- Говорит Флоу.

- Флоу...это Кайт.

- Черт, чувак. Кат прибыл всего десять минут назад. Бонни держит Нилу в своей комнате. Где ты, черт возьми, находишься?

Дерьмо!

- Я уже в пути. Я послал подкрепление, но мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал.

- Говори.

- Я назначаю тебя вице-президентом "Black Diamonds". Мне нужно, чтобы вы собрали тех, кому вы доверяете, чтобы уничтожить членов, лояльных к Кату. Вам должны присягнуть на верность. Я уверен не во всех. Вам придется решить, кому доверять. Как ты думаешь, сможешь это сделать?

После некоторой тишины, он сглотнул.

- Ты хочешь, чтобы я начал анархию?

- Я прошу тебя убрать братьев с дороги. Война идет прямо сейчас. Это закончится сегодня вечером. Я не могу допустить, чтобы клуб мешал мне.

- Я знаю, какие члены будут поддерживать вас, а какие нет. Оставь это мне. Я позабочусь о том, чтобы они не мешали мне, и разберусь с теми, кто не будет вести себя прилично.

Я благодарно улыбнулся.

- Я ценю это. Я скоро буду там. Помощь прибует со мной. У меня есть подкрепление. Просто не высовывайся и будь готов.

- Я всегда готов, мой друг. Это всё твое. Плевать, бл*дь, что тебе еще не исполнилось тридцати, или ты еще не унаследовал поместье. Это стало личным, когда этот ублюдок хладнокровно застрелил Кеса.

Прислонившись к окну, я вздохнул.

- Это личное. И это почти закончилось.

Флоу прорычал:

- Давай закончим это за него.

Боль вернулась в мое сердце - на этот раз из-за моего брата.

Я чертовски скучаю по тебе, Кестрел.

- За Кеса.

Повесив трубку, мой взгляд упал на облака и мир далеко внизу под нами.

Здесь, наверху, я был ближе к своему брату. Ближе к его отвязанной душе.

Если ты меня слышишь, брат. Не уходи. Не сейчас. После сегодняшнего вечера все будет лучше. Ты будешь в безопасности. Жасмин будет в безопасности. У нас может быть жизнь, о которой ты всегда мечтал.

Турбулентность ударила в самолет, подбросив нас, как кегли.

Мне нравилось думать, что это он...говорит мне, что услышал и не сдастся.

Останься в живых. Дай мне еще немного времени.

А потом просыпайся и возвращайся домой.

- Иди сюда, дитя.

Все, чего я хотела, - это сбежать, побыть одной, чтобы сбросить маску неповиновения и безразличия.

Смерть Дэниэля светилась во мне, придавая мне силы. Но я не могла отрицать, что устала. Мне нужно было отдохнуть на случай, если я скажу что-то глупое и перенесу свою смерть с завтрашнего дня на сегодняшний.

Джетро...продолжай дышать.

Каждый раз, когда я думала о нем, возвращался образ промозглых шахт и гнетущих стен. Я ненавидела его, запертого там, внизу, одинокого, страдающего.

Теперь я так много знала. Я знала о Мейбл и Уильяме. Я знала секрет, которого не знали ни Бонни, ни Кат.

Секрет прожег дыру в моей душе, потому что что хорошего в секрете, если я умру вместе с ним.

Если я скажу ей, я могу убить ее, прежде чем она расскажет кому-нибудь еще...

У меня екнуло сердце.

Да, мне нравится этот план.

Расправив плечи, я двинулась к Бонни. Она проводила меня в свои покои, проводила в лифт, которым, как я предполагала, пользовалась Жасмин, чтобы передвигаться. Я никогда не была в этой «серебряной коробке» и ненавидела путешествовать даже на небольшое расстояние с Бонни в таком тесном пространстве.

Жасмин.

Знает ли она, что я вернулась?

Могла ли она почувствовать затруднительное положение своего брата? Была ли она похожа на Вона?

Вон.

Мог ли он сказать, что мне было больно? Где он был? Всю дорогу из аэропорта я боялась, что он будет в Хоуксридже, начнёт палить из пушек и бросится в атаку с какой-нибудь вымышленной кавалерией, чтобы спасти меня.

Но это было не так.

Я была одновременно рада и убита горем.

На этот раз Джетро не смог спасти меня. Я бы сделала все, что в моих силах, - я бы не

умерла без боя, - но что, если этого будет недостаточно? Здесь я была более одинока, чем на шахте. По крайней мере, там меня окружали незнакомые люди. Здесь я была окружена врагами.

Прекрати это.

Потребовались все последние резервы, но я запихнула свои страхи глубоко-глубоко внутрь и приняла враждебную помпезность.

Бонни ожидала, что я буду так же сломана, как и моя рука.

Она очень сильно ошибалась.

Вздернув подбородок, я подошла к ней.

- Ты скучала по мне? - Я окинула взглядом ее комнату. - В прошлый раз, когда я была здесь, я, кажется, помню, что учила вас, что швеи лучше, чем флористы.

Накрашенные румянами щеки Бонни побелели.

- И я, кажется, припоминаю, что показала тебе, что случилось с Оуэном и Элизой, и доказала, что Джетро сыграл на руку судьбе. Он мертв из-за тебя. Поздравляю.

Мурашки пробежали по моей коже. Наверное, мне не следовало бы, но я ей сказала. Я хотела быть тем, кто сообщит эту новость.

- Он не умер. Он жив и идет за тобой.

Желания были свободны. Угрозы были дешевыми. Я могла бы насмеяться над ней, даже зная, что Джетро по-прежнему привязан к стулу и находится под властью Маркиза.

Она сжала в кулаке набалдашник своей трости. Она не нарушила приличий, просто выглядела немного взъерошенной и очень раздраженной.

- Я сильно в этом сомневаюсь. Как он все еще жив? В чем именно заключается смысл этого мерзкого дела?

Я скользнула вперед.

- Ты не заслуживаешь этого знать.

Фотографии Оуэна и Элизы все еще украшали стены. Ошеломляющий аромат ее цветочных композиций отравлял воздух.

У меня по коже побежали мурашки от того, как сильно я ее презирала.

Умри, ведьма. Умри.

Бонни подошла ближе, ее трость утонула в ковре, ее красная помада снова размазалась по тонким, как карандаш, губам.

- Ты смотришь на меня так, словно я дьявол. Ты такой глупый ребенок. Продолжай, у тебя есть мое разрешение. Что ты видишь, когда смотришь на меня?

Мой рот приоткрылся, чувствуя ловушку.

Она взмахнула тростью.

- Продолжай. Я хочу знать.

Я сжала руки в кулаки, принимая ее вызов.

- Отлично. Я вижу извращенную старуху, которая безжалостно управляла своим сыном и внуками. Я вижу бездушное существо, которое не знает, что такое любовь. Я вижу презренную, наполненную ненавистью Хоук, которая никогда не понимала истинной ценности семьи. - Мой голос понизился до шипения. - Я вижу ходячую мертвую женщину.

Она усмехнулась.

- У тебя больше проницательности, чем я думала.

Шмыгнув носом, она посмотрела вниз.

- В чем-то ты права. Я контролировала своего сына и внуков, потому что без меня у них

не было бы дисциплины, необходимой для поддержания Долга по наследству и будущих обязанностей этой семьи.

- Когда ты умрешь, твое наследие умрет вместе с тобой.

- Да, возможно. - Она улыбнулась. - Но вы умрете задолго до меня, мисс Уивер.

Возможно, тебе стоит запомнить это, чтобы ты не забыла свое место.

Воткнув трость в ковер, она усмехнулась.

- Ну, что ты можешь сказать в свое оправдание?

Мои руки сжались в кулаки. Я уставилась на цветочную композицию на козлах у двери.

Мне пришлось стоять там и слушать ее высокопарные манеры и требования, кипя от злости, пока она вонзала лилии и розы в пену оазиса.

Я ненавидела совершенство лилий. Я презирала ярко-красные розы.

Мой гнев вышел из-под контроля.

- Я скажу тебе, что я должна сказать, старая ведьма.

Бонни замерла.

- Что ты только что сказала?

Если я сделаю это, пути назад не будет.

Я умру завтра.

Но я могу жить сегодня.

Я могла бы добиться большего за один акт жестокости, чем когда-либо.

Никто не знает, когда придет смерть.

Я предположила, что в каком-то смысле мне повезло - знание того, что мрачный жнец ждал меня, давало мне определенную свободу. Это знание дало мне силы встретиться лицом к лицу со своими кошмарами, а не бежать.

Схватив вазу здоровой рукой, я держала бушель с цветами как оружие. Лепестки падали к моим ногам, медленно капая в тепле ее будуара.

- Меня от тебя тошнит.

Ее глаза вспыхнули.

- Положи это сейчас же.

Я подошла ближе. Оторвав головку красной розы, я бросила лепестки в ее сторону.

- Ты подаешь плохой пример всем бабушкам по всему миру.

Она выпрямилась, но отступила назад. Не желая сдавать позиции, но в то же время настороженная.

Я бросила в ее сторону еще одну уничтоженную розу.

- Ты достаточно долго загрязняла эту землю.

Страница 23

Она проиграла моему вторжению.

Ее трость стукнула, когда она отступила назад.

Дверь распахнулась, и вошел брат Блэк Даймонд.

Дерьмо!

Я тяжело дышала от противостояния с Бонни Хоук.

Мгновенно лицо Бонни преобразилось в дикую уверенность.

- Ах, Клэрیتی. Как раз вовремя. - Она указала на меня своей палкой. - Будьте любезны, уберите вазу из-под контроля мисс Уивер.

- Сейчас же, мэм.

У меня не было никакой надежды удержать его одной рукой, когда он выхватил вазу. Он был меньше Маркиза, но имел тот же злобный блеск и злобное удовлетворение в глазах. Его лысая голова сияла в свете бра, расставленных по комнате.

Он больше не смотрел на меня, когда ставил цветы обратно на козлы.

- Вы меня вызывали?

Бонни кивнула, приглаживая растрепавшиеся волосы своего шиньона.

- Иди и принеси Дремель и ведро воды и уксус.

Он склонил голову в мою сторону.

- Вы в порядке?

- Со мной все будет в порядке. Иди.

Клэрйти кивнул. Он вышел, закрыв за собой дверь.

Я ненавидела ее за то, что она верила, что может находиться со мной в одной комнате - даже после моей вспышки гнева. Я ненавидела, что оказалась такой слабой, что она не чувствовала, что нуждается в защите.

Заставь ее пожалеть об этом.

- Доверяешь мне сейчас наедине с тобой? - Я наклонила голову. - Довольно глупый поступок, тебе не кажется?

Мои руки сжались, когда мысли об её убийстве заволокли мой разум. Мне больше нечего было терять. Джетро был в Африке. Я не знала, где Жасмин. Ви, надеюсь, вернулся к Тексу. А Кес находился под опекой врачей и медсестер. Мы были разбросаны по четырем углам, больше не соприкасаясь, но все еще связанные.

Я могла бы убить Бонни до того, как Кат убьет меня.

Бонни ухмыльнулась.

- Дитя, у тебя сломана рука, скорее всего, лихорадка, и смерть маячит на твоём горизонте. Мне не нужно бояться такого беспризорника, как ты. Ты просто использовала всю энергию, которая у тебя была. Ты не можешь этого отрицать. Ты ослаблена от напряжения и усталости.

Повернувшись ко мне спиной - показывая, как мало она воспринимала меня как угрозу, - она огрызнулась:

- Теперь, после этого крайне неуместного инцидента, вернёмся к теме. Что насчет Джетро?

- Что насчет него?

Она сердито откашлялась.

- Я права, предполагая, что он все еще жив?

Ярость распространилась по моему организму, как лесной пожар. Может, у меня и не было вязальных спиц или скальпелей, но я больше не могла выносить эту старую суку.

- Да, собственно говоря. Он жив, и я сказала правду. Он скоро будет здесь, чтобы убить вас всех.

Она вздрогнула, не в силах скрыть свои внезапные подозрения.

- Я тебе не верю.

Я пожала плечами.

- Тебе не обязательно верить мне, чтобы это было правдой.

На секунду тишина стала третьим существом в комнате, прежде чем Бонни рассмеялась.

- Кат бы упомянул о такой вещи. Ты лжешь. Разве твоя мать никогда не говорила тебе,

что лжецы отправляются в ад?

- Она должна была сказать мне это до или после того, как ты убила ее?

Бонни напряглась.

- Ты становишься слишком смелой для Уивер, которая вот-вот умрет.

Я двинулась вперед.

- Достаточно смелой, чтобы убить тебя, прежде чем я уйду?

Скажи "нет", чтобы я могла доказать, что ты ошибаешься.

Одна душа Хоук уже стала моей собственностью. Я хотела две. Нет, я хотела три, прежде чем умру.

Дверь распахнулась, разрушив напряжение между нами. Брат Блэк Даймонд вошел и поставил ведро с водой, кисло пахнущей уксусом и электроинструмент на скамейку для расстановки цветов.

Взглянув на Бонни, он вытер руки о джинсы. Его лысая голова отражала лучи позднего утреннего солнца.

Мои биологические часы были настолько сбиты с толку; я не знала, была ли ночь или день, нужно ли спать или бодрствовать.

- Нужно что-нибудь еще, мэм?

Бонни поджала губы, глядя на меня со смесью настороженности и презрения.

- Да, встань у двери. Не уходи.

Я тихо рассмеялась.

- В конце концов, ты боишься Уивер.

Бонни щелкнула пальцами.

- Закрой свой рот и иди сюда. У меня есть работа, которую нужно сделать.

Черт.

Теперь у меня была публика; мои планы немного изменились.

Будь терпелива.

Она снова станет дерзкой и отошлет брата прочь. И когда она это сделает...

Подыгрывая, пока что, я двинулась к столу.

- Что ты собираешься делать?

Она не ответила, прошаркала к стулу, подтащила его поближе к скамейке и уселась на мягкое сиденье.

- Что ты думаешь, глупая девчонка? Ты несешь наши деньги. Я хочу эти бриллианты. Твоя рука в настоящее время стоит больше, чем вся история твоей семьи.

- Я в это не верю. Моя семья заработала свое богатство благодаря мастерству и тяжелому труду. Ткачество и шитье для герцогов и герцогинь. Мы не опускались до контрабанды камней и не называли это тяжелой работой.

Она выплюнула.

- Скоро твой язык больше не будет на месте.

- Почему? Ты планируешь отрезать его вместе с моей головой?

Она холодно улыбнулась.

- Такая вспыльчивая.

Я ухмыльнулась в ответ.

- Я училась у лучших.

Я бы никогда больше не поклонилась ей. Никогда.

Бонни фыркнула, возясь с насадкой для маленького электроинструмента.

- Встань здесь.

Оглянувшись через плечо, я подсчитала, сколько времени у меня будет, прежде чем брату удастся остановить меня. Если бы я перерезала ей горло ножницами, хватило бы мне секунд или нет?

Размышляя над проблемой убийства, я двинулась туда, куда она указала.

- Не двигайся.

Я не двигалась, слишком поглощенная своими собственными идеями, чтобы заботиться о ее.

Бонни схватила Дремель дрожащими, страдающими артритом руками и включила машину на батарейках. Громкое жужжание наполнило комнату, когда она приказала мне снять повязку и положить гипс на стол.

Боль в сломанной кости немного утихла, или, может быть, моему телу надоело сообщать мне, что ему больно. В любом случае, я сделала, как она просила. Пока повинуюсь - просто жду своего часа.

Как мне это сделать?

Разрезать ножницами ее яремную вену?

Раскалённую кочергу в ее сердце?

Мои пальцы сжимают ее горло, душат, душат?

Я вздрогнула, когда острые зубы Дремеля прогрызли гипс, снимая жар и зуд. Бонни не потребовалось много времени, чтобы разрезать его от запястья до локтя. Ее руки дрожали, пытаюсь разжать его - ее возраст не давал достаточно сил, чтобы сломать форму.

- Открой его, - приказала она, уставая. Ее лоб покрылся капельками пота, кожа приобрела серый оттенок.

Мое сердце екнуло, когда я увидела, как она борется. Ее секунды были сочтены. Мой разум начал обратный отсчет.

Один удар.

Два удара.

Три удара.

Четыре.

Моя рука была твердой, когда я сняла гипс, как будто размышления об убийстве творили чудеса для моего душевного спокойствия. Я поморщилась, когда гипс спал, разрушая ту поддержку, которая у меня была.

Как только кусочки упали на стол, Бонни немедленно сгребла их в ведро. Они погрузились в смесь воды и уксуса.

Пузырьки воздуха выскакивали на поверхность все быстрее и быстрее.

Она поймала мой взгляд.

- Позвольте мне научить вас нескольким вещам перед вашим последним часом. Уксус растворяет шпукатурку. Как только она превратится в ничто иное, как осадок, вода будет просеяна, любые затерявшиеся алмазы будут извлечены со дна и промыты, чтобы подготовиться к отправке в Алмазную аллею для обработки.

Она щелкнула пальцами.

- Дай мне остальную часть состава. Я знаю, что мешочки спрятаны в набивке.

Пятнадцать ударов.

Шестнадцать ударов.

Семнадцать ударов.

Восемнадцать.

Боль усилилась, когда я выскользнула из подушки и протянула пластиковый поднос. На моей руке были отметины и вмятины от набивки, красные от зуда гипса. Однако опухоль не спала. Синяк уже испортил мою кожу, черный, фиолетовый и синий.

Она тут же вытащила бриллианты и положила их рядом с ведром.

- Как только они попадут в Алмазную аллею, как ты думаешь, куда они направятся?

Я проверила свои пальцы. Они работали, но без силы или хватки. Если бы у меня был хоть какой-то шанс убить ее, мне пришлось бы преодолеть агонию и заставить свою конечность повиноваться. Иначе у меня не было бы ни единого шанса.

- Ну, мисс Уивер? - Бонни хлопнула ладонью по столу. - Я задала тебе вопрос. Ответь на него.

- О, мне очень жаль. Ты приняла мое равнодушие за внимание.

Я закатила глаза.

- Мне все равно.

- А следовало бы.

Тыча пальцем в мой перелом, она прошипела:

- Больно, не так ли?

Отшатнувшись, я боролась с болью, схватившись за край стола. На меня накатила волна головокружения. Я опустила голову, упираясь ногами в пол, преодолевая волну.

Она усмехнулась, когда волна головокружения стихла, оставив после себя счастливую мысль о том, что ножницы для цветов Бонни лежали всего на расстоянии пальца.

Ножницы.

Кровь.

Смерть.

Она не заметила моей внезапной надежды и восхищения оружием в пределах досягаемости.

Поглощенная собственной важностью, как распушившийся павлин, она посмотрела на брата у двери.

Она указала на ведро и пакеты.

- Отнеси их вниз и убедись, что каждый бриллиант учтен.

Ее глаза сузились.

- Я узнаю, если что-нибудь пропадет, и вы будете подвергнуты обыску, как только алмазы будут упакованы и помечены.

Мужчина вышел вперед, слегка съездившись от неблагодарной задачи и награды, которую он должен был ожидать после ее выполнения.

- Да, мэм.

Я затаила дыхание.

Брат схватил вещи и вышел через дверь.

Она заставила его уйти.

Мы одни.

Тридцать.

Тридцать один удар.

Тридцать два.

Тридцать три удара сердца.

Глупая, глупая Хоук.

Медленно я сжала ножницы в кулак целой рукой, крепко обхватив пальцами ручки.

Бонни не заметила, настолько поглощенная собственной важностью, когда встала и отряхнула пыль от гипса со своей кроваво-красной юбки.

Кроваво-красный.

Того же цвета, в котором она была на игре в кости несколько дней назад.

Моя ярость вспыхнула, и я подняла двойные лезвия.

- Ты спрашивала меня раньше, болит ли у меня рука. Теперь я задам тебе аналогичный вопрос. Как ты думаешь, это убьет тебя, если я воткну их в твою бессердечную грудь?

Она соскочила со своего места, пятясь назад.

- Бросьте это, мисс Уивер.

Я двинулась вперед, размахивая оружием.

- Нет.

Ее рот открылся, чтобы закричать.

Пятьдесят два.

Пятьдесят три удара сердца.

В прошлый раз я упустила свою возможность.

Я была слишком медлительной. Слишком слабой.

Я не должна была облажаться в этот раз.

Я бросилась вперед, остановив ее прежде, чем она успела издать хоть звук.

Я зажала ей рот ладонью, удерживая ее. Мой перелом дал о себе знать, и мои здоровые пальцы ослабли вокруг украденных ножниц, но я не отпустила ее. Она споткнулась, но мне удалось сохранить равновесие. Вспышки агонии и осколки боли пронизали мою нервную систему.

- Ах, ах, ах. Я думаю, что молчание лучше в сложившейся ситуации, не так ли?

Я подражала речи этой злобной ведьмы Хоук.

Дыхание Бонни затрепетало над моей рукой, когда ее ноздри раздулись.

Она сопротивлялась. Но ее хрупкие кости не могли противостоять моей ярости. Ее глаза пытались причинить мне боль невысказанными проклятиями, но я больше не могла с этим мириться.

В порыве силы она вырвалась из моей хватки, ударив меня по сломанной руке.

Я застонала в агонии, когда она втянула воздух, намереваясь позвать на помощь.

У меня было два варианта. Пусть она закричит, поддастся непреодолимой боли, и пусть это закончится проигрышем, или преодолеть всё и победить.

Я выбрала бороться.

Снова схватив ее, я не заботилась о своей руке, когда обхватила сломанную руку вокруг ее тонкой талии, а другой рукой зажала ей губы.

Семьдесят четыре.

Семьдесят пять.

Семьдесят шесть ударов сердца.

Она сложилась так же изящно, как лепестки ее любимого цветка, и упала на пол. Я не пыталась защитить себя. Я не наслаждалась жестокой болью.

Я упала вместе с ней.

Агония, которую я никогда раньше не испытывала, пронзила мои кости.

Я подпрыгнула на ее дряхлом теле, вдавив ее в ковер. Я ахнула, заставляя себя продолжать.

- Не в этот раз, Бонни. На этот раз тебе не удастся победить. На этот раз... моя очередь. На этом все закончится. Только мы.

Я была лучше этого. Лучше, чем она и все Хоук вместе взятые.

Я бы отняла жизнь у этой бабушки и наслаждалась бы этим.

Она была хрупкой, старой - матриарх помещанного на власти дома. И все же она была просто человеком - такой же, как я, такой же, как Джетро, такой же, как каждый человек на этой планете.

Она не была бессмертной или страшной.

Она уже мертва.

Она отбивалась от моей хватки морщинистыми руками, ее силы быстро иссякали.

- Ты заслуживаешь смерти, Бонни.

Я толкнула ее еще глубже на ковер.

- Вы спросили меня, когда я вошла в эту комнату, что я увидела, когда посмотрела на вас. Теперь моя очередь спрашивать тебя.

Я держала ее извивающуюся фигуру, тяжело дыша.

- Что ты видишь, когда смотришь на меня?

Твоего убийцу?

Твою кончину?

Не дав ей ответить, я прорычала:

- Я скажу тебе, что ты должна увидеть. Ты бы видела девушку, которая достигла предела своих возможностей. Девушку, которая без колебаний убьет. Девушку, которая намерена пережить эту резню и сжечь твое наследие дотла.

Ее глаза затуманились от страха.

Она боролась со мной - на удивление сильно, но не могла победить холодную враждебность, разливающуюся по моим венам. Моя ярость превратилась во что-то не совсем нормальное, когда я уставилась в испуганный взгляд Бонни.

- Хочешь узнать секрет?

Ее нос засвистел, когда она судорожно втянула воздух.

- Я знаю кое-что, чего ты не знаешь.

Я хотела убить ее быстро, но издеваться было слишком весело. Я хотела сделать с ней то, что она сделала с моей семьей и со мной.

Доза ее собственного лекарства.

И мой секрет о Дэниэле должен был быть раскрыт. Кто может быть лучше его бабушки, которая скоро присоединится к нему в загробной жизни?

Ее карие глаза впились в мои. Я поняла ее безмолвное послание. Ты умрешь из-за этого.

Я хихикнула, нависая над ней.

- Я уже мертва, так что какая разница, возьму ли я тебя с собой?

Она перестала бороться. Вместо этого она стала жутко спокойной, намекая о том, что хочет что-то сказать.

Проклятье.

Несмотря на мою потребность покончить с ней, у меня было невыносимое желание услышать ее последние слова.

- Не кричи, и я позволю тебе говорить.

Она кивнула.

Было ли это глупостью или, возможно, безумием заставлять меня доверять ей? Что бы

это ни было, я убрала руку.

Ее лицо повернулось в сторону, втягивая кислород, ее белый шиньон растрепался, рассыпавшись по ковру.

Я сжала ее крошечное тельце коленями. Я была ее предсмертным саваном. Ворона, парящая в ожидании убийства.

Сто четыре.

Сто пять.

Сто шесть ударов сердца.

- Ты не глупа, дитя. Ты знаешь, что заплатишь за это, как только вернется Клэрити. Есть вещи похуже смерти. Разве ты еще не поняла этого?

- Я знаю.

- Тогда слезь с меня, и я позабочусь, чтобы они не покалечили тебя слишком сильно.

Ее улыбка была воплощением зла.

- Однако, подожди еще мгновение, и я лично разорву тебя на куски, черт возьми.

Проклятие сорвалось с ее накрашенных красным губ.

Я улыбнулась, склонив голову набок.

- Еще нет. Сначала я хочу получить ответы.

- Я дала тебе множество ответов.

- Нет, это была запутанная история, увиденная твоими искаженными глазами.

Она фыркнула.

- Я хочу знать, почему ты такая, какая ты есть. Почему ты так нелепо настроена на древнюю вендетту. Вы просто сошли с ума и передали этот дефектный ген своему сыну.

- Ты глупая, глупая девчонка. Я помогла сохранить эту семью вместе. Нет ничего плохого в том, чтобы любить кровь больше, чем других.

- Даже убийство?

Она ухмыльнулась, демонстрируя пожелтевшие зубы и источая неприятный запах изо рта.

- Особенно убийство.

Она оторвала голову от ковра, приблизив наши глаза друг к другу.

- Особенно убийство твоей родословной. Ты у нас в долгу.

- Что мы тебе такого сделали, чтобы заслужить такое варварское обращение?

- Ты знаешь что!

- Нет, не знаю. Я никогда не пойму, потому что нет ничего рационального, что можно было бы понять. Это просто болезнь внутри тебя, которой нужно положить конец.

Она закашлялась.

- Ты ничего обо мне не знаешь.

- Скажи мне. Я даю тебе возможность, прямо сейчас.

Я сверкнула глазами.

- Я хочу знать. Это твой последний шанс.

Кривая улыбка растянула мои губы.

- Назови это своей последней исповедью. Очисти свои грехи, Бонни, потому что я отправлю тебя в могилу – будут ли раскрыты секреты или нет.

На ее лице не было страха.

- Мне не в чем признаваться.

- Чушь собачья.

У меня нет на это времени.

Я хотела узнать историю Бонни. Я хотела попытаться понять, почему кто-то зашел так далеко. Но я бы не пожертвовала своей единственной возможностью убить ее.

- Ты не хочешь говорить? Хорошо. Я передумала.

Стиснув зубы от очередного приступа боли, я схватила ее шарф - красивое шелковое украшение в тон ее презренному наряду - и потуже затянула его вокруг ее шеи.

- Хочешь знать, что я пообещала себе, когда впервые пришла к тебе домой и мне сказали, что со мной будет?

Она оттолкнула мои руки, посылая осколок агонии в мою искалеченную руку, когда я медленно затягивала шарф. Ее глаза выпучивались все сильнее и сильнее.

- Я дала клятву быть последним украденным Уивер. Временами я не знала, как буду выполнять эту клятву. Но теперь...я знаю.

Она умоляла о глотке воздуха, ее губы шевелились. Я не душила ее...пока, но страх удушения послал капельки паники по ее чрезмерно напудренному лицу.

От запаха розовой воды и летних духов у меня разболелась голова, но ничто не могло остановить меня.

Я немного ослабила хватку.

- Теперь, пока я не зашла слишком далеко. Ты хочешь знать то, что знаю я, или предпочитаешь умереть в неведении?

Разумно ли это?

Моя рука пульсировала, пока я сомневалась в своих действиях.

Страница 24

Смерть Дэниэля была не только моей тайной. Джетро тоже будет замешан в этом. Я не могла рисковать его жизнью, если Бонни скажет...

Скажет!

Я громко рассмеялась. Кому она собирается рассказать? Она умрет через несколько мгновений...

Что-то сломалось внутри меня. Что-то, чего я не хотела признавать. Оседлав Бонни, я была хладнокровна и сосредоточена - больше Хоук, чем Уивер, и готова была замарать руки кровью ради мести.

- Нет, ты не можешь сказать мне ничего ценного. Слезь с меня, ты, язычница.

Бонни пыталась оттолкнуть меня, но ее девяносто с лишним лет означали, что это было все равно, что придавить трепещущий лист.

Я наклонилась еще ниже.

- Я знаю, где Дэниэль.

Она замерла как мертвая.

- Ты понимаешь?

Я оскалила зубы.

- Ты понимаешь, о чем я тебе говорю?

Ее глаза сузились, недоверие затмило их.

- Ты хочешь сказать, что убила моего внука?

- Я говорю, что он причинил мне боль и заплатил за это.

Бонни пошевелилась, пытаясь лягнуться подо мной. Серый оттенок, окрашивающий ее

лицо, медленно распространился по щекам и шее.

- Ты лжешь.

- Нет.

Я тихо рассмеялась.

- Что, если я объясню немного больше? Что, если я скажу тебе, когда настанет время отходить ко сну? ... Нет, расскажу историю убийства. И докажу, что я говорю правду?

Ответа не последовало.

Упираясь коленями, крепче сжимая ее юбку, я обмотала ее шарф вокруг кулака.

- Он выиграл в жеребьевке у Ката. Он получил первое право изнасиловать меня. Изнасиловать. Слово настолько отвратительное, что семья должна отречься от любого отпрыска, который когда-либо сделал бы такое. И все же вы поощряете их. Вам нравится, когда ваши сыновья и внуки берут то, что им не принадлежит.

Что ж, Дэниэль заставил бы тебя гордиться той ночью. Он причинил мне боль. Пнул меня. Вырубил меня на несколько мгновений. Но он не понимал, насколько сильна воля к жизни или целеустремленная решимость, которую может дать чистая ненависть. Он действительно взял меня - совсем немного - и я позволила ему. Тебя это шокирует? Что я не боролась с последней частью, когда он вторгся в мое тело ровно настолько, чтобы запятнать мою душу?

Бонни сглотнула, ее дыхание было прерывистым, ее грудь вздымалась под моей хваткой.

- Я позволила ему думать, что он победил, но на самом деле я вела его к смерти. Я пришла подготовленной, и у меня было в руках мое любимое оружие. В то время как он сосредоточился на насилии и удовольствии, я стала холодной и безжалостной.

Я потянула за шарф.

- Я обняла его, тебе будет приятно это знать. Я обняла твоего внука, когда вонзила ему в сердце свою металлическую вязальную спицу.

Бонни шумно втянула воздух.

- Нет...

- О, да. Я получила огромное удовлетворение, вонзив эту иглу в бездушную грудь Дэниэля. Он не предвидел, что это произойдет. Он был слишком высокомерен, чтобы заметить это, пока не стало слишком поздно. - Мой разум вернулся к палатке, вспоминая последний вздох, последнее падение его трупа. - Все закончилось так быстро.

Бонни пробормотала:

- Но они ... они не нашли его тело. Ты лжешь. Он жив. Я тебе не верю.

- Ты не обязана мне верить. Это правда. - Я жестоко улыбнулась. - Только ты знаешь, что произошло на самом деле. Кат подозревает меня, но у него нет доказательств.

- Но как... - Мышцы на ее шее напряглись под полупрозрачной кожей. - Как ты спрятала его тело?

Даже лежа на спине, когда смерть нависла над ней, Бонни оставалась холодной и отчужденной. Если бы я не ненавидела ее, я могла бы уважать ее. Она была такой же грозной силой, какой была Мейбл Хоук. Все та же непобедимая вдова.

Я погладила ее по бледной щеке.

- Я этого не делала.

Она нахмурилась.

- Тогда это не может быть ...

- Это сделал Хоук.

Я еще немного потянула ее шарф.

Еще больше пота выступило у нее на лбу. Ее пальцы заскребли по препятствию.

- Хоук, который влюблен в меня и полностью на моей стороне.

Ее глаза широко раскрылись, а затем вспыхнули ненавистью тысячи адов.

- Джетро.

- Да, Джетро...Кайт. Мужчина, за которого я согласилась выйти замуж.

Поделившись своими секретами даже с угловатой старой коровой на моём сердце стало легче. В два вдоха я призналась в убийстве и намерении вступить в брак. Не совсем два предмета, которые шли рука об руку.

Но в данном случае так и есть.

Без убийства нам с Джетро никогда бы не позволили пожениться. Нам бы никогда не позволили жить.

Крайний срок моей собственной кончины пытался подорвать мою уверенность в себе. Возможно, сейчас я и убийца, но скоро снова стану добычей.

Слюна слетела с губ Бонни.

- Невозможно. Джетро предан. Он знает свои обязанности ...

- Обязанности? - Я рассмеялась ей в лицо. - Ваш сын застрелил его. Эта преданность умерла в тот момент, когда ты хладнокровно убила его. Мы вместе. Против всех вас.

Бонни вздрогнула.

- Никогда. Ястреб никогда не стал бы работать с Ткачом.

- Ложь. Теперь я знаю больше о вашей истории. Я знаю, что Хоук на протяжении многих лет снисходительно относились к Уивер. Я также знаю, что было не одно поколение, которое пыталось остановить этот смехотворный долг.

- Ты ничего не знаешь, дерзкое дитя.

Мое сердце бешено заколотилось, когда я покачала головой. Короткие черные волосы закрывали мои щеки, создавая иллюзию, что мы уже в гробу, отгороженные от мира.

- Я знаю, что Джетро вошел и увидел своего брата мертвым. Я знаю, что он помог мне прибраться. Я знаю, что он ...

- Как этот мальчик все еще жив, выше моего понимания.

Бонни прервала меня, как будто не могла больше слышать. Возможно, в конце концов, ей было не все равно.

- Эта мерзость природы.

Мои пальцы сжались сильнее.

- Нет, я скажу тебе, в чем мерзость. Это ты. Ты - мерзость. Ты превратила свою семью в преступников.

Я махнула рукой в сторону комнаты, величественного зала, всего поместья Хоуксриджей.

- Это больше, чем у большинства людей будет за всю их жизнь. У тебя есть все, и все же ты стремишься уничтожить всех.

Я поспешно произнесла прощальные слова.

- Как только Джетро прибыл, он помог мне избавиться от Дэниэля. Мы вывели его за ограду Алмасы Кипанга. Мы оставили его на равнинах...

Понимание отразилось на посеревшем лице Бонни.

- Ты понимаешь, не так ли? Ты знаешь, что произошло дальше.

Ее бледность стала болезненной, губы посинели.

- Они съели его.

Я кивнула.

- Они съели его. Кусочек за кусочком. Кусок за куском. Дэниэля больше не существует.

Точно так же, как тебя больше не будет.

Моя рука надавила сильнее, прижимая ее к коврику.

- Я убила твоего внука, но я еще не закончила.

Бонни попыталась закричать.

Я зажал ей губы рукой.

- Ах, не привлекайте к нам внимания. Я еще не рассказала тебе самое интересное.

Она покачала головой, пытаясь высвободить рот.

- Я собираюсь убить твоего сына. Я позабочусь о том, чтобы твое безумное семейное древо погибло. Только здравомыслящие Хоуки будут продолжать жить. Я собираюсь убить Ката. Я не знаю как, но я сделаю это. Единственный, кто заплатит Долг по Наследству, - это он.

Ее борьба стала неистовой.

Я прижала ее к полу, оседлав так, словно она была взбрыкивающим мустангом. Я подождала, пока она устанет, чтобы посмотреть ей в глаза, когда я душила её. Только...она не уставала.

Ее тело двигалось нечеловечески, дергаясь, как нежить, сбивая меня с нее с огромной силой. Ее пристальный взгляд встретился с моим; она напряглась и поклонилась. Ее правая рука взметнулась вперед, и гнев в ее взгляде сменился ужасом.

Мой желудок скрутило, когда все ее тело сжалось в агонии.

Дерьмо.

Четыреста пять.

Четыреста шесть.

Четыреста...и семь...ударов сердца.

У нее сердечный приступ.

Секунды промелькнули, когда осознание этого дошло до меня.

Нет!

Судьба украла у меня ее смерть.

Я хотела взять её.

Ее сердце.

Ее жизнь.

Она была у меня в долгу.

Тук-тук. Удары...

- Будь ты проклята, Бонни.

Я поднялась на ноги, стоя над ней с цветочными ножницами. Я хотела захватить ее душу, когда она покинула ее тело, но судьба не сочла меня достойной. Возможно, душа Дэниэля - это все, что мне было позволено. Бонни принадлежала к более могущественным сущностям.

Призраки моего предка заполнили ее грудную полость, проскальзывая в камеры сердца, блокируя вены и артерии.

Ее спина выгнулась, как будто был совершен обряд изгнания нечистой силы. Она потянулась ко мне. Серость ее лица сменилась крахмальной белизной.

- Пом... пом... помоги...

- Нет...

Я попятилась.

Я была недостаточно достойна того, чтобы лишить ее жизни, но я буду наблюдать за каждым мгновением. Я буду бодрствовать, пока она умирает у моих ног, и лелеять тот момент, когда ее больше не будет.

Но тут дверь распахнулась.

Гребаная дверь распахнулась и вошел Кат.

Он ворвался в комнату. Его поза сменилась с уверенной на застывшую в шоке. Его взгляд метался между мной, стоящей над его матерью с острыми ножницами, и Бонни, бьющейся в конвульсиях на полу. Его глаза заблестели, на лице отразились недоверие, шок и возмущение.

Сколько времени должно потребоваться кому-то, чтобы умереть от остановки сердца?

Умри, Бонни. Умри.

Я повторяла эту мантру с того момента, как я убила Дэниэля.

Умри, Хоук, Умри.

- Бл*дь! - Кат начал действовать, пробежав через будуар и рухнув на колени рядом с матерью.

Она хрипела и хрипела, задыхаясь. Ее глаза молили о помощи, в то время как сердце сжималось.

- Подожди. Подожди.

Повысив голос, он закричал:

- Кто-нибудь, вызовите гребаную скорую помощь!

Никто не ответил. Ни один из братьев Даймонд не проник в комнату. Некому выполнять приказы.

Я просто стояла там.

Наблюдатель за тем, когда Бонни исчезнет из этого мира.

- Вызови гребаный вертолет!

Кат, казалось, не заметил, что его приказы остались без внимания. Я никогда не видела его таким нормальным. Таким напуганным и потерянным.

Я расхаживала взад-вперед, обнимая свою ноющую руку, надеясь, что никто не слышал его команд. Скорая помощь была бы слишком медленной...Но вертолет? Это может быть слишком быстро.

Умри быстрее, Бонни. Быстрее.

И судьба прислушалась.

Жизнь выбрала своего победителя.

Меня.

Тук...тук-тук—тук.

Сердцебиение замедляется.

Сердцебиение прекращается.

Кат баюкал свою мать, в то время как она быстро потеряла образ пожилой карги и превратилась в изможденный труп.

Мои секреты умирают вместе с ней.

Мои грехи замолкают вместе с ней.

Однако Бонни не ушла тихо. Она сделала прощальный подарок, даровав мне свой последний вздох, отправив меня напрямик на вечные муки.

- Она ... - Бонни ахнула. – Дэн...Дэн...Дэниел. Она ...

Кат вытер лоб, убирая мокрые пряди седых волос.

- Тише, побереги свои силы. Сейчас придут врачи.

Бонни раздвинула губы, на зубах остались пятна помады. Она знала так же хорошо, как и я, что не проживет и дня. Собрав последние оставшиеся силы, она подняла дрожащую руку, указала пальцем и прошипела:

- Она убила...убила его.

И это было все.

Последний удар сердца.

Последний вздох.

Ее глаза самодовольно впились в мои, а затем закрылись навсегда.

Я убила своего второго Ястреба.

Но она подвергла меня ужасным пыткам.

Ее рука упала на бок, отскочила от мертвой плоти и неловко замерла рядом с ней.

В это мгновение комната оплакивала своего хозяина. Лепестки цветов поникли, занавески колыхнулись от несуществующего ветерка.

Затем Кат поднял голову, глаза блестели от непролитых слез, лицо распухло от неподдельной ненависти.

- Ты...

Я подняла ножницы, отступая назад.

Он не двигался, обнимая свою мертвую мать, мою вторую жертву, украденную не от моей руки, а полтергейстом моих предков.

- Ты убила Дэниэля.

Два варианта.

Одно будущее.

Мне так надоело убегать. Так надоело прятаться. Так надоело быть слабой.

Я не убежала.

Я не отрицала этого.

Вместо этого я высоко подняла подбородок и заявила обо всем, чего достигла.

Я выиграла, они проиграли. Так и быть, даже если моя жизнь сейчас закончилась.

- Да. Да, я убила его. Я отняла у него жизнь, избавилась от его тела и наслаждалась каждой чертовой секундой этого.

Кат ахнул.

Я улыбнулась.

Мы не двигались, в ожидании следующего боя.

Никто не хотел слушать историю грешника. Плохой парень. Злодей.

Никому по-настоящему не было дела до моих планов или целей.

Никто не мог понять, что мои действия проистекали из любви, семьи и преданности тем, кем я дорожила.

Делало ли это меня ужасным человеком?

Разве я не могла поставить тех, кто мне дорог, перед совершенно незнакомым человеком?

Люди делали это все время.

Они убивали, чтобы защитить себя и своих близких. Они охотно забывали заповеди в пользу того, как они смотрели на то, что было приемлемо, а что нет.

Я не была исключением.

Те, кто знал меня, понимали мою страсть и стремление. И те, кто этого не сделал. Ну, мне было наплевать, что они подумают.

В каждой истории редко было две стороны. За свою долгую жизнь я пришла к пониманию истины. Там было несколько сторон. Страницы и страницы сторон. Бесконечная битва, в которой люди выбирали то, во что верили. Иногда выбор был сделан по понятным причинам - не оправданным, не опрометчивым или правильным - просто...понятным.

И когда я поняла эту магию, я научилась создавать такое же заклинание в своей собственной империи.

Не было ни правильного, ни неправильного.

Не было никакого черно-белого.

Эти два простых урока всегда направляли меня по жизни.

Мои причины делать то, что я делала, имели для меня смысл. Это были мои мечты, и мне посчастливилось обладать достаточной силой и властью, чтобы навязывать эти мечты другим.

Была ли я права? Зависело от того, кого вы спрашивали.

Была ли я неправа? Не в моих глазах.

В действительности, это было все, что имело значение.

Я верила в то, что делала. Я любила свою семью. Я обожала силу и власть, которые могли принести мои близкие. Я отдала все свое существо тому, чтобы они процветали.

Все началось в тот день, когда Альфред "Орел" Хоук попросил меня выйти за него замуж. В тот день, когда он перешел от ухаживания к преклонению колен, я поняла, что мои испытания в жизни в рамках моего места в обществе закончились. Я ненавидела манеры и грацию высокомерных принцесс на сезонных вечеринках. Я ненавидела иметь дело с эгоистичными придурками, которые думали, что одно поместье и карьера, работа на других, означают, что они могут позаботиться обо мне.

Идиоты.

Это был просто тюремный срок, и я не собиралась делить камеру с представителями среднего класса.

Я сама происходила из богатой семьи. Уорренам принадлежала большая часть Южного Хэмптона и целый транспортный флот, который путешествовал по всему миру с товарами. В основном, товары других людей - факт, который мне не нравился. Мне не нравилось, что мы помогали другим улучшить свое положение в этом мире.

Ограниченность ресурсов означало, что мы должны были делиться.

Я верила, что те, кого я любила и с кем была связана кровью, должны процветать, а остальные не должны. Простое решение, у которого было столько разных сторон.

Когда я привыкла к своему вновь обретенному авторитету, я решила отказаться от своего имени Мелани и переименовать себя в Бонни.

Бонни Хоук восстала из пепла Мелани Уоррен.

И я стала настоящей женой и опорой.

Когда я забеременела Питером, моим первым ребенком, я поклялась, что он будет причиной того, что я буду работать рядом с Альфредом и наберусь большей власти. Тяжелая

работа и преданность делу меня не пугали. Неудача и нужда сделали свое дело. Поэтому я сделала все, что было в моих силах, чтобы сделать моего мужа великим - сверх великим - непревзойденным.

Однажды вечером Альфред рассказал мне о Долге по наследству. Мне потребовались годы, чтобы заставить его полностью объяснить, что это значит. Женам мужчин-Хоуков не полагалось заниматься так называемым бизнесом с долгами, но Альфред был моим, и, если в моих силах было принести ему большую славу, я бы это сделала.

Затем жизнь подарила мне ещё одного сына, Брайана. Жизнь улыбалась нам, безумно любя моих идеальных детей, гарантируя, что они станут великими хозяевами и повелителями вселенной, которую я помогу поддерживать и создавать для них.

Однако однажды бурной ночью и выпив слишком много коньяка, Альфред рассказал мне, как он получил Уивер прежде, чем встретил меня. Он выполнил несколько долгов, но не смог выполнить последний. Он не избавился от Уивер и солгал о том, что убил ее, чтобы сохранить лицо в истории.

Он отпустил ее. Сказал ей бежать. Прятаться. Он похоронил пустой гроб, притворился, что расплатился с долгами, и скрыл правду.

Тупой ублюдок.

Такого рода слабость недопустима. Я потеряла к нему всякое уважение. Я увидела его таким, каким он был — слабаком. Поэтому я переехала из его спальни в новое помещение. Я больше не могла выносить его нежелание обеспечить идеальное будущее для наших сыновей. Много лет спустя, когда он умер от рака легких, я не оплакивала его потерю. Я праздновала.

Теперь пришло мое время торжествовать.

Питер пошел в своего отца. Трудолюбивый, преданный и добрый. Я искренне надеялась, что он станет хорошей заменой и наследником, но время постепенно изменило мое мнение.

Брайан пошел в меня. У него была моя душа, моя дисциплина, мое стремление к невозможному. Питер предпочитал учиться и жертвовать наше богатство на благотворительные цели. Брайан предпочел взять это богатство и превратить его в еще большее богатство для нас, а не для других.

Мы были одной крови, но линии фронта были очерчены, и по мере того, как возраст разделял двух моих сыновей, я учила того, кто слушал. Брайан был моим учеником с самого детства, и он оставался моим учеником всю свою жизнь.

Я хотела больше детей. Я не стану этого отрицать. Много-много детей, чтобы обеспечить большую вероятность мирового господства. Мы торговали самым бесценным богатством. Мы владели бесчисленными империями в странах по всему миру. Наконец-то я была в состоянии убедиться, что нас не остановить, но на моей стороне был только один сын. Однако он был сыном, который был рад услужить.

Пока я была занята тем, что учила Брайана более эффективно управлять "Black Diamonds", копалась в книгах истории Хоуков и погружалась в свою новую семью больше, чем когда-либо, будучи Уорреном, Питер влюбился.

Женщина, с которой он познакомился в приюте для животных. Он привел ее домой, чтобы познакомить нас через несколько месяцев отношений. За моей спиной он попросил ее выйти за него замуж, и она согласилась без моего согласия.

Роза Тессел была всем, чем я не была. Тихий голос, одержимая собаками, кошками и лошадьми. Ей было наплевать на Хоуксридж. Ее не волновали ни бриллианты, ни деньги. Все, о чем она заботилась, - это сделать Питера счастливым и проводить время в конюшне с

моим первенцем.

Страница 25

Эта сука полностью затуманила разум Питера. Как мой старший сын, он должен был выполнить свой долг. Его отец не следовал правилам Долга по наследству, но мой сын, несомненно, должен был выполнить свои обязанности. Однако было слишком поздно. Он не собирался унаследовать Эмму Уивер и делал вид, что ее не существует, погружаясь в романтические истории и глупость.

Брайан пытался вразумить его, но Питер и Роза хорошо сражались. Они были так поглощены своими собственными планами; они забыли, что мы семья, а семья держится вместе во всем.

Именно Брайану пришла в голову эта идея.

Он был таким хорошим сыном, таким внимательным. Он пообещал, что, если я поставлю его во главе Хоуксриджа, он поднимет империю на новые высоты. Он всегда будет заботиться обо мне и одарит меня множеством внуков, которыми я буду править.

Однако у него было одно условие.

Он хотел получить Долг по наследству. Он шпионил за Эммой Уивер. Он жаждал того, что должно было принадлежать Питеру, и неприязнь к старшему брату гноилась глубоко в его сердце.

Я обдумывала свое решение не потому, что сомневалась в его способностях, а потому, что ему было бы полезно взглянуть в лицо поражению, прежде чем исполнить свои мечты. К сожалению, пока он ждал моего размышления, его ревность к Питеру перелилась через край одной пьяной ночью.

Питер был на деловой встрече в Лондоне, отложенной на ночь. Роза согласилась подождать его в поместье в его покоях вместо того, чтобы возвращаться к себе в Бакингемшир. Я ненавидела эту потаскушку под своей крышей - незамужнюю, не меньше. Но Брайан совершил нечто непростительное.

Он изнасиловал Роуз.

Он взял то, что должно было принадлежать Питеру.

Но то, что он взял, он вернул. Он оплодотворил ее моим первым внуком.

Я проклинала его за это. Я была разочарована в нем. Испытывала отвращение к его слабости к плоти.

Но после того, как он взял то, что хотел, он безмерно пожалел о своем выборе. Он пришел ко мне с плачущей женщиной. В тот же вечер я провела собрание и сказала, что Роза может остаться в моем доме, но ей придется выйти замуж за Брайана. Если бы она этого не сделала, Питер заплатил бы за это.

Она отказалась, но мудро передумала, когда я пригрозила Питеру жизнью.

Следующие несколько месяцев были полны драмы, которая мне была безразлична. Я слишком поздно поняла, что мой старший сын никогда не смирится с тем, что его любовь была помолвлена с его братом. Питер слишком сильно напоминал мне своего отца, и мне было достаточно его нерешительности и слабости, чтобы иметь силы справиться с этим снова. Поэтому я сказала Брайану, что он может получить все, что когда-либо хотел. Семью. Детей. Империю. И Долг по наследству.

Все, что ему нужно было сделать, это покончить со своим братом.

И он сделал это.

Он задушил Питера, когда я была на заседании совета. Я притворилась опечаленной и сделала вид, что недовольна его действиями. Я дала понять, что этот инцидент был только на его совести. Но по секрету я была поражена, что у него хватило смелости сделать это.

О смерти Питера сообщили как о несчастном случае во время верховой езды. Роуз была замужем за Брайаном. И жизнь пошла своим чередом. Джетро родился, за ним последовали Жасмин и Ангус. Брайан стал известен как Кат, когда вошел в роль, на которую, как я всегда знала, он был способен, и поднял имя Хоук на еще большую высоту.

Он укрепил наши отношения с властями. Он подружился с новыми членами королевской семьи и сгладил вековые союзы. А потом однажды вечером он объявил, что у Розы будет еще один ребенок.

Дэниэль.

Кат не планировал большего, но он сказал, что присматривал за Эммой и больше не мог ждать, чтобы заявить права на Наследство. В ту ночь он использовал свою жену, чтобы немного развеять свою похоть, хотя они почти не разговаривали в течение многих лет.

После рождения Жасмин Роуз переехала из комнат Брайана, живя в фиктивном браке, привязанная к нам только своими детьми. Моя неприязнь к ней росла год от года.

К сожалению, рождение Дэниэля разрушило идеальную семью, которую я создала.

Роза настояла на родах в больнице, несмотря на то, что другие ее роды проходили в Хоуксридже с акушеркой и без осложнений. Брайан почувствовал себя виноватым за свое обращение с ней и смягчился. Он исполнил ее желание.

Глупец.

Через несколько дней после родов Брайан вернулся в больницу, чтобы забрать сына и жену домой. Только его жена исчезла. Она бросила свою семью — величайший грех из всех. Она оставила после себя четверых детей и мужа, который защищал бы ее всю жизнь.

Только далеко она не ушла.

В течение нескольких месяцев ей удавалось ускользать от нашего внимания, но затем Брайан — мой всегда находчивый, способный сын — нашел ее в ожидании международного рейса. Она охотно променяла своих детей на свободу — неоплатное преступление.

Он привел ее обратно в Холл. Он держал ее рядом с собой, пока дети росли еще несколько лет. Но потом произошел инцидент.

Я не одобряла того, что произошло той ночью, и никогда не прощу ему промаха Джетро и Жасмин, увидевших, что он сделал с их матерью. Но что сделано, то сделано, и больше сказать было нечего.

Наконец-то она ушла.

Скатертью дорожка.

Однако ее смерть преподала мне последний жизненно важный урок: даже семья может разочаровать. На самом деле, семья может сделать больше, чем разочаровать — они могут разрушить все одним неблагодарным действием.

Я бы больше не стала мириться с такой ерундой. Оказалось, что Джетро страдал тем же заболеванием, что и предыдущие поколения рода Хоук. Я приказала Кату выбить из него это, пока он не узнает, что как первенец у него есть обязанности, судьбы, обязательства, которые он должен выполнить.

Ангус нравился мне, но только потому, что у него был дар, которого не было у многих других. Он мог читать людей и показывать им только то, что соответствовало бы ситуации.

Он был хамелеоном в моих рядах, но он был семьей и делал то, что ему говорили. Так что он был предоставлен самому себе.

Жасмин слушала и повиновалась, но в душе она была такой же бунтаркой, как и ее старший брат. И все же она была моей единственной девушкой, и, несмотря на это, я души в ней не чаяла. Я хотела мини-себя. Это займет время, но в конце концов она увидит свет и будет подражать всему, что я делала.

Однако недавние события заставили меня понять, каким глупым было это желание. Я не показала, как сильно она обидела меня, когда встала не на мою сторону. Ей нужно было быть дисциплинированной. Я знала это. Но... по какой-то причине мои безжалостные законы поблекли, когда дело дошло до Жасмин. Я не могла причинить ей боль — не тогда, когда ей уже было так больно.

Я не должна была быть такой слабой по отношению к ней. Это останется моим величайшим сожалением.

И Дэниэль.

Ну, отсутствие преданной матери испортило его с самого начала. Он был нуждающимся, ищущим внимания, безрассудным ребенком. Строгость на него не действовала. Шлепки. Ничего. По крайней мере, он боготворил своего отца и был уверен, что тот не станет таким, как Питер или Альфред. Это было его единственной спасительной милостью — это и тот факт, что он был моей кровью и повиновался мне.

И теперь моей прекрасной семье — сыну, за которым я ухаживала, который так мне нравился; внуку, который разочаровал и разрушил все, — теперь придется обходиться без меня.

Мое наследие было долгим. Я гордилась тем, чего достигла.

Я была Хоуком.

Я была рождена, чтобы стать Ястребом, даже если это было только через брак.

Я укрепила нашу родословную. Я точно сыграла свою роль.

И смерть никогда не сможет отнять это у меня.

- Ты!

Кат вскочил на ноги. Его кулаки сжались, и каждый мускул в его теле содрогнулся от ненависти.

Я заставила себя не бежать, когда он пронесся через комнату, покачиваясь и шатаясь. Я напряглась от боли, когда он схватил меня, ударил, вложив свою печаль и ярость в мою плоть.

Страх перед его неизбежной мстостью и последствиями моих действий не позволил бы моим коленям расслабиться, чтобы убежать. Я бы не выглядела слабой, если бы побежала.

Уже нет.

Я забрала две из трех жизней, которые обещала украсть. Возможно, я не достигну всех целей до того, как моя жизнь закончится, но я не откажусь от двух побед.

Кат был сломлен. Я это сделала. Я сломала его. Его власть над Домом Хоуков все еще была сильной и могущественной, но я была кротом под ним. Копалась в фундаментах, грызла опорные балки, грызла все, что ему было дорого.

Уже нет.

Я бы не побежала, потому что бежать было некуда, и я заслужила право смотреть на

своего побежденного врага до того, как он победит меня.

Эти мысли резко оборвались, когда Кат бросился ко мне.

Какой бы вывод ни пришел мне в голову, он, должно быть, заполнил его. Возможно, в том же порядке — знание, что он видел достойного конкурента, а не просто Уивер, — или недавно сформировавшийся план лишить меня всего теперь, когда я лишила его.

Как бы то ни было, он резко остановился, тяжело дыша — как будто не доверял себе, если прикоснется ко мне. Давая время собраться с мыслями и сосредоточиться на стольких новых событиях.

- Ты убила ее.

Я сжала руки в кулаки.

- Я хотела, но не сделала этого.

Его дыхание вырывалось из носа, как драконий дым.

- Ты сделала это. Ты, бл*дь, сделала это!

- Это был сердечный приступ. Ее убило собственное тело.

- Ложь. Точно так же, как ты солгала о Дэниэле. Это была ты.

Мой позвоночник выпрямился, даже когда я вздрогнула от того, что принесет моя правда.

- Я сделала это.

Его кулаки дрожали.

- Ты гребаная сука.

Он хотел ударить меня — это было видно в каждой клетке его тела — но в то же время было что-то еще... Облегчение? Предательская благодарность вместо скорбного горя?

Ненавидел ли он свою мать так же сильно, как и все мы?

Боль в руке придала мне ложной бравады.

- Могу ли я сделать то, чему научилась у тебя? Ты убил двух своих сыновей. Я убила только одного.

Кат опустил подбородок, сердито глядя из-под бровей.

- Они были моими сыновьями. Моими, и я могу делать то, что мне нравится. Они были живы только благодаря мне. Я их создал.

- Возможно, вы и создали жизнь, но они сами создали себя такими, какие они есть.

Он замер как вкопанный.

- Они?

Я сглотнула.

Дерьмо.

- Кестрел тоже, бл*дь, жив?

Он выпучил глаза, так легко игнорируя смерть своей матери.

- Ты хочешь сказать, что я не убивал ни одного из своих детей, и все же ты убила моего младшего, того, кого я обещал сделать своим наследником?

Его голос был хриплым. Воздух был пропитан... сожалением?

Облегчение и сожаление — две очень противоречивые эмоции, которые я никогда не ожидала испытать.

Что это значит?

Отступив назад, я подняла ножницы.

- Я ничего подобного не говорила.

Кат направился ко мне, на этот раз медленнее, как будто не мог осознать такие

богохульные факты.

- Они. Ты сказала, что они. Кто это «они»?

Его взгляд обежал комнату, остановился на открытой двери, на своей мертвой матери.

- Что ты хочешь этим сказать? Где он сейчас? Где, черт возьми, Кестрел, если он не умер с пулей в своем богом забытом сердце?

Кес был кем угодно, только не богом забытым. Возможно, избранный Богом. Защищавшим, присматривавшим за ним и дающим друзей, которые обеспечивали его исцеление и безопасность.

- Ответь мне!

Рука Ката метнулась к поясу на спине, вытаскивая пистолет.

Я замерла, уставившись в черное дуло, ожидая в любой момент вспышки пороха и холодного поцелуя свинца. Я не могла уследить за меняющимися эмоциями Ката.

Был ли это пистолет, из которого он застрелил Джетро и Кеса? У него не было его с собой, когда мы проходили таможенную в аэропорту. Какими нерешенными делами он занимался, когда мы вернулись в Хоуксридж?

Несмотря на то, что я стояла на пороге смерти, я скрывала правду. Джетро оказался в ловушке в Африке и мог выжить только в том случае, если бы я подчинилась приказу и отдал свою жизнь. Я не могу ему помочь. Но я могу бы помочь Кесу, если буду хранить молчание. Кестрел был в безопасности. Я бы не стала болтать о его местонахождении, и я определенно не сказала бы Кату, что обе жизни были спасены благодаря Флоу и Жасмин.

Флоу!

Он на моей стороне.

Робкая дружба, которую мы зародили, когда Кес впустил меня в свои покои в самом начале. Шутки и разговоры, когда Джетро избегал меня после того, как был выплачен Первый Долг.

Может ли он помочь мне сейчас?

Где он сейчас?

Мое сердце бешено колотилось от отчаяния. Даже если бы Флоу был рядом, это не было бы простым делом - звать на помощь. Хоуксридж-холл поглощал людей целиком в своих пещерообразных коридорах.

Он никогда меня не услышит.

Кат внезапно остановился, оставив между нами несколько метров. Его глаза сузились, когда печаль, боль и отвращение отразились на его лице. Рука, держащая пистолет, опустилась так, что дуло угрожало коврику, а не моей жизни.

- Я недооценил тебя, Нила.

Мои легкие быстрее всасывали кислород. Мой позвоночник хотел перевернуться, поддаться внезапному прекращению огня, но я знала, что перемирие не продлится долго.

Его мать только что умерла у него на руках. Его скорбь и ярость боролись за то, чтобы взять на себя ответственность за то, каким будет его следующий шаг. Он был непредсказуем, как пенни в воздухе.

- Это первый комплимент, который ты мне сделал.

Он оглянулся через плечо на остывающее, разлагающееся тело Бонни.

- Эмма была права.

Я вздрогнула.

- Не говори о моей матери. Ты не имеешь права упоминать ее имя.

Его взгляд яростно остановился на мне.

- Я не имею права? У меня есть все гребаные права. Ты думала, я не видел, как она играет со мной? Притворялась, что любит меня, в то время как все это время я знал, что она любит свою несчастную семью, оставшуюся позади. Даже когда она была добра ко мне, она предупредила меня, что произойдет, если Джетро заявит на тебя права.

По моей коже пробежали мурашки.

- Что она сказала?

Как бы сильно я ни ненавидела обсуждать свою мать с Катом, я бы не стала мешать ему делиться своими слабостями. Потому что Эмма определенно была его самой большой слабостью.

Его плечи поникли, когда он провел рукой по лицу. На короткое мгновение он выглядел побежденным. Как будто без Бонни стремление быть худшим, самым презренным повелителем исчезло.

- Она сказала, что ты прикончишь нас.

Ледяная улыбка осветила мое лицо.

- Я думаю, тебе следовало ее послушать.

Его губы растянулись в оскале.

- Хочешь знать, в чем еще она была права?

Атмосфера изменилась. Кат отбросил свою меланхолию, собирая бурю яда, которую он так часто носил в себе.

- Она сказала, что ты украдешь сердце моего старшего сына, и Долг по наследству закончится вместе с твоим поколением.

Я ахнула. Откуда она знала, как сложится будущее? Сколько времени она провела с Джетро, чтобы понять, что моя душа и его душа обретут мир друг с другом?

Кат усмехнулся. Звук прорезал оболочку смерти, быстро проникая сквозь его горе.

- Я бы стер эту самодовольную улыбку с твоего лица, Нила. Потому что это было не все, что она мне сказала.

Бросив пистолет на пол, он сжал руки в кулаки и, оттолкнувшись от толстого ковра, бросился ко мне.

Я пискнула, отступая назад. Я почувствовала резкую боль в своей сломанной руке.

Мои глаза метнулись к двери; мои ноги приготовились рвануться с места.

Но я дала клятву не убегать.

Кроме того, Кат был слишком быстрый.

Его руки обвилились вокруг меня, сжимая в адских объятиях.

- Она также сказала мне, что, хотя ваше поколение будет последним, вы не найдете счастливого будущего. Тебя постигнет та же участь, что и ее.

Я перестала дышать, когда Кат сжал мои щеки.

- Ее судьба всегда была твоей судьбой, Нила. Неважно, что ты сделала, кого ты развратила или сколько заговоров ты спланировала, твоя судьба неизбежна.

Поцеловав кончик моего носа, превратив что-то такое милое во что-то такое злое, он пробормотал:

- Ты отняла у меня, а я отниму у тебя. А теперь пришло время покончить с этим, чтобы я мог исправить причиненный тобой ущерб.

Скользнув пальцами от моих щек к моей руке, он выхватил ножницы и потащил меня из комнаты Бонни. Он оставил свою мать разлагающейся, окруженной бушелями ее любимых

цветов, уже в могиле с цветами.

Без гипса и перевязи моя сломанная рука ныла от боли. Дурман и ощущение дисбаланса играли с моим зрением, пока Кат тащил меня вниз по лестнице.

- Я планировал подарить тебе последнюю ночь удовольствия, Нила. Ты заслужила душ, хорошую еду, хороший трах перед своим последним вздохом. Ты лишила меня не только щедрости за хорошую работу по контрабанде моих алмазов, но и возможности потребовать Третий Долг.

Третий Долг.

В конце концов, мое желание исполнилось.

Разве я не шептала, что предпочла бы заплатить смертью, чем изнасилованием, если бы у меня был выбор?

У меня не было выбора, но был выбран предпочтительный финал.

Моя кожа покрылась липким потом, когда Кат тащил меня по главной артерии дома, мимо комнат, в которых я расслаблялась, укромных уголков, в которых я укрывалась, библиотек, в которых я дремала. Повернув налево, мы столкнулись с братом Блэк Даймонд.

Его кожаная куртка закрипела, когда он резко остановился.

- Кат.

Кат притянул меня ближе.

- Завершены ли последние штрихи?

Брат кивнул.

- Да. Все готово к отправке, согласно вашим инструкциям.

Кат шмыгнул носом, его пальцы крепче сжали мои.

- Хорошо. У меня есть для тебя еще одно задание. Моя мать умерла. Отнесите ее тело в склеп под Холлом. Я разберусь с ее останками, как только день закончится.

Брат послушно кивнул, не в силах скрыть свое внезапное потрясение и любопытство, услышав о Бонни.

- Хорошо...

Кат протопал вперед, затем остановился.

- И еще. Позови Жасмин. Я хочу, чтобы она была там. И остальные члены братства.

Мужчина нахмурился, но снова кивнул.

- Вы правы.

Он пошёл тем же путем, каким пришли мы.

Я извивалась в объятиях Ката, жалея, что он выбросил свой пистолет наверху. Если бы оружие все еще было у него за поясом, я могла бы завладеть им и выстрелить в него в упор. Больше не было необходимости скрываться. Не нужно скрывать мои истинные намерения.

Он моя последняя жертва.

- Куда ты меня ведешь?

Я шла вприпрыжку, чтобы не отстать, стиснув зубы от боли.

Кат улыбнулся, его золотистые глаза были пустыми и жестокими.

- Бальный зал.

Мурашки пробежали у меня по спине.

Бальный зал.

Вместо того, чтобы вызывать в воображении образы пышных нарядов, широких занавесей и сверкающих танцоров, я представила мавзолей, морг... последнее место, которое я когда-либо увижу.

Джетро сказал, что долг будет возвращен в бальном зале.

Несмотря на мое мужество в комнате Бонни, сейчас меня охватил страх.

Долг.

Последний долг...

Мои каблуки впились в пол, сминая старые ковры. Кат просто потащил сильнее, не замедляя шага.

Хоуксридж, казалось, дышал вокруг нас, портреты и гобелены потемнели, когда Кат потащил меня по еще более старым коридорам. Направляясь к большим двойным дверям в том же крыле, что и столовая, он ненадолго остановился, прежде чем другой брат Блэк Даймонд открыл вход.

Я смотрела на надписи и резьбу на дверях, с изображением ястребов, девизы и фамильный герб человека, который собирался хладнокровно убить меня.

Я проходила мимо этой двери бесчисленное количество раз и никогда не останавливалась, чтобы подергать ручку — как будто она до этого момента держала себя в секрете — маскируясь, чтобы оставаться невидимой до Последнего Долга.

Кат стиснул челюсти, когда большая дверь со стоном открылась, будто уставшая от того, что находилось за ней.

Как только дверь открылась, Кат швырнул меня внутрь. Отпустив мою руку, он схватил меня за пригоршню коротких волос и повел в центр комнаты.

Пространство зала было изысканным. Кристаллы, подсвечники и люстры. Вышивка и парча. Деньги эхом отдавались в каждом углу, отгоняя пылинки и доказывая, что сверкающее золото не подвержено потускнению и старению.

Великолепный танцпол соперничал с покрытыми гобеленами стенами и сшитыми вручную занавесками. Глянцевое дерево создавало мотив герба Хоуков, инкрустированного дубом, вишней и ясенем.

Черные бархатные шторы сверкали бриллиантами, вшитыми в ткань, и куда бы я ни посмотрела, эмблема моих похитителей украшала позолоченные панели стен и потолочные наличники.

Нельзя было отрицать ни того, кому принадлежала эта комната, ни того богатства, которое потребовалось для ее приобретения.

- Нравится то, что ты видишь, Уивер?

Кат не останавливался, пока мы неслись к чему-то большому и покрытому черной пленкой посреди пустого пространства.

Здесь не было ни стульев, ни банкетных столов. Только акры паркета, по которому некому было танцевать. Одиночество и эхо жуткости кружились, как невидимые нити.

В этом месте были хорошие и плохие времена. Вино пролилось со смехом, а кровь - со слезами.

Мурашки пробежали по моей коже, как будто я шагнула сквозь завесу времени. Возможность увидеть, как танцуют предыдущие поколения, услышать их мелодичные голоса.

А потом я увидела их.

Кат хмыкнул, когда я резко остановилась, сосредоточившись на портретах, о которых он рассказывал мне в Африке.

Женщины Хоук.

В отличие от столовой с ее переполненными стенами мужчин в белых париках,

меловыми лицами и грубовато-суровыми выражениями, женщины Хоук придавали бальному залу класс.

У них были розовые щеки и красные губы. Их волосы искусно завивались. И их платья развевались под мазками кисти художника, почти как настоящие.

Кат, дай мне посмотреть.

- Красивые, не правда ли?

Я не ответила. Я не могла. Я была ошеломлена прошлым.

Он позволил мне изучить историю его семьи, пока я искала портрет, который привлечет мое внимание. Мне нужно было взглянуть на женщину, которая все это начала.

Я не могла ее найти.

Бонни.

Она нашла меня первой.

Ее картина висела ярко, по-королевски. Она позировала с белым пуделем и охапкой лилий. Ее лицо без морщин и юная жизнерадостность намекали на женщину лет сорока, а не на древнюю девяностооднолетнюю, которая только что умерла.

Мой взгляд поднимался все выше и выше по генеалогическому дереву, на Джоан, Джейн и Бесси.

И, наконец, на самом верху, наблюдая за своим царством и всем, что она помогла создать и завоевать, была Мейбл Хоук.

Темный набросок не был таким сложным в деталях, как остальные. Ее внук, Уильям, мог вспомнить так много, что заказал картину по памяти. Но напряженность ее взгляда была полна души, даже если ее черты не были нарисованы с точностью. Она выглядела как любая другая женщина из ушедшей эпохи. Любая другая мать и бабушка. Ее платье из простого коричневого бархата украшал единственный бриллиант на груди, а скулы переходили в линию волос.

В каком-то смысле она напомнила мне Джетро. Та же мощь независимости и власти.

- Выпей это, моя дорогая.

Кат отпустил мои волосы, проведя пальцами по моему воротнику.

- Эта комната будет последним, что ты когда-либо увидишь.

Я все еще не отвечала. Я так много отняла у него, и я отказалась вернуть это в форме мольбы и слез.

Время шло, но Кат меня не торопил. Я позволила портретам на стене рассказать свою историю, наполняя меня древними реликвиями, гарантируя, что когда придет время преклонить колени и пасть под лезвием гильотины, я буду больше, чем просто девушкой, больше, чем Уивер, больше, чем жертвой Долга по наследству.

Я стану историей.

Я стану частью чего-то гораздо большего, чем я сама.

Комната медленно заполнялась свидетелями. Братья Блэк Даймонд просочились внутрь. Краем глаза я заметил нескольких с окровавленными костяшками пальцев и покрытыми синяками челюстями. Почему они дрались?

Гнетущий призыв из скрытого устройства в бальном зале давил все сильнее и сильнее, чем дольше я его игнорировала. Портреты были изучены, комната тщательно осмотрена — у меня не осталось ничего, что могло бы отвлечь мое внимание от монолитной таинственной вещи.

Кат повернул меня лицом к нему.

- Не хотите ли заглянуть под плащ? - Он натянуто улыбнулся. - Я уверен, что ваше воображение создало версию того, что существовало до вас.

Я выпрямила спину.

- Что бы ты со мной ни сделал, это их не вернет.

Он напрягся.

Тихий скрип колеса нарушил зловонную тишину. Я оглянулась через плечо, когда Жасмин внезапно ворвалась в комнату, быстро скользнув по полированному дереву с испуганным выражением лица.

- Что, черт возьми, ты делаешь?

Кат развернулся, опустив свою руку на мою поясницу. Он не удерживал меня на месте, но я не была идиоткой, чтобы думать, что я не в ловушке и не могу двигаться.

- Я делаю то, что должно быть сделано.

Жасмин подкатилась прямо к коленям Ката. Ее красивое лицо исказилось от недоверия.

- Нет! Это не твоя задача. Это Джет... я имею в виду, Дэниэля.

Кат прищурил глаза, переводя взгляд с меня на неё.

- Бл*ть.

Он пригнулся, грубо схватив дочь за подбородок.

- Ты тоже знала. Ты, бл*дь, все это время знала, что Джетро и Кестрел живы.

Он встряхнул ее.

- Что ты за дочь такая? Какую преданность ты испытываешь по отношению к своей собственной плоти и крови?

Жасмин схватила Ката за запястья, вырвавшись из его рук.

- Моя преданность правильному делу. А это неправильно! Прекрати это. Прямо сейчас.

Кат усмехнулся.

- Ты так многого не знаешь, Джаз, и так многому никогда не научишься. Ты неудачница и больше не гребаный Хоук. Как только я разберусь с Нилой, я разберусь с тобой. Что хорошего в семье, если это та же самая семья, которая делает все возможное, чтобы уничтожить себя?

Щелкнув пальцами, он зарычал на только что прибывшего брата.

Мужчина проскользнул в двери, тяжело дыша, как будто он был на войне, а не выполнял какие-то поручения клуба.

Мои глаза встретились с его. Темные вьющиеся волосы и доброта скрывались под безжалостностью.

Флоу.

Мое сердце подпрыгнуло, надежда расцвела.

У меня было много врагов в этой комнате, но два человека, о которых я заботилась и которым доверяла, могли быть всем, что мне было нужно против Ката.

- Флоу, отведи мою дочь в дальний конец комнаты. Она должна наблюдать с безопасного расстояния и не уходить, понятно?

Флоу взглянул на меня. В его взгляде была загадочность, прежде чем он решительно отвернулся. Ничто в его позе не извинялось и не обещало, что он попытается предотвратить будущее. Он просто кивнул и обхватил руками ручки инвалидного кресла Жасмин.

- Да, сэр.

Флоу...?

Что я сделала, что он стал такой холодный?

Отступив назад, он потащил Жасмин за собой.

Она взвизгнула и нажала на тормоза, оставив большие борозды и следы шин на элегантном полу.

- Нет!

- Не спорьте, мисс Хоук. - Флоу потащил ее быстрее к границе комнаты.

Я не могла поверить, что он бросил меня. Разве он не попытался бы, по крайней мере, побороться за мою жизнь?

Жасмин встретила со мной взглядом, борясь с рывком Флоу, в отчаянии качая головой.

- Нила... Где он? Почему он не прекратит это?

Джетро.

Она имеет в виду Джетро.

Я хотела рассказать ей все, но в этом вопросе было слишком много, и у меня не было сил ответить на него. Ей не нужно было знать, что произошло в Африке. У нее были свои проблемы, с которыми ей предстояло столкнуться, как только я покину этот мир от рук ее отца.

Я покачала головой с грустной улыбкой на губах.

- Мне очень жаль, Джаз. Я пыталась. Мы оба пытались.

Слезы навернулись на ее глаза.

- Нет. Этого не может быть. Я этого не позволю. - Она потянулась за спину, пытаясь ударить Флоу и поцарапать его руки, чтобы он не тащил ее дальше. - Отпусти меня!

Резкими движениями он сердито наклонился и прошипел ей на ухо что-то неразборчивое.

Она замерла.

Флоу воспользовался ее внезапной неподвижностью, чтобы протащить ее остаток пути.

Что он сказал?

Как он мог предать нас?

Мое сердце остановилось. Он предал нас или дал еще одну клятву Кесу и Джетро, о которой я не знаю?

Эти вопросы терзали меня. Проснулся ли Кестрел? Был ли он жив в больнице, ожидая визита своего брата?

Жаль, что я не могу с ним попрощаться.

Мой живот сжался, даже когда я пыталась оставаться сильной.

Как бы я хотела поцеловать Джетро в последний раз.

Кат развернулся, заставляя меня сделать то же самое. Глаза Флоу и Жасмин впились клеймами мне в спину. Два брата бросились вперед, схватившись за концы черного материала, скрывающего аппарат, и смотрели на Ката, ожидая команды.

Он царственно щелкнул пальцами.

- Уберите это!

Их руки собрали полосы материала и потянули. Ткань скользила, как шелк, целуя углы и скользя по поверхностям, медленно открывая то, что, как я знала, существовало все это время.

Способ моей смерти.

Оборудование, которое я надеялась никогда не увидеть.

Не было Джетро, чтобы остановить это.

Не было Кестрела, чтобы это исправить.

Не было Жасмин, чтобы все испортить.

Только я, Кат, и ужасная сверкающая гильотина.

Свет от люстр отражался от глянцевого дерева рамы, подвешивая единственное лезвие, закрепленное в двух деревянных колоннах. Защелка наверху удерживала его на месте, в то время как веревка свисала сбоку, готовая отодвинуть барьер и позволить лезвию выполнить свою задачу.

И там... под плахой, где должна была лежать моя голова, была корзина, которая станет моим последним пристанищем.

Кат поцеловал меня в щеку, обнял за плечи и повел к машине.

- Попрощайся, Нила. Пришло время отдать Последний Долг.

Я будто не спал целый век.

Я проехал тысячи миль. Я участвовал в сотнях сражений. Я прожил миллион жизней за считанные дни.

Мой мозг жаждал отдыха. Мои глаза молили о сне. Но мое сердце неумолимо приближалось к концу.

- Остановись здесь.

Таксист сделал как я просил, остановившись у поросшей травой обочины в нескольких метрах от въезда в Хоуксридж. Как только мы приземлились, я заплатил экипажу за быстрое обслуживание и запрыгнул в такси.

Полет прошел, как и планировалось. Как только я позвонил Тексу, чтобы он собрал свои силы, Флоу, чтобы разобраться с братьями, и Киллу, чтобы он спрятался на территории и наблюдал издали, я сосредоточился на том, чтобы мое тело продолжало подчиняться мне и сила, которая мне понадобится для будущих задач, не подведет.

Я поел и обработал свои раны в туалете самолета. Я залатал свою огнестрельную рану, как мог, и заклеил пластырем порез на лбу. Я попросил летный экипаж дать мне аптечку первой помощи и принял все таблетки, какие мог, чтобы снизить температуру и унять боли, с которыми у меня не было времени справиться.

Когда мы наконец обменяли воздух на землю, я не был готов к бойне, но мне было лучше, чем несколько часов назад.

У меня было достаточно энергии, чтобы закончить это... а потом... потом я бы проспал чертову вечность и позволил другим беспокоиться о мире для разнообразия.

Нила, я иду.

Как только она окажется в моих объятиях, я больше никогда ее не отпущу.

Глядя через лобовое стекло такси, мои глаза расширились при виде бесчисленных автомобилей и внедорожников, украшающих вход в Зал. Все они черные и угрожающие - ждут команд.

Я надеюсь бл*ть это Текс и его люди.

- С вас десять фунтов.

Водитель повернулся на своем сиденье, указывая на счетчик.

Я бросил ему двадцать фунтов, которые капитан дал мне в обмен на еще один бриллиант, и вылез.

- Сдачу оставь себе.

Водитель кивнул, включил передачу и отъехал от обочины. Когда он отъехал, я направился к конвою, вглядываясь в незнакомые мне лица.

Нет, это неправда.

В действительности, я узнал их. Я узнал свирепость в их взгляде. Безжалостный взгляд наемных убийц. Я чувствовал их спокойные мысли и поток эмоциональной приверженности работе, для выполнения которой их наняли.

Мне хотелось схватить их всех в чертовы объятия и горячо поблагодарить за то, что они были на моей стороне.

Вон заметил меня первым.

Брат Нилы обогнул автомобиль, тыча пальцем мне в лицо.

- Ты. Что, черт возьми, происходит?

Его чёрные волосы были покрыты гелем; его глаза были готовы убить меня.

Не дав мне времени ответить, он схватился за правое предплечье.

- Что ты с ней сделал? И почему у меня болит чёртова рука?

Схватив меня за шею, он прорычал:

- Скажи мне, какого хрена ты сделал с моей сестрой!

Его внутренние мысли пугались от страха и волнения.

Я поднял руки, подчиняясь его хватке.

- Тебе не нужно бороться со мной

Я стоял на своем, когда он сжал кулаки, усиливая хватку.

- Я не прикасался к ней. Я люблю ее. Я на твоей стороне, Уивер.

- Отпусти его, Ви.

Текс появился из-за другой машины, одетый во все черное, как и его сын. Они действительно были похожи, в то время как Нила была очень похожа на Эмму. Настоящая семья. Единственное, что было общего у моей семьи, - это безумие и золотые глаза.

Чертова генетика.

Проклятые контракты, долги и жадность.

Вон оскалил зубы, игнорируя своего отца.

- Я задал тебе вопрос, Хоук. Я спросил, что, черт возьми, происходит? Я не спрашивал, на нашей ли ты стороне. Это спорно, и мы примем решение сами, бл*ть, спасибо.

Я опустил руки, мои пальцы чесались в поисках одного из пистолетов, которые были в кобуре у мужчин, медленно окружающих нас. Каждый мужчина держал на своем теле арсенал, полностью снаряженный для боя и не боявшийся огневой мощи или ранений.

Моя спина болела, но я не стал сопротивляться. Я отказался больше сражаться с Уивер.

- Отпусти меня.

- Нет. Не раньше, чем ты заговоришь.

- Мы собираемся покончить с этим.

Мой голос звучал устало для моих ушей, но правда звучала громко.

- Вот что происходит.

Ви затрясся от гнева.

- Где моя сестра?

- В Холле.

- Она в безопасности? - спросил Текс, его стареющее лицо было напряженным, но решительным. В другом мире мне бы понравился отец Нилы. Его внутренние мысли были мягкими и тихими — почти как у Кеса, способного отключать подавляющую ненависть или счастье, живущего посредственной жизнью контролируемых эмоций.

Мои подозрения заключались в том, что он держал свои истинные чувства взаперти, чтобы ему не приходилось ежедневно тонуть в печали и сожалении о потере женщин его семьи.

Удивительно, но я не чувствовал его вины. Он позволил мне взять Нилу без борьбы или ярости. Он должен был бы испытывать некоторый налет стыда за то, что отдал свою дочь, даже если бы его учили делать именно это. В его поражении было нечто большее, чем он показывал. Что-то таилось на задворках его мыслей... окутанное мерцающей гордостью и

торжественным достоинством за то, что он сделал, когда дело касалось Нилы.

Что он сделал?

Вон внезапно отпустил меня, оттолкнув от себя и потирая предплечье.

- Она ранена. Я чувствую ее - всегда чувствовал.

Мои глаза метнулись к нему, оценивая двойную связь, которую он и Нила разделяли больше, чем он знал. Он мог чувствовать ее физически, но я чувствовала ее эмоционально. И он был прав, ей было больно.

Текс тяжело вздохнул, его большие плечи были напряжены. Я сделал пометку спросить его, что он сделал, когда все это закончится. Я хотел узнать его секреты. У меня было такое чувство, что у него были ответы на многие вопросы.

Но сейчас не время.

Нила.

Мы и так уже достаточно заждались.

Она в безопасности? Ты в безопасности, Нила? Пожалуйста, будь осторожна.

Я покачал головой.

- Нам нужно идти. Ты прав, ей больно. Мой отец сломал ей руку, и я не сомневаюсь, что он намерен сделать нечто большее. Вот почему мы должны действовать быстро.

- Что?! - Глаза Ви сузились до щелочек. - Ты заплатишь, Хоук. Я заставлю тебя заплатить за каждую травму, которую Нила получила из-за твоей гребаной семьи.

Мое сердце билось неровно — мой ритм всегда сбивался, когда я сталкивался с такими ошеломляющими эмоциями.

- Я заплачу столько, сколько ты захочешь, Уивер. Но сейчас мы должны работать вместе.

Оглядев машины, я насчитал всего восемь. По крайней мере, по два человека на машину, значит, шестнадцать человек.

Шестнадцать человек, чтобы убить Ката и всех братьев, которые остались верны ему. Мне не нравилась мысль об убийстве членов клуба, которые служили под моим началом в течение многих лет, но, возможно, мне не пришлось бы этого делать, если бы Флоу удалось отделить преданных от предателей.

Я вздернул подбородок, глядя на молчаливых наемников.

- Они работают на тебя?

Текс кивнул.

- Я же сказал тебе, что нанял помощников. Я нашел их до того, как ты пришел забрать Нилу.

Мои ноздри раздулись.

- Раньше?

Если они были у него раньше, почему бы не использовать их, чтобы защитить Нилу от того, чтобы она никогда не попала в мои руки?

Страница 27

Текс сглотнул, отводя взгляд.

- Я имел в виду после того, как ты забрал Нилу. Я собрал армию. Я не позволю тебе забрать еще одного из моих близких, Хоук.

Его промах и внезапная ложь о смене временных рамок не имели смысла. Больше взять

было некого. Нила была первенцем. Мы никогда не преследовали сыновей Уивера.

Так что же он скрывает?

Отбросив любопытство, я кивнул.

- Я знаю. Тебе и не придется.

В поисках главаря, исключая бывших военных и морских пехотинцев по тому, как они держали плечи и оружие, я приказал:

- Кто здесь главный?

Вон подошел ближе, тыча своим раздражающим пальцем мне в грудь.

- Мы, ублюдок.

Я стиснул зубы.

- Хорошо, если ты так хочешь. Как насчет того, чтобы дать им указания о том, как лучше всего проникнуть. Если ты знаешь, где Кат будет держать Нилу и как проникнуть в поместье незамеченным, будь моим гребаным гостем.

Текс прорычал себе под нос.

- Следи за собой. Мы терпим тебя сейчас, но это не значит, что мы согласились быть твоей рабочей группой, когда вы уже и так много взяли. Мы здесь ради Нилы, и это все. Ты меня слышишь?

Я провел рукой по лицу.

- Если ты здесь из-за Нилы, докажи это. Она в беде. Чем дольше мы будем стоять здесь, сравнивая размеры члена, тем больше вероятность, что ей будет нужна помощь.

Разведя руки, я прорычал:

- Тебе решать. Тебе нужны мои знания, чтобы все прошло хорошо, или ты предпочитаешь поступать по-своему и рисковать жизнью Нилы и возможностью оказаться под перекрестным огнем?

Напряжение тлело между нами, страстно желая, чтобы открытое пламя испепелило нас.

Текс посмотрел на Вона. Они вели молчаливый разговор, пока, наконец, Текс тяжело не выдохнул.

- Отлично. Мы согласны сотрудничать.

- Хорошо. - Я скрестил руки на груди. - С этого момента я все контролирую. Я единственный, кто знает, куда идти, как войти и что нам нужно делать.

- Как бы ни так. Я остался в твоём доме ужасов. Я знаю достаточно, чтобы догадаться...

Текс положил руку на плечо сына.

- Хватит, Ви, позволь ему. Я просто хочу вернуть свою дочь, и, если он говорит, что может это сделать, тогда...позволь ему вернуть ее.

Повернувшись лицом к пожилому мужчине в черной шапочке на голове, Текс жестом пригласил его подойти.

- Планы изменились, Дек. Следуйте приказам Хоука. Давайте выдвигаться.

Пока мы шли по поместью, меня обуял страх.

Подъездная дорожка тянулась гребаную вечность, четко вырисовывая нашу черную линию машин. Я просто надеялся, что Кат был занят в другом месте и не смотрел из окон, выходящих на юг, на широкую панораму, когда мы ползли по Хоуксриджу.

Пологие холмы и мягкая грязь мешали, но не замедляли; мы преодолевали расстояние, приближая меня к Ниле, и моему ужасному праву рождения.

Я ехал с главарем, Декланом. Он дал мне свое резюме из нескольких коротких пунктов.

Отставной военный.

Награжден за службу.

Хорошо обученный и квалифицированный, с лучшими людьми, которых можно купить за преданность и деньги.

Сидя с ним, я переживал воспоминания об охоте на животных ради еды и спорта. Для кого-то вроде меня - того, кто испытывал не только человеческие эмоции, но даже эмоции самых низменных существ — я изо всех сил старался охотиться как нормальное, бесчувственное существо.

Кат знал это.

Он заставил меня охотиться до тех пор, пока я не смогу отключить панику жертвы и сосредоточиться на радости хищника.

Это был один из его самых ценных уроков.

Сосредоточься на ястребе, преследующем кролика, а не на кролике, спасающемся бегством.

Сосредоточься на заразной радости собаки, скачущей за оленем, а не на олене, убегающем от смерти.

Эти две параллели были так чертовски трудны для выбора, но я сделал это. Я даже добился такого успеха, что радость хищника заразила меня настолько, что охота стала почти... забавной.

И теперь я был на другой охоте, чтобы причинить боль другим, чтобы почувствовать их боль.

Но я мог это сделать, потому что я был зверем, а не добычей. И я был окружен мужчинами, которые сосредоточились на той же сладкой победе.

Это было все, что мне нужно было знать. Я доверял Деклану и его людям. Я просто надеялся, что их будет достаточно, если Black Diamonds решат сражаться против нас.

Я надеялся на Флоу.

Я не хотел кровопролития. Зал видел достаточно гребаных смертей. Я хотел покончить с террором без его продолжения. Но я был готов к любому сценарию.

Хоуксридж появился перед нами, наблюдая своими впечатляющими башенками и шпилями. Древнее здание было моим домом всю мою жизнь. Эти земли были моим спасением. Животные, моя жизненная сила.

Я вырос, убегая из этого места, но теперь я хотел изменить свое наследие. Я бы правил династией, отличной от той, которую представлял себе Кат, и делал бы это на своих собственных условиях с Нилой рядом со мной.

Указав на служебную дорожку - не заасфальтированную тропинку с сорняками, растущими сквозь гальку, я сказал:

- Следуйте по этой дороге. Она приведёт нас к главному входу. Мы могли бы избежать того, чтобы нас видели еще немного.

Хоуксридж располагался на холме. Он был продуман для военных времен и защиты от врагов, которые могли попытаться свергнуть поместье. Никакой засады быть не могло. Никакой ловушки. Нас бы увидели — это был вопрос времени. Я просто не хотел быть обнаруженным до того, как мы окажемся достаточно близко, чтобы начать атаку.

Где ты, Нила?

Она была с Бонни на третьем этаже?

Была ли она с Катом на четвертом?

Или она уже была в бальном зале на первом этаже, стояла на коленях и собиралась

стать последним пятном в ужасной корзине?

- Жми на газ.

После моего приказа, мы рванули вперед, шины заскрежетали по гравию, заскользили на поворотах и приблизили нас ближе к ожидающему полю битвы.

Я намеренно выбрал путешествие с двумя наемниками, а не с братом или отцом Нилы. Мне нужно было сохранять ясную голову, и я не мог этого сделать, когда эмоции Вона прыгали как камикадзе в его черепе или секреты Текса грызли дыру в моем терпении.

Никто не разговаривал, когда мы остановились у конюшни. На меня накатила волна тоски по дому. Не по Холлу, а по Вингсу. Нахождение рядом с таким количеством людей действовало мне на нервы. Я был то опустошен от сенсорной перегрузки, а в следующий момент я поддавался легкомысленным вещам, думая о том, что мужчины будут делать потом, что они планировали делать.

Люди считали своих собратьев цивилизованными. Только я знал правду.

Они были такими же животными, как и сотни лет назад. Внутренние мысли и невысказанные колкости изображали их мстительными, эгоистичными и сосредоточенными на вещах, которые никогда не следует раскрывать вслух.

Я почти обрадовался, узнав, что я не так ужасен, как боялся. Я был нормальным. Я был человеком. У меня были недостатки, недостатки и страхи, но, несмотря на все это, я старался быть лучше, смелее и храбрее, чем был на самом деле.

И это было то, что заставило добро восторжествовать над злом.

Не так ли?

По крайней мере, я на это надеялся.

Колонна остановилась, и Дек отдал приказ оставить машины позади. Ботинки приземлились на гравий, и двери машины тихо закрылись. Уровни концентрации мужчин добавили в котел эмоций, и я вытер пот, пытаюсь не слушать.

Как только Нила будет в безопасности в Хоуксридж, мне нужно будет побыть одному. Я знал симптомы. Я знал, когда достиг своего предела. Волна тошноты поднялась по моему пищеводу, и мои руки задрожали, когда я обхватил пальцами пистолет, который протянул мне Дек.

Я был на грани.

Переутомление и чрезмерное сочувствие в конечном итоге убьют меня, если я в ближайшее время не убью Ката.

- Пошли.

Я махнул мужчинам, чтобы они выстроились позади меня: черная линия от конюшен к Холлу.

Оставив машины позади, я повел мужчин вверх по холму к дому. Мы как можно больше держались за деревьями, двигаясь короткими волнами. Оружие было обнажено, когда мы поднялись на вершину холма и совершили наш последний спуск.

Я не сказал ни слова, слишком сосредоточенный на поиске слабых мест и точек атаки в доме моей семьи. Я вглядывался в тени, ища Килла и его людей, пытаюсь увидеть, где они спрятались, но никого не заметил.

Чем ближе мы подходили к Холлу, тем сильнее колотилось мое сердце.

Ви и Текс следили за каждым моим движением, и удача скрывала нас достаточно долго, чтобы незаметно подобраться к древней архитектуре и развернуться веером вокруг контрфорсов Хоуксриджа.

Налево или направо?

Я не мог решить.

Крыло столовой или лестница, ведущая в будуары и гостиные?

Ветер завывал над садом, звуча так, словно кто-то кричал.

Я замер; моя голова повернулась в сторону крыла столовой... крыла бального зала.

Шум раздался снова.

Преследующий.

Сокрушающий.

По моей коже пробежал озноб.

Он раздался снова, пронзительный и оборванный.

Это был не ветер.

К черту сюрприз.

К черту организованную засаду.

К черту все.

Нила!

Я поднял пистолет и бросился в атаку.

- Готова умереть, Нила?

Голос Ката причинил мне физическую боль, когда он заставил меня подняться по грубо сделанным ступенькам на деревянный фундамент. Мое сердце разрывалось в грудной клетке.

Жасмин закричала с другого конца комнаты. Ее крик расколол бальный зал на части, слезы окрашивали ее красивые щеки.

- Пожалуйста.

Мои собственные слезы грозили смыть меня, но я хотела оставаться с сухими глазами. Я хотела вспомнить свои последние несколько мгновений в совершенной ясности, а не утопать в слезах.

Кат заломил мне руки за спину; я застонала от боли после перелома. Бечевка обернулась вокруг моих запястий, неестественно согнув предплечье.

- Пожалуйста. Не надо...

Кат развернул меня, положив свои большие руки мне на плечи. Его золотистые глаза светились извинением и в то же время решимостью.

- Тише, Нила. - Его губы коснулись моих, сладкие и мягкие, прежде чем он подвел меня к коленопреклоненной трибуне и крепко прижал. - На колени.

- Нет!

- На колени.

Он ударил меня ногой сзади в колено, нарушив мою устойчивость и заставив меня рухнуть на место. Я вскрикнула, когда боль в моих коленных чашечках сравнялась с болью в руке. Как сломанная игла, я потерял свою остроту, свою борьбу.

Великолепие бального зала насмеялось надо мной, когда я неохотно склонилась к ногам своего палача.

Бархат и вышитые вручную крючки на стенах сверкали, как бриллианты, которые контрабандой вывезли Хоуки, - прямой контраст с грубо распиленным деревом и грубым

мастерством помоста гильотины.

- Не делай этого. Кат... подумай о том, кем ты стал. Ты можешь прекратить это.

Мой голос имитировал мольбу, но я поклялась не умолять. Я видела вещи, понимала вещи и страдала от вещей, которые, как я думала, никогда не смогу вынести. Я была их игрушкой в течение нескольких месяцев, их противником в течение многих лет, их заклятым врагом в течение столетий. Я отказывалась плакать или пресмыкаться. Я бы не доставила ему такого удовольствия.

Я знаю историю Хоуков. Я знаю, что я сильнее их.

- Я хочу жить. Пожалуйста, позволь мне жить.

Он прочистил горло, скрывая любые мысли о нерешительности.

- Через пять минут все это закончится. - Кат наклонился в сторону и взял плетеную корзину.

Плетеная корзина.

Я не хотела думать о том, каким будет её содержимое.

Он положил её с другой стороны деревянного блока.

Мое сердце бешено колотилось, стуча все быстрее и быстрее, пока меня не затошнило от головокружения.

Моим легким требовалось больше кислорода. Мой мозг требовал больше времени. И мое сердце... требовало больше надежды, больше жизни, больше любви.

Я еще не готова.

Не так, не сейчас.

- Кат...

- Нет. Больше никаких разговоров. Не после всего, что ты сделала. Мой сын. Моя мать. Ты думаешь, что украла все, что мне дорого, но я собираюсь украсть у тебя гораздо больше. У Джетро. И когда я узнаю, где Кестрел, то и у него.

Вытащив из кармана черный капюшон, он не колебался. Без лишней помпезности. Без промедления.

- Нет!

Я вскрикнула, когда колючая чернота поглотила мое лицо, затягиваясь веревкой вокруг моего горла.

Плакальщица-Уивер заставила меня похолодеть. Бриллиантовый ошейник, который видел то, что видела я, и шептался с призраками моей убитой семьи, приготовился освободиться от моей шеи.

Это было оно.

Последний Долг.

Кат подтолкнул мои плечи вперед.

Я боролась, желая освободить свои запястья, чтобы найти слабое место в веревке, чтобы освободиться.

Тяжелое ярмо легло на верхнюю часть моего позвоночника.

Нет. Этого не может быть. Этого не может быть!

- До свидания, Нила.

Легкий ветерок от Ката, скользнувшего в сторону, вызвал мурашки на моем затылке. Мое дыхание затуманил капюшон. На моих ресницах блестели непролитые слезы.

Я сгорбилась, напрягаясь от болезненного заключения.

Я не могла освободиться.

Я не могла спасти себя.

Я проиграла.

Ботинки Ката захрустели по платформе, мягкий звон веревки и блока сигнализировал о том, что он потянулся, чтобы освободить лезвие.

Я ждала его последнего урока истории.

Конечно, мне следовало бы провести урок истории.

Все долги выполнены. Он не мог забыть театральность долга. Его история продлила бы мою жизнь еще немного.

Но слов не последовало.

Только мое дыхание...

Мое сердце бьется...

Мои слезы падают...

Мое тело доживает свои последние секунды...

Я мертва.

Я замерла, ожидая смерти.

В моих ушах раздался громкий хлопок.

На мгновение мне показалось, что я умерла.

Мысленно я увидела, как дернулась веревка. Я почувствовала острие.

Я ждала какого-то мистического избавления, когда моя душа вырвется на свободу, отрастив крылья, чтобы парить над моим обезглавленным телом.

Я была в подвешенном состоянии, ожидая боли или свободы.

Но ни то, ни другое не пришло.

Это и есть смерть?

Как это?

Чего мне следует ожидать?

Неужели лезвие пронзит меня насквозь и превратит из живой в мертвую? Узнаю ли я, когда это произойдет? Стану ли я свидетелем конца и почувствую ли агонию, когда моя душа вырвется на свободу?

Или все закончится так быстро, что я даже не узнаю, что он лишил меня жизни?

Я напряглась.

Ничего...

Я мертва?

Ничего не произошло.

Затем все чувства ожили. Капюшон все еще закрывал мою голову. Ярмо все еще давило мне на плечи. И жгучий перелом в моей руке все еще пульсировал.

Все мои неудобства вернулись вместе с шумом.

Так много, много шума.

Оглушительный шум.

Выстрелы сотрясли воздух, когда шаги застучали по деревянному полу бального зала. Мужчины закричали. Все грохотало и лязгало, и какофония сменила пустую тишину.

Проклятия. Слова. Обещания. Все они были прерваны, когда вокруг меня вспыхнула драка.

Я не могла видеть, но я могла чувствовать.

Свист ветра, когда мимо пролетали тела. Вздрагивание пуль, пролетающих слишком близко к моей коже. И рука Ката на моей голове, когда он кричал, чтобы все это

прекратилось.

- Черные бриллианты! Атакуйте!

Еще ботинки. Снова проклятия. Еще пули.

Спасибо, спасибо, спасибо.

Мои последние надежды оправдались, мои молитвы были услышаны.

Помощь подоспела в последнюю секунду.

Кто там был?

Кто сражался за меня?

Мои глаза умоляли увидеть. Мое тело изогнулось, чтобы узнать. Но пальцы Ката впились в капюшон, прижимая мое горло к дереву, и хомут туго обхватил мои плечи.

Вместо того чтобы умереть, я попала в зону боевых действий, где мое зрение не могло рассказать мне историю.

Я съезжилась у ног Ката, мой позвоночник скрючился, а колени были в синяках под гильотиной, только и ждущей, чтобы покончить со мной.

Мое сердце стучало в горле, я боялась, что шальная пуля перережет веревку и уронит лезвие, чтобы разрезать мою нежную плоть.

Я была жива, но как долго еще?

Насколько безрассудным был бой?

Как они могли предотвратить непредвиденное событие, которое убило бы меня, пока они пытались спасти меня?

- Бл*ть.

Кат не переставал прикасаться ко мне, его пальцы впились в кожу моей головы, пока вокруг царила анархия.

- Туда, хватай его!

У меня не было возможности судить о времени, но бой стал только свирепей. Больше выстрелов, больше глухих ударов, когда падали тела и кулаки соприкасались с плотью.

В ушах у меня зазвенело от выстрелов. Мои мысли задыхались от насилия и хаоса.

Ворчание и проклятия отражались от портретов и бархата, меняя судьбу бального зала от танцевального легкомыслия к кровавой жестокости.

Стой.

Спаси меня.

Не убивай меня.

Постепенно проклятия сменились стонами.

Бой мог длиться часы или секунды. Единственное, что я знала с уверенностью, это то, что я цеплялась за эту жизнь — ту, которую я не хотела покидать.

Наконец, голос незнакомца заглушил все остальное.

- Ты проиграл, Хоук. Отойди от веревки, если хочешь остаться в живых и не встретиться со своим создателем.

Этот голос... Я не узнала его.

Дрожь сковала мои мышцы.

Кат все еще может убить меня.

Битва закончилась, но моя жизнь тоже могла закончиться.

Я не могла дышать.

Одну секунду.

Две.

Три.

Шаги вперед, щелчок пули, вошедшей в спусковой патронник, был единственным звуком во внезапно воцарившейся тишине бального зала.

- Отпусти ее, Кат.

Этот голос я действительно узнала. Я бы узнала его где угодно.

Его.

Я задрожала от любви.

Я заплакала от благодарности.

Он пришел за мной.

Он спас меня.

Джетро.

- Никогда. Опустите оружие, или я вытащу. Я сделаю это, Джет. Ты же знаешь, что я так и сделаю.

Другой голос, который я обожала, присоединился к голосу моего возлюбленного.

- Ты сделаешь это, и я буду стрелять в тебя столько раз, пока не сделаю столько дырок, что даже черви не захотят тебя.

Мой отец.

- И, если он выстрелит в тебя, я пристрелю вас троих. Тебя, бл*дь, разорвут на куски.

Мой близнец.

В их голосах пульсировало варварство, которого я никогда раньше не слышала.

Трое мужчин, которые, как я думала, никогда не могут оказаться в одной комнате, не говоря уже о том, чтобы сражаться на одной стороне. Как все изменилось с той ночи в Милане.

Страница 28

Я так сильно хотела остаться в живых. Броситься в объятия Джетро, поцеловать моего отца и прикоснуться к моему близнецу. Но никто не двигался, пока я оставалась в ловушке гильотины.

Надежда терпела поражение.

Кат все еще мог так легко убить меня, и никто не смог бы его остановить. Если бы они застрелили его, а он держал веревку в руке, гильотина упала бы. Если бы он решил покончить с собой и умереть рядом со мной, никто не смог бы помешать ему выпустить лезвие.

Только последний клочок порядочности, оставшийся в Ката, мог помешать ему совершить немислимое и лишить меня будущего, которого я так отчаянно хотела.

Сделай что-нибудь.

Я не знала, что именно. В голове у меня было пусто.

Поиграй с ним...

Кат пригласил меня в свой дом, у него были моменты вежливости, нормальности — он был человеком, несмотря на свои дьявольские привычки. Возможно... возможно, был какой-то способ заставить его выслушать.

Я прошептала сквозь капюшон:

- Я прощаю тебя.

Это прозвучало снисходительно и принужденно.

Старайся усерднее.

- Я прощаю тебя за все, что ты сделал. Что ты сделал с Эммой, со мной, со своими детьми. Я прощаю тебя. Позволь мне жить и покончить с историей долгов.

Джетро втянул в себя воздух.

Больше никто не произнес ни слова.

Все зависело от связи между мной и Катом.

Я съежилась под лезвием... ожидая его решения. За последние несколько месяцев мы научились понимать друг друга. Я знала, что он по-своему любил своих детей. И он знал, что я не сдамся без боя.

Между нами была ненависть, но и уважение тоже.

Если бы только это уважение спасло мне жизнь.

Вся комната замерла, наблюдая, как разворачивается история.

Шаркали ноги, оружие извергало густо пахнущий дым от использованного пороха, но никто не двигался.

Я боялась худшего.

Я предложила свое прощение, идя против всего, что хотела сказать. Я променяла свою собственную мораль на право сохранить свою жизнь. Но что, если этого было недостаточно?

- Кат...

Я вздохнула.

- Не позволяй ей победить.

Блок лязгнул, когда Кат вздрогнул. Мне не нужно было смотреть ему в глаза, чтобы понять, что я попала в точку. Наблюдение за тем, как Бонни, научило меня кое-чему. Она была причиной всего психотического и аморального поведения в своей семье. Это она довела своих детей до безумия. Она была семенем, прорастающим такими демоническими лепестками.

И теперь она была мертва.

- Тебе больше не нужно ей подчиняться, - мой голос прозвучал наполовину как молитва, наполовину как мольба. - Освободи меня. Покончи с этим.

И снова тишина опустилась, как удушающая подушка.

Никто не пошевелился.

Тепло тела Ката обожгло мое бедро, пока он стоял, просто стоял. Обдумывая.

Затем... наконец... снова раздался звон веревки и механизма, только на этот раз я этого не испугалась. Нога Ката толкнула меня, когда он закреплял веревку, остановив лезвие и мою смерть.

Я не дышала, когда он присел на корточки рядом со мной.

Я не вздрогнула, когда его руки опустились мне на плечи, расстегивая хомут и помогая мне подняться на ноги.

Я не издала ни звука, когда его пальцы развязали веревку вокруг моих запястий, и схватили горсть волос, когда он одним движением сорвал капюшон.

Я не сделала ничего такого, что заставило бы его пожалеть о своем смелом решении.

Он спас меня, зная, что сам обречен.

Было ли это искуплением? Было ли этого достаточно, чтобы освободиться от всего, что он сделал?

Я задрожала, когда черный материал больше не мешал мне видеть, моргая, пока мои глаза привыкали к свету.

Кат не улыбнулся и не поморщился, он просто смотрел.

Мне нужно было немного времени, чтобы оценить, насколько я была близка к смерти. Посмотреть в лицо моему потенциальному убийце и поблагодарить его за то, что он пощадил меня.

Но в тот момент, когда наши взгляды встретились, Джетро ворвался на трибуну и заломил руки Ката за спину.

Брайан не сказал ни слова, подчиняясь своему сыну.

Я оставалась заключённой в этот момент, читая так много в глазах Ката, но ничего не понимая. Потирая горло и чувствуя призрачный порез на шее, я кивнула.

- Спасибо.

Кат пожал плечами в ответ на все вопросы, которые я хотела задать, прежде чем позволить своему старшему сыну стащить его с лестницы и бросить под контроль моего отца.

В ту минуту, когда Кат отвернулся, мое внимание переключилось на пространство вокруг меня.

Я ахнула.

Нетронутый бальный зал превратился в зону боевых действий. Пролитая кровь и поколеченные люди украшали красивый пол. Мужчины, одетые в черное, и братья Блэк Даймонд стонали и держались за свои многочисленные раны.

Что, черт возьми, произошло?

Кто были эти люди?

Флоу вышел вперед вместе с Жасмин рядом с ним. Он натянуто улыбнулся мне, когда Джетро схватил меня за плечи.

- Ты в порядке?

Я вздрогнула, впитывая его.

Была ли я в шоке? Может быть это всё не по-настоящему?

Я не могла понять, как спокойно я приняла то, что вот-вот умру, а теперь... нет. Мне была дарована вторая жизнь... И все, что я смогла сделать, это ошеломленно кивнуть и моргнуть в ступоре.

- Бл*дь, Нила.

Джетро прижал меня к себе. Моя сломанная рука ныла, но мне было все равно. Все, что меня волновало, - это он.

Я обняла его в ответ, сжимая так сильно, как только могла.

- Ты здесь.

- Я здесь.

- Ты спас меня.

- Ты спасла меня первой.

- Я люблю тебя.

- Я люблю тебя больше.

- Все кончено.

Он отстранился, целуя мои губы с нежнейшим трепетом.

- Это правда?

Джетро улыбнулся.

- Да.

Мое сердце затрепетало, и впервые я поверила в это.

Последний Долг никогда не будет выплачен.

Ястребы проиграли.

Ткачи были свободны.

Долг по наследству никогда не потребует еще одной жертвы.

- Нет, в последний раз говорю, ты не идешь. - Я оттолкнул Нилу в сторону. - Тебя не будет рядом, когда я сделаю то, что должно быть сделано”.

Ее рот открылся, чтобы возразить, здоровая рука прижимала сломанную.

- Но...

- Никаких "но". Ты не идешь. Неважно, что ты скажешь. Ты. Не. Идешь.

Частичка прежнего меня — придурка, который забрал ее в ту первую ночь, — вернулась. Эта скорлупа уже давно разбилась, но она быстро восстановилась.

И я позволил этому случиться.

Я позволил этому случиться, потому что то, что я собирался сделать, проверило бы каждый дюйм моего состояния. Это убило бы меня так же сильно, как и Ката, потому что я почувствовал бы все, через что прошел бы мой отец. Я не смог бы ни заглушить его эмоциональные крики, ни заставить себя не обращать внимания на его мысли.

Я был бы с ним при каждом ударе плетью.

Нила попыталась схватить меня за руку.

- Джет...

Увернувшись от ее хватки, я ткнул пальцем ей в лицо.

- Нет, Нила. Ты должна остаться. Послушайся хоть раз. Не заставляй меня просить снова.

- Ты не просишь, ты говоришь.

- Черт возьми.

Я с трудом сглотнул, проводя рукой по волосам. Я не спал несколько дней, все мое тело болело, а разум едва функционировал после стольких смертей и агонии в бальном зале. Видеть ее на коленях с капюшоном на лице и гильотиной над головой — это чертовски покалечило меня.

Я причинил бы боль стольким людям ради нее. Я носил их души, как знаки бесполезной чести. И все же она все еще спорила.

Я не могу этого сделать.

Но я должен.

Теперь я не мог колебаться. Не тогда, когда конец был так близок.

Все, что я хотел сделать, это затащить Нилу в ее комнату, позаботиться о ее руке и заснуть. Я хотел, чтобы сегодняшний день закончился, для того, чтобы завтрашний мог изгнать прошлое.

Но я не мог.

У меня были дела, и я бы не стал — как бы она, бл*дь, ни спорила — позволять Ниле быть частью их.

Я посмотрел на свою сестру, когда она подъехала ближе. Мои глаза уловили два сообщения: Помоги и не спорь.

Мой голос звучал так, словно я курил десятилетиями.

- Отведи Нилу в ее комнату.

Жасмин слегка кивнула, лучше всех понимая, что я собирался сделать и почему я должен был это сделать. Ее пальцы скользнули вокруг неповрежденного запястья Нилы.

Нила дернулась, пытаясь освободиться.

- Что? Ни за что.

Сумев стряхнуть Жасмин, она положила одну руку на бедро, а другую опустила на талию.

Ее взгляд метался между мной и Катом.

- Он того не стоит. Разве ты не видишь этого? Он не стоит того, что ты собираешься...

Я схватил ее за щеки, потирая большими пальцами ее лицо.

- Нила... тише. Мне нужно, чтобы ты позволила мне это сделать.

На ее глазах выступили слезы. Бриллиантовый ошейник сверкал в свете люстр.

Я заставил себя скрыть свои нервы, успокаивая ее доверительным шепотом.

- Не проси меня остановиться. Это то, что мне нужно сделать, чтобы исправить мою семью и твою — нашу историю.

Слезы текли по моим большим пальцам, пока она боролась с моим решением.

- Но...

- Нет никаких «но», Иголочка.

Глядя на Ката, я ожесточил свое сердце по отношению к нему. В конце концов, он поступил правильно. Он позволил ей уйти. Ничто не мешало ему убить Нилу у меня на глазах. Только его порядочность и давняя привязанность к Эмме.

Когда Нила простила его, я был уверен, что он нажмет на рычаг. Он никогда не умел принимать благотворительность.

Но на этот раз он пошел против действий человека, который вырастил меня и стал героем. Он заслужил частицу уважения за этот отважный поступок.

Но он также заслуживал того, чтобы заплатить очень болезненную цену за каждый грех, который он совершил.

Такова была его судьба.

И это была моя судьба.

Нила прижалась щекой к моей ладони, ее кожа была теплой под моим прикосновением.

- Кайт...я...

Я понимал ее запутанные мысли.

- Я знаю. - Мой голос был вздохом, когда я поцеловал ее. - Я понимаю твой страх, но ты должна доверять мне.

Сколько раз я просил ее доверять мне, только чтобы разрушить доверие, которое она мне оказала?

На этот раз я не разобью его вдребезги.

Я знал, что делаю.

Не так ли?

Ониксовые глаза Нилы горели бунтом, и я приготовился к еще одному спору. Я чувствовал, что она просто хотела поддержать меня. Чтобы я опирался на нее, когда делал что-то настолько отвратительное. Но я не хотел опираться на нее. Я должен был сделать это ради себя, своих братьев и сестры, своего прошлого и настоящего.

Я не мог допустить ее туда, потому что не знал, смогу ли я исполнить наказание, которого он заслуживал. Я не знал, сломаюсь ли я, рассыплюсь и подчинюсь его власти, как делал всю свою жизнь.

Это было бы моим самым большим испытанием. Но я бы, бл*дь, постарался изо всех сил, чтобы заставить Ката заплатить.

Убрав руки со щек Нилы, я отступил назад.

- Просто доверься мне, хорошо?

Люди вокруг проверяли раненых. Флоу принес свое медицинское оборудование и применил свои знания в области лечения, чтобы помочь тем, кто нуждался в немедленной помощи. Я доверил ему организовать помощь и доставить в больницу тех, кому требовалось больше, чем он был способен.

Киллиан прошел через это ради меня. Он ждал снаружи бального зала, куда вошли Текс, Ви и наша команда наемников. Он держал свой пистолет на прицеле и нажал бы на спусковой крючок, если бы мы не прибыли в тот самый момент.

Он спас бы Нилу без кровопролития, но, поступив так, он лишил бы меня права заставить моего отца заплатить. Это было рискованно - врываться и давать Кату возможность убить Нилу прямо у меня на глазах, но Кат не знал всего, что я сделал.

Он ошибся.

В Африке я почувствовал, как он слегка оттаял. И сегодня, когда мы ворвались и принесли смерть по пятам, я почувствовал его... облегчение. Как будто он ожидал, что я появлюсь, и был рад, что все закончилось.

Я не мог этого понять. Но он больше не мог скрывать это. Он, наконец, показал правду о том, как он устал. Как мы все устали.

Всю мою жизнь он был властным ублюдком с недостижимыми идеалами и строгими правилами. Я продолжал верить, что мы ему никогда не нравились, не говоря уже о том, чтобы любить нас. Но в нем было нечто большее. Что-то, на чем я никогда не позволял себе сосредоточиться, так как это только запутывало мои выводы о моем отце.

Но теперь я это почувствовал. В моем отце было много ненависти, и он делал много безжалостных просьб, но он также испытывал сострадание и чувство вины.

И это чувство вины становилось все более и более доминирующим, чем дольше Нила жила с нами.

Это была еще одна причина, по которой я хотел остаться с ним наедине. Я хотел посмотреть ему в глаза, отбросить свою защиту и по-настоящему раскрыть отцу его секреты, чтобы я мог понять его впервые в своей жизни.

И именно поэтому я не знал, смогу ли я сделать то, чего он заслуживал. Потому что, что, если я найду его секреты, это искупит его вину? Что, если я почувствую что-то, что изменит двадцать девять лет веры в ложь?

- Джетро... - голос Нилы отвлек меня от мыслей и усталости.

Я хотел спать.

Скоро я смогу заснуть.

Ущипнув себя за переносицу, я глубоко вдохнул. Держи себя в руках. Еще несколько часов, и я буду свободен. Мы все будем чертовски свободны, и я смогу спокойно отдохнуть впервые с тех пор, как себя помню.

Как только все это закончится, я навещу своего брата. Я скажу ему, что обо всем позаботился и можно безопасно возвращаться домой.

Я так чертовски сильно скучал по нему.

Пора возвращаться, братишка.

Пришло время показать ему, что я прикрываю его спину, как он прикрывал мою всю

мою жизнь.

- Кайт... Я действительно доверяю тебе. Но тебе нужно отдохнуть. - Пальцы Нилы легли на мою руку. - Пожалуйста, что бы ты ни собирался сделать, это уже съедает тебя заживо.

Указывая на Ката, которого держал Килл, она пробормотала:

- Ты победил. С Долгом по наследству покончено. Пусть с ним разбираются власти.

Я мрачно усмехнулся.

- Власти? Нила, власти принадлежат нам. Никто не посмел бы давать показания или сажать его в тюрьму. Если ты хочешь справедливости, это единственный способ.

Обхватив ее подбородок, я смахнул кусочек хлопка с капюшона с ее кожи.

- Поверь мне, когда я говорю, что это то, что должно произойти. Не пытайся снова остановить меня.

Нила опустила взгляд. Ее сердце бешено колотилось, эмоции бурлили, как горячие источники под Холлом, но она повиновалась мне. Она отступила назад, давая мне свободу уйти.

Я вздохнул, мысленно поблагодарив ее.

Кат не сказал ни слова — не то чтобы он мог. В ту минуту, когда он подчинился, я вернул ему вонючий прогорклый кляп и заклеил рот скотчем. Его ноздри раздувались, белые волосы каскадом падали на лоб в беспорядке.

Дэниэль был мертв. Бонни скоро будет. Кат будет следующим, его время истекает.

Нила отступила назад, когда Жасмин подъехала ближе ко мне и схватила меня за руку.

- Я не буду пытаться остановить тебя, но не думай, что ты должен...

- Не начинай, Джаз.

- Я только беспокоюсь о том, что...

Я холодно рассмеялся.

- Что это сделает со мной? Джаз, ты сама знаешь, что произойдет, если я этого не сделаю. Я никогда себе этого не прощу. Он доставил достаточно страданий тем, кого мы любим. Тебе не кажется, что ему пора попробовать свое собственное лекарство?

Килл не сказал ни слова, крепче сжимая моего отца.

Нила прикусила губу, глядя на Жасмин сверху вниз и ожидая ее ответа.

Джаз напряженно сидела в своем кресле. Я позволил своему состоянию усилиться, выделяя ее в толпе. Она испытывала тот же страх, что и Нила. Страх, что я никогда не стану прежним, если сделаю это. Страх, что это будет вечно преследовать меня.

Возможно, так оно и было, но я был в долгу. Перед шахтерами, которые помогли освободить меня. Перед теми, кто прикрывал мне спину. Перед Тексом, чтобы отомстить за смерть его жены. Перед всеми, кто причастен к Долгу по наследству.

Я делал это не для себя. Я делал это для них. И это была жертва, на которую я был готов пойти.

Джаз мягко улыбнулась, когда мои глаза встретились с ее. Ее эмоции успокоились, растворившись в одном единственном призыве: заверши.

Я кивнул, давая ей понять, что понял ее вывод.

- Спасибо.

Она поправила одеяло на своих бесполезных ногах. Ногах, которые были платой за меня. Инвалидность, данная нашим отцом, который теперь будет отвечать за свои преступления.

Сегодня была ночь, когда все закончится.

Жизнь Ката в его ужасном царствовании.

Джаз тоже кивнула. Безмолвно давая мне разрешение и силу. Ее глаза сузились, когда она посмотрела на Ката.

- Я пыталась быть той дочерью, которую ты хотел, но я никогда не была достаточно хороша. Я надеюсь, что одна эта мысль будет преследовать тебя вечно.

Грудь Ката вздымалась от притока воздуха, в его взгляде светилось раскаяние.

Она не простила его, как это сделала Нила. Она слишком много страдала от его рук, чтобы быть такой самоотверженной.

Ее смена страха за меня и жажда возмездия пропитали ее насквозь. Она хотела, чтобы я это сделал. Она убеждала меня сделать это.

Достаточно хорошо для меня.

Кат сглотнул, его лицо сияло, наполняясь словами, адресованными его дочери. Буря эмоций, исходившая от него, душила меня, и я обдумывал, не вынуть ли кляп, чтобы он мог попроситься с Жасмин.

Однако моя сестра решила за меня. Ее кулаки обхватили колеса, отталкиваясь назад и освобождая место для Киллиана, чтобы двигаться вперед.

- Убери его, - прошипел ее голос. - Я больше не хочу его видеть.

Схватив Нилу за руку, она удержала ее на месте, когда Килл рванулся вперед, направляясь к выходу.

Взгляд Нилы встретился с моим. Я послал безмолвное сообщение. Ты понимаешь, почему?

Ее губы скривились, но она кивнула. Да.

- Я найду тебя, когда все будет сделано.

Повернувшись спиной к семье Нилы и комнате, я прошел мимо Килла и щелкнул пальцами, чтобы он следовал за мной.

Я не остановился, чтобы дать указания. Я знал, что он подчинится. Какая бы иерархия ни существовала, мы были на равных. Килл знал условия, когда пришел мне на помощь. Я отплачу ему за его помощь. Я выполню соглашение, которое мы заключили.

Кроме того, его задача была почти выполнена.

В то время как моя только начинается.

Покидая комнату мужчин, я глубоко вздохнул. Кислород помог очистить мою систему от мыслей и боли. Я сделал все возможное, чтобы не обращать на него внимания, но я не мог полностью игнорировать его.

Страница 29

Мы были связаны друг с другом до самого конца. Кровь к крови. Боль к боли. Не было бы возможности отделить мой разум от его, пока он не умрет.

- Джетро... - Нила бросилась в погоню, следуя за нами к выходу, оставив гильотину позади.

Я развернулся как раз вовремя, чтобы она бросилась в мои объятия. Ее черные волосы блестели, как вороново крыло. Послеполуденное солнце дразнило нас после темноты, которая была в бальном зале.

Килл продолжал идти вперед, уводя Ката. Мои руки крепко обхватили ее, хотя мне хотелось оттолкнуть ее.

Ее грудь поднималась и опускалась, она обнимала меня одной рукой, а другая болезненно болталась рядом.

- Пожалуйста, Кайт... Просто остановись на минутку и...

- Нила, ты обещала.

- Я знаю, но... - Ее глаза встретились с моими, блестя от злых слез. - Я не собираюсь тебя останавливать. Я понимаю. Я действительно хочу. Я просто. Мне нужно было... мне нужно...

Мое сердце переполнилось, и я схватил ее. Мой лоб коснулся ее лба, когда я склонился над ней.

- Я знаю, что тебе нужно.

Мой рот завладел ее ртом, и она вздохнула, растаяла, подчинившись моему поцелую. Ее язык мгновенно встретился с моим в клубке горячего желания, вызывая удовольствие, боль и неоспоримую страсть.

Этот поцелуй стёр тот последний, который мы разделили в шахте, когда ее утащили. Тот поцелуй был прощанием. Этот поцелуй был приветствием. Признание того, что скоро нам не придется бояться завтрашнего дня. Что будущее больше не наш враг, а наш друг. Мы сможем быть вместе. Наше обещание пожениться сбудется. Наши сердцебиения неисчислимы теперь, когда мы победили.

Отстранившись, я поцеловал кончик ее носа, веки, волосы.

- Я скоро вернусь.

Она выгнулась в моих объятиях, с нежностью прикасаясь к моим шершавым щекам.

- Я буду ждать тебя.

- Я знаю.

Выскользнув из моих объятий, ее взгляд скользнул мимо меня, в сторону Ката.

- Ты не против?

Я напрягся, но не остановил ее.

- Во что бы то ни стало.

Если это позволит ей успокоиться, то кто я такой, чтобы мешать ей попрощаться? Кат не представлял угрозы. Даже если бы он не был связан, с кляпом во рту и не удерживался Киллом, он бы не убежал. Я знал, что он смирился со своей судьбой и будет стоять царственно и вызывающе до конца.

Его почти королевская осанка на мгновение заставила меня гордиться им. Горжусь тем, что я происходил из такого сильного рода, даже если безумие текло в его жилах. Если бы мое состояние помешало мне унаследовать его стремление к совершенству, независимо от того, какие грехи он совершил, тогда я был бы рад.

Я не был похож на свою семью.

Я был уникален.

Я был собой.

И я никогда не был так чертовски благодарен.

Нила подошла к Кату, ее босые ноги утопали в высокой траве. Килл ничего не сказал, когда она остановилась перед моим отцом. Ветер трепал ее волосы.

- Я уже говорила, что прощаю тебя.

Кат пошевелился, перекатывая плечи в хватке Килла.

- Я здесь не для того, чтобы забрать свое прощение обратно. Я даже не знаю, почему я здесь. - Она потеряла лицо, пытаясь сосредоточиться. - Наверное, я хотела сказать...что я

благодарна. Твои преступления настигли тебя... и я здесь, чтобы увидеть это.

Ее голос понизился, когда она снова подняла глаза.

- Я здесь, чтобы увидеть тебя в последний раз. Знать, что ты просто человек. Что ты делал то, что считал правильным, но теперь тебе придется заплатить. Мы все должны платить, Кат. В этом мире нет ничего бесплатного, и ты забрал у моей семьи достаточно, чтобы с этого момента мы заплатили по счетам и заслужили счастье. Я не буду праздновать твою смерть. Я не буду думать о тебе с ненавистью или жестокостью. Но я буду свободна от тебя, и я буду счастлива, что тебя больше нет рядом, чтобы терроризировать мою семью.

Шаркая ногами, она мягко улыбнулась.

- Да смилуется Господь над твоей душой, Брайан Хоук, и да обретешь ты искупление во всем, что тебя ожидает.

Взглянув на меня в последний раз, она направилась обратно в Холл.

Ви и Текс обняли ее, поцеловали, а затем отпустили.

У выхода появился Флоу, подбежал к Ниле, и, обняв ее за плечи, присоединился к ее семье. Его действия не вызывали ревности; во всяком случае, это давало покой, зная, что о ней будут заботиться и защищать, пока меня не будет.

- Спасибо, Флоу, - мой голос донесся с легким ветром до брата Черного Алмаза. Я не знал, сколько продолжалась война до нашего прибытия, но ему удалось завербовать более трех четвертей братьев, чтобы сражаться на нашей стороне.

Он небрежно отсалютовал мне.

- Нет проблем.

Ви охранял ее, пока Текс с любовью смотрел на своих детей.

Ослабив свою хватку, Флоу отпустил ее плечи и взял за руку.

- Я отведу ее в ее свою комнату и прослежу, чтобы она была накормлена и отдохнула. Не беспокойся о ней.

Я благодарно улыбнулся.

Нила не сказала ни слова, пока Флоу вел ее вокруг Хоуксриджа, ведя к другому входу и избегая бального зала. Текс и Ви последовали за ним, вытирая окровавленные руки по своим черным брюкам.

Я никогда не узнаю, была ли преданность Флоу вызвана тем, что он доверял мне, или его крепкой дружбой с Кесом. В любом случае, он был хорошим человеком. И его сегодняшние действия предотвратили еще больше смертей, и он помог раненым, используя свои знания и навыки в медицине.

Повернувшись спиной к Холлу, я двинулся рядом с Киллом, когда он подтолкнул Кат вперед, уводя нас подальше от любопытных глаз.

Мы не разговаривали, пока пересекали лужайку, обходили сарай для технического обслуживания, где Кат сказал мне когда-то, что пришло время для Второго Долга, и вошли в лес.

Наши ботинки хрустели по упавшим веткам, когда мы продвигались все глубже в темноту леса.

- Ты уверен, что хочешь это сделать, Хоук?

Голос Килла привлек мое внимание. Он ударил кулаком по затылку, толкая его вперед. Двое из людей Килла окружили нас, появившись из-за деревьев, откуда они наблюдали за Холлом.

Я оценил поддержку, но мне не нужна была аудитория. Как только мы прибудем в

пункт назначения, я отошлю их прочь.

Мне нужно было побыть в одиночестве.

Глядя на Килла, я кивнул.

- Я знаю, что мне придется заплатить, чтобы получить возмездие. Но да, я уверен.

Килл ухмыльнулся.

- Когда настанет день, когда я смогу отомстить своему собственному отцу, я приму это.

Меня не волнует, как трудно будет убить свою плоть и кровь или насколько я буду испорчен после этого. Я тебя полностью понимаю.

Я не ответил. У меня не было для этого причин. Он жил в таком же затруднительном положении, и его одобрение помогло укрепить мою решимость.

В общем братстве мы пробирались по звериным тропам и через поляны, продвигаясь все глубже в лес.

Пристройка, которую я выбрал, находилась дальше всего от Холла. Она была спрятана — наедине со своими ужасными тайнами. Место, куда я никогда не мог бы войти после того, что случилось с Жасмин, независимо от того, что Кат сделал со мной в детстве. Независимо от угроз. Невзирая на проклятия и боль. Я больше никогда не ступал в камеру пыток, бойкотируя ее ненавистные воспоминания.

Наша одежда была испещрена трафаретами из листьев, меняя солнечный свет на тени, по мере того как мы забирались все глубже и глубже. Пристройка приютилась в лесу — целиком поглощенная деревьями, делающими все возможное, чтобы стереть ужасные злодеяния.

Мы продолжали двигаться.

Кат не сопротивлялся, его дыхание было громким и неровным из-за кляпа.

Новые мерцающие галлюцинации разрушили мое зрение. Листья танцевали, на мгновение превращаясь в волков. Папоротник захрустел, превращаясь в барсуков.

Черт возьми, мне нужно отдохнуть.

Моя рука потянулась к боку. Лихорадка, которая была у меня с тех пор, как я отправился в Африку, не прошла и не усилилась. Во всяком случае, это давало обостренное ощущение всего, затуманивая внешние влияния, позволяя мне полностью сосредоточиться на том, чего я хотел. То, что мне было нужно. Но за это пришлось заплатить определенную цену. Цену увядающей энергии и здоровья.

Скоро.

Скоро я смогу отдохнуть.

Пробравшись сквозь последние заросли, мы вошли в небольшую лощину.

Здание казалось высоким и древним. Двухэтажный дом, с дубами и соснами, окружающими его в своей мрачной клетке. Двойные двери сарая оставались запертыми на большой висячий замок.

Ключ был спрятан.

- Подождите здесь.

Оставив мужчин, я нырнул в лес и стал искать нужное мне дерево. Кат забрал меня в ту ночь, когда рассказал о моем подарке на день рождения и наследстве Нилы. Он провел меня сквозь тьму, наполняя мою голову рассказами о том, что произойдет, и как он гордился тем, что скоро я покажу ему, насколько я достоин, и, наконец, займу место, для которого я был рожден.

Мои глаза всматривались в зеленый мрак.

Где это?

Это заняло больше времени, чем я хотел, но, наконец, мои напряженные глаза заметили символ алмаза и очертания крыльев ястреба, сигнализирующие о том, что я нашел то, что искал.

Поднявшись на несколько футов по грубой коре, используя узловатые корни и ветви, я нашел узел, оставшийся после того, как ветка отвалилась, и потянулся внутрь за пакетом. Спрыгнув вниз, я расстегнул застежку и бросил ключ на ладонь.

Сжав его в кулак, я развернулся на каблуках и протопал из кустов мимо Ката, Килла и его людей к хрупким дверям сарая.

Мое дыхание стало прерывистым, когда я вставил ключ в потускневший висячий замок.

Механизм повернулся так же плавно, как в тот день, когда был куплен замок, двери заскрипели на своей раме, когда я толкнул одну перегородку. В нос ударила вонь дохлых грызунов и гниющей листвы, смешанная с застарелой пылью.

Загородив вход своим телом, я повернулся лицом к Киллу.

Байкер вышел вперед, подтолкнув моего отца.

Я протянул ему руку.

- Отдай его мне.

- Ты уверен?

- Очень уверен. Я хочу побыть один для следующей части.

Килл прошел мимо моего отца, не сказав больше ни слова. Он не пытался отговорить меня от этого. У него не было никаких обязательств напоминать мне, что это было убийство, а не месть. Что я стану таким же плохим, как те, кого я ненавижу, если пройду через это.

Килл не был моим братом или моей совестью. Он сделал все, что ему было нужно. Его обязательства были выполнены.

Кат не сопротивлялся, когда я сомкнул пальцы на его связанных запястьях. Однако его глаза горели золотистой яростью. Его эмоции хлынули наружу, захлестывая ненавистью и убийственной яростью.

- Мы закончили? - спросил Килл, скрестив руки на своей кожаной куртке. - Ты будешь в порядке со своими людьми или тебе нужна поддержка?

Затолкав Ката в сарай, я провел рукой по волосам.

- Нет. Это всё. Ваша задача выполнена. Ты можешь вернуться домой, и я позабочусь о том, чтобы отплатить тебе за услугу, когда тебе это понадобится.

Протянув мне руку, Килл пожал ее.

- Мы подождем, пока ты не закончишь. Я расставлю своих людей на опушке леса, на всякий случай. Как только они узнают, что вы закончили, они уйдут. - Он склонил голову набок, разглядывая здание. - Сколько времени тебе понадобится?

В его голове было много вопросов, на которые он не получил бы ответов. Что ты будешь делать? Что там внутри? Как он умрет?

Я сглотнул, страшась того, что повлечет за собой эта ночь.

- До темноты. Я закончу до темноты.

Килл ухмыльнулся.

- Шесть часов, значит. - Удаляясь, его большие ботинки оставили вмятины в мягком лесу. - Приятно иметь с тобой дело, Хоук. Я сомневаюсь, что мы снова увидимся лицом к лицу, но мы будем поддерживать связь.

Мы собрались вместе для взаимного продвижения, а теперь разойдемся в разные

стороны. Это было к лучшему.

Я подождал, пока Килл и его люди исчезнут с поляны, прежде чем повернуться спиной и войти в сарай.

В тот момент, когда я обменял деревья на могилу, я потерял все сходство с тем, кем я был.

Я оставил позади свою человечность.

Я вырвал Нилу из своего сердца.

Я стал чертовым льдом, как научил меня отец.

Это убило бы меня.

Но это должно было быть сделано.

Я шагнул в темноту и приготовился убивать.

- Он не сможет жить в мире с самим собой.

Жасмин покачала головой, поворачиваясь ко мне.

- Он сможет.

Я втянула воздух, глядя в окно. То самое окно, через которое хищная птица доставила записку Джетро, чтобы встретиться со мной в конюшне.

Боже, неужели это было всего несколько дней назад?

Казалось, что прошла целая жизнь.

Я умоляла пернатого посланника сейчас сказать мне, что все сделано, закончено; что Джетро вернется ко мне, и ничто не сможет разлучить нас.

Колеса Жасмин прошелестели по толстому ковру моей комнаты. Мягкий пузырь аквариума и нежное тиканье часов - все это действовало мне на нервы.

Вскочив с матраса, я прошлась по большой комнате. На каждой поверхности были разбросаны наполовину сшитые предметы одежды, нацарапанные рисунки и наспех вырезанная ткань.

- Нила, остановись. Ты измотана. - Жасмин остановилась у шезлонга, прищурив глаза от моего бешеного хождения. - Сядь, ради Бога.

Я сверкнула глазами, не повинуясь.

Флоу сделал то, что сказал Джетро. Ви и Текс ушли со служанками в свободные комнаты для гостей, а Флоу тихо отвел меня обратно в мои покои. Он принес целый банкет из фруктов, закусок и богатой витаминами пищи и вызвал слугу, чтобы тот помог мне обработать синяки.

Я хотела отказаться от еды, зная, что Джетро был так же слаб, как и я. Я хотела отказаться от душа, потому что почему я должна успокаиваться, когда Джетро предстояло выдержать такое испытание?

Но Флоу не позволил мне спорить.

Он скрестил руки на груди и стоял в моей комнате, пока я смывала африканскую грязь и вытирала пот от боли в сломанной руке. Из всех сил пытаюсь умыться, я была неохотно благодарна милой улыбающейся горничной, которая помогла мне вытереться пушистым полотенцем и одеть меня в черную рубашку, которую я носила, когда заживали мокнущие струпья на моей спине от Первого Долга.

Пар и тепло от душа помогли облегчить мои боли и травмы, вызвав сонливость.

К тому времени, когда я вернулась в свою комнату, у Флоу было множество пластырей, марли и теплой воды - точно так же, как в Африке. Он подтащил меня к скамейке, отодвинул в сторону мои иглы и кружева и приказал мне поесть, пока он осторожно ощупывал мой перелом, убедился, что моя рука находится в правильном положении.

Я хотела задать ему вопросы о его жизни. Узнать, как он стал контрабандистом, когда было очевидно, что его истинное призвание - исцелять. Но как только первый глоток вкусной еды коснулся моего языка, я не могла перестать есть.

И именно поэтому я не переставала ходить, хотя моя рука все еще болела, колени все еще дрожали, а глаза все еще горели от непролитых слез. Я не могла усидеть на месте. Я была на грани смерти, а теперь я была жива, с полным животом и долгожданным обезболивающим.

Что было у Джетро?

Ничего.

Никого.

Там, один, он собирается совершить немыслимое.

Развернувшись, я сердито посмотрела на Жасмин.

- Он эмпат, Джаз. Как, черт возьми, он думает, что заставит Ката заплатить, не чувствуя всего, что он с ним делает? Какую бы боль он ни причинил, она вернется бумерангом и причинит ему боль в равной мере.

Схватившись за свои влажные волосы, я пропустила их между пальцев. Мне хотелось потянуть за концы и найти хоть какое-то облегчение от быстро нарастающего давления отчаяния.

Жасмин тихо вздохнула.

- Я рано поняла, что Джетро упрям, особенно когда он считает, что поступает правильно.

- Но он поступает неправильно! Он собирается убить...

Ее губы сжались.

- А это неправильно? Скажи мне, Нила. Сколько позора, смерти и долгов моя семья должна сделать твоей, чтобы все было правильно?

Она указала на закрытую дверь.

- Держу пари, если бы я нашла Текса и Вона и спросила их, что они думают о правосудии Ката, они бы танцевали от радости.

Я бросилась к ней. Из-за перевязи моя сломанная рука плотно прижималась к телу, позволяя мне свободно жестикулировать другой.

- Я не буду лгать и говорить, что не хочу, чтобы Кат заплатил. Это не то, о чем я беспокоюсь. Я беспокоюсь о том, что это сделает с Джетро. Что, если это изменит его? Что, если он не сможет стереть...

Джаз наклонилась вперед, схватив меня за руку.

- Нила, заткнись.

Сжимая мои пальцы, ее гнев сверкал в ее взгляде.

- Это не от тебя зависит. Если Кайту нужно это сделать — если он верит, что у него есть для этого силы, то это его призвание. Он ждал почти тридцать лет, чтобы пожать то, что посеял его отец. Ни ты, ни я, ни кто-либо другой не вправе вмешиваться.

Я ненавидела то, что в ее словах был смысл.

Мои глаза снова вернулись к окну. Мое негодование и беспокойство выплеснулись из

меня, заглушив желание побежать за Джетро и остановить его. Моя любовь к нему вылетела в окно, улетев туда, где он был.

- Я просто...

Моя голова опустилась, когда я изо всех сил пыталась сформулировать то, что меня действительно беспокоило.

- Я люблю его, Джаз. Я так чертовски сильно его люблю. Мне страшно думать, что я только что заслужила его, и он может бросить меня. Как я могу ему помочь, если он вернется сломленным? Как я могу собрать воедино будущее, которого так отчаянно хочу, если он помнит только смерть и агонию?

Жасмин притянула меня ближе, заставляя сесть на шезлонг.

- Не мучай себя всякими "если", Нила. - Ее голос смягчился. - Он сможет жить с самим собой, и я скажу тебе, почему. Ты не знаешь, каково было жить здесь с самого рождения. Ты не знаешь, какие игры разума мы пережили и с какими невысказанными угрозами нас воспитывали.

Указывая на свои бесполезные ноги, она грустно улыбнулась.

- У меня есть ежедневное напоминание о том, каким было наше детство. И Джетро... каждый раз, когда он смотрит на меня, он тоже вспоминает. Я пытаюсь скрыть свои внутренние мысли, когда он рядом, потому что не хочу, чтобы он знал, как сильно я скучаю по прогулкам. Как сильно я скучаю по бегу и верховой езде и даже по роскоши покинуть поместье и пойти в магазин, чтобы просмотреть вещи на полках, которые находятся на высоте глаз, а не недоступны со стула.

Мое сердце разбилось из-за нее.

Я схватила ее за руку здоровой рукой, возвращая поддержку, которую она только что оказала мне.

Несмотря на все заверения Жасмин, что Джетро выдержит то, что он собирался сделать, я ей не поверила. Его сочувствие означало бы, что все, что он делал для себя, для своей сестры, для меня, отразилось бы рикошетом.

Страница 30

Я не могла смириться с мыслью о том, сколько сил это отнимет. Сколько мужества, чтобы что-то сделать, зная, что ты будешь чувствовать каждый дюйм на своём теле.

- Я знаю, что он должен это сделать, Джаз. Я просто хотела бы... я хотела бы быть там с ним. Чтобы дать ему еще одну эмоцию, на которой можно сосредоточиться. Чувствовать любовь, даже утопая в боли.

Джаз заправила волосы за ухо.

- Мой брат знает, что делает. Он вспомнит, как блокировать это. Он вспомнит, каково это было, когда Кат преподавал ему все эти уроки.

Мое сердце замерло.

Что, если он не помнит, как блокировать это?

Какая судьба может быть хуже? Помнить или нет?

Мои пальцы крепче сжали руку Жасмин.

- Пожалуйста, скажи мне, что он вернется.

Джаз села повыше на своем стуле и поцеловала меня в щеку.

- Он вернется. И когда он это сделает, все будет кончено.

- Для всех нас.

- Ты действительно думаешь, что я поверю, что ты сможешь это сделать?

Кат плюнул мне под ноги в тот момент, когда я вытащил кляп.

- Давай, Джетро. Мы оба знаем, что в тебе этого нет.

Я не ответил.

Оставив его связанным, я направился к главной достопримечательности в комнате.

Точно так же, как гильотина покоилась на почетном месте в бальном зале, мучительное устройство находилось в этом. Грязно-серые простыни покрывали аппарат, выглядевший отчасти фантомом, отчасти древней реликвией.

Кат пошевелился, зашуршав джинсами.

- Джет, я все еще твой отец. Все еще твой начальник. Прекрати эту гребаную чушь и развяжи меня.

И снова я не ответил.

Чем дольше я сосредотачивался на том, что нужно было сделать, тем больше вспоминал уроки своего детства.

Тишина страшнее криков.

Плавность более ужасна, чем резкие движения.

Ключом к тому, чтобы бояться, было оставаться спокойным, собранным, чтобы жертва верила, что у нее есть шанс на искупление, только для того, чтобы сделать свой последний вдох с надеждой, все еще светящейся в сердце.

Он научил меня этому.

Мой отец.

Именно благодаря ему я построил вокруг себя оболочку и показал внешнему миру, что я сильный и невозмутимый. В то время как внутренне я сгорал от хаоса.

Сжав материал в кулаке, я сдернул его. Волна изъеденной молью ткани взметнулась, как крылья, и элегантно опустилась на пол. Пыль ударила мне в легкие, сухие листья закружились в вихре, а песок защипал глаза. Но я не кашлянул и не моргнул.

Я не мог оторвать глаз от орудия моего детства.

Вешалка.

Мои пальцы дрожали, когда я гладил потертое дерево. Кожаные пряжки, запятнанные моей кровью. Отпечатки моих каблучков, когда я брыкался, брыкался и брыкался.

- Нет!

- Прекрати свое гребаное нытье, Джетро.

- Папа, прекрати. Я не сделал ничего плохого.

Кат не слушал.

- Ты сделал не так.

Его пальцы оставили синяки на моих лодыжках, когда он затягивал пряжки. Я пинался, изо всех сил стараясь не дать толстой коже сковать меня, но это было бесполезно. Точно так же, как бесполезно было пытаться остановить его, связывающего мои руки над головой.

Я был здесь не в первый раз и не в последний.

Но я так сильно хотел, чтобы мне наконец стало лучше, чтобы ему не пришлось причинять мне боль.

Мое десятилетнее сердце билось о грудную клетку.

- Я этого не делал. Я ничего не могу с этим поделать. Ты же знаешь, я ничего не могу с этим поделать.

Сделав еще одну петлю, он похлопал меня по колену и подошел к моему лицу.

- Я знаю, но это не оправдание.

Я лежал горизонтально, глядя на своего отца снизу вверх. Его темные волосы с каждым годом становились все белее. Его кожаная куртка пропахла долгими поездками и тяжелыми экскурсиями.

- Разве я не был снисходителен последние несколько месяцев? Я пытался помочь тебе более добрыми средствами. Но с тобой это не работает. - Его лицо исказилось от любви и недоверия. - Джет, ты прыгнул перед моим пистолетом. О чем, черт возьми, ты думал?"

- Ты собирался выстрелить в него!

- Да, это еда.

- Нет, это олень, и он почувствовал страх.

Я извивался, желая, чтобы он понял агонию охоты, наблюдая, как животное замечает ружье, чувствуя, что оно понимает намерения моего отца и ощущает, что оно вот-вот умрет. Животные были разумны, сверхразумны. Они знали. Они чувствовали — то же, что и мы.

- Разве ты не чувствуешь их, папа? Разве ты не видишь, как это страшно для них?

- Сколько раз мне нужно повторять тебе это, сынок? - Его пальцы схватили меня за щеки. - Животные существуют для того, чтобы мы их ели. Мы все одноразовые и на нас можно охотиться, если мы не будем сопротивляться. К черту их страх. К черту их панику, - его голос пропитался гневом. - Ты. Ты... Мой... Сын. Ты заблокируешь это. Ты не поставишь меня в неловкое положение.

Отчетливый удар его руки по рычагу заставил кровь заструиться по моим венам.

- Хорошо, я остановлюсь. Я не это имел в виду. Я больше не буду этого делать. Я не хочу быть вегетарианцем. Я буду охотиться. Я убью. Просто не надо...

- Слишком поздно, Джет. Время для твоего урока.

Рычаг повернулся, кожа натянулась, и боль стала невыносимой...

Воспоминание закончилось, швырнув меня в настоящее. Мое сердце забилося так же быстро, как и тогда, заставляя меня задыхаться от паники.

Только воспоминание.

Зачем я вернулся сюда? Почему я не выбрал место попроще?

Потому что именно здесь все началось. Это должно закончиться здесь.

Мой лоб покрылся потом, когда я уставился на стойку. Я потерял счет, сколько раз я подвергался его связываниям. Кат оставлял меня на несколько часов, чтобы подумать о том, что я сделал, и все это время мои суставы трещали.

Конечно, до того дня, когда он привел Жасмин, чтобы она преподавала мне урок.

Мы были просто детьми. Доверчивые, доверчивые дети.

Ублюдок.

Развернувшись, я подошел к отцу и схватил его за руку.

- Даже сейчас ты смотришь на меня так, словно я тебя разочаровываю. Я чувствую тебя, отец. Ты действительно думаешь, что у меня не хватит сил сделать это.

Прижавшись лицом к его лицу, я прорычал:

- Ну, ты ошибаешься. Я сделаю это из-за того, что ты сделал со мной. Нила, возможно, и

простила бы тебя, но я этого не сделаю. Я не могу. Пока ты не заплатишь.

Кат расправил плечи. Его связанные руки не могли причинить мне вреда, но это не помешало ему попытаться заговорить.

- Ты всегда был слабаком, Кайт. Но если ты отпустишь меня, я сохраню твоё наследство. В твой день рождения я дам тебе то, что ты хочешь. Я отдам тебе все.

Я стиснул челюсти, толкая отца к деревянной стойке.

- Мне не нужны твои деньги.

Он споткнулся.

- Это не мои деньги. Это твое. Я был просто хранителем сейфа, пока ты не достиг совершеннолетия.

- Чушь собачья.

Я перерезал веревку вокруг его запястий — ту же самую веревку, которая была обернута вокруг запястий Нилы — и толкнул его назад.

Он хрюкнул, когда его спина врезалась в стойку, его одежда смахнула пыль с дерева. Он попытался оттолкнуться, но я оттолкнул его. Он потерял равновесие и растянулся на хитроумном устройстве.

Не раздумывая, я накинул петлю веревки, которую только что снял с его запястий, ему на шею и перешел на другую сторону платформы размером с односпальную кровать. Бечевка зацепилась за его подбородок, заставляя его выгнуться назад, удерживая его прижатым и задыхающимся.

Его пальцы боролись с заточением, гневные проклятия готовы были сорваться с его губ.

Я не дал ему возможности заговорить. Я потянул сильнее.

Чем сильнее я тянул, тем сильнее становились его эмоции. Я мог игнорировать их... пока.

- Ничто из того, что ты говоришь, не может спасти тебя, старик. Я многому научился у тебя за эти годы. Давай посмотрим, как много я помню.

- Подожди... — пробормотал Кат, когда я привязал веревку к крюку ниже края, удерживая его шею задушенной. Он неловко лежал, свесив ноги в сторону. Обойдя его спереди, я схватил его за колени и толкнул его тело на стол.

Он не мог остановить меня, слишком сосредоточенный на борьбе с веревкой, чтобы дышать.

Как только его тело оказалось в нужном положении, я схватил его размахивающие руки. Сжав его правую руку, я прижал её к дереву над его головой, обернул кожу вокруг его запястья и крепко закрепил.

- Нет, подожди! - Его голос хрипел, пальцы вцепились в горло.

Он продолжал тяжело дышать, пока я молчал, двигаясь вдоль стола, чтобы захватить его правую ногу. Кожа стала жесткой от возраста и крови, но мне удалось обернуть ее вокруг его лодыжки, отодвинув джинсы в сторону и туго застегнув.

- Джетро, остановись.

Я не подчинился.

Я осторожно переместился на левую сторону стола. Его левая нога попыталась лягнуться, когда я ударил его коленом о стол. Я боролся с ним, чтобы застегнуть ремень. Я задыхался от напряжения, но победил.

Я был слаб. Уставший.

И все же у меня было достаточно сил, чтобы подчинить его.

Наши взгляды встретились, когда я обошел стол, потянувшись к его левой руке.

- Не надо.

Его глаза расширились, когда я с силой убрал его пальцы с шеи, бесцеремонно ударив по дереву над его головой. Склонившись над ним, его грудь поднималась и опускалась, когда я обмотала кожу вокруг его запястья и закончил последнюю привязку.

Он был полностью в моей власти.

- Все еще думаешь, что во мне этого нет?

Я посмотрел на него сверху вниз, немного жалея его. Когда я был моложе, я всегда надеялся, что он будет снисходителен и отпустит меня. Я слепо верил, что он мой отец и не причинит мне слишком большой боли.

Но Кат знал обратное. Он вспомнил, что сделал со мной. Он вспомнил каждый крик и мольбу. Теперь была его очередь.

Я погладил его по щеке.

Его губы приобрели фиолетовый оттенок, когда он набрал полные легкие воздуха.

- Джетро... черт возьми, подчиняйся мне и...

- Я никогда больше не буду тебе повиняться.

Желая, чтобы он оставался в сознании для будущих событий, я убрал веревку с крюка у основания стола и снял ее с его горла.

Он ахнул, втягивая воздух, в то время как сердитая красная линия испортила его покрытую щетиной шею.

Оставив его отдышаться, я подошел к столу под грязным окном. Никакого отражения или взгляда со стороны внешнего мира не было заметно. Панель с возрастом стала мутной, стирая все, кроме нас и того, что должно было произойти.

Эмоции Ката накапливались до тех пор, пока не стали угрожать затмить мои собственные. Он не был напуган — пока нет. Он все еще верил, что я не смогу этого сделать.

Я докажу, что ты ошибаешься.

Схватив угол еще одной пыльной простыни, я сорвал ее, открыв длинный стол с отвратительными инструментами.

Мое сердце сжалось, когда мой взгляд упал на каждый инструмент. Большинство из них было использовано против меня. Но несколько из них были использованы на Жасмин.

Я вздрогнул, закрыв глаза от наплыва воспоминаний.

- Нет, оставь ее в покое!

Кат не подчинился. Он закончил связывать руки Жасмин, прежде чем повернуться и посмотреть на меня. Кожа впилась в мои запястья и лодыжки, привязывая меня к столу. Он переключил стол с горизонтального положения на вертикальное. Я висел, как распятый.

Я бы все увидел. Я бы все почувствовал. Я бы не смог ничего остановить.

Бронзовые глаза Жасмин встретились с моими, ее двенадцатилетнее лицо светилось горем.

- Не надо. Пожалуйста, не надо.

Я боролся со слезами.

Кат подошел к столу, чтобы схватить крошечное лезвие.

- Видя, что причинение тебе боли не научит тебя отключаться от своего состояния, я придумал идею получше.

Его ботинки стучали по полу сарая, когда он шагал обратно к своей дочери.

Я боролся. Черт, я боролся. Стойка застонала, когда я навалился всем своим весом на пряжки.

- Не прикасайся к ней.

Джаз. Моя младшая сестра.

Подняв Жасмин на ноги, Кат обнял ее за плечи. Ее изящные черные туфли больше не были блестящими лакированными, а стали пыльными и потертыми. Я помню тот день, когда она получила эти туфли. Мама подарила их ей только за то, что она была самой милой маленькой девочкой.

- У тебя есть сила остановить это, Джетро. - Лезвие коснулось плеча Жасмин, разрезав ее красивое голубое платье, обнажив кусочек кожи. - Все, что тебе нужно сделать, это сосредоточиться на моих мыслях, а не на ее.

Он провел лезвием по ее плоти, не достаточно сильно, чтобы порезать, но достаточно сильно, чтобы заставить ее вздрогнуть.

Она прикусила губу. Жасмин молчала. Когда мы играли, она смеялась и шутила, но когда ей было страшно или она попадала в беду, она замолкала. Ничто не могло заставить ее заговорить. Ни угроза ножа, ни мои мольбы о ее свободе. Она стояла в объятиях отца и не говорила ни слова.

Но, черт возьми, ее мысли говорили так много. Они кричали, чтобы я помог ей. Они ненавидели меня, потому что я не мог. Она боролась с любовью к нему и ненавистью к его действиям. Она смяла меня, как кусок мусора, не давая мне никакой надежды сосредоточиться на чем-то другом.

Кат снова вонзил нож, только на этот раз чуть глубже.

Жасмин вздрогнула и дернулась, извиваясь в его руках.

- Остановись. Не делай этого снова. Я понял. Я больше не слушаю ее. Я чувствую только то, что и ты.

Ложь. Все это ложь. Но правда втянула меня в эту передрыгу, может быть, ложь сможет вытащить меня из нее.

Кат склонил голову набок.

- О чем я тогда думаю, мальчик?

Мои руки сжались в кулаки. Мысли Жасмин одолели меня. Я не мог его слышать. Я не хотел его слышать.

Итак, я наврал.

- Тебе нравится власть над ней. Тебе нравится знать, что ты создал ее, но можешь забрать ее жизнь так же легко.

В тот момент мне казалось, что мне больше четырнадцати. Поверит ли он мне?

На мгновение мне показалось, что он так и сделает.

Затем реальность развеяла эту надежду.

- Ошибаешься, Джет. - Кат снова воспользовался ножом. На этот раз... он прорезал кожу. Слезы брызнули из глаз Жасмин, но она все еще не закричала. - Я ненавижу это. Я ненавижу так поступать со своими детьми. И я ненавижу тебя за то, что ты заставляешь меня это делать.

Мои пальцы задели лезвие, которым он пользовался, потускневшее и брошенное на стол. Я мог бы порезать его. Я мог заставить его почувствовать то, что чувствовала Жасмин. Но у меня была идея получше.

Тяжело дыша, я схватил большую дубинку. Похожую на дубинку, которую обычно носили полицейские, но эта была толще, тяжелее, готовая сломать конечности и превратить кости в мякоть.

Я повернулся лицом к отцу. Он лежал ничком на дыбе, его глаза были широко раскрыты, белые волосы казались снежной копной в мрачном сарае.

- Помнишь это?

Он сглотнул.

- Я помню, какой ты был гребаной «киской», когда я использовал ее.

Воспоминания пытались взять меня в заложники, когда он избивал меня, наносил мне синяки — учил меня урок за уроком.

- Будет справедливо, если ты поймешь, почему я кричал, тебе не кажется?

Кат сглотнул.

- Ты все время знал, что мне не нравилось то, что я делал. Я сделал это, чтобы попытаться спасти тебя от самого себя. Вы были моими детьми. Разве я, как твой отец, не имел права использовать свою плоть и кровь, чтобы помочь своему первенцу?

Я покачал головой.

- Использование и злоупотребление - это два совершенно разных слова.

Он усмехнулся.

- И все же их разделяет так мало.

Моя грудь болела от дыхания, бок горел от лихорадки. Я хотел, чтобы это закончилось. Я взял на себя обязательство заставить его заплатить, но я не хотел затягивать это.

Я хотел закончить это.

Я хотел Нилу.

Я хотел забыть.

- Это не имеет значения. Ты все равно был неправ, сделав то, что сделал. - Шагнув к нему, я поднес дубинку к его лицу. - Посмотри на это и скажи мне, что ты чувствуешь. Не заставляй меня работать ради твоих ответов, Кат. Хоть раз в своей богом забытой жизни скажи мне правду.

Его козлиная бородка дернулась, когда он уткнулся подбородком в шею, отталкиваясь от оружия.

- Ты знаешь меня, Джетро. Ты знаешь, что я люблю тебя.

- Чушь собачья. Попробуй еще раз.

Он оскалил зубы.

- Это не чушь собачья. Я действительно люблю тебя. Когда Нила вернулась в Лондон и ты принял лекарство, я так чертовски гордился тобой. Никогда не был так горд. У меня был сын, которым я всегда знал тебя. Способный, смелый, достойный наследник всего, что я построил.

- Я всегда был таким, отец. Даже будучи мальчиком, я делал все возможное, чтобы ты это понял.

Дерево заскрипело, когда он затягивал пряжки.

- Но это было омрачено твоим состоянием. Это сделало тебя слабым. Это сделало тебя восприимчивым. Мне нужен был кто-то сильный, не только для того, чтобы заботиться о моем наследии, но и для защиты твоей будущей семьи. Было ли так неправильно с моей стороны хотеть дать тебе жизненные навыки, необходимые для того, чтобы бороться с тем, кто ты есть?

- Кто я есть? - Я подавился циничным смехом. - То, что я есть, ничто по сравнению с тем, что ты есть. Ты говоришь о жизненных навыках и превращении меня в мужчину. Я называю это инвалидизацией вашей дочери, эмоциональным калечением вашего сына и разрывом на части единственных людей, которые любили бы вас безоговорочно.

Кат открыл рот, чтобы ответить, но ничего не сказал.

Он уставился на меня, и единственное, что я надеялся не произойдет, сбылось.

Его эмоциональная ярость иссякла, смешавшись с нервозностью из-за того, что я был прав. Что он поступил неправильно. Что каким-то образом... он был плохим.

Стиснув челюсть, моя рука яростно взметнулась назад.

- Нет, ты не должен думать об этом. Не после того, что ты сделал.

Дубинка просвистела в воздухе, ударив его по бедру с тошнотворной силой. Тяжелый удар и оглушительный афтершок заставили мою лихорадку подняться до невыносимых высот, а тошноту схватить за горло.

Кат взревел, его тело дергалось в пряжках, он корчился.

Находясь на противоположном конце сцены, с которой я был так хорошо знаком, у меня скрутило живот.

Его агония захлестнула меня. Разрушающееся здравомыслие. Злоба внутри него уступила место страху. Меня чуть не вырвало. Я хотел порезаться, чтобы сосредоточиться на своей боли, а не на его. Мне хотелось убежать.

Но я не мог.

Если бы я достаточно сильно постарался, я мог бы отключить свое состояние. Я мог бы вернуться к тому, чему он меня научил. Но не сегодня. Я был обязан ему этим. Я был обязан себе этим. Вместе мы очистили бы все, чем я был. Всех, кому мы причинили бы боль.

- Больно, не так ли?

Я ударил снова, на этот раз по другому его бедру. Джинсовая ткань его джинсов немного защищала его, но его крик бумерангом разнесся по всему пространству.

Кислый привкус наполнил мой рот, когда ненависть к себе поселилась в моем сердце. Я ненавидел это чувство, когда его боль означала, что я не мог наслаждаться ею. Я не мог оценить его силу, когда доставил дозу его собственного лекарства, наконец продемонстрировав, каким ужасным он был.

Страница 31

Его дыхание сбилось, когда боль пронзила его тело. Я ударил недостаточно сильно, чтобы сломать кости, но достаточно, чтобы поставить адский синяк.

Обойдя стол, я погладил черную дубинку. Тяжелая резина была плотной и угрожающей. Спасения не будет.

- Что ты мне однажды сказал? Что я могу плакать и кричать так громко, как захочу, и никто нас не услышит...?

Его глаза загорелись, встретившись с моими. На его лбу выступил пот. Его руки боролись с пряжками, а колени дрожали от адреналина.

- Ответь мне.

Я ударил его в грудь. Боковая часть дубинки с идеальной точностью ударила его в нижнюю часть живота.

- Ах, бл*дь!

Позвоночник Ката согнулся. Все признаки сожаления или стыда потонули в его желании получить облегчение.

С этим я мог бы справиться. Чувство чужой боли было побочным продуктом моего состояния всю мою жизнь. Я так и не привык к этому. Однако, если бы я стоял в комнате с кем-то умирающим или смертельно раненым, я бы в конце концов оцепенел, а затем впал в кататонию от их агонии.

То же самое произошло бы, если бы я продолжил с моим отцом.

Я должен был закончить то, что начал, прежде чем соскользну в безумие.

Он еще недостаточно заплатил. Он не научился тому, что ему было нужно.

Я выдерживал и худшее.

Я мог бы вынести еще большее наказание.

Засунув дубинку за пояс, я обошёл вокруг стола.

Кат ахнул, его глаза наполнились слезами, но он изо всех сил старался следовать за мной.

- Что ты хочешь, чтобы я сказал, Джет? Что я сожалею? Что я сожалею о том, что сделал, и прошу у тебя прощения?

Он напрягся, когда мои руки потянулись к рычагу, которым он так часто пользовался. Слова слетали с его губ.

- Послушай, мне жаль, хорошо? Мне жаль, что я так много от тебя просил, когда я знал, что ты боролся. Мне жаль, что я причинил боль Жасмин. Я сожалею о том, что сделал с Нилой. Черт, Джет, прости меня.

- Недостаточно хорошо.

Обхватив пальцами отполированное от пота дерево рычага, я пробормотал:

- Я думаю, мы можем добиться большего успеха.

Мои мышцы напряглись, когда я нажал на механизм. Первый поворот прозвучал так, словно открылись врата ада, застонав и завыв, когда старое дерево пришло в движение после столь долгого времени.

- Подожди!

Кат извивался, когда кожа медленно затягивалась вокруг его запястий и лодыжек.

- Послушай мои мысли. Обрати внимание. Я говорю правду.

Печально было то, что он действительно говорил правду. Он искренне сожалел. Он сгорал от извинений и охотно брал на себя ответственность за все, что сделал.

Но этого было недостаточно, чтобы сожалеть. Он должен был пожалеть, что вообще сделал это.

Сделав прерывистый вдох, борясь со слабостью и лихорадкой, я снова повернул рычаг. Шестеренки и зубцы встали на место, приветствуя каждый поворот. Пригнувшись над Катом, я надавил, потянул чуть сильнее.

- Готов вырасти на несколько дюймов?

Кат зажмурил глаза.

- Пожалуйста...

- Ты не можешь умолять.

Я дернул рычаг, сделав полный оборот.

Стойка повиновалась, раздвигаясь под ним, стягивая конечности Ката с мучительной силой. Кожа на его руках и ногах натянулась, как аккордеон, на котором играли по максимуму, отчего его плоть покраснела, когда его дернуло в двух направлениях.

Кат закричал.

Я нажал снова.

Стол боролся с телом Ката, рыча от невольного напряжения, заставляя его вытягиваться за пределы естественного комфорта.

Он закричал громче.

У меня зазвенело в ушах, и мое состояние пошатнулось, когда слишком много мыслей столкнулось в голове Ката. Мне было плохо оттого, что я стал этим монстром — зверем, добровольно принимающим боль моего отца. Но в то же время я чувствовал себя искупленным — как будто я наконец стал тем человеком, которым хотел меня видеть Кат, и только теперь заслужил его похвалу.

- Достаточно плотно для тебя?

Мой вопрос был скрыт за стонами Ката, когда я еще раз нажал на рычаг.

Подвижные части стойки подчинились, раздвинувшись еще больше, разорвав несколько связок, врезавшись в плоть моего отца кожаными манжетами.

Кат больше не кричал, но дикий крик сорвался с его губ. Его лицо сморщилось, а кожа побелела от боли. Его спина выгнулась, плечи напряглись, а пальцы ног вытянулись. Его руки оставались сжатыми в кулаки, ногти впивались в ладони, пока его тело боролось, чтобы остаться вместе.

Я знал, что он чувствовал — не потому, что чувствовал его, а потому, что был в том же положении, что и он. Я был крепче. Я был моложе. Его плечи будут первыми, кто сдастся. Они выскочат, чтобы его суставы немного дольше боролись с напряжением. За ними последуют другие суставы. В зависимости от того, насколько туго натянута стойка, колени вывихнутся, сухожилия лопнут, мышцы разорвутся, а кости сломаются.

Эта форма пытки была одной из худших, применявшихся в средневековье, и не только для жертвы в объятиях дыбы, но и для жертв, наблюдавших за ней. Тошнотворный разрыв частей тела, отказывающихся от борьбы. Ужасающий треск разваливающихся суставов.

Признания давались охотно, просто ожидая своей очереди.

Зашел бы я так далеко?

Стал бы я медленно рвать его на куски, затягивая петлю, пока его конечности не перестанут сопротивляться и просто не распадутся?

Мог ли я быть таким бессердечным и безжалостным?

Давайте выясним.

Мои ладони покрылись тошнотворным потом, когда я в последний раз нажал на рычаг. Стол треснул, кожа закрипела, и Кат содрогнулся от криков.

- Бл*дь, прекрати. Боже, чего ты хо... хочешь? Прекрати...

- Мне ничего от тебя не нужно.

Удерживая стол от расшатывания, я убрал руки со стойки. Его глазницы были на пределе.

Было удивительно, насколько подвижным было человеческое тело. Час в таком положении - и хрящи медленно лопнут, сухожилия растянутся, а кости вздрогнут от облегчения. Но как только его освободят, тело снова срастется воедино.

Я знал.

Я был ходячим доказательством.

Снова обхватив пальцами дубинку, я обошел вокруг стола. Вопрос Ката резонировал в моем сознании. “Чего ты хочешь?” Честно говоря, я ничего не хотел. У меня была Нила —

она была всем, что мне было нужно. Но я делал это не только для нее. Жасмин имела значение, Кестрел, даже Дэниэль.

Я делал это для них.

Резко остановившись, я посмотрел на своего отца.

- Знаешь, что? Есть кое-что, чего я хочу от тебя.

Я переместился от головы к ногам.

Кат попытался посмотреть вниз на свое тело, но давление на плечи и руки не позволяло ему поднять голову.

- Что... что угодно. Назови, и это будет твоим. Ты хороший сын, Джетро. Мы можем забыть об этом и двигаться дальше.

- В некотором плане ты прав, отец. Я забуду и буду двигаться дальше. Но ты потерял эту роскошь, когда украл Эмму у ее семьи и позволил Бонни так долго манипулировать тобой.

Как только все это закончится, я разберусь со своей бабушкой. Я заставлю ее пожалеть о том, что она играла роль кукловода в своей собственной семье.

- Бонни мертва

Кат втянул воздух, его шея напряглась от давления в суставах.

- Она умерла от сердечного приступа как раз перед вашим приездом.

Я замер.

Ее смерть была украдена у меня. Но, возможно, это было и к лучшему. Меня уже трясло от быстро угасающего мужества. Я уже поник под эмоциями Ката. У меня не хватило бы энергии или физических сил отнять еще одну жизнь.

- Мне жаль.

Несмотря на всю мою ненависть к бабушке и ее строгим манерам, Кат любил свою мать и боялся ее в равной мере. Я позволил себе почувствовать то, что чувствовал он. Ему было больно. Сильно. Он раскаивался и осуждал себя, но этого было недостаточно, чтобы заслужить спасение. Несмотря на боль, он все еще думал, что был оправдан.

Он ошибался.

Подняв дубинку, я переместился так, чтобы оружие было в поле его зрения.

- Помнишь, на ком еще ты это использовал?

Я вздрогнул, борясь с воспоминаниями о том ужасном, роковом дне. В тот день я понял, что он никогда не поймет меня, и я должен был быть сильным — не ради себя, а ради своей сестры.

Он преподавал мне последний урок в этом месте. Урок, который заставил меня быть верным, пока Нила не заставила меня оттаять.

Кат сглотнул.

- Кайт... подожди.

- Нет, ты больше не можешь мне приказывать. - Ударив дубинкой по ладони, я прочувствовал боль. - Я ждал достаточно долго.

Еще одна особенность стойки — затягивая суставы и растягивая кости, она помещала человеческое тело в идеальное положение повышенной чувствительности. Естественной амортизации хрящей и жира внезапно оказалось недостаточно, чтобы защитить такую вытянутую позу.

Раньше удары, которые я наносил, причиняли ему боль, но не убивали его. Боль была острой, но терпимой. Но это... если бы я ударил его сейчас, боль была бы в сто раз сильнее. В тысячу раз хуже.

Забаррикадируйся. Подготовься.

Самое простое прикосновение могло раздробить коленную чашечку. Легчайший толчок мог сломать локоть. Он был самым уязвимым из всех, кем когда-либо был физически. Это была моя работа - сделать его таким же эмоционально незащищенным.

У меня екнуло сердце. Я не хотел этого делать. Но я сделаю это.

- Мне нужно, чтобы ты знал, что я буду с тобой на каждом шагу. Я не смогу отключить то, что ты испытываешь, но я все равно это сделаю, потому что это не для меня. - Расставив ноги, я приготовился размахнуться. - Я делаю это для Жасмин. Ты, наконец, поймешь, что чувствовала твоя дочь в тот день.

- Джет, нет, не надо, не надо...

Кат понял, что я сделал: я больше не буду сдерживаться. Я не буду нежным или всепрощающим.

До этого была разминка.

Это... это было его истинное наказание.

- Мне жаль.

С трудом сглотнув, я высвободился и ударил отца дубинкой по лодыжке. Удар сделал то, что я и предполагал. Он раздробил таранную кость и лодыжку. Биология вернулась; названия частей тела, о которых я на самом деле не заботился, всплыли у меня в голове, прежде чем уступить под моим ударом.

Комната, казалось, взорвалась наружу, когда Кат сделал самый большой вдох, а затем закричал своей гребаной душой.

Его крики долетели до крыши и отскочили вниз.

От его криков задрезжалось окно в древней раме.

Его крики заставили меня вернуться в тот день, который я хотела бы забыть.

- Прекрати это!

Мне было все равно, что дыба держала меня неподвижным. Мне было все равно, что кровь стекала по моим запястьям от борьбы с кожей. Все, что меня волновало, - это беззвучно рыдающая Жасмин у ног Ката.

- Оставь ее в покое!

Кат тяжело вздохнул, убирая влажные волосы со лба. Этот урок был худшим. Он сделал все, что мог, чтобы заставить меня больше не беспокоиться о том, что он причинил боль Жасмин. Он заставил меня оставаться стойким и спокойным, подключив мой пульс к монитору, чтобы он мог отслеживать мои успехи.

После первых нескольких уроков он не мог терпеть мою ложь. Он изо всех сил пытался понять, добился ли он прогресса или нет.

Он этого не сделал.

Что бы он ни делал со мной, я не мог остановить то, что было так естественно. Я чувствовал то же, что и другие. Я не мог его выключить. Как я мог, если я не знал, как это контролировать?

Поэтому он усилил свои усилия, заставляя меня охотиться с ним и стрелять в несчастных кроликов и оленей. Он угрожал причинить вред Кестрелу. Он привел Жасмин посмотреть. Какое-то время он не прикасался к ней. Одно ее присутствие заставляло меня работать вдвойне усерднее.

На каждом уроке она не произносила ни слова — просто смотрела на меня грустными

глазами и обнимала себя, пока Кат делал все, чтобы я подражал его внутреннему спокойствию. Принять его безжалостность. Стать им всеми возможными способами.

Какое-то время я желал, чтобы это сработало. Я научился лучше лгать, и Кат начал верить, что он "вылечил" меня. Но потом он подключил меня к детектору лжи и кардиомонитору. И я больше не мог врать.

Жасмин не подняла глаз, когда прижалась к ногам моего отца. Он несколько раз ударил ее; он использовал свои руки, а не клинки, заставляя меня сосредоточиться на его мыслях, а не на ее.

Стань хищником, а не добычей.

Прими безжалостность, а не страдание.

Стань монстром, а не жертвой.

Писк кардио машины не прекращал разрушать мою надежду и показывать, насколько я безнадежен. Меня нельзя было исправить. Это было невозможно.

- Пожалуйста, отпусти ее.

Кат провел носовым платком по лицу, с отвращением глядя на меня.

- Я отпущу ее, когда ты научишься контролировать это.

- Я не могу!

- Ты можешь!

- Я говорю тебе — я не могу!

Пока мы рычали друг на друга, Жасмин убежала. Пыль из сарая покрывала ее розовое платье, пачкая черные колготки. Была зима, и мороз украшал стекло, наполняя наше дыхание маленькими клубами дыма.

Заставь его кричать.

Чем дольше я занимал его, тем больше у Жасмин было шансов сбежать.

Я впился взглядом в Жасмин, желая, чтобы она поднялась на ноги и убежала. Выбегай за дверь и никогда не возвращайся. Она быстро кивнула, поняв мою безмолвную команду.

Кат бросился ко мне, схватил меня за щеки и толкнул лицом к вышедшему из-под контроля монитору. У меня всегда было нерегулярное сердцебиение, когда было слишком много эмоций, которые я не мог сдерживать. Мое сердце чувствовало других; вполне естественно, что оно пыталось подстроиться под их ритм, подражать их пульсу.

- Что, черт возьми, мне с тобой делать, Джет? Ты когда-нибудь поправишься?

Мои щеки не могли пошевелиться под его щиплющей хваткой; я изо всех сил старался говорить, не сплевывая.

- Да, я... я обещаю.

- Я слышал, как ты обещал раньше, и это никогда не сбывалось.

Через его плечо я молча приветствовала Жасмин, когда она вскочила на свои изящные ножки и на цыпочках направилась к двустворчатым дверям. Так близко... Продолжай идти.

- Что еще я могу сделать, чтобы заставить тебя сосредоточиться на себе и не быть таким чертовски слабым все время?

Кат ткнул меня в грудь, где колотилось мое подростковое сердце.

- Скажи мне, Джетро, чтобы мы могли покончить с этой шарадой.

Руки Жасмин обхватили ручку, дергая за тяжелый засов.

Да, беги. Уходи.

Дерево крякнуло, как зверь, охотящийся в лесу.

Нет!

Кат резко обернулся. Его глаза округлились, когда он отпустил руку. Я не мог пошевелиться, повиснув на вешалке, когда он сжал руки в кулаки и подошел к столу, где лежали вещи из ночных кошмаров.

- Куда это ты собралась, Джаззи?

Она прижалась к двери, качая головой.

- Беги, Джаз. Беги! - Я боролся. - Не оглядывайся назад. Просто уходи!

Она этого не сделала.

Она замерла, когда Кат поднял черную дубинку и двинулся на нее.

- Нет!

Я извивался сильнее, проливая больше крови, больше страха.

- Я собираюсь научить тебя контролировать это, Джет, даже если это будет последнее, что я, бл*дь, сделаю.

Кат шлепнул дубинкой по руке, отчего по моему телу побежали мурашки.

Жасмин задрожала, когда Кат возвысился над ней.

- Ты любишь свою сестру. Давай посмотрим, сможешь ли ты защитить ее, сосредоточившись хоть раз.

Его рука поднялась, заслоняя ее лицо.

- Беги, Джаз! - закричал я, прорываясь сквозь ее ужас. Страх заставил ее замолчать, но внезапная решимость наполнила ее взгляд.

Она побежала.

Оттолкнувшись от двери, она обогнула моего отца и бросилась через сарай.

Кат развернулся, держа дубинку, наблюдая, как его дочь убегает от него. Только он не отпустил ее. Он бросился в погоню.

- Нет!

Я ничего не мог поделать, когда он бросился за своим ребенком и вывернул руку, чтобы ударить.

- Жасмин!

А потом все было кончено.

Дубинка ударила ее в спину.

Сила заставила ее кувыркнуться вниз головой.

Ее маленькие туфельки застучали по полу, а юбки взлетели ей на лицо. Она остановилась лицом ко мне, ее маленькие глазки, блестящие от слез, встретились с моими.

Секунду она просто лежала, потрясенно моргая, фиксируя свою боль. Затем меня накрыла самая мощная, тяжелая, всепоглощающая волна, которую я когда-либо чувствовал. Ее боль пронзила меня насквозь. Ее агония заразила меня. Все, что она чувствовала — ее детские капризы, ее исполненные надежды желания, — все это запихивалось мне в горло и вызывало тошноту.

Меня вырвало, когда Жасмин разрыдалась.

Ее крики эхом отдавались вокруг нас, прорываясь за дверь, облизывая деревья и поднимаясь к полумесяцу над головой.

Я плакал вместе с ней. Потому что я знал, что произошло, так же точно, как и она.

Зима наблюдала за этим зверством. Мороз не помешал этому. Он позволил этому случиться. И в глубине моей души началась метель.

Я больше не мог этого делать.

Я не мог справиться с агонией моей сестры, отчаянием моего отца, моей собственной

разбитостью.

Я не мог этого сделать.

И Жасмин тоже не могла.

Ее слезы прекратились так же внезапно, как и начались, но ее глаза не отрывались от моих. Ее щека прижалась к полу, а дыхание вырывало холодный воздух из посиневших губ.

И она произнесла слова, которые я никогда не забуду.

Слова, гарантирующие, что я войду в тюрьму и отдам ей ключ. Это предложение навсегда превратило меня в снег, чтобы я никогда, никогда, никогда не почувствовал того, что почувствовал в тот день.

- Кайт... Я не чувствую своих ног.

Я взвыл в припомнившейся агонии, снова ненавидя его. Он вывел из строя мою сестру. Он сломал ей спину, повредил позвоночник. Он безвозвратно разрушил ее жизнь, и все из-за меня.

Меня.

Бл*дь!

Заглушая его крики, я бросился к изголовью стойки и променял дубинку на рычаг. Пока Кат дрожал и трясся в своих оковах, я нажал на механизм, взводя его еще на один оборот.

Его сломанная лодыжка и конечности растянулись еще больше, вызвав еще больше криков, еще больше просьб. Сарай наполнился звуками хлопков и треска. Хрящи и связки, наконец, сдались, разрываясь постепенно.

Мне хотелось заболеть. Я хотел преодолеть его боль и на этот раз перестать погрязать в чужом несчастье. Но в отличие от того мгновения, когда Жасмин одним резким движением научила меня остановиться, я не смог.

- Джетро, остановись. Пожалуйста...

Голос Ката перемежался глубокими стонами. Мне так хотелось сдаться и подчиниться. Но он совершил слишком многое. Сделал слишком много плохого.

Он заплатил недостаточно. Ещё нет.

Снова засунув дубинку за пояс, я сел на корточки и схватил маленькое колесо под стойкой. Я так хорошо знал эту машину. Слишком хорошо. Она стала моим постоянным врагом, и я научился пользоваться ею с самого раннего возраста.

Кат почувствовал, каково это - лежать горизонтально, испытывая боль. Теперь же он испытывает всё вертикально.

Страница 32

Крутя колесо, я заткнул уши, чтобы не слышать череды проклятий и мольб Ката, когда стол медленно наклонился, превращаясь из кровати в стену. С каждым дюймом тело Ката смещалось, когда вес переместился со спины на запястья. Его позвоночник оставался вытянутым, его тело растянулось, но теперь новый угол означал, что он мог видеть, как я двигаюсь. На этот раз он был мессией, готовым умереть за свои грехи, а не за другие.

Чувствуя на себе его взгляд, я не поднял глаз, направляясь к столу ужасов. Я осторожно положил дубинку обратно на пыльное место и схватил кошку-девятихвостку.

- Ты достаточно долго там висел, Джет?

Меня разбудил голос отца. Моя голова взлетела вверх, хотя в шее пульсировало. Он оставил часы на табурете передо мной, позволяя мне считать время. Сегодня я провел на дыбе два часа и тринадцать минут. Жасмин все еще была в больнице. Врачи сделали все, что могли, чтобы исправить травму позвоночника от удара тупым предметом. Но они не питали

особых надежд.

Ничто из того, что Кат сделал со мной сейчас, никогда не было бы так плохо, как смотреть, как моя сестра бежит в самый последний раз.

Я дал обещание никогда больше сюда не приходить, но это было до того, как Кат поднял меня с постели на рассвете и не оставил мне выбора.

- Отпусти меня. - Я закашлялся, прочищая горло. - Тебе больше не нужно этого делать.

Он подошел и встал передо мной, засунув руки в карманы.

- Ты уверен в этом?

Я кивнул, усталый, измотанный и на этот раз ничего не чувствующий.

- Внутри у меня пусто. Обещаю.

Он прикусил нижнюю губу, надежда осветила его взгляд.

- Я действительно надеюсь, что на этот раз ты говоришь правду, сынок.

Его голова повернулась к столу. Ужасный, ненавистный, презираемый стол.

Какая-то мысль омрачила его лицо, когда он подошел и взял хлыст с несколькими нитями и жестокими узлами, завязанными на шнурах. Он и раньше угрожал мне кнутом, но на самом деле никогда им не пользовался.

Я напрягся в наручниках. В конце концов, речь шла о том, чтобы держать меня неподвижным и чувствительным, а не разрывать на части.

- Давай посмотрим, усвоены ли уроки, ладно?

Он пропустил хлыст сквозь пальцы.

- Считай это своим последним экзаменом, сынок. Пройти его, и тебе больше никогда не придется сюда приходить.

Он не дал мне времени возразить.

Его рука дернулась назад.

Хлыст и его узловатые хвосты рванулись вперед.

Первый удар разорвал мою футболку, резко впившись в грудь.

Крик застрял у меня в горле, но я наконец-то научился. Я научился не сосредотачиваться на себе, своей сестре, добыче, надежде, счастье или нормальности. Я научился сосредотачиваться на нем — моем отце, моем правителе, моем дарителе жизни.

Так я и сделал.

Каждый удар я принимал с гордостью, потому что Кат гордился мной.

Каждый порез я принимал с благодарностью, потому что Кат наконец поверил, что заслужил достойного сына.

Я слушал его и только его.

И это спасло меня от самого себя.

Я вцепился в стол, в то время как лихорадочная слабость душила меня. Я больше не мог этого делать. Каждая часть меня была отягощена болезнью и тяжелым трудом. Я доказал свою точку зрения. Я заставил его страдать. Я должен был покончить с этим, прежде чем загоню себя в могилу рядом с ним.

Оттолкнувшись от дерева, я подошел к Кату.

Его глаза расширились, остановившись на хлысте.

- Давай посмотрим, усвоил ли ты свой урок, отец. Давай посмотрим, сможешь ли ты принять то, что дал мне, так же спокойно, как я принял это.

Моя рука задрожала, когда хлыст пролетел над моим плечом. Я остановился, когда

шнуры ударили меня по спине, готовые броситься вперед и поразить свою добычу.

Кат прикусил губу.

- Кайт...

Я не стал ждать.

- Нет.

Крякнув, я вложил всю оставшуюся энергию в руку и швырнул хлыст вперед. Узлы нашли его рубашку; они разрезали ее, как крошечные зубы, кровь хлынула из его плоти.

И, наконец, его эмоции переключились с садистской ненависти, неуместных действий и целого ряда неправильных решений на мольбу, стыд и принятие всего в полной мере.

Его голова склонилась, когда я ударил снова, слезы текли из его глаз. Не от боли. А от осознания того, что он сделал с людьми, которых любил. Он добровольно сделал это со своими детьми. И не было преступления хуже этого.

Я наконец-то сломал его. Наконец-то показал ему ошибку его прошлого. Наконец-то научил его, каково это для нас. Он отдал дань уважения Эмме Уивер. Он извинился перед Жасмин. Он раскаялся перед Нилой. И наконец, наконец, он подчинился мне и моей силе.

Его извинения затуманили мой разум.

Его сожаление гремело в его мыслях.

Он принял то, что должно было произойти.

Мы больше не были отцом и сыном, учителем и учеником.

Мы были двумя мужчинами, убиравшими беспорядок, который мы устроили.

Двое мужчин в мире, который мы создали.

И мы оба будем страдать гораздо больше, прежде чем все закончится.

Он не вернулся.

Минута за минутой.

Час за часом.

И всё же он не вернулся.

Я уставилась в окно, умоляя его появиться.

Я погладила свой телефон, желая, чтобы пришло сообщение.

Я взглянула на свою дверь, умоляя его войти.

Но ничего.

Джетро исчез.

Он сделал то, что должен был сделать.

И я боялась, что никогда не смогу вернуть его.

Тьма.

Она падала на поместье, как платье самой смерти, просачиваясь, как масло, в укромные уголки и щели, крадя свет.

Каждая сгущающаяся тень поглощала частицу того, что произошло — стирая день, прошлое, все, что привело к этому моменту.

Прошло время, изменив меня как личность, как мужчину, как сына. Мы с Катом вместе

посетили чистилище, и небольшая часть нас не вернулась. Я доказал свою точку зрения и победил. И самым печальным было то, что связь между нами была самой сильной, какой она когда-либо была.

Мое сердце плакало из-за того, что я сделал. Мои мышцы ныли от усталости. Все мое тело хотело отключиться.

Пора.

Пора отдохнуть.

Нуждаясь в свежем воздухе, я вышел из сарая и, спотыкаясь, выбрался наружу. Каждая частичка меня была в агонии. Я никогда не был таким уязвимым, пропитанным чувствами других.

В тот момент, когда ночной холод коснулся моего лица, я поднял глаза к луне, судорожно глотая воздух.

Атмосфера в сарае была слишком густой, слишком гнилой. Я не мог нормально дышать после того, что сделал.

Спрятав лицо в ладонях, я заставил себя не вспоминать порку, удары дубинкой или слезы и мольбы Ката. Я сломал ему не только лодыжку. Я разбил его сердце, его душу, всю его веру. Я сделал все, что мог, чтобы показать Кату, насколько слепым он был по отношению к своим детям и империи.

- Бл*ть.

Ругательство вспорхнуло к моим ногам, как осенние листья, хрустя под моим ботинком. Как я мог сделать то, что сделал? Как я снова и снова причинял боль своему отцу? Как я мог пустить ему кровь и сломать кости?

Я не знал ответа на этот вопрос. Но я все еще стоял, и мой отец наконец понял.

Все было кончено.

Потирая ноющие глаза, я отмахнулся от своих мыслей и глубоко вздохнул. Лунный свет окрашивал мои окровавленные руки в серебристо-хромированный цвет, превращая красный в черный. Рассовав улики своих преступлений по карманам, я зашагал по лесу в поисках двух мужчин, которых Килл оставил охранять лес.

Это не заняло у меня много времени. Я последовал за запахом сигаретного дыма, встретив их на границе долины.

Они повернулись ко мне лицом, когда я приблизился. Их руки были прижаты к бокам, а куртки казались громоздкими в полумраке.

Я не утруждал себя любезностями. У меня не было сил.

- Все сделано. Можете идти.

Мужчина с ирокезом кивнул.

- Хорошо. Увидимся еще.

Я сомневаюсь в этом.

Я оставил их, чтобы они сами выбирались наружу. Я бы не стал сегодня играть роль хозяина. У меня было слишком много дел, чтобы быть джентльменом.

Уходя, я растворился в лесу. Как только я больше не мог их чувствовать, я сел на камень и сделал последний вдох.

Это было последнее решение.

Кату был преподан урок. Я причинил ему достаточно боли, чтобы он граничил с этой жизнью и следующей. Он был наполовину мертв, но имел ли я право полностью лишить его жизни?

Он забрал так много других. Эмма. Почти Нила. Покалечил Жасмин. Забрал душу моей матери.

Мои руки снова сжались, липкие от всего, что произошло.

Я обдумывал самые разные вещи. Я обдумывал и отвергал идею повесить моего отца, вытащить его внутренности и четвертовать его точно так же, как это делали заключенные в прошлом. Я обдумывал идею оставить его в живых и изгнать из Хоуксриджа.

На моих руках было достаточно крови моего отца. Я причинил бы боль себе и ему.

Но я знал, что он не позволит мне иметь счастливый конец, которого я желал, если я оставлю его в живых.

В конце концов, он захочет отомстить. В конце концов, он забудет урок, который я преподавал, и вернется за мной — вернется за Нилой.

Я не могу этого допустить.

Я должен покончить с этим.

Это единственный способ.

Встать с камня было в миллион раз труднее, чем сесть. Мое тело сжалось; я споткнулся, когда у меня закружилась голова. Сколько еще я смогу бодрствовать, не нуждаясь в серьезной медицинской помощи?

Не очень долго.

Заставив свои ноги работать, я покинул свое уединенное место и вернулся в сарай. Мои пальцы дрожали, когда я повернулся и запер дверь.

Кат не издал ни звука. Он потерял сознание как раз перед тем, как я ушел. Оторвав взгляд от почти неузнаваемой фигуры моего отца, я направился к столу и выбрал маленький нож.

Не важно, сколько прошло времени: лезвие было всё ещё острым.

Я подошёл к Кату. Он опустил подбородок на грудь, высоко раскинул руки и широко расставил ноги. Его руки и ноги были ненормально длинными, в то время как его тело больше не могло растягиваться без разрыва кожи и костей.

Кровь стекала по его туловищу крест-накрест от хлыста. Под его ранами слабые линии татуировок с отметками Эммы украшали его грудную клетку. Эмма была единственной, кто выбрал эту позицию, точно так же, как Нила выбрала кончики пальцев для нас. Я так давно не видел их, что почти забыл, что они там есть.

У него было больше, чем у меня, и он выполнил Последний Долг.

В этом было главное различие между нами.

Преданность делу против сочувствия.

Вздыхнув, я сделал все возможное, чтобы собрать всю силу. Лезвие стало теплым в моей руке. Оторвав от него взгляд, я подошел к стойке и застонал, согнувшись пополам, чтобы повернуть маленькое колесико.

Медленно стойка откинулась от перпендикуляра к параллели.

Кат все еще не двигался.

Положив нож у его бессознательной головы, я расстегнул его запястья, затем лодыжки. Лодыжка, которую я сломал, висела под неестественным углом, черная от синяков.

Мое сердце сжалось от мысли, что я когда-либо мог стать таким жестоким, борясь с детскими воспоминаниями и обязательствами взрослой жизни. Вместе с его лодыжкой я также сломал ему руку. Я разбил ему коленную чашечку и вывихнул локоть.

Я сделал такое мерзкое дерьмо с человеком, который меня создал.

Не думай об этом.

Выхватив свой нож, я постучал по его щеке.

- Проснись.

Ничего.

Я постучал сильнее.

- Кат, открой глаза.

Его губы дрогнули, но разум продолжал спать.

- Черт возьми, не заставляй меня тащить воду.

Я ударил его, на этот раз сильнее. Его лицо скользнуло вбок по столу, медленно разрушая кокон, созданный его разумом.

Потребовалось несколько ударов, но, наконец, его глаза открылись.

На какое-то время его охватило замешательство. Его взгляд метнулся к потолку, сосредоточившись на мне. Я не двигался, когда он обратил внимание на свои растянутые суставы, сломанные части тела и покачнулся от резкой боли.

Его мысли вбивались все глубже и глубже, все сильнее и сильнее в мою душу, как гвоздь вбивается в доску. После сегодняшнего вечера я нуждался в одиночестве и уединении. Мне нужно было ускакать галопом и никогда больше не переживать ничего подобного.

- Вставай.

Перекинув его бесполезную руку через плечо, я снял его со стойки.

Он закричал, когда я стащил его со стола. Несмотря на агонию, он попытался пошевелиться, но его конечности больше не действовали. Ноги не выдержали его веса, и он с криком упал на пыльный пол.

И я вместе с ним.

Мы упали массой частей тела, сидя бок о бок, прислонившись спинами к стойке.

Он ахнул, но не попытался высвободиться. Шок быстро стёр большую часть его ран, позволив ему на мгновение отдохнуть без страданий.

Тот факт, что он на секунду обрел покой, позволил и мне обрести его.

Я разделил его молчание, позволив воздуху окутать нас пыльными объятиями.

Некоторое время я молчал. Что я мог сказать? За последние несколько часов я доказал, что я такой же монстр, как и он. Я не нашел примирения или завершения. Я нашел только печаль и жестокость.

Но слова были не нужны.

Мой отец, человек, который вырастил меня, причинил мне боль и, в конечном счете, заботился обо мне по-своему, медленно положил голову мне на плечо и дал мне первое праведное дело в своей жизни.

- Прости, Джетро. За все.

Мое сердце бешено заколотилось, а на глаза навернулись слезы.

Я не мог говорить.

Кат не стал дожидаться ответа. Он знал, что умирает. Его тело было сломано безвозвратно. Не было никакого исцеления. Его время на земле подошло к концу, и теперь настало время отказаться от своих печалей и сожалений.

Его голос был хриплым, но мои глаза кололо от каждого его слова.

- Я знаю, как плохо я обращался со своими детьми. Я знаю, что никогда не имел права на то, что взял. Я позволил силе и жажде крови затуманить меня. Я не могу исправить то, что я сделал, и я не могу вернуть жизни, которые я украл, но я могу попросить у тебя

прощения.

Его голова на моем плече стала тяжелее, влага впиталась в мою пропитанную потом рубашку от его слез.

- Мне нужно знать, что ты прощаешь меня, Кайт. Мне нужно знать, что ты принимаешь мои извинения.

Такая же жидкая печаль тихо текла по моим щекам, когда я смотрел на запертые двери.

- Почему? Почему я должен прощать тебя?

- Потому что ты знаешь, что я говорю серьезно. Ты чувствуешь, что я говорю правду. Это была не просто боль, которую ты мне показал, или воспоминания, которые я пережил сегодня вечером — те же воспоминания, которые, я не сомневаюсь, ты тоже пережил. Это было задним числом, и я, наконец, позволил себе признать то, чего никогда не делал раньше.

У меня внутри все сжалось от всего, что я хотел сказать.

- И что это было?

Кат вздохнул, не торопясь с ответом.

- Я слишком долго слушал свою мать. Время исказило ее разум. Это делало то, что мы делали, приемлемым, даже ожидаемым. Я не останавливался, чтобы подумать, что это неправильно.

Он разразился рыданиями. Это не было притворством или принуждением. Его эмоциональная гибель проникла прямо в меня, и я задрожал от его честности.

- Я не виню Бонни. Я не виню свое прошлое или мораль, которой меня кормили. Я виню себя за то, что был так чертовски слаб, чтобы остановить это. Двое моих детей мертвы. Один из них инвалид на всю жизнь. Но ты вернулся из могилы, чтобы преподать мне урок, который мне нужно было усвоить.

Кестрел не мертв.

Он вернется ко мне, потому что я предоставил ему безопасность.

Мои глаза защипало при мысли о том, что сказал бы мой брат, если бы увидел, что я сделал. Возненавидел бы он меня или понял? Будет ли он бояться меня или радоваться?

- Какой урок?

Наступила тишина, пока Кат обдумывал, как лучше всего донести свое прозрение.

Он забыл, что я чувствую вкус его признания так же ясно, как каплю дорогого коньяка на языке.

- Что я не лучше Уивер. То, что ты Хоук, не дает иммунитета или власти над чужой жизнью. Что я не тот монстр, каким пытался быть.

Снова воцарилась тишина.

У меня не было ответа. Он в этом не нуждался.

Я поиграл с ножом, пропуская лезвие сквозь пальцы. Его голова не отрывалась от моего плеча, руки бесполезно висели по бокам.

Он не мог бы пошевелиться, даже если бы захотел, но я чувствовал, что он этого не хочет. Этот редкий драгоценный момент никогда больше не повторится, и нам нужно было прикоснуться, чтобы высказать «прости» без слов.

Прошло десять минут или десять часов — я потерял счет времени. Мои мысли были с призраками людей, которых я потерял. Трагедий, которые подошли к концу, но никогда не будут забыты.

Наконец, мой отец оторвал голову от моего плеча и грустно улыбнулся.

- Ты хороший сын, Джетро. Я горжусь тем, каким человеком ты оказался, даже после

того, что я сделал. Хотел бы я извиниться перед Нилой за то, что слишком далеко зашел с Долгом по наследству. У меня все время была сила остановить это, как и у моего отца, и я решил этого не делать. Я также хотел бы извиниться перед своим братом за то, что я сделал, и перед Розой за то, как ужасно я с ней обращался. Так много вещей, за которые нужно извиниться.

Он втянул воздух, его руки и ноги были похожи на оборванные веревочки марионетки. Он не мог сесть. Он едва мог дышать.

- Я столько всего сделал.

Я сделал это с ним. Я показал ему, кем он стал, и он, наконец, признал, что его действия были плохими, но его душа не так сильно разложилась, как он опасался.

Переместившись, я поцеловала его в висок.

- Я верю тебе.

Он тяжело выдохнул. Он выдохнул свое прошлое, проживая последние мгновения в настоящем.

- Я готов идти, Кайт. Я хочу уйти. Позволь мне умереть и обрести покой. Позволь мне исправить ошибки, которые причинила наша семья.

Мое сердце забилося быстрее. Как бы ужасно ни было сломать моего отца, заставить его быть честным и правдивым, я не думал, что смогу убить его.

Не сейчас.

Не сейчас, когда мы соединились, как всегда должны были — как мужчина с женщиной. Как отец с сыном.

Еще одна слеза скатилась по моей щеке.

- Я принимаю твои извинения и дарую тебе свое прощение.

Я передал ему нож.

- У меня нет власти даровать искупление за то, что ты сделал с Джаз, или Кесом, или Эммой, или Розой, или другими людьми, которым ты причинил боль, но я обещаю, что они узнают, что ты пожалел об этом до того, как умер. Если они смогут, то со временем простят тебя.

Страница 33

Кат стиснул челюсти, когда я отодвинулся.

Я случайно толкнул его раненые конечности, когда приседал перед ним на корточки.

- Я не могу убить тебя, папа.

Папа.

Я не употреблял это слово с тех пор, как Жасмин стала инвалидом.

С тех пор, как в последний раз он заслуживал такого почетного звания.

Кат улыбнулся, его золотистые глаза в темноте встретились с моими.

- Я всегда любил тебя. Ты ведь знаешь это, не так ли?

Я хотел сказать, что не знал. Когда он застрелил меня в гостиной. Когда он причинил боль моей сестре в сарае. Что каждый день я стремился к его уважению и любви, я не знал, что скрывается за его садизмом.

Но я отказался лгать умирающему человеку.

Я знал. И именно поэтому я верил, что в конце концов, однажды доброта внутри него победит. Что он не останется таким ужасным, как раньше.

Детская надежда, и, наконец, она сбылась.

Только для того, чтобы он умер.

- Кайт... прежде чем я уйду... Я хочу что-нибудь сделать, чтобы исправить свои ошибки.

Его голос был полон печали.

- Что-то, что защитит вас всех от инструкций, которые я дал после того, как умру.

Если бы я не чувствовал его искренности, я бы не поверил, что он может испытывать такое сильное сожаление. Но это было так. Он действительно ненавидел то, что сделал. Для всех, не только для Жасмин и меня, но и для Нилы, Кеса и Дэниэля. И Розы. Больше всего для Розы.

Я уставился на него. Он хотел чего-то... чего-то, чтобы...

- Клочок бумаги? Это то, что тебе нужно?

Кат криво улыбнулся.

- Ты всегда умел читать мысли.

- Даже когда ты пытался выбить это из меня.

В наших словах была только лишь истина. Правда. Не осуждение или обвинение. Просто констатация того, что было.

Кат кивнул.

- Мне жаль.

- Я знаю.

Устало поднявшись на ноги, я подошел к большому столу с орудиями и открыл шаткий ящик. Внутри я нашел прогрызенный мышью блокнот и обглоданный карандаш.

Вернувшись, я снова сел и передал их ему.

Он попытался взять их, но его руки не слушались.

Он вздохнул.

- Тебе придется это сделать.

Он не винил. Просто говорил факты. Он принял свое наказание и не возненавидел меня — во всяком случае, он был благодарен за то, что заплатил за свои проступки.

- Что ты хочешь, чтобы я написал?

Он глубоко вздохнул, размышляя.

Наконец, он продекламировал:

- Я, Брайан "Стервятник" Хоук, торжественно клянусь, что моя смерть оправдана и принята. Я отказываюсь от всех прежних постановлений о том, что если моя смерть будет признана убийством, то мой первенец-наследник, Джетро "Кайт" Хоук, будет вычеркнут из моего завещания. Я отменяю действующие соглашения об отправке его в Психиатрический институт Санни Брук и отменяю все дальнейшие инструкции, касающиеся моей дочери и других наследников.

Его голос дрогнул, но он заставил себя преодолеть боль, чтобы передать свое последнее сообщение.

- В этот день я составляю новое завещание с Джетро Хоуком в качестве моего свидетеля и истинного наследника, что все земли, поместья, титулы и состояние перейдут к нему после моей кончины. Это является обязательным и неизменным.

Комок застрял у меня в горле, когда Кат неловко пошевелился.

- Подержи бумагу и помоги мне взять карандаш.

С трудом сглотнув, я обхватил его пальцами карандаш и навел его на только что написанное завещание. Я не знал, будет ли это доказательством в суде, но на нашей стороне

были платные адвокаты. Маршалл, Бэкхем и Коул обеспечат, чтобы документы были поданы и оформлены. А потом я уничтожу их практику, чтобы они больше никогда не служили таким монстрам, как моя семья.

Кат хрюкнул в агонии, подписывая свое имя; его подпись была почти неразборчивой. Вспомнив, что ещё было в сарае, я во второй раз поднялся на ноги.

- Подожди.

Я вернулся с портативным видеомэгнитофоном и новой батареей, которые хранились в сейфе подальше от паразитов. Я не позволил себе вспомнить, зачем здесь было записывающее устройство.

Разорвав корпус батареи, я вставил её в устройство и включил.

Первое, что пришло в голову, было последнее снятое событие.

Я.

В этом крошечном диктофоне хранилось то, что произошло, когда Жасмин сломали спину. Я вспомнил тот день с кристальной ясностью. У Ката никогда не было намерения так сильно ранить свою дочь.

Видео включилось, потрескивая звуком.

Жасмин посмотрела на меня.

- Кайт... Я не чувствую своих ног.

Мгновенно Кат отбросил свою напыщенную строгость императора нашего поместья и вместо этого стал испуганным родителем.

Он бросился освобождать мои путы, не заботясь о том, что я рухнул в грязь, как только он ослабил кожу. Как только я освободился, он подхватил Жасмин и бросился к выходу.

- Мы поедem в больницу, Джаззи. Черт, мне так жаль.

Все, о чем он заботился, - это исправить то, что он сделал.

Но я не дал ему уйти далеко.

Я стал таким же, как он. Я жаждал его боли после того, что он сделал с моей младшей сестрой.

Я не гордился тем, что сделал. Мои руки дрожали, когда на видеокассете было видно, как ребенок-дьявол прыгает на спину своего отца и бьет его снова и снова дубинкой, которую он использовал против Жасмин.

Я заворожено смотрел, как лента продолжалась, превращая меня из оскорбленного в насильника, когда Кат упал на пол, закрыв лицо и руки.

Я мог бы убить его в тот день и убил бы, если бы Жасмин не закричала, чтобы я остановился.

Услышав ее ужас, я вырвался из кровавого облака, в котором плавал, ставя ее на первое место, а не заставив отца заплатить.

Я подхватил ее на руки и бросился в Холл. Я был тем, кто отвез Жасмин в больницу, пока Кат лежал без сознания в сарае.

- Выключи его.

Кат закрыл глаза, съезжившись от резких звуков записи.

Я не мог нормально дышать, пока возился с аппаратом и переключал его с карты памяти на новый старт.

Никто из нас не упомянул о том, что мы только что видели, или о прошлых чувствах, связанных с этим инцидентом. Мы знали, кто победил в ту ночь, и в детстве я ожидал сурового возмездия. Но Кат не наказал меня. Он притворился, что ничего не произошло,

даже когда на его коже появились синяки. Он продолжил мои уроки, но не причинил мне боли больше, чем обычно.

Как будто он хотел, чтобы ему причинили боль за то, что он сделал с Джаз.

Прочистив горло, я поднял камеру и направил её на Ката.

Этого должно было хватить.

Это был мой страховой полис.

Кат сразу все понял и опустил голову на блокнот, который я бросил ему на колени. Он укрепился в наших натянутых отношениях и прочитал мой нацарапанный почерк — для Жасмин, Кеса и будущих наследников Хоуксридж-холла.

Время от времени он поднимал глаза, повторяя свое обещание, глядя в камеру. Чаще всего его глаза оставались опущенными, он быстро читал свою последнюю волю и завещание.

Мои руки дрожали сильнее, чем ближе он подходил к концу. Моя лихорадка затуманила мне зрение, а его голос угрожал ввести меня в транс.

Мне нужно было отдохнуть и поспать.

Наконец он закончил.

Как только его заявление было озвучено, я выключил камеру и положил ее рядом с собой для сохранности.

Я посмотрел на то же пятнышко, на которое уставился он, не в силах двигаться вперед, но зная, что у меня нет выбора.

- Спасибо. Не для меня, а для Жасмин и работников, которых мы нанимаем.

Одна мысль уколола меня.

Я планировал ликвидировать банду контрабандистов бриллиантов, как только Кат умрет, но его бескорыстный поступок по сохранению компании и возвращению моего права по рождению напомнил мне, что дело не в том, чтобы закрывать что-то только потому, что я этого хотел. У нас были люди, которые полагались на нас. Я должен был поступить с ними правильно. Я не мог украсть их средства к существованию.

- Заботься о тех, кого любишь, Джетро. - Кат кашлянул. - Никогда не позволяй коррупции превратить тебя в меня.

Его слова говорили одно, а сердце - другое. Он сделал то, чему его учили. Но теперь он хотел уйти. Он хотел, чтобы боль прекратилась, и я не мог отказать ему в этом.

Он сделал то, что сделал бы любой человек на смертном одре. Извинился за прошлые проступки и принял прощение за тех, кого он обидел.

Его душа больше не была обременена.

Снова взяв нож, я накрыл его руку своей, сжимая его бесполезные пальцы вокруг рукояти. Его сухожилия и связки больше не были подключены к сигналам мозга. Полный инвалид до конца своей короткой жизни.

Его глаза встретились с моими.

- Ты сделаешь это, в конце концов?

Я покачал головой, направляя его руку к сердцу.

- Нет.

- Тогда что?

- Я не могу убить тебя, но я не могу позволить тебе больше жить в такой боли.

Мои собственные кости взвыли от сочувствия. Мой позвоночник болел, а мозг переполняла агония.

- Ты сможешь мне?

Я кивнул.

- Ты хороший сын, Кайт.

Его голова упала вперед, расходуя последние силы. Его губы коснулись моего лба и поцеловали меня.

Я втянул воздух, борясь со всем, что произошло между нами. Я принял его поцелуй. Его благословение. В этом безмолвии был целый мир.

Я хотел бы, чтобы был другой способ. Я хотел бы, чтобы мне не приходилось этого делать.

Но Кат кивнул, давая понять, что он готов.

Кто я такой, чтобы отказывать ему в последнем желании, когда я так много отнял у него?

Не разрывая зрительного контакта, я оперся на его кулак, пронзая его сердце острым лезвием.

Так много боли, чтобы заставить его увидеть.

А теперь быстрая смерть, чтобы освободить его.

Его лоб наморщился, когда нож вонзился ему в грудь. Он застонал, когда я повернул рукоять, разрывая мышцу и убивая его как можно быстрее.

Он уже достаточно настрадался. Я хотел, чтобы он ушел без боли.

Его лоб коснулся моего, когда я склонился над его умирающим телом. Пульс бешено колотился у него на шее. Его душа крепко цеплялась за его погибающее тело. И когда последний вздох покинул его пронзенную грудь, я закрыл глаза и поцеловал его в щеку.

- Прощай, папа.

Я сделал то, что никогда не смог бы переварить, и привязал себя к его последней мерцающей мысли. Я крепко держал его, когда он ускользнул в загробную жизнь. Я прожил его последнее прощание.

Его глаза передали послание так же, как и его сердце.

- Заботься о тех, кого любишь, Кайт. Никогда не сомневайся, что я гордился тобой. Так гордился.

И затем...он ушёл.

Не потребовалось много времени, чтобы раздобыть достаточно дров и развести небольшой костер внутри сарая.

Все, чего я хотел, - это отдохнуть. Спать. Чтобы забыть. Но я бы не оставил труп моего отца в целостности и сохранности. Это было бы святотатством. Его бессмертная душа была свободна. Его бранные останки тоже должны были быть там.

Мне потребовались последние силы, чтобы перенести его мертвое тело в середину сарая и положить на растопку. Как только его руки были сцеплены на груди, а сломанные конечности поставлены прямо и правильно, я приступил к последнему прощанию.

Двигаясь так быстро, как только мог, я разложил побольше трута вокруг его безжизненного трупа. Пробираясь из леса в сарай, я собрал достаточно топлива, чтобы развести костер, который должен был гореть всю ночь, - подходящее прощание для моего жестокого отца.

Как только я укрыл Ката ветками, я подтащил стойку ближе, сгреб все пыточные приспособления со стола и разбросал их вокруг него. После пожара я не хотел никаких останков или напоминаний о том, что происходило в этом месте.

Отступив назад, я проверил свою работу, прежде чем направиться к подсобному шкафу, в котором хранились отбеливатель и бензин. Отбеливатель предназначался для крови, а бензин - для костров, которые мы иногда разводили здесь.

Борясь с остатками энергии в моем организме, я вылил остро пахнувший бензин на труп моего отца, на стойку, на пол, на сами стены презренного сарая.

Только после того, как каждый предмет и дюйм помещения были пропитаны жидкостью, я зажег спичку.

Отнеся камеру с последним признанием Ката к дереву на безопасное расстояние, я вернулся, встал у дверей и бросил насыщенное серой пламя на скользкий след бензина.

Ничего не произошло.

Пламя не вспыхнуло.

Бл*дь.

Мои руки сильно дрожали, когда я зажег еще одну спичку, позволив огню немного пожевать палочку, прежде чем бросить ее на блестящий пол.

Сработало.

Внезапный всплеск тепла и оранжевого цвета взорвался, пробежав рябью по проложенному мной жидкому пути, жадно поглощая трут, который я разложил.

Холодная ночь стала теплее, когда я стоял у входа и позволял огню разгореться крепче. Я не пошевелился, когда кожа моего отца загорелась. Запах горящих человеческих останков и запах дыма не прогнали меня прочь.

Я бодрствовал до тех пор, пока лес не окрасился красным от жара, а воздух не стал густым от сажи.

И я все еще стоял там.

Дым поднимался все выше в небо, закрывая луну и звезды.

Я стоял на страже, как дубы и сосны, наблюдая, как огонь медленно пожирает пол и стены, пожирает все на своем огненном пути, уничтожая сарай и его историю.

Наблюдая, как мой отец превращается в пепел, я не мог бороться с воспоминаниями о том, что я сделал. О растяжениях, переломах и боли, которые я причинил. Я согнулся пополам, и меня вырвало прямо на пороге. Интенсивность того, что я пережил, внезапно сокрушила меня. У меня не осталось сил игнорировать это.

Мне жаль.

Мне не жаль.

Он это заслужил.

Никто этого не заслуживал.

Спотыкаясь, я выбрался из горящего сарая, споткнулся и побежал трусцой через лес к озеру, где Нила была привязана к стулу для ныряния. Там я упал на колени, желая, чтобы прошлое исчезло.

Мое тело очистило себя. Смерть Дэниэля. Смерть Ката. Смерть моей матери. Кома Кеса. Инвалидность Жасмин. И пытка Нилы.

Всего этого слишком много.

Даже из моего убежища у воды я все еще чувствовал запах дыма. Послевкусие горения моего отца покрыло мое горло, и мои глаза защипало от пепла.

Запрокинув голову, я сердито уставился на луну.

У меня никогда не будет другого дня рождения, когда я боялся бы, что торт пропитан цианидом.

Меня никогда не отправят обратно в психиатрическую больницу и не будут держать взаперти в смиренной рубашке.

Мне никогда не придется беспокоиться о том, что Жасмин вышвырнут из Холла и оставят на произвол судьбы в одиночестве.

Я никогда больше не склонюсь перед желаниями ненормальной семьи.

Я свободен.

Кат свободен.

Те, кого я люблю и за кого боролся, свободны.

Чувствуя себя скорее животным, чем человеком, я не мог себя контролировать, когда на четвереньках подполз к кромке воды. Мои руки хлюпали по грязи, двигаясь как зверь. Я ахнул, погрузившись в ледяную воду. По пояс, потом по грудь. Я продолжал идти, пока грязь не превратилась в ил, скорее приветствуя, чем препятствуя.

Я продолжал идти.

Оставив землю и гравитацию, я погрузился в невесомость.

Я не пытался оставаться на поверхности. В тот момент, когда я перестал чувствовать дно под своими ботинками, я отпустил их. Я опустился ниже, погружаясь в холодную тьму.

Я бежал от всего, прятался в пруду.

Затаив дыхание, я почувствовал, как холод украл мою боль и голод, пропитав мои пропитанные кровью джинсы и покрытый сажой джемпер.

Когда вода была вокруг меня, я открыл рот и закричал.

Я кричал и кричал.

Я кричал так чертовски громко.

Я кричал за отца, свою мать, свою сестру и братьев.

Я кричал сам за себя.

Из моего рта выходили пузыри.

Соленые слезы смешались со свежей водой, и лягушки умчались прочь от моего эмоционального расстройства.

Я кричал, и кричал, и проклинал, и кричал, и только глубина могла слышать меня.

Я излил свое отчаяние, свою вину, свое состояние, свою лихорадку, свое измученное в сражениях тело.

Я погружался все глубже и глубже, позволяя своей пропитанной жидкостью одежде утянуть меня на темное дно. Листья растений щекотали мои лодыжки, из-под рубашки вырывались пузыри, а мои руки парили перед лицом, белые, как смерть, и такие же холодные.

Я сосредоточился на моем сердцебиении — единственный шум в огромном водоеме. По мере того как тикали секунды, оно замедлялось... успокаивалось. Сердце наконец нашло свой собственный ритм вдали от сегодняшних зверств.

Там, внизу, я нашел то, чего мне не хватало.

Прощение.

Только после того, как мои лёгкие стали гореть, я сбросил обувь и оттолкнулся от дна. Поток воды по моей коже очистил меня — не только от сегодняшнего вечера, но и от всего остального. Я сделал это не из забавы. Я сделал это из преданности тем, за кого нужно было бороться.

Я не был мстительным или злобным.

Я был оправдан.

Я был крещен заново.

Вырвавшись на поверхность, я жадно вдохнул, испытывая чувство возрождения. Моя усталость прошла, мои раны зажили, и я поплыл, чтобы оглянуться назад на тот путь, которым пришел.

Там, на горизонте, в темном ночном небе плясали сердитые красные, желтые и охристые отблески бушующего огня. Дым скрыл Млечный Путь, а огонь очистил Хоуксридж.

Я находился в холодных объятиях воды, просто наблюдая.

Я вздрогнул. Мои зубы стучали. И я жаждал тепла, постели и Нилы.

Я сделал то, что мне было нужно, хотя это чуть не сломало меня.

Мне больше нечего было бояться.

Посмотрев на Хоуксридж-холл, мои глаза нашли спальню Нилы. Свет горел в ее окне, маяк для моих тонущих печалей, маяк, ведущий меня обратно к ней.

Я оттолкнулся ногой в сторону берега.

Ты нужна мне, Иголочка.

Ты мне так чертовски нужна.

Она снова соберёт меня воедино.

Она поймет, что я сделал, и примет меня без вопросов, ультиматумов или тестов.

Она будет любить меня безоговорочно.

Мое сердце успокоилось.

Мой разум успокоился.

И наконец-то, наконец-то, наконец-то я обрел покой.

Есть поговорка, что люди способны знать только одну вещь.

Одно абсолютное, неоспоримое убеждение, когда все остальное — наши мысли, мнения, карьера, симпатии, антипатии — даже выбор на протяжении всей нашей жизни — было открыто для интерпретации и поправок.

Только одно было неопровержимо. Это было одно: мы существуем.

Мы знали, как вид — как разумная раса культуры и истории — что мы живем, дышим и существуем.

Ничто другое, кроме этого, не было фундаментальным, только знание того, что мы были живы. Это развило нас из животных, потому что вместе с нашим существованием пришло осознание того, каким даром была жизнь.

Страница 34

Некоторые из нас растратили его впустую.

Другие запутались до такой степени, что не могли ничего исправить, но большинство из нас ценили маленький подарок, который нам сделали, и были благодарны за него — независимо ни от чего.

Мы существовали, и это было чудесно.

Я никогда по-настоящему не понимал, насколько я был благодарен.

Но теперь я понял.

Когда я был между двух миров, где боль, смерть или даже время не могли добраться до

меня, у меня было бесконечное пространство для оценки и понимания. Я существовал как нечто большее, чем просто мужчина, больше, чем брат, или друг, или сын.

Я существовал, потому что помогал тем, кого любил.

Я помогал своей сестре.

Я помогал своему брату.

И я делал все возможное, чтобы оставаться верным душе внутри меня, а не внешним влияниям, пытающимся изменить меня.

Я существовал честно, и это было все, что имело значение.

Я бы не стал лгать и говорить, что не скучал по нему. Я скучал по отношениям с теми, кто был мне небезразличен. Я скучал по своему дому, по своим владениям, по своему будущему. Я скучал по мирским вещам, потому что знал, что никогда больше их не увижу.

Джетро было нелегко любить. Он был причиной боли моей сестры, моего тяжелого детства. Он был... трудным. Но он также был самым преданным, любящим, крутым братом, о котором я только мог мечтать.

Он заслужил прощение за свои проблемы. И мне нравилось думать, что я сыграл свою роль в том, чтобы помочь ему стать лучшим человеком — человеком, которому было бы легче жить с его состоянием.

Мое время истекло, мое существование почти закончилось.

И хотя мне было грустно уходить, я не боялся.

Потому что я существовал.

И поскольку я существовал, я никогда не мог перестать существовать.

Я хотел бы снова увидеть тех, кого люблю, но ненадолго.

И это тоже было нормально.

Поэтому я ждал в своем промежуточном мире, прислушиваясь к тишине, паря в небытии, просто ожидая подходящего времени. Я не знал, откуда мне знать. Я не знал, почему я ждал. Но что-то удерживало меня привязанным к миру, к которому я больше не принадлежал.

Пока однажды я не почувствовал это.

Щелчок.

Тишина превратилась в возвышенную музыку, небытие превратилось в тепло. Я знал, что с ним все будет в порядке. Я знал, что с ней все будет в порядке. С семьей, которая выстояла, все было бы в порядке.

Мой отец был мертв.

Бонни была мертва.

Дэниэль был мертв.

Зло наконец-то исчезло из моего дома.

И Джетро больше не нуждался во мне.

Это не потребовало никаких усилий, даже вдоха или сознательной мысли.

Я просто... ухожу.

У него была она.

У него было само его существование.

Теперь с ним будет Нила.

Он больше не нуждался в моей помощи.

Я улыбнулся, посылая любовь им обоим, прощаясь со всеми и прощаясь с миром, который ненадолго стал моим.

Джетро нашел то, ради чего он дышит.

Пришло время мне найти свое.

До свидания...

Джетро пришёл за мной на рассвете.

Его ледяное прикосновение разбудило меня, скользнув по моей щеке к губам.

Я ждала так долго, как только могла. Я продолжала бодрствовать у окна, умоляя его вернуться. Я вышагивала по толстым бороздкам на ковре, заставляя себя не засыпать.

Но я потерпела неудачу.

Жасмин ушла около полуночи, и вскоре после этого мое тело отключилось. Даже открыв окно и впустив холодный ветер, я не могла побороть сон, который овладел мной.

После четвертого спотыкания и дремоты, едва не свалившей меня на пол, я неохотно забралась в кровать и мгновенно погрузилась в сны. Хорошие сны. Плохие сны. Сны о смерти и разрушении, а затем о любви и жизни.

- Нила...

Его голос обволакивал мою душу, выдергивая меня из дремоты и отдавая прямо под его контроль. Мои глаза широко распахнулись, впитывая его. Рассветный свет едва освещал мою комнату, робко согревая ковер и подоконник обещанием нового дня.

Я приподнялась на локтях, проклиная недосыпание, сковавшее меня. Какое-то время я не могла его разглядеть, затем его фигура вырисовалась рядом со мной.

Физически он был цел и невредим. Высокий и сильный. Величественный.

Он стоял молча, пристально вглядываясь. Его глаза превратились в фейерверк во мраке, искрясь по моей коже.

Мой взгляд упал с его напряженного лица на точеную грудь и на его полутвердый член. Он стоял голый. Не в сексуальной манере, а раздетый, обнаженный. Он положил свой ужас, мучительный вечер и все свои эмоции к моим ногам.

Его кожа отливала белым алебастром, как будто он стал ночным существом, бессмертным монстром.

Слезы навернулись мне на глаза, когда я поняла, на какой грани он был. Он совершал поступки, которыми не гордился. Он делал то, чем гордился. И в конечном счете он пришел ко мне ни с чем, оставив прошлое позади, прося меня простить, забыть и помочь даровать отпущение грехов, в котором он так отчаянно нуждался.

Усевшись повыше в кровати, я кивнула на его безмолвные просьбы.

Почему он мокрый?

Его сброшенная промокшая одежда запятнала изумрудный ковер; его грудь поднималась и опускалась, как будто он пробежал марафон. Его глаза были дикими. Его волосы были мокрыми и спутанными. И его запах говорил обо всем, что он делал в одиночку.

Мы не разговаривали.

Он был на грани срыва.

Я была самой сильной в этот освещенный рассветом момент. Я была тем, кто должен был спасти его.

Я понимаю тебя.

Вспорхнув, я выбралась из-под одеяла и опустилась перед ним на колени. Я молча обняла его за дрожащие плечи. Я сняла повязку перед тем, как заснуть, и мой гипс царапнул

его мягкую кожу.

Я не сняла свою сорочку, и его холодное тело таяло в моем, вызывая снежные бури и метели, чем дольше я держала его.

Он такой холодный.

Я крепче обняла его, умоляя ответить.

Но он просто стоял там, дрожа, его горячее дыхание обдавало мои волосы, когда я уткнулась носом в его грудь.

- Все в порядке. Все в порядке. Я здесь.

Прижавшись теплыми губами к его холодному плечу, я подползла на коленях ближе к его будто мраморной фигуре.

У него вырвался вздох, когда я пригладила его волосы, целуя его шею до уха.

- Теперь ты со мной. Почувствуй, как сильно я тебя люблю. Сосредоточься на том, как я счастлива, что ты вернулся.

Я не переставала целовать его, гладить, желая, чтобы он вернулся к жизни.

- Джетро, сосредоточься. Забудь обо всем. Впусти меня.

Внезапно его спина согнулась, и он обмяк в моей хватке. Его руки обхватили меня, прижимая к своим твердым мышцам. Он ничего не сказал, но его душа взывала о помощи.

Я позволила ему обнять меня. Я позволила ему дрожать и содрогаться.

Время не имело никакого значения, пока мы существовали в объятиях друг друга и питали друг друга любовью. Я буду обнимать его всю оставшуюся жизнь и позабочусь о том, чтобы он никогда не чувствовал ничего, кроме принятия, обожания и безусловной любви.

- Все в порядке.

Мой голос обволакивал нас, сверкая, как светлячки, согревая его покрытое льдом тело.

- Я люблю тебя. Я здесь ради тебя. Почувствуй то, что чувствую я. Живи в том, как много ты для меня значишь.

С громким стоном Джетро поднял меня с кровати. Его руки обхватили меня, нежно прижимая к себе, когда он понес меня в ванную.

Моя сломанная рука лежала у меня на коленях, пока я позволяла ему делать все, что ему было нужно. Я не боялась. Я бы не стала расспрашивать его или давать ему какие-либо основания чувствовать нерешительность или нежелание.

Ему было плохо. Его силы были на исходе, но что-то гнало его вперед. Что-то, что ему нужно было отменить, чтобы обрести покой.

Я была его. Он был моим.

Я буду для него всем, пока он не соберет свою рассеянную душу и не вернется ко мне.

Джетро молча внёс меня в душевую комнату. Ту же, где он поймал меня со струей воды между ног. Ту же, где я наконец поняла, что влюбилась в него, несмотря ни на что.

Он молча включил горячую воду и прошел прямо под струи.

Моя сорочка мгновенно промокла, но мне было все равно. Все, о чем я заботилась, - это вернуть к жизни моего возлюбленного, защитника, будущего мужа любыми необходимыми средствами. Обхватив его затылок, я притянула его лицо к своему.

Он не сопротивлялся мне, когда наши губы встретились.

Он судорожно втянул воздух, когда я лизнула его нижнюю губу, сладко поклоняясь ему. Его глаза закрылись, его руки прижали меня ближе, и мир стал только нами, водой и паром.

Открыв рот, его язык нерешительно, виновато встретился с моим.

Я ненавидела то, что он забыл о наших обещаниях и обязательствах. Что он не поверил

моей клятве выйти за него замуж. Что он не был уверен, что я смогу полюбить его после сегодняшней ночи.

Крепче обхватив его за шею, я сильнее прижала наши губы друг к другу.

Он застонал, когда я попробовала его печаль, слизывая его беспокойство, заменяя его страстью.

Он медленно ответил. Боль внутри него развернулась, давление и стресс утекли в канализацию, когда на нас обрушилось еще больше капель. Наши сердцебиения звучали в унисон с признаниями.

- Я убил его.

- Я знаю.

- Я ненавижу его.

- Я знаю.

- Но я и любил его.

- Я понимаю.

Его язык дразнил мою нижнюю губу. Его сердце раскрылось и излило все, что он сделал.

- Я причинил ему боль.

- Он это заслужил.

- Мне это понравилось.

- Все в порядке.

- Я ненавижу это.

- Это тоже нормально.

- Он заслужил это?

- Да, он заслужил расплату.

- Он просил прощения.

- Ты простил?

- Да.

- О, Кайт...

Я поцеловала его крепче, наши губы перешли от танца к борьбе.

- Он извинился.

- Он должен был.

- Он сожалел о своих действиях.

- Хорошо.

- В конце концов, он был таким отцом, каким я всегда знал, что он может быть.

- Теперь все кончено.

Джетро поставил меня на ноги, прижав к плитке. Мой гипс промок насквозь, но у меня не было никаких забот, кроме Джетро. Моя сорочка прилипла ко мне, подчеркивая напряженные соски и тот факт, что под ней на мне не было нижнего белья.

Джетро оторвал свои губы от моих, уставившись на меня. В моих объятиях он медленно оживал, возвращаясь ко мне. Он двинулся вперед, зажав меня между плиткой и своей наготой.

В тот момент, когда наши языки снова встретились, наши сердца кричали все громче и громче. Чем больше наши души общались, тем более жестоким и бодрым он становился.

- Я скучаю по нему.

- Ты можешь скучать по человеку, но не по монстру.

- Я не должен был причинять ему боль.
- Он причинил тебе боль.
- Я должен был быть сильнее, чтобы спасти тебя.
- Ты действительно спас меня.

Он застонал, когда мои руки вцепились в его волосы, сильно дернув. Я не хотела, чтобы он впал в ненависть к себе. Кат этого не стоил. Я отбросила свою ненависть; я даровала прощение. Но я бы не позволила тени Ката разрушить с таким трудом заработанное будущее Джетро.

Я дотронулась до него.

- Ты спас мне жизнь. И не один раз.
- Я чуть не опоздал.
- Но ты не опоздал. Ты сделал это.
- Я должен был спасти тебя, когда увидел в первый раз.
- Ты действительно спас меня.
- Как?
- Ты влюбился в меня.

Его руки скользнули вверх по моим бокам, разрывая мою промокшую одежду. Мои волосы прилипли к щекам, когда его пальцы разорвали вырез моей сорочки, разрывая её напополам.

Опустившись на колени, он стянул ткань с моего мокрого тела, пока мы не оказались обнаженными под струей пара.

Мы не включали свет. Наши тела были написаны шрифтом Брайля, когда наши пальцы скользили и соприкасались.

Его кожа сияла белизной в сером утреннем свете. Его глаза такие яркие, яркие.

Встав, Джетро схватил меня за бедра и повел нас под струи воды. Его рот завладел моим — отчаянный, голодный.

Мы пили воду и друг друга, целовались, всегда целовались. Трогательно, вечно трогательно.

Мыла не было, но его руки покрывали каждый дюйм моего тела, смывая прошлое, убийство, последние несколько часов.

Я отплатила ему тем же, массируя его напряженные плечи, напряженный позвоночник, узлы в нижней части спины. Я промыла водой его синяки и порезы, желая, чтобы тепло вернуло его в нормальное состояние.

Моя сломанная рука сводила на нет любое давление, которое я могла бы оказать пальцами, но я отказался позволить ей бесполезно висеть.

Я заставляла каждый дюйм себя — части невредимые, части страдающие — исцелять его, любить его, возвращать его к свету.

Потянув его за волосы, я оторвала его губы от своих.

Его глаза сузились, но он ничего не сказал.

Проведя кончиком пальца по его губам, я улыбнулась, когда он нежно прикусил меня.

Двинувшись вниз по шее и груди, я не остановилась, когда мои пальцы прошли по мышцам, опускаясь между его ног.

В тот момент, когда моя рука сомкнулась вокруг его члена, с его губ сорвалось гортанное рычание. Он потянулся к моим щекам, чтобы поцеловать меня, поглотить меня, но я покачала головой и упала перед ним на колени.

Моя сломанная рука покоилась на моем бедре, в то время как вторая гладила его, поощряя его член набухать и твердеть.

Его живот напрягся, каждый мускул дрожал от желания. Его рот открылся, голова откинулась назад, он ухватился за кафельную стену для равновесия.

Мое внимание переключилось на его твердеющую эрекцию. Тот факт, что его мысли были переполнены желанием, радовали меня. Он дал мне власть над ним. Он позволил мне забрать воспоминания и заменить их нашими.

Мы не только смоем все, что он совершил сегодня вечером, но и кровь прошлого, несправедливые выплаты долгов и пыльные равнины Африки.

Его член полностью набух, когда его мысли переключились с самосохранения на секс.

Я улыбнулась, беря его длинную, толстую длину в рот.

Его рука тяжело опустилась мне на голову, пальцы запутались в моих волосах, когда я взяла еще больше его члена, приветствуя его мускусный жар на своем языке.

Я боготворила его, отдавая ему все, чем я была. Мой язык кружился, дразня и обожая. Его яйца напряглись, прижимаясь ближе к телу, когда я дала ему то, в чем он нуждался.

Ему нужно было знать, что со мной все в порядке. Что есть мы. Что он не найдет здесь осуждения. Что его любили так же сильно, как и раньше.

Его бедра раскачивались в такт моей покачивающейся голове. Моя рука крутила и гладила, размазывая слюну и воду из душа по его стволу. Его рука сильнее сжала мои волосы, затем расслабилась, как будто он вспомнил, что нужно быть нежным.

Я не хотела, чтобы он что-то помнил. Я хотела, чтобы он зашел так далеко, охваченный желанием.

Я хотела править им.

Мой темп ускорился, мой язык танцевал, лаская чувствительную головку и глотая соленую жидкость.

Постепенно его дыхание изменилось с прерывистого и печального на возбужденное.

Его пальцы дернули меня за волосы, причиняя приятную боль, а его другая рука громко ударила по стене позади меня, скользя и скользя, удерживая себя, в то время как его бедра двигались всё быстрее.

Мое сердце радовалось, от осознания, что он наконец-то нашел некоторое облегчение от своих мыслей.

Я закрыла глаза и позволила ему использовать меня. Я позволила его стонам проникнуть в мое сердце. Я позволила его рывкам и толчкам наполнить мою душу.

Я не знала, как долго мы так оставались. Я у его ног, и вода льется дождем со всех сторон, но ярость, которую испытал Джетро, наконец исчезла, сложная и неразрешимая, но тем не менее исчезла.

У меня болела челюсть, язык пульсировал.

Однако я не пыталась довести его до оргазма. Я только старалась сосредоточить его внимание на себе, принести ему блаженство после кошмара.

Его рука внезапно оторвалась от стены, скользнув к той, что уже была в моих волосах. Обхватив пальцами мой подбородок, он прервал моё сосание, оторвав меня от своего члена.

Его пристальный взгляд затмил меня с такой любовью и нежностью, что я не могла дышать.

- Нила... - Его руки подхватили меня под мышки, поднимая на ноги. - Ты мне нужна.

Его член ударился о низ моего живота, когда он поднял меня на руки. Он немного

споткнулся, но сумел удержать меня. Его рот захватил мой, и на мгновение он поцеловал меня так чертовски сильно, так чертовски дико, что мое сердце сжалось от начала освобождения.

Его язык был волшебным, даруя мне тот же дар, который я пыталась подарить ему, гарантируя, что все, о чем я думала, все, что мне было нужно, - это он.

Тяжело дыша, он оторвал свои губы от моих и, слабо покачиваясь, вышел из душа.

Я ничего не сказала.

Не было подходящих слов, когда он потянулся назад, чтобы выключить душ, и схватил полотенце с поручня. Накинув пушистое полотенце на мое тело, он поднял меня повыше и направился обратно в спальню.

След влаги сделал зеленый ковер почти черным, когда он поставил меня на ноги рядом с кроватью и благоговейно накинул полотенце мне на плечи.

Рассвет уступил место слабому солнечному свету. В ярком свете шрамы наших испытаний стали более очевидными. Моя кожа выглядела как разномастная карусель: синяки от ударов Дэниэля. Царапины от стекла и автомобильной бойни. Промокший под душем гипс на моей руке.

И Джетро.

Его тело хранило тени и секреты того, что он пережил, чтобы добраться до меня. Его волосы закрывали рану на виске. Его кожа, теперь не холодная, излучала тепло вместе с лихорадкой, от которой ему нужно было избавиться. Ужасная красная рана на его боку больше не была скрыта. Сморщенная кожа там, где были сняты швы, нуждаясь в исцелении.

У каждого из нас были свои следы от этой войны.

Но мы носили их с гордостью, потому что мы победили.

И как только наши тела воссоединятся, я найду Флоу, который поможет остановить лихорадку Джетро. Я вызову врача, чтобы он зашил ему бок. И я найму лучшую команду, чтобы убедиться, что с ним всё в порядке после автомобильной аварии в Африке.

Губы Джетро дрогнули.

- Мне нравится чувствовать твои мысли. Мне нравится знать, что ты хочешь исцелить меня, даже когда твое тело требует, чтобы я взял тебя.

Страница 35

Я вздрогнула, когда его хриплый голос разнёсся по комнате.

Очень нежно, с глазами, полными любви, он вытер меня от макушки до кончиков пальцев ног. Как только я вытерлась, я взяла полотенце и отплатила ему. Мне потребовалось немного больше времени, так как я не могла использовать в полной мере две руки, но к тому времени, когда я завернула его член в полотенце, ему было все равно, что на его плечах осталось несколько капель.

Ведя меня за запястье, он подошел к изголовью кровати и откинул простыни. Подняв меня на руки, он осторожно положил меня на матрас. Перейдя на другую сторону кровати, он забрался на постель и сразу же схватил меня, прижимая спиной к своей теплой груди.

У него вырвался громкий вздох. На мгновение мы просто были. Просто жили, расслаблялись и пребывали в предвкушении секса, успокаиваемые счастьем нашего единения.

Его член был твердым, прижатым к моей пояснице. Его ноги гладили мои,

поддерживаясь, как хвост хищника.

- Я больше не знаю, кто я такой.

- Я знаю. Ты моя. Ты Кайт.

- Я никогда не смогу рассказать тебе, что произошло сегодня вечером.

- Я знаю. Я и не жду от тебя этого.

Его рука сжала мой живот, и я выгнулась навстречу его эрекции.

Учащенно дыша, он повернул меня лицом к себе, прижимаясь своим носом к моему.

Его глаза проникли сквозь мою душу в эпицентр того, кем я была. Он искал ответы на свои страшные вопросы. Он искал любую ложь о том, что я не любила его так сильно, как говорила. Что я сожалею о любом дюйме того, что произошло.

Я не боялась.

Он не нашел бы такого фарса или скрытой тайны.

Только после того, как он исследовал каждую грань, он немного расслабился. Только после того, как он полностью признал, что я люблю его без лжи, искажающей правду, он прикоснулся ко мне. Искренне веря мне.

- Я так много сделал тебе. Я причинил тебе такую ужасную боль. - Его рука обхватила мою щеку. - Я не заслуживаю тебя или твоего прощения, но я даю тебе свою клятву, Нила. Я никогда больше не причиню тебе боль. Я никогда не буду просить у тебя больше, чем ты можешь дать. Мне нужно, чтобы ты была сильной ради меня. Как я уже говорил тебе в ночь после Третьего Долга, любить такое существо, как я, - тяжелая работа. Я высосу из тебя все резервы. Я буду питаться твоей любовью. Я буду жаждать всего, что ты можешь дать, потому что ты спасаешь меня от самой жизни. Но я клянусь, что все, что я возьму у тебя, я верну стократно. Я доверяю тебе свое сердце, свое богатство, свою гребаную душу навсегда.

Его голос стал тише, превратившись почти в шепот.

- Я никогда не смогу обсуждать то, что я сделал, и я никогда больше не сделаю ничего подобного. Я не могу обещать, что у меня не будет плохих дней. Я не могу заверить тебя, что мне не понадобится пространство или время, если эмоции станут слишком сильными, чтобы их выносить. Но я обещаю, что никогда никого не буду любить так сильно, как люблю тебя.

Его пристальный взгляд поймал меня в ловушку.

- Ты сможешь жить с этим? Можешь ли ты быть такой чертовски самоотверженной, чтобы принять меня в моем худшем, моем лучшем, моем испорченном состоянии и поддержать меня, даже когда я буду сломлен?

Я проглотила слезы, сильнее прижимаясь щекой к его руке.

- Я смогу.

Он молчал, давая мне собраться с мыслями, потому что мне нужно было еще что-то сказать... У меня просто не было слов, чтобы выразить это.

- Ты никогда не будешь сам по себе, Джетро. Тебе никогда не нужно бояться, что я не пойму или оттолкну тебя. Тебе никогда не придется убегать, потому что я внезапно разлюблю тебя. Я принимаю твои обещания и даю тебе свои собственные. Я обещаю, что независимо от того, что произойдет в будущем, мы все уладим. Я клянусь, что независимо от того, как сложится жизнь, я буду рядом с тобой. Я всегда буду любить тебя, потому что я видела худшее в тебе и видела лучшее, и я знаю, как мне повезло, что я встретила свою идеальную пару.

Он сдался.

- Я, бл*дь, обожаю тебя. Я бы отдал свою жизнь...

Моя здоровая рука взлетела вверх, мои пальцы прижались к его губам.

- Больше никаких разговоров о смерти. Не сейчас.

Мои глаза переместились к его рту; кончики моих пальцев потеплели, когда его розовый язык нежно лизнул меня.

Атмосфера между нами изменилась.

Восторженный экстаз наполнил мою кровь, когда Джетро притянул меня ближе. Моя рука упала с его губ, когда его голова наклонилась к моей. Его тело было накалено, обжигая меня, одурманивая невысказанными словами и мимолетными ласками.

Я нуждалась в нем.

Он нуждался во мне.

Мы нуждались друг в друге. Это была наша новая судьба. Прямо здесь. И никто — ни долги, ни семья, ни контракты — не мог отнять это у нас.

Его глаза вспыхнули золотисто-бронзовым блеском с нотками жестокости, когда он склонил голову, преодолевая последнее расстояние. Его губы ласкали мои, прежде чем его язык прошелся по моей нижней губе.

- Нила...

Мои мышцы обмякли, реагируя на желание в его голосе.

Я поцеловала его в ответ.

Наши губы танцевали, становясь первобытными, берущими, дающими, влажными, поглощающими. Он посасывал мой язык, грубые звуки похоти и обладания вибрировали в его груди.

Он потянул меня за волосы, заставляя запрокинуть голову. Обнажив мою шею, он поцеловал меня вниз по подбородку и шее, к груди. Он так и не отпустил мои волосы, когда его рот накрыл мой сосок.

Я вскрикнула, когда он потянул сильно и глубоко, словно дёрнув за невидимую ниточку между грудью и сердцем. Мое лоно сжалось, сочась влагой, и я раздвинула ноги с откровенным приглашением.

Перекатив меня на спину, он скользнул своим твердым телом поверх моего. Его бедра идеально поместились между моими открытыми бедрами, и он тяжело вздохнул, когда его член эротично прижался к моей нежной плоти.

Схватив мою голову за волосы, он крепко поцеловал меня, его аромат опьянял меня. Удовлетворение, облегчение, отчаяние — все это имело свой привкус. Muskusный, дымный, сладкий. Он дал мне все. Его страх. Его счастье. Его сожаление. Его надежду.

Поцелуй был калейдоскопом вкусов, который сблизил нас еще больше.

- Спасибо, - пробормотал он, целуя мои скулы и ресницы. - Большое спасибо.

Я изо всех сил пыталась понять, когда его руки скользнули вниз по моему животу.

- За что?

Его рот не отрывался от моей кожи.

- За то, что доверяешь мне, даже когда я не давал тебе повода для этого. За то, что дала мне все, даже когда я взял больше, чем заслуживал.

Мои глаза оставались закрытыми, мое тело парило под его мастерским заклинанием. Мой голос был самой нежной мелодией.

- Ты можешь это почувствовать?

Он кивнул, его волосы щекотали мою грудную клетку.

- Я чувствую все, когда я с тобой, Нила.

Я ахнула, когда он снова схватил мой сосок. Его зубы угрожали, восхитительно царапая чувствительную кожу.

Я напряглась в его объятиях. Больше. Укуси меня. Отметь меня.

На моих татуировках на кончиках пальцев горели его инициалы. Я хотела большего. Я заплатила долги и пережила последний. Я хотела, чтобы отметины доказали, что это он спас меня. Тот, кто уничтожил долги и войну.

- Я так чертовски благодарен тебе. - Его медленная улыбка была чистой правдой. - Я так восхищен, что ты влюбилась в меня.

Он боготворил меня, подчиняясь мне самым милым для мужчины способом.

- Ты убиваешь меня каждый день, потому что я не могу поверить, как мне повезло.

- Остановись. Тебе не нужно...

Он снова поцеловал меня.

- Нужно. Мне нужно, чтобы ты поняла, что это не пустые слова или пустые обещания. Это чистая перед Богом правда.

Мое сердце екнуло. Он дал мне так много, что сам даже не догадывался насколько много.

Я ощутила мягкий матрас, когда его тело вдавило меня глубже в одеяло. Его руки дрожали, когда он гладил меня. Лихорадка все еще чувствовалась на его коже, а травма замедлила его движения, но он не останавливался. Не было повода останавливаться.

На этот раз я хотела бы заняться любовью без страха и сожаления. Я хотела окружить себя счастьем и удовольствием и отгородиться от мира.

Я провела руками по его груди.

Он задрожал, его мышцы были горячими и напряженными под моим прикосновением.

- Ты мне нужен, Кайт. - Я прижалась губами к впадинке у него на шее. - Ты мне так нужен.

- Я весь твой. Отныне и навсегда.

Его голос стал хриплый. Он скользнул выше, опустив голову, его зубы впились в мое плечо. Притянув меня ближе, он выровнял наши бедра, прижимаясь ко мне всем своим телом.

Находиться в его объятиях было божественно.

Высвободив свои руки из его объятий, я откинула назад волосы цвета соли и перца, глядя ему в глаза.

- Ты прекрасна.

Он втянул в себя воздух.

- Красивая внутри и снаружи. Ты не представляешь, как долго я хотел чувствовать себя достойным этого. Нравиться самому себе. Чтобы иметь возможность жить с тем, кто я есть.

- Тебе больше не нужно жить с самим собой. Ты живешь со мной. Позволь мне любить тебя достаточно для нас обоих.

Он сжал меня так чертовски сильно.

- Бл*ть, Нила.

Перевернув меня на живот, демонстрируя нежность мужской силы, он обнял меня так, как будто хотел раздробить каждую косточку в моем теле. Затем, с ошеломляющей нежностью, он снова перевернул меня, прижимая мои плечи к матрасу.

Он навис надо мной, его глаза были полны вождения, а подбородок затеняла сексуальная щетина. Влечение между нами достигло невыносимого уровня.

Мы пережили больше, чем кто-либо другой за всю свою жизнь. И, несмотря на все обиды, которые мы пережили, восхитительный провокационный привкус опасности все еще таился вокруг нас.

Джетро был опасен. Он всегда будет опасен — не из-за своего происхождения или богатства, а из-за того, кем он был. Тем не менее, он также был самым мягким человеком, которого я когда-либо встречала, он строил стены и механизмы, чтобы жить в мире чрезмерного шума.

Он также был самым сильным человеком, которого я когда-либо знала. Если бы я ежедневно сталкивалась со своим физическим дисбалансом, беспокоящим меня, я не могу представить, сколько сил бы мне потребовалось.

Его руки сжали мои бедра. Его рот приоткрылся, прижимаясь к моему. Наклонив голову, он углубил поцелуй, заставляя меня закружиться в его объятиях. Его губы были мягкими, но требовательными. Его язык шелковистый, но властный. От такого контроля никуда не деться.

Я чувствовала его повсюду, вокруг себя, внутри себя. Его недостатки. Его триумфы. Но больше всего его бескорыстную любовь. Он любил меня так сильно, что сделал то, что сделал со своим отцом. Достаточно сильно, чтобы следовать за мной по всему миру. И этого достаточно, чтобы положить конец шестисотлетней вражде между Уивер и Хоук.

Я скользнула руками по его напряженному позвоночнику, обводя его бедра, чтобы схватить его член. Его тело все еще было влажным после нашего душа.

- Спроси меня еще раз. Теперь, когда все кончено.

Джетро нахмурился, его пульс бешено колотился.

- Спросить тебя...

Затем понимание наполнило его взгляд. Он поцеловал меня страстно и сладко.

- Нила Ниточка Уивер, ты выйдешь за меня замуж?

Напряженность в его голосе разорвала мое сердце.

Я кивнула.

- Да. Тысячу раз да.

- Все, что ты чувствуешь ко мне, Нила. Это так сильно. Слишком интенсивно. Мне нужно, чтобы ты никогда не отнимала это у меня. Я не думаю, что выживу, если ты это сделаешь

- Я обещаю.

Ленивая улыбка — первая, которую я увидела за последние недели, — тронула его губы.

- Я собираюсь заставить тебя сдержать это обещание.

Меланхолия исчезла, когда рассвет сменился ярким дневным светом.

- Ммм... и как же?

Его рука скользнула вниз по моему телу, двигаясь между моих ног.

- Заявляя права на тебя каждый день до конца наших жизней.

Его пристальный взгляд затуманился, когда он погладил мой клитор чувственными пальцами. Все в нем было порочным, диким и таким бесстыдно реальным.

- Помоги мне, Нила. Помоги мне показать тебе, как сильно я тебя люблю.

Мне не нужны были инструкции.

Раздвинув ноги, я позволила его прикосновению опуститься вниз, поглаживая мой вход, медленно вводя палец.

Моя рука погладила его в ответ, пробегая рябью по бархатистому камню его эрекции.

Моя спина выгнулась, когда его большой палец ласкал мой клитор, без усилий играя балладу удовольствия.

Я вскрикнула, когда он добавил второй палец. Давление стало неопишимо сильным.

Свободной рукой он схватил меня за бедра, удерживая, пока я раскачивалась на его руке.

- Боже, ты прекрасна.

Его голос был полон отчаяния, его пальцы трахали меня почти неторопливо, но совершенно собственнически.

Разжав мои пальцы вокруг его члена, он прижал свою эрекцию к моему бедру.

- Почувствуй меня. Почувствуй, как сильно я хочу тебя — не только сейчас, но и на всю оставшуюся жизнь.

Мои руки снова полетели вниз, снова захватывая его, работая с ним быстрее, сильнее.

Он застонал, двигая пальцами внутри меня, подстраиваясь под мой порочный ритм.

Волна блаженства охватила меня; я застонала, когда его большой палец продолжил играть со мной.

- Джетро...

Он остановился.

- Не кончай. Я не хочу, чтобы ты кончала. Еще нет.

Его зубы впились мне в ухо, а от его резкого дыхания по моей коже побежали восхитительные мурашки.

- Нет, пока я не окажусь внутри тебя и не завладею твоим телом, а также твоим сердцем.

В его голосе звучало предупреждение. Он зарычал, прикусывая меня.

- Джетро... возьми меня, пожалуйста.

Его губы растянулись в ошеломляющей улыбке. Он убрал свои пальцы, и размазал мою влагу вокруг моего горла, где был бриллиантовый ошейник. Легкая тень затуманила его глаза.

- Ты будешь носить это всю оставшуюся жизнь.

- Я знаю.

- Я постараюсь найти способ снять его.

Я покачала головой.

- Нет, мне это нравится. - Подняв руки, я показала ему свои татуированные кончики пальцев. - Точно так же, как мне нравится это. Наше начало было не таким, как положено роману, но я не хочу расставаться ни с чем. Включая Плакальщицу-Уивер.

Его лоб наморщился.

- Давай не будем называть это так. Ему нужно новое название.

Его бедра качнулись, соединяя его кусочек головоломки с моим. Его лицо потемнело, когда кончик его члена нашел мой вход. Не отводя взгляда, он погрузился в меня, медленно пронзая. Его челюсть сжалась, когда мое тело приветствовало его.

Медлительность и трение его проникновения сводили меня с ума.

Я ахнула, когда он преодолел барьер комфорта, погрузившись в меня на всю длину. Только когда он полностью погрузился в ножны и смог говорить сквозь эхо удовольствия, он прошептал:

- Как насчет Ястреба-Искупителя?

Мое сердце сжалось.

- Мне это нравится.

- Мне тоже.

Его хриплый голос одурманил меня, когда он качнулся ещё раз, и снова.

- Ооо...

Мои глаза закрылись; все, на чем я сосредоточилась, было то, где мы соединились. Мне никогда не надоест спать с этим мужчиной. Никогда не надоест любить его.

- Черт, мне нравится, когда ты думаешь об этом. - Его глаза светились благоговением. - Они такие сильные и чистые — такое чувство, что я читаю твои мысли, а не только твои эмоции.

- Мне нечего скрывать от тебя.

Моя голова откинулась назад, когда он снова вошел в меня, глубже, меняя угол своего направления. Мое тело приняло его одним плавным движением.

Мы так хорошо подходим друг другу. Это было всегда именно так.

- Черт, Нила. - Его голова упала вперед. - Ты такая тугая, такая потрясающая, такая чертовски драгоценная.

Слова покинули меня, когда я принимала каждый его толчок. Его член пульсировал внутри, такой твердый и толстый.

Джетро поцеловал меня. Жестко и быстро. Его губы скользнули к моему уху.

- Я хочу тебя всегда и навсегда. Как сейчас. Никакой лжи. Между нами нет ничего, кроме честности.

- Ничего. - Я извивалась под ним, желая большего. - Я обещаю.

Бред, который он вызвал в моей крови, заставил мои мысли рассеяться. Мне нужно было разрушиться и возродиться после всего, что произошло. Мне нужно было кончить.

- Я не думаю, что могу ждать, - прорычал Джетро, раскачивая свой член так, чтобы основание его потерлось о мой клитор. Я ахнула, а моя кровь будто вспыхнула.

- Тогда не делай этого. - Держась за его затылок здоровой рукой, я умоляла. - Пожалуйста... дай мне то, что ты хочешь. Мне это тоже нужно.

Тепло разлилось по моей коже, когда он толкнулся сильнее, трахая меня, обожая меня, поднимая меня на вершину экстаза. Жар разгорался до тех пор, пока не превратился в ад, заставляя меня страдать от сексуальной лихорадки, требуя лекарства в виде оргазма.

- Боже, да. Больше. Пожалуйста.

Джетро ударил кулаками по моей подушке, используя кровать в качестве якоря, когда он оседлал меня. Его член входил и выходил.

Я принимала каждое наказание, поднимаясь все выше и выше, обхватывая ногами его бедра, умоляя, любя, взлетая все быстрее и быстрее навстречу освобождению.

Его лоб встретился с моим, тепло окутало нас, и его темп стал бешеным.

Я не могла... Я больше не могла этого выносить.

Экстаз превратился в эйфорию. Покалывание пробежало от моих пальцев ног, потрескивая в моем лоне, взрывающееся в моей сердцевине.

Взрыв и блаженство.

Я достигла края.

- Да. Да. Боже, да.

Моя киска сжала его в тисках, отчаянно сжимаясь от волн удовольствия.

Джетро выругался, но не кончил. Он навис надо мной, делая мне подарок, все это время наблюдая, как я разваливаюсь на части. Это сделало мое освобождение таким особенным—

превратив наш момент во что-то настолько интимно уязвимое.

Только когда я выжалась досуха, он сжал в кулаке подушку и уткнулся лицом мне в горло. Его гортанный стон, когда он кончил, послал еще одну вспышку опьянения через мой организм.

- Бл*ть, я люблю тебя.

Его рычание источало чистую сексуальность и безудержное благоговение.

Его оргазм сотряс его тело, выжимая его досуха, когда он извергся в меня. Я обняла его, позволяя ему наслаждаться от своего освобождения.

Мы оставались прижатыми друг к другу еще долго после того, как его бедра перестали подергиваться. Наши сердца бились в одном ритме.

Он медленно приподнялся на локтях и обхватил мою голову руками. Близость между нами вызвала внезапные слезы на моих глазах.

- Ты - все, в чем я когда-либо нуждался, Нила. - Его голос был хриплым и глубоким. - Каждый день, каждое текстовое сообщение, каждый ужасный долг я отдавал тебе свое сердце.

Он ткнул меня своим носом.

- И теперь все это принадлежит тебе.

Мои соски покалывала его грудь, когда моя здоровая рука обвилась вокруг его мускулистой талии. Между нами не было никакого пространства. Его сердце билось рядом с моим, и я никогда не хотела, чтобы он уходил. Моя киска дрожала от толчков нашего оргазма — эрекция Джетро все еще была внутри меня.

Он усмехнулся, заставив свой член дернуться.

- Жаждете еще одного раунда, мисс Уивер?

Я ахнула, дрожа от смеси счастья и огорчения, услышав свою фамилию. “

- Всегда.

Наклонив голову, он выдохнул:

- Поцелуй меня, Иголочка.

Мое сердце подпрыгнуло к горлу, когда я поцеловала его со всем, что у меня осталось. Наши губы встретились, горячие и влажные, потрескивающая жажда секса смешивалась с эротическим обещанием большего.

Мои пальцы исчезли в его волосах, держа его так, как он держал меня. Наши сердца снова беззвучно заговорили, когда его поцелуй стал требовательным и бесконечным. Его член утолщался внутри меня, когда его язык входил и выходил, трахая мой рот точно так же, как он трахал мое тело.

Страница 36

Я не могла любить его больше, чем любила. Я не могла просить большего, чем мне дали.

Что бы он ни сделал сегодня вечером, воздух вокруг нас все еще был напряжённым. Скрытое течение смерти и разрушения не исчезло, но очарование светлого будущего становилось сильнее с каждой минутой.

Нам потребуется время, чтобы двигаться дальше. Но мы справимся.

Все мы.

Потому что мы это заслужили.

С ним внутри меня мы были неразлучны.

Отныне и навсегда.

Он сделал предложение.

Я сказала "да".

Мы принадлежали друг другу.

Навечно.

Моё сердце больше не могло справляться со всем этим.

Не после вчерашнего. И все же у меня не было выбора, кроме как терпеть дальше.

В правой руке я держал руку своей сестры. В левой я держал руку своей невесты, неосознанно передавая эмоциональные послания так же естественно, как дыхание.

Прошлой ночью мы стали больше, чем двумя людьми под струями воды. Мы стали одним целым.

Между нами все изменилось.

Наша связь вышла на новый уровень. Более глубокая, нерушимая связь — неопишуемая дружба.

И как бы мне ни хотелось это отрицать, сегодня я больше всего на свете нуждался в дружбе и поддержке Нилы.

Сегодня.

Я с трудом сглотнул, ненавидя это слово.

Я навсегда запомню этот день. Я всегда буду ненавидеть этот день.

Утро было блаженным. После секса с Нилой, я провалился в такой глубокий сон, будто попал в черную дыру от усталости. Я проснулся только после позднего обеда, и только потому, что мучительная боль голода заставила меня удовлетворить другие мои потребности.

Как только мы с Нилой совершили набег на кухню за сэндвичами с жареной курицей и чипсами, Флоу нашел нас и потребовал, чтобы мы последовали за ним в его комнату в восточном крыле.

Там он переделал промокший гипс Нилы и зашил рану на моем боку. Он также проверил мои жизненно важные показатели и дал мне антибиотики от лихорадки. После этого он дал мне строгие инструкции отправиться на надлежащее обследование к моему врачу в больницу и заверил меня, что позаботился о раненых из бального зала и хорошо справился с последствиями.

Обычно я не оказывал сотрудникам такого доверия. Но теперь Флоу был чем-то большим. Он доказал, что способен на многое и что он предан мне. Если бы он сказал, что у него все под контролем, я бы поверил ему, а пока я сосредоточился на более важных вещах.

Таких вещах, как исцеление и избавление от воспоминаний о том, что произошло между мной и Катом. Каждый раз, когда я думал о своем отце, мое сердце сжималось от боли. Был ли я прав, делая такие вещи? Был ли я неправ, сожалея о них после всего, что он сделал?

Я вздохнул, сжимая руки моей сестры и Нилы. Я не мог думать об этом.

Не здесь.

Не сейчас.

Не тогда, когда само здание, в котором я стоял, лишило меня всех резервов, которые у

меня были, отравляя меня печалью, горем и непреодолимой беспомощностью.

Кестрел.

Будь ты проклят, брат.

Мои глаза горели, когда я сосредоточился на своем лучшем друге.

Я вернулся в больницу. Однако я стоял в подвале учреждения, предназначенного для исцеления и поддержания жизни раненых, вдыхая зловоние смерти. Наверху живые все еще цеплялись за надежду. Но здесь, внизу... здесь, внизу, мы стояли в морге.

Склеп, где бездушные тела застыли на льду, ожидая, когда их близкие определят их судьбу. Ужасное, ужасное место.

Я не хочу прощаться.

Нила сжала мою руку, когда я проглотил рычание, проклятие... рыдание. Я не знал, как реагировать. Я не мог отделить свои мысли от мыслей Жасмин или Нилы.

В машине мне пришлось с визгом остановиться, выскочить и ударить кулаком по невинному дереву на обочине дороги.

Жасмин.

Она мне не сказала.

После того, как Флоу залатал меня, я отправился на поиски Нилы. Я справился со своим голодом и болезнью, и все, чего я хотел, это вернуться в постель и провести дни, прячась от других, погруженный в любовь, которую Нила питала ко мне.

Но это было до того, как зазвонил телефон.

Это было до того, как позвонила Жасмин и сказала мне присоединиться к ней в больнице.

Гребаная больница.

То же самое место, где я чуть не умер, и мой брат...

Моя голова склонилась, когда я выдернул руку из руки Жасмин, сжимая переносицу.

Жасмин позвонила первой. Разговор, которого никто не хотел. Она заручилась помощью Вона, чтобы он отвез ее в больницу.

Она ушла без меня.

Она намеренно оставила меня в неведении, что мой чертов брат, бл*дь, умер.

Рука Жасмин легла мне на локоть, она так тихо плакала.

- Мне жаль, Джет. Так жаль. Я приходила за тобой. Действительно. Я вошла в покои Нилы и наблюдала, как ты спал у нее на руках.

Ее глаза были устремлены на Кеса, ее слова были обращены наполовину к нему, наполовину ко мне.

- Ты выглядел таким счастливым, таким умиротворенным. После всего, через что ты прошел, я не могла. Я не могла тебя разбудить.

Нила отпустила меня, подойдя к Жасмин и втиснувшись туда, где Вон слегка касался плеча моей сестры. Нила улыбнулась своему близнецу, обнимая Жасмин.

- Мы понимаем. Джетро нездоров. Ему нужно было отдохнуть. Ты поступила правильно...

Я повернулся к ним обоим.

- Правильно? Как ты смеешь решать, что правильно, когда мой гребаный брат мертв! Я должен был быть здесь ради него. Я должен был взять его за руку и попроситься. У меня должна была быть возможность сказать ему, как сильно я его люблю. Как сильно он мне помог. Как сильно я ценил его дружбу, даже когда отталкивал его.

Боль от его кончины скомкала мое сердце, как грязный лист бумаги.

- Я должен был быть там.

Кожа Жасмин побелела от горя.

- Он был уже мертв, Кайт. Он скончался, когда ты был с Катом. - Ее глаза широко распахнулись. - Забудь об этом. Я не собиралась тебе говорить. Забудь...

- Что?

Мой позвоночник сжался. Я ударил себя кулаком в грудь, ища облегчения от медленно нарастающей агонии.

- Ты говоришь мне, что пока я причинял боль нашему отцу — пока я делал то, что считал правильным, — мой брат умер! Неужели это жестокая шутка жизни? Я украл жизнь. Следовательно, они украли его взамен!?

Я повернулся лицом к брату, схватив его ледяную руку своей.

- Это моя вина...

Колеса Жасмин закричали, когда она подъехала ближе. Нила последовала за ней, придвинувшись ко мне, окутывая меня своей печалью и отчаянием.

- Он тоже был моим братом, Джет. Ты не думаешь, что я хотела попроситься? Я бы все отдала, чтобы быть там. - Ее голос стал яростным. - И это не твоя вина.

Вон не сказал ни слова, немного отступив назад, не сводя глаз с Кестрела.

- Кес знал, как мы к нему относимся. Он знал, что его любят. Он умер, зная, как сильно мы будем скучать по нему.

Жасмин не могла продолжать; ее слезы превратились в рыдания, и мое сердце разорвалось от ее боли.

Я сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони, желая пустить кровь. Мне нужно было причинить себе боль, чтобы я мог сосредоточиться на чем-то другом, а не на комнате, полной трагедии. Мне нужен был мой клинок, чтобы я мог пройти через это.

Но у меня ничего не было с собой.

И я не мог оставить Кестрела.

Нила прижалась ко мне, обхватив меня здоровой рукой за талию и прижав голову к моему плечу. Она не сказала ни слова, но в этом и не было необходимости.

Каким-то образом она отбросила свое горе из-за смерти Кеса и сосредоточилась на своей любви ко мне. Стоя в комнате, полной несчастья, она дала мне силы.

Неосознанно мое тело немного расслабилось. Я наклонился к ней, целуя в макушку.

- Спасибо.

Она не подняла глаз, но кивнула.

Успокоившись, я тяжело вздохнул и повернулся, чтобы обнять свою сестру. Я поднял ее плачущую фигуру с инвалидного кресла, бормоча ей на ухо.

- Прости, Джаз. Я не имел права кричать на тебя.

Она прижалась ко мне, плача все сильнее.

- Я не должна была принимать решение позволить тебе поспать. Я должна была разбудить тебя. Я никогда себе этого не прощу. Но я не отходила от него, Кайт. Я оставалась с ним, пока вы не приехали. Я составила компанию нашему брату.

Отстранившись, я смахнул ее слезы.

- Спасибо.

В тот момент, когда я отпустил Джаз, чтобы прикоснуться к Ниле, Вон снова положил ладонь на плечо моей сестры.

Я прищурился.

Он сверкнул глазами.

Я не хотел чувствовать то, что он делал, но он не оставил мне выбора.

Она ему нравилась.

Он хотел ее.

Он ненавидел, когда ей было больно, и будет рядом с ней, нравилось мне это или нет.

То, что у Вона появились чувства к моей сестре, разозлило меня, но было слишком много вещей, на которых нужно было сосредоточиться. Был другой человек, о котором нужно было беспокоиться.

Игнорируя его, я снова повернулся к Кестрелу.

Он неподвижно лежал на металлическом столе. Его кожа выглядела ненастоящей, волосы тусклыми. Его руки были выпрямлены, нарисованная чернилами пустельга на его теле болезненно светилась под светом ламп, в то время как белая простыня прикрывала его наготу.

Он все еще был похож на моего брата, но в то же время совершенно другой. Его кожа больше не была теплой и розовой, а была безжизненной и холодной. Чистое сердце внутри него и огромная способность прощать, исцелять и защищать перешли в другую форму, оставив нас, но не забыв нас.

Он был таким сильным. Таким храбрым. Я принимал его как должное, ожидая, что он будет рядом со мной, когда мы состаримся и поседеем.

И все же теперь он навсегда останется молодым. Застывший во времени, бессмертный до конца.

Мне хотелось упасть на колени и признаться ему во всем. Я хотел рассказать ему, что я сделал с Катом. Я хотел очистить свои грехи и попросить его нести их за меня.

Но я не мог.

Я никогда больше не заговорю с ним.

Я не мог горевать.

Не сейчас.

Не после вчерашнего дня.

И каким-то странным образом мне показалось, что Кес знал, что произошло в сарае. Как будто он умер не потому, что я отнял жизнь у Хоука. А потому, что он чувствовал, что ему больше не нужно бороться с нашим отцом.

Он был свободен, чтобы уйти.

Свободен быть счастливым.

Моя благодарность и дружба всегда будут с тобой, Кес. Независимо от того, где ты.

Комок застрял у меня в горле, но я не сломался. Мне потребовались все мои оставшиеся силы, чтобы посмотреть сухими глазами на брата и прошептать:

- Прощай.

- Он умер без боли, - пробормотала Жасмин. - Доктор сказал нам, что его сердце отказало от полученных травм. Он все еще был в коме...он это не почувствовал.

Джаз переплела свои пальцы с безжизненными пальцами Кеса.

- Теперь он обрел покой.

Моя спина напряглась, в то время как Кес оставался неподвижным. Его татуировка с птицей не дернулась, ни одно перышко не дрогнуло над его мышцами. Я все ждал, что его веки затрепещут, губы дрогнут. Его смех взорвется, и тщательно продуманная мистификация

будет раскрыта.

Но в отличие от его детских иллюзий проказника, это не было обманом.

Это было реально.

Он был мертв.

Он действительно ушел.

Я крепче обнял Нилу.

- Он умер не в одиночестве. Ты никогда не бываешь по-настоящему одинок, когда знаешь, что тебя любит другой.

Слезы Джаз не прекращались, и я не стал бы заставлять ее вытирать глаза, пока она не будет готова. Я очистил и сшил себя обратно в озере после того, как развалился со смертью моего отца. Сегодня я помогу своей сестре сделать то же самое.

Нила тихо плакала рядом со мной. Ее сердце перебирало так много воспоминаний, так много сложностей, хотя она знала Кеса совсем недолго. Они сблизились. Они любили друг друга. Они навсегда будут связаны своими собственными отношениями, а также семейными узами, которые Нила сформирует, выйдя за меня замуж.

Мне очень жаль, брат.

Я посмотрел на его лицо, на его холодное тело и пустую оболочку и произнес надгробную речь.

Мне жаль, что меня не было там, чтобы попрощаться, но это не прощание, это просто отсрочка. Я буду скучать по тебе, но я не буду оплакивать тебя, потому что ты был слишком хорошим другом и братом, чтобы вспоминать об этом с грустью.

Время потеряло смысл, когда мы все в последний раз встали рядом с Кесом.

В тот момент, когда мы уйдём, мы больше никогда его не увидим. Единственный способ, которым мы могли бы взглянуть на его лицо, - это посмотреть на фотографии из более счастливых времен или посмотреть видео, навсегда запечатлевшие его душу.

Никто из нас не хотел уходить.

Поэтому мы остались.

Комната замерла от эмоционального напряжения, пока мы все не погрузились в одни и те же мысли. Мы заново пережили наши особые времена с Кестрелом. Мы рылись в воспоминаниях; мы улыбались выходкам и делились историями детства.

- Что ты здесь делаешь?

Я поднял глаза, когда запертая дверь тюремной камеры распахнулась. Я провел в психиатрическом институте две ночи и не мог вынести больше ни одной гребаной минуты.

Кес прокрался сквозь темноту.

- Вытаскиваю тебя. - Протянув руку, он ухмыльнулся. - Время уходить, старший брат. Пора бежать отсюда.

Он пытался помочь мне сбежать той ночью, точно так же, как он помогал мне сбежать так много раз в нашем детстве.

- Итак, что ты делаешь?

- Сосредотачиваюсь.

Кес сидел, скрестив ноги, на полу своей спальни, положив руки на бедра в позе йоги.

Сев рядом с ним, я закатил глаза.

- Это не работает. Твои мысли такие же возбужденные.

В семнадцать и четырнадцать наши гормоны дали о себе знать, и Кес был ужасной

кокеткой.

Его смех разнесся по комнате.

- По крайней мере, я могу разговаривать с девушками.

- Да, но я их чувствую.

- Хотя и не в интересном смысле. - Он подмигнул. - Ты чувствуешь их глупые заботы, в то время как я, — Он согнул пальцы, — я чувствую их сиськи.

Я ударил его по руке, так чертовски благодарный, что он был моим братом.

Боже, я буду скучать по нему.

Он ушёл.

Нам тоже пора было уходить.

Пошевелившись впервые за несколько часов, я положил кончики пальцев на ледяной лоб Кеса. Его кожа впитывала мое тепло, крадя его, чем дольше я прикасался к нему.

Отстранившись, я испытал невероятное желание прикоснуться к жизни после прикосновения к смерти. Поддержаться за что-то реальное. Притянув Нилу ближе, я обняла сестру и кивнул Вону. Завтра Флоу придет засвидетельствовать свое почтение. Он был близок к Кесу; его смерть была тяжелой для всех нас.

Каким-то образом два Хоука и два Уивер объединились в общей скорби, оплакивая человека, который умер слишком молодым.

Но такова была жизнь.

Это было жестоко. Несправедливо. Жестоко. И опасно.

Погибли хорошие люди. Плохие люди жили. А остальные из нас должны были продолжать выживать.

Прошла неделя.

За эту неделю многое изменилось, и ничего.

Моя лихорадка наконец спала, моя рана зажила, и мои силы медленно возвращались. Мое тело все еще было истощено, но каждый день я собирал себя по кусочкам.

Нила имела к этому большое отношение.

На следующий день после того, как я увидел тело Кестрела, я вернулся в больницу сам. Я разыскал медсестру, которая принесла мне сотовый телефон, когда я лечился, и заплатил ей тысячу фунтов за ее беспокойство. Она изо всех сил старалась дать мне возможность связаться с Нилой. Самое меньшее, что я мог сделать, это компенсировать ей это.

Находясь там, я прошел полное обследование и получил указания врача успокоиться. Я также в одиночку организовал доставку тела Кеса в крематорий. Кат хорошо потрудился над нашим воспитанием, поэтому у всех его детей были Последние Завещания.

Кес не был исключением.

Я нашел его завещание среди других в кабинете Ката. Кости его собаки, Рэтбоун, лежали на кофейном столике, пока я разбрасывал бумаги и просматривал последние пожелания Кестрела.

Я уже знал, что он хотел, чтобы его кремировали и развеяли на территории Хоуксбриджа. В детстве мы часто разговаривали допоздна о том, как непривлекательна мысль о том, что нас похоронят и съедят черви. Мы оба страдали легкой клаустрофобией, и я

понимал его желание быть рассыпанным, как пыль, и стать невесомым, как небо.

Я хотел такого же финала.

Однако, чего я не ожидал, так это адресованной мне записки, написанной почти пять лет назад. От странности держать в руках письмо из могилы у меня сжался живот.

Было также одно для Жасмин и Дэниэля.

Мое сердце занял при мысли об останках Дэниэля. Его не похоронили или не кремировали, но, возможно, он был счастливее вдали от Хоуксбриджа.

Уважая частную жизнь Кестрела, я сжег письмо Дэниэля. Оно никогда не будет прочитано. Слова, навсегда оставшиеся между двумя мертвыми братьями.

Я отнёс письмо Жасмин в ее комнату, оставив ее читать в одиночестве. И взял свой конверт на балкон Джульетты рядом с моим офисом, где я шпионил за Кесом и Нилой, когда они скакали галопом по лугу.

Прищурившись от зимнего солнца, я вытащил богатый пергамент и прочитал прощальные слова моего брата.

Привет, Джет.

Я предполагаю, что если ты читаешь это, то случилось что-то плохое.

Должен признаться, я не думал, что умру раньше тебя. В конце концов, ты старый хрыч, а не я. Но, если я умер, чтобы защитить тебя или помочь хоть в чем-то, тогда я рад. Если я умер от болезни или совершил какую-нибудь глупость, значит, так тому и быть. По крайней мере, я свободен от той боли, в которой я был.

Мне действительно нужно кое о чем тебя попросить. И мне нужно, чтобы ты сделал это, Джет. Не просто кивай и притворяйся, что так и будет. Мне действительно нужно, чтобы ты это сделал.

Не оплакивай меня.

Не думай, что я ушел, а представь, что я все еще с тобой, потому что я есть. Мы братья, и я не собираюсь покидать тебя. Я слишком долго был твоей опорой, чтобы бросить тебя в беде.

Так что, даже если я уйду физически, я клянусь тебе, что не уйду духовно. Разбросайте мои останки по поместью, и всякий раз, когда подует ветер, я буду рядом и расскажу тебе анекдот. Всякий раз, когда идет снег, я рядом, покрывая тебя инеем. Всякий раз, когда светит солнце, я рядом, согревая твою душу.

И когда ты наконец встретишь девушку, достойную твоей любви, я буду существовать внутри нее. Я научу ее, как тебе помочь. Я научу ее, как защищать тебя так же, как ты будешь защищать ее. Потому что ты, черт возьми, лучший друг, о котором брат мог только мечтать, и кем бы ни была девушка, которая украла твое сердце, я знаю, что она того стоит.

Страница 37

Я люблю ее. Так же, как я люблю тебя.

Никогда не забывай, что дружба - это навсегда.

Я увижу тебя снова, Кайт.

Я всегда буду рядом.

Я не плакал, хотя моя душа ныла от несправедливости и потери. Мои руки дрожали, когда я сложил письмо и осторожно положил его в конверт. Кес написал записку до того, как мы забрали Нилу. Однажды ночью он сидел один и писал письмо, которое должно было быть доставлено после его смерти.

Как ему удалось так много вместить в несколько коротких абзацев? Откуда он знал, что именно сказать?

Если бы только он написал это после того, как встретил Нилу.

Он знал бы, что то, что он предсказал, сбылось.

Нила была для меня всем.

Она заменила Кеса в качестве моей опоры, и я никогда не буду воспринимать ее как должное, как я это делал с ним.

Никогда.

Дул легкий ветерок, сладко пахнувший сеном из конюшни.

Я закрыл глаза и просто наслаждался моментом. Никаких мыслей. Никаких забот. Я позволил жизни существовать вокруг меня и украл несколько коротких секунд, чтобы связаться со своим мертвым братом.

Ты все еще здесь, Кестрел.

Я чувствую тебя.

Прошло еще несколько дней, и жизнь вошла в новый ритм.

Братья Блэк Даймонд выстроили свою собственную иерархию. Я назначил Флоу временным президентом, и он отобрал членов, которые не хотели следовать правильной стороне закона. Тех, кому мы щедро заплатили, заставили подписать соглашение о неразглашении, гарантирующее серьезные наказания, если они заговорят, и позволили им покинуть клуб.

Однажды вечером, когда только мы все поели — Уивер и Хоук сидели за одним столом в красной столовой, где было так много боли, — я отвёл Нилу за руку в нашу комнату. Когда-то давно мои комнаты назывались холостяцким крылом, но теперь они были нашими супружескими апартаментами. Медовый месяц, прежде чем я сделаю ее своей женой.

Мы вошли в крыло. Однако вместо того, чтобы отвести ее в постель, я дал ей ключ.

Стоя у подножия небольшой лестницы, ведущей на склад этажом выше, ее черные глаза встретились с моими в замешательстве.

- Что это?

Я мягко улыбнулся.

- На прошлой неделе мне удалось оставить кое-что из своего прошлого позади. Пришло время и тебе сделать то же самое.

Заклучив ее в объятия, я пробормотал:

- Время отпустить прошлое, чтобы мы все могли двигаться дальше и исцелиться.

Я не хотел думать о том, что она там найдет. Ей придется столкнуться с этим. Точно так же, как мне пришлось столкнуться с Катом.

Она позволила мне обнять себя, ее желание ко мне росло по мере того, как мы прикасались друг к другу. Я больше не мог откладывать это. Я и так слишком долго откладывал это.

Отстранившись, я отпустил ее, проводя рукой по волосам.

Она нахмурилась, вертя ключ в пальцах.

- Что он открывает?

То, что ты не захочешь видеть.

Поднявшись на первые несколько ступенек лестницы, я протянул ей руку, приглашая следовать за собой.

- Я тебе покажу.

Она молча последовала за мной вверх по извилистой каменной лестнице, нервозность наслаивалась на ее мысли по мере того, как мы поднимались все выше.

Мы ни с кем не столкнулись. Не было страха быть пойманным камерами не было необходимости прятаться от сумасшедших с угрозами расправы. Просто обычный дом и обычная ночь. Но я собираюсь сделать очень необычную вещь.

Нила замедлялась по мере того, как мы поднимались все выше.

- Куда мы направляемся?

Я не оглядывался назад. Если бы я это сделал, я бы усомнился в разумности того, что я делал. Это был не мой выбор - решать, было ли это неправильно. Он принадлежал Ниле.

- Почти пришли.

Когда мы поднялись на третий этаж Ката, она запнулась.

- Скажи мне.

Схватив ее за руку, я потащил ее по коридору, устланному плюшевым ковром. Здесь, наверху, пространство не украшали ни произведения искусства, ни вышивка. Эти комнаты были невидимой частью Холла. Место, где хранились секреты, а долги были спрятаны навечно.

- Увидишь.

Я повел Нилу дальше по коридору, остановившись перед комнатой, в которую ей не разрешалось входить. Это была не просто комната, а могила воспоминаний. В Холле было еще так много неизведанных уголков. Она побывала лишь в небольшой части моего дома, и большинство комнат были такими же гостеприимными, как и все остальные.

Но не эта.

В этой жили кошмары.

Мекка для хранения всех полученных долгов.

На резной двери были изображены розы и тюльпаны, похожие на ужасные цветочные композиции, которыми наслаждалась Бонни. В тот момент, когда содержимое будет очищено, я уничтожу и эту дверь.

Взяв ключ из дрожащих пальцев Нилы, я вставил его в замок и открыл дверь. Тихий щелчок механизма заставил меня с трудом сглотнуть. Я чувствовал себя так, словно вторгся в то, во что не должен был, входил в царство, не предназначенное для меня.

- После тебя.

Мое сердце бешено заколотилось от серьезности ее лица.

- Что... что там внутри?

Я мельком взглянул на ковер, заставляя себя не утонуть в ее внезапном страхе.

- Своего рода конец или начало, в зависимости от того, как на это смотреть. В любом случае, тебе нужно посмотреть и решить для себя.

Расправив плечи, сохраняя несуществующую храбрость, она прошла мимо меня.

Ее глаза расширились, когда я включил свет, заливая шкафы с папками от стены до стены. В центре стоял большой стол, телевизор, видеомагнитофон и DVD-плеер.

Все, что ей понадобится, чтобы прочитать и стать свидетелем истории десятилетий.

Нила прикрыла рот рукой, когда пришло осознание.

- Все это здесь. Не так ли?

Я кивнул, готовясь к ее внезапному приступу ярости.

- Так и есть.

- Я не могу... я не...- Она попятилась. - Зачем ты привел меня сюда?

Пройдя вперед, я открыл единственный шкаф, где, как я видел, Кат хранил все вещи, относящиеся к Эмме.

Нила снова шагнула, ее босые ноги подкосились от внезапного приступа головокружения. Я бросился к ней, но она оттолкнула меня, балансируя с привычной легкостью.

- Джетро... Я не... не думаю, что смогу смотреть.

- Я не говорю, что ты должна. Я даю тебе возможность выбора, если ты хочешь, вот и все.

Я вернулся к картотечному шкафу и схватил самую большую папку. Осторожно отнес её к столу.

- Это твой выбор, Нила.

Направляясь к двери, я пробормотал:

- Я люблю тебя. Запомни это. Найди меня, когда будешь готова.

- Куда ты идешь?

Я грустно улыбнулся, ненавидя то, что мне нужно оставить ее, но зная, что она должна была сделать это сама. Ей нужно было попрощаться, закрепить ужас того, что сделал мой отец, и преодолеть свою ненависть, чтобы вернуться ко мне.

- Завтра похороны Кеса. Сегодня вечером мы должны выпить за твоих предков. Отослать мертвых прочь всех сразу, уничтожить призраков, живущих в стенах Холла.

Она долгое мгновение смотрела на неё. Она не сказала ни слова. Она выглядела так, словно собиралась убежать или вылететь в окно. Затем, наконец, слеза скатилась по ее щеке.

- Хорошо.

Я кивнул.

- Хорошо.

Это было самое трудное, что я когда-либо делал, но я повернулся и закрыл за собой дверь.

Спустившись по лестнице и выйдя из Холла, я исчез в лесу и собрал ветки и сучья для самого большого костра, который когда-либо видел Хоуксбридж, - за исключением сарая, который уничтожил существование Ката.

Я заручился помощью братьев Блэк Даймонд и вывез на лужайку все орудия и приготовил их к сожжению.

Я больше не хотел, чтобы такие отвратительные предметы жили рядом с нами.

Хоуксбридж-холл будет развиваться вместе с нами; он примет счастье и научится принимать солнечный свет, а не тьму.

Нила может быть в комнате, полной призраков.

Но я намеревался избавиться от них огнем.

- Принимаете ли вы оплату этого долга?

Голос Ката эхом разнесся по комнате, отчего у меня по спине пробежали мурашки.

Тихие слезы потекли по моим щекам, когда старое видео воспроизвело кадры с моей матерью и ним. Она стояла в пентакле из соли у пруда. На заднем плане был виден стул, а её белая сорочка развевалась вокруг её ног.

Воспоминания о том дне, когда я заплатила Второй Долг, слились с ужасающей сценой, представшей передо мной.

Она держала себя так же, как я в тот день: руки сжаты в кулаки, подбородок вызывающе поднят.

- Нет, я не принимаю.

Ее голос был ниже моего, более хриплый и решительный. Она написала в одной из своих записей в дневнике, что я была более сильной женщиной, чем она.

Я не согласна с этим.

Моя мать была королевской крови. Может, она и не носила корону, и в ее жилах не текла голубая кровь, но для меня она была такой царственной, что посрамила Бонни.

Бонни была моложе, ее волосы были не совсем белыми, а спина не такой согнутой. Она сцепила руки перед собой, наблюдая за перепалкой между Эммой и Катом. То, как он смотрел на мою мать, противоречило вожделению, которое он испытывал к ней. Его пальцы побелели, когда он сжал кулаки, сожаление затуманило его взгляд.

Сожаление?

Оказалось, что в Кате так много путей и лазеек. Я всегда считала, что он сумасшедший. Лающий, бредящий сумасшедший, чтобы сделать то, что он сделал. Но что, если он стал тем, кем был, из-за обстоятельств? Что, если он влюбился в мою мать так же, как Джетро влюбился в меня? Что заставило его лишиться Эмму жизни, если он любил ее?

- Продолжай, - огрызнулась Бонни, когда Кат не пошевелился.

Он вздрогнул, но именно Эмма заставила его повиноваться.

Она скривила лицо и плюнула ему на ботинки.

- Да, послушай злую ведьму, Брайан. Делай, как тебе говорят.

Между ними были акры невысказанного напряжения. У них была связь — напряженная и запутанная, — но, несмотря ни на что, связывающая их.

Кат склонил голову набок.

- Ты же знаешь, что твои приказы на меня не действуют.

Моя мать сжала руки в кулаки. Ее идеальные скулы и развевающиеся черные волосы бросали вызов свистящему ветру, шипящему в камеру. “

- Делай все, что в твоих силах, Брайан. Я тебе сто раз говорила. Я не боюсь тебя, твоей семьи, любых долгов, которые ты заставляешь меня платить. Я не боюсь, потому что смерть придет за всеми нами, и я знаю, где я буду.

Она гордо стояла в пентагоне.

- Где ты будешь, когда поддашься объятиям смерти?

Кат сделал паузу, зернистое изображение его лица высветило внезапную вспышку нервозности, нерешительности. Он выглядел моложе, но не подростком. Я сомневалась, что он когда-либо был полностью беззаботным или позволял себе быть ребенком.

Кат сделал паузу, зернистое изображение его лица высветило внезапную вспышку нервозности, нерешительности. Он выглядел моложе, но не подростком. Я сомневалась, что он когда-либо был совершенно беззаботным или позволял себе быть ребенком.

Бонни управляла им так, как управляла своими внуками — без передышки и отдыха, не думая о последствиях.

- Я скажу тебе, где я буду.

Кат рванулся вперед. Его ноги не задели соль, но он схватил мою маму за загривок. Бриллиантовый ошейник...

Мои пальцы вспорхнули к таким же бриллиантам на шее.

Вес камней стал ощутимее, как будто они помнили своего предыдущего владельца.

...Бриллиантовый ошейник сверкал на солнце, создавая призмы света, ослепляющие объектив камеры, размывая и ее, и Ката.

В этот момент что-то произошло. Кат смягчился? Признался ли он в своих истинных чувствах? Неужели моя мать прошептала что-то, чего ей не следовало? В любом случае, он отпустил ее. Его плечи ссутулились, когда он посмотрел на Бонни.

Затем внезапная слабость прошла, и он напрягся с угрозой.

- Прими долг, Эмма. И тогда мы сможем начать.

Моя рука нащупала пульт дистанционного управления, гипс стукнул по столешнице.

Я не могу этого сделать.

Как только Джетро привел меня в комнату, я не могла пошевелиться. Мои ноги прилипли к полу, словно они погрузились в эмоциональный зыбучий песок. Я не могла идти вперед и не могла вернуться назад.

Я была заперта в комнате, полной документов и видео.

На секунду я возненавидела Джетро за то, что он показал мне это место. Я знала, что такая комната, как эта, должна существовать. В конце концов, Кат сказал мне, что он вел бесчисленные записи, и у их семейных адвокатов были копии всех поправок к Долгу по наследству.

Но я не ожидала таких тщательных документов.

Глупо, но я думала, что у меня хватит сил посмотреть. Держать маму за руку все эти годы спустя и существовать рядом с ней, пока она проходила через что-то такое ужасное.

На самом деле это было не легко.

Эти зверства не случились с незнакомыми людьми. Эти долги случились с моей плотью и кровью. У меня была бесконечная связь с этими женщинами, я разделяла их надежды и

страхи. С предками, которые пожертвовали частичками своих душ, чтобы создать мою.

Но мне пришлось остаться, потому что я больше не могла держать их закрытыми в темноте. Если я не обнаружю их бланки, они навсегда останутся запертыми в картотечных шкафах.

Направив пульт на телевизор, я остановила пленку, когда Кат во второй раз пригнулся к Эмме. Я была с ней, пока Кат читал урок истории. Я обнимала ее призрачное тело, пока она ждала своего наказания. Но я больше не могла смотреть на ее агонию. Я не могла сидеть там и притворяться, что это не разрушало меня. Что в то время, когда моя мать чуть не утонула, я была жива, ненавидя ее за то, что она бросила моего отца.

Прости меня.

Прости меня за то, что я вечно проклинала тебя. Я не знала.

Наклонившись над столом, я извлекла кассету и вставила обратно в футляр.

Я просмотрела ее досье. Я наблюдала за началом Первого Долга и быстро перемотала процесс порки. Я подсмотрела записи с камер видеонаблюдения, на которых Эмма прогуливалась по коридору, как любой желанный гость. Я затаила дыхание, когда она шила и рисовала в тех же местах, где Джетро сломался, занялся со мной любовью и рассказал мне, кем он был.

Я больше не могла смотреть.

Все, что происходило в ее время в Хоуксбридже, принадлежало ей. Было неправильно подглядывать за ее триумфами над Катом или отчаиваться из-за ее минутной слабости. Не мне было утешать или осуждать.

Присутствие моей матери наполняло мое сердце, и в каком-то смысле я чувствовала ее рядом со мной. Мое плечо потеплело там, где, как мне показалось, она прикоснулась ко мне. Моя спина задрожала там, где ее призрачная фигура пронеслась мимо.

Я вызвала ее из могилы и удерживала ее дух, готовая освободить ее от оков этой комнаты.

Я должна освободить их всех.

Вскочив со стула, я вытерла липкие щеки от незамеченных слез и бросилась к другим шкафам с картотекой. Каждый из них был посвящен предку.

Я не могла нормально дышать, когда открывала металлические ящики и хватала охапки папок. Работа одной рукой замедляла меня. Я роняла, бросала, разбрасывала их по столу.

Проклиная свой гипс, я любовно касалась каждой страницы, пробегала глазами каждое слово.

Время текло вперед, каким-то образом переплетая историю с настоящим.

Джетро был прав, что ушел.

Как Хоук, он не был бы желанным гостем.

Чем дольше я стояла в этой камере, тем больше боролась с ненавистью.

Папка за папкой.

Документ за документом.

Я свила гнездо, окруженное коробками, бумагами, фотографиями и памятными вещами от женщин, которых я никогда не встречала, но так хорошо знала.

Опустившись на колени, я тяжело вздохнула, поскольку их присутствие и призрачные прикосновения становились все сильнее, чем больше я читала. Их кровь текла в моих жилах. Их манеры сформировали мои, их надежды и мечты отражали все, чего я хотела.

Неважно, что десятилетия и столетия разделяли нас, все мы были Уивер, которых брали

и эксплуатировали.

Мои джинсы стали серыми от пыли, нос зачесался от испачканных временем вещей.

Подняв изображения из ближайшего файла, я уставилась в глаза незнакомого мне предка. Она была меньше всего похожа на меня из всех моих родственников. У нее была большая грудь, пышные бедра и круглое лицо. Ее волосы были фирменного черного цвета, как у всех женщин-Уивер, и она выглядела будто испанка.

В ее глазах было столько боли. Испытания за испытаниями, где сам воздух затвердел от несправедливости и общей ненависти к Хоукам.

Я больше не хотела там сидеть. Я не хотела покрывать себя чувствами из прошлого и медленно погружать свои конечности в лавину воспоминаний, но я была в долгу перед ними. Я сказала своим предкам, что освобожу их, и я это сделаю.

Проводя кончиками пальцев по зернистым изображениям, я поклонялась мертвым и извинялась за их потерю. Я молча говорила им, что справедливость восторжествовала, карма исправлена, и им пора двигаться дальше и обрести покой.

Мои пальцы были испачканы карандашом и пергаментом, покрытым грязью. Видеозаписи прекращались тем раньше, чем шли годы. Фотографии потеряли пигмент и четкость, став зернистыми и цвета сепии.

Я ненавидела Хоуков.

Я ненавидела долги.

Я даже ненавидела первых Уивер за то, что они обрекали нас на такую участь.

Так много слов.

Так много слез.

Чтение, чтение, чтение...

Освобождение, освобождение, освобождение...

Не было ни одного файла, к которому я бы не прикоснулась.

Жуткое ощущение того, что я не одинока, становилось только сильнее, чем больше документов я открывала. Картотечные шкафы из полных превратились в пустые. Папки рассыпались по полу, как потускневшие от времени снежинки.

Я потеряла счет минутам, у меня не было часов, которые напоминали бы мне вернуться к моему поколению. Я оставалась в подвешенном состоянии, запертая с призраками, не желая оставлять их одних после стольких лет.

В конце концов, мой взгляд затуманился. Слова больше не имели смысла. И повторение того, что каждая женщина платит одни и те же долги, слилось в акварель, искусно смешав так много рисунков в один.

К тому времени, когда я добралась до последней коробки, фотографии превратились в масляные портреты. Последнее изображение было потрескавшимся и едва различимым, но я знала, что у меня в руках последний фрагмент.

Женщина, которая все это начала.

Настоящая Уивер, которая отправила невинную девушку на смерть, уклонившись от табурета, и закрыла глаза на все остальное.

Она не заслуживала такого же сострадания, как остальные мои предки, — она осудила нас всех. Но в то же время было пролито достаточно боли; пришло время отпустить ее.

Все они заслуживали мира.

Маленькое пространство кишело призраками моей семьи, все они сплетались вместе, как вихрь урагана. Воздух терзал меня омерзительными порывами ветра.

Сделав глубокий вдох, я вернулась в страну живых. Я застонала от дискомфорта, когда встала. Мои колени ныли. Я медленно прокладывала себе путь через храм коробок.

Я не верила в призраки, разгуливающие среди нас, но я не могла отрицать правду.

Они были там.

Плачут из-за меня. Радуются за меня. Празднуют конец, даже несмотря на то, что они заплатили самую высокую цену.

Страница 38

Они любили меня. Они благодарили меня.

И это наполнило меня стыдом и, в конечном счете, гордостью.

Гордостью за нарушение традиций.

Гордостью за то, что я сдержала свою клятву.

Они умерли.

А я нет.

Я выжила.

Я нашла Джетро снаружи.

Солнце давно село, и зимний холод завывал над ухоженными садами, стенам вокруг башенок Хоуксбридж-холла.

Я предусмотрительно захватила более теплую одежду, прежде чем отправиться на свежем воздухе, и плотнее закуталась в куртку, позволив перевязи принять на себя вес моего гипса. Натянув капюшон из искусственного меха на уши, я пожалела, что не захватила перчатки для своих быстро замерзающих пальцев.

Джетро поднял глаза, когда мои ботинки на овчинной подкладке захрустели по гравии. Вингс и Мот стояли вдалеке, закрывая горизонт, закутанные в одеяла.

Когда я шла по Холлу, я увидела силуэты людей снаружи. Я узнала фигуру Джетро. Я хотела присоединиться к ним — быть рядом с реальными людьми после призраков.

Теперь я нашла не только Джетро, но и всех, кого любила и о ком заботилась.

На большом пространстве лужайки стояла моя новая семья. Жасмин, Вон, Джетро и Текс. Все они стояли вокруг огромной кучи веток, и предметов, которые я никогда больше не хотела видеть.

Наклонив голову навстречу ветерку, я прошла по траве. Мой капюшон откинулся назад, и я поймала взгляд Жасмин.

Она улыбнулась мне, протягивая руку.

Я взяла её.

Ее пальцы были как фруктовое мороженое, она сжала мои, когда я наклонилась и поцеловала ее в щеку. Нам не нужно было разговаривать. Мы понимали друг друга без слов. Она потеряла своих братьев и отца. Я потеряла свою мать. Вместе мы выстояли и не прогнулись под слезами.

Вдалеке южные сады сверкали быстро образующейся росой, словно природными бриллиантами, на листьях и травинках.

Джетро обошел большой ящик с дровами и остановился рядом с сестрой с большим поленом в руках. Его глаза светились в темноте, губы скрывали белые зубы.

- Я не буду спрашивать, что случилось. И я не буду совать нос в чужие дела, если ты не

захочешь поделиться. Но я построил это для них. Для тебя. Для того, что живет в этой комнате.

Он опустил взгляд, неловко поглаживая бревно.

- Я не знаю, захочешь ли ты попрощаться таким образом, но я просто подумал... - Он пожал плечами. - Я подумал, что разведу огонь, на всякий случай.

Я не сказала ни слова.

Я отпустила Жасмин, облетела вокруг ее кресла и упала в его объятия.

Он бросил дрова и крепко обнял меня. Мне было все равно, что мои брат и отец наблюдали за этим. Все, что меня заботило, - это поблагодарить этого человека. Хоука. Потому что теперь он позволил себе быть тем человеком, которым я всегда знала, что он может быть, я не могла перестать влюбляться в него все больше и больше.

Его губы согревали мое замерзшее ухо, нежно целуя меня.

- Ты в порядке?

Я кивнула, прижимаясь ближе, вдыхая сосновый запах и землистые оттенки дров.

- Мне лучше.

Я собралась с мыслями, прежде чем прошептать:

- Когда ты оставил меня там, я не могла пошевелиться. Ты мне действительно не очень нравился. Но ты был прав. Спасибо, что дал мне время. За то, что знал, что мне нужно, даже когда я этого не знала.

Он обнял меня крепче.

- Все, что угодно для тебя, ты же знаешь.

Я вздрогнула, когда очередной вой пронесся над верхушками деревьев. Ночь будет очень холодной, но скоро нас будет чем согреть.

Отстранившись, я улыбнулась своему близнецу, стоящему со скрещенными руками и горьким выражением на лице. В конце концов, мне пришлось бы поговорить с ним и сказать ему, что Джетро будет его шурином. Ему придется принять его. Тексу тоже.

Я просила гораздо большего, чем они могли предложить, — любить сына человека, который забрал жену Текса и нашу мать, — но такова была жизнь.

Сердце обладало невероятной способностью исцелять обиды. И я бы не стала извиняться за то, что предала свою фамилию вместе с Джетро. Я выбрала его. И если они не могли принять это... Что ж, я не хотела думать об этом. Не сегодня.

Джетро заправил развевающиеся волосы мне за уши и натянул капюшон.

- Ты готова?

Я уткнулась лицом в его ладонь, приподнявшись на цыпочки, чтобы поцеловать его в обветренные губы.

- Я готова.

Взяв меня за руку, он поцеловал костяшки моих пальцев.

- В таком случае, давай оставим прошлое позади.

Нам потребовалось полтора часа, чтобы перетащить коробки с верхнего этажа к костру снаружи.

Джетро присоединился ко мне в комнате, почтительно собирая папки и укладывая их в коробки. Я оставила место в беспорядке, но вместе мы создали аккуратные стопки, чтобы Вон и Текс могли отнести их вниз.

Жасмин осталась на лужайке, охотно принимая предметы у себя на коленях и катя их по траве к незажженному костру.

Последняя коробка, которая была опущена, была заполнена временем моей матери в Холле. Я сморгнула слезы, неловко протягивая её отцу.

Он с одного взгляда понял, что это. На его лице отразилась боль от разбитого сердца, когда он взял тяжелый груз и сам понес его вниз. Он не передавал его Вону. Он не отпускал его. Обнимая дух своей жены в последний раз.

Как только он ушел, и комната опустела, Джетро вышел в коридор и заговорил с Ви.

- Ты не мог бы дать нам минутку?

Вон посмотрел мимо него, его черные глаза встретились с моими.

- Ты в порядке, Ниточка?

Я шагнула вперед, мое сердце забилося быстрее.

- Я в порядке. Увидимся там, внизу. - Я одарила его полуулыбкой. - Не начинайте без нас.

Он нахмурился.

- Ты знаешь, что я бы не стал.

Я вздохнула. Нам предстояло пройти долгий путь, чтобы снова иметь возможность шутить друг с другом без тени недоверия и боли.

- Я знаю, Ви. Глупая шутка.

Протиснувшись мимо Джетро, я взяла своего близнеца за руки.

Он согнулся и сильные руки обхватили меня. Он вздрогнул, когда мы стояли там и сжимали друг друга. Последние десять дней были для нас хорошими. Мы провели время вместе, обходя стороной истинные проблемы, но у меня было такое чувство, что после сегодняшнего вечера нас ничто не разлучит, и мы наконец сможем обсудить события и снова обрести нашу близость.

Отпустив меня, он улыбнулся. Он отрастил небольшую бороду на подбородке, темную и густую, что делало его экзотическим и неукротимым.

- Люблю тебя, Ниточка.

- Люблю тебя больше. - Я похлопала его по груди. - Увидимся через некоторое время.

Вон кивнул и исчез на лестнице. Как только он ушел, я вошла в комнату и подождала, пока Джетро тихо закроет дверь.

Мое сердце перешло от быстрого ритма к бешеному.

- Что ты делаешь?

Джетро поморщился, шагнул к картотечному шкафу и отодвинул его в сторону.

- Есть еще одна коробка, которую ты не видела. Та, которую я спрятал.

Я двинулась вперед.

- Ты спрятал? Почему?

Опустившись на колени, он провел ногтями по деревянной панели в обшивке. Открыв потайное отделение, он вытащил запыленную коробку. Она не выглядела как все остальные. Эта была белой и узкой, с инициалами E.W. сверху.

Мое сердце подскочило к горлу.

Джетро встал, поддерживая коробку и отряхивая пылинки с джинсов.

- Я спрятал это, потому что меня попросил об этом кто-то, о ком я заботился.

Подойдя к столу, он положил в центр.

- Она попросила меня передать это тебе. Она знала, что я приду за тобой, как только она уйдет, но она также знала, что я другой.

Я не могла пошевелиться. Я не могла оторвать глаз от коробки.

- Другой?

- Однажды она поймала меня. Она поймала меня до того, как у меня появился шанс получить еще один урок. Она не до конца понимала, кто я такой, но догадалась достаточно, чтобы это заставило ее доверять мне. Я хотел сказать ей, чтобы она не была такой глупой. Я все еще был сыном своего отца. Но она не оставила мне выбора. Она сказала мне, что я влюблюсь в тебя. Она сказала мне, что ты победишь. Она также сказала мне, что если я позволю тебе помочь мне, все может быть по-другому.

Слёзы скатились по моей щеке. Говорить о моей матери, узнавать новые воспоминания, было чудесным и одновременно горько-сладким.

Я не заметила, как продвинулась вперед, пока мои пальцы не проследили ее инициалы.

- Она рассказала тебе все это?

Джетро тихо усмехнулся.

- Она много чего мне рассказала. Она также рассказала Кесу. Я думаю, что она предпочла его мне — он был тем, в кого все влюбились, — но она доверяла нам разные задачи.

Я наконец встретилась с ним взглядом, оторвав свой от коробки.

- Что она заставила тебя сделать?

Джетро кивнул на стол.

- Она хотела, чтобы я сохранил это для тебя. Она сказала, что однажды я найду подходящее время, чтобы отдать это тебе. И когда я это сделаю, она надеялась, что это означало, что все пошло не так, как у нее. Что ты победила. В то время я почти ненавидел ее за то, что она была такой дерзкой и уверенной. Я ненавидел себя за то, что оказался настолько слабым, что она осмелилась предсказать мое будущее. Но в то же время я любил ее за то, что она видела во мне то, чего я даже себе не позволял видеть. Я любил то, что она думала, что я достоин твоей любви. Мне понравилось, что она хотела, чтобы я взял тебя, потому что, в конечном счете, она знала, что я проиграю, а ты победишь, и мы будем бороться вместе.

Я с трудом дышала, когда к первым слезам присоединилось еще больше. Я хотела задать так много вопросов. Я хотела, чтобы Джетро рассказал мне о каждом разговоре с моей матерью. Я хотела сохранить его воспоминания как свои собственные и создать картину ее силы после того, как ее забрали у нас.

Но я не хотела торопить что-то столь ценное. В другой раз. В другую ночь. Когда люди не будут ждать, чтобы попрощаться.

Сделав глубокий вдох, я тихо спросила:

- А Кес? В чем заключалась его задача?

Лицо Джетро исказилось от боли.

- Ты уже знаешь. Он выполнил свое обещание в течение нескольких дней после того, как ты была с нами.

Он прищурил глаза, желая, чтобы я вспомнила.

Что сделал Кес, кроме того, что привел меня в свою комнату? Он дал мне бумагу для рисования. Стал моим другом. Смеялся вместе со мной. Развлекал меня и даровал нормальную жизнь, пока я была в замешательстве.

- Он должен был стать моим другом.

Джетро кивнул.

- Твоя мать знала, что никто не сможет заменить Вона. Вы выросли вместе. Вы так

сильно любили друг друга. Но она также знала, что отсутствие такой связи будет одной из самых трудных вещей, с которыми тебе придется столкнуться. Поэтому она попросила Кеса быть твоим братом, в то время как твой настоящий брат не мог быть там.

Мой желудок скрутило узлом, когда я обхватила себя руками. Дружба Кеса была бесценна, но теперь она стала ещё бесценней, зная, что каждое прикосновение и шутка были вызваны уважением к моей матери.

В каком-то смысле это могло бы обесценить доброту Кеса ко мне — зная, что его об этом попросили, - но я так не думала. Я рассматривала это как бескорыстный поступок, и я была достаточно уверена в нашей взаимной привязанности, чтобы понять, что он сделал это не только ради Эммы. Он сделал это ради себя, ради той связи, которая расцвела между нами.

Джетро подошел ближе, встав позади меня, чтобы заключить меня в объятия. Я прижалась спиной к его груди, моя голова наклонилась в сторону, чтобы его поцелуи коснулись моей шеи.

- Она также попросила его передать тебе Дневник Уивер. Я знаю, что ты думаешь, что это инструмент для моей семьи, чтобы шпионить за твоими мыслями. Что мы были теми, кто создал такую традицию. Но это сделали не мы.

Его губы любовно прошлись по моей шее и к уху.

- Это был секрет Уивер, и по крайней мере один Хоук в каждом поколении скрывал его. Кесу было поручено передать его тебе. Но его не просили сказать тебе, зачем он это сделал. Это было твоё право делать то, что ты хотела — писать в нем или нет. Прочитать или проигнорировать. Выбор был за тобой.

Как я могла так много узнать? Как я могла влюбиться в мертвых еще больше, чем когда они были живы?

Крутанувшись в объятиях Джетро, я прижалась лицом к его груди.

- Спасибо тебе. Спасибо, что рассказали мне.

Он сжал меня крепче.

- Спасибо тебе за то, что сбылись предположения твоей матери.

Мы стояли неподвижно, заново переживая тайны, радуясь законному концу.

Наконец Джетро отпустил меня.

- Открой. А потом мы присоединимся к остальным.

Я посмотрела на коробку. Воздух вокруг неё, казалось, пульсировал, умоляя меня заглянуть внутрь.

Джетро зашаркал, направляясь к двери.

Я протянула руку.

- Подожди. Не уходи.

Он остановился.

- Ты не хочешь быть одна?

- Нет.

Покачав головой, я улынулась.

- Я хочу, чтобы ты был рядом со мной. Она бы хотела, чтобы ты был здесь.

Прикусив губу, он вернулся ко мне.

Не говоря ни слова, я придвинула коробку ближе и сняла крышку.

Мое сердце перестало биться, когда я полезла в крошечный гроб с воспоминаниями и вытащила письмо, лежащее сверху.

- Это адресовано мне.

Джетро обнял меня за талию, дрожа от всего, что я чувствовала.

Замешательство.

Надежда.

Печаль.

Счастье услышать ее в последний раз.

- Открой его.

Клей на конверте давно высох, и он открылся, когда я перевернула его и нащупала перевязь, чтобы выгащить записку.

Дорогая моя, самая милая дочь.

Я обещала себе так много раз, что напишу это письмо, и каждый раз, когда я начинаю, я останавливаюсь.

Так много нужно сказать. Мой разум переполнен рекомендациями и советами по всему, что тебе предстоит пережить. Первая любовь, первое разбитое сердце, первый ребенок. Я никогда не увижу эти вещи. Никогда не увижу, как ты вырастаешь в женщину или будешь наслаждаться материнством.

И это меня расстраивает, но я знаю, что буду гордиться женщиной, которой ты стала, потому что ты часть меня, и благодаря тебе я останусь жива, что бы ни случилось с моим смертным телом.

Также может быть шанс, что вы не добьетесь того, на что я надеюсь. Что ты попадешь на гильотину, как и я. Что мы встретимся на небесах слишком молодыми.

Но я не думаю об этих мыслях.

Если ты живешь в Хоуксбридже, пока Кат все еще у власти, помни две вещи. Этот человек жесток и непредсказуем. Но под этим скрывается то, что им можно манипулировать. У человека, у которого есть все, нет ничего, если у него нет любви. И у него никогда не было любви. Я притворилась, что отдаю ему это. Я надеялась, что моя ложная привязанность сможет предотвратить мой конец, но у меня не хватило духу любить его по-настоящему. Я люблю твоего отца. Я никогда не смогу полюбить Ката, пока в моем сердце есть Арч.

И это было моим падением.

В любом случае...

Прежде чем я начну болтать ни о чем, я должна сказать две вещи. Я слишком долго копила эти признания.

Во-первых, мне нужно рассказать тебе о твоей бабушке.

Я знаю, что к настоящему времени ты уже видела могилы на Ястребиной пустоши. Ты наверняка видела ее имя на надгробии. Но чего ты не знаешь, так это того, что... эта могила пуста.

Как и ты, я верила, что она умерла от руки мужа Бонни.

Но это было до того, как Кат сказал мне правду.

Он считал своего отца слабым, потому что Бонни кормила его именно этим. Однако я считаю Альфреда Хоука одним из самых храбрых людей. Он поддался традиции и заявил права на мою мать. Он выполнил первые два долга, но его привязанность к ней — любовь, которую он никогда не мог дать Бонни — означала, что он не мог прикрепить ошейник или убить ее.

Поэтому он сделал единственное, что мог.

Он притворился, что покончил с Долгом по наследству. Он похоронил фальшивый труп и освободил ее. Он дал ей второй шанс, но со строжайшим условием: никогда больше не связываться с семьей Уивер — ради нее и ради него.

Она сдерживала это обещание в течение многих лет. Я выросла, веря, что она умерла. Однако однажды ночью мне позвонили из Италии. Она была жива, Нила. Она наблюдала за мной издали, радовалась, когда у меня родились дети, и сокрушалась, когда на меня предъявили права. Она бы боролась за меня — я это знаю. Но она умерла, не успев этого сделать.

Теперь... Нила... это самая трудная часть для написания. Второй секрет, который я хранила всю свою жизнь, и я, честно говоря, не знаю, как тебе рассказать. Простых слов не бывает, так что мне просто придется проглотить слезы, умолять тебя понять и надеяться, что ты сможешь простить меня.

Мои дети.

Я люблю тебя. Всех вас. Так сильно.

Я позволила своему страху взять надо мной верх как раз перед тем, как они забрали меня. Я умоляла твоего отца спрятать тебя. Но мы оба знали, что это наш единственный шанс. Арч не хотел следовать моему плану. Не надо его ненавидеть, Нила. Это была я. Только я. Я беру всю вину на себя, и, хотя я мертва, и ты не можешь ругать меня, знай, что я умерла с сожалением и надеждой.

Я сожалею, что ты идёшь по моему пути, но я полна надежды, что ты добьешься того, чего не смогла я.

Я всегда думала, что такое письмо будет длинным и полным слез, но теперь я знаю (после стольких неудачных попыток), что не могу переосмыслить это. Я не могу написать все, что хочу сказать, потому что все важное ты уже знаешь.

Ты знаешь, что я люблю тебя.

Ты же знаешь, я всегда буду присматривать за тобой.

И я знаю, когда Джет приедет за тобой, ты победишь. Ты победишь, дорогая дочь, потому что ты намного сильнее, чем я когда-либо была. Ты самая сильная, храбрая, самая блестящая дочь, о которой я когда-либо могла мечтать, и именно поэтому я пожертвовала тобой.

Тебя это смущает?

Это заставляет тебя ненавидеть меня?

Если да, то я не буду просить у тебя прощения. Но знай, я всем сердцем верила, что у тебя есть потенциал сделать то, что я не смогла. Я предпочла тебя ей — Жаклин.

Я приняла это решение. Правильно или неправильно. Я никогда не узнаю.

Наблюдая, как ты взрослеешь, я просто знаю, что у тебя есть сила покончить с этим. И это был риск, за который я была готова заплатить. Ты была тем, на кого я возлагала все свои надежды. Ты была тем, кто спас нас всех.

Я люблю тебя, Нила, Дорогая, моя драгоценная дочь.

Простишь ты меня или нет, но я никогда не перестану заботиться о тебе, никогда не перестану наблюдать.

Пожалуйста, попытайся понять.

Я поставила на карту наши жизни, чтобы спасти еще стольких людей.

Спасибо тебе за то, что ты такая храбрая.

С любовью, твоя мать.

Жаклин?

Кто, черт возьми, такая Жаклин?

Нила уронила письмо.

- Что она имеет в виду? Она пожертвовала мной? - Ее эмоции нахлынули одной огромной волной вопросительных знаков. - Что это значит?!

Жаклин.

Жаклин.

Кто, черт возьми, такая Жаклин?

Выйдя из транса, я оттащил Нилу от стола, коробки, записки.

- Нила, все в порядке. Не надо...

Страница 39

Ее черные глаза встретились с моими, широко раскрытыми и полными ужаса.

- Все в порядке? Как ты можешь так говорить? Все это время я ненавидела своего отца за то, что он позволил тебе забрать меня, но я только что узнала, что моя мать была той, кто организовал это? Он хотел спрятать меня, Джетро! И она остановила его! Она должна была защищать меня. Скажи мне, как все это может быть нормально? Я не понимаю! Сначала я узнаю, что мою бабушку никогда не убивали, а теперь я узнаю, что у меня есть еще одна... что? Сестра?

Мои пальцы вцепились в ее локти, но она вырвалась из моей хватки.

- Нет! Не прикасайся ко мне.

Она сбросила перевязь и схватилась рукой за волосы.

- Что это значит? Жаклин? Я должна знать кто она такая, что всё это значит.

Она повернулась ко мне.

- Кто такая Жаклин, Джетро? Скажи мне!

Я стоял там, потрясенный ее эмоциональным волнением, желая, чтобы у меня были ответы.

Но у меня их не было.

Я понятия не имел, кто такая Жаклин.

Я развел руками в знак поражения.

- Хотел бы я знать, Иголочка. Мне жаль. Моя семья десятилетиями наблюдала за вашей, и ни разу не появлялся никто по имени Жаклин.

Нила тяжело дышала, ее слезы высохли, вместо этого ее наполнил гнев. Ее взгляд метнулся к окну, где едва различимые очертания нашей объединенной семьи стояли вокруг деревянной пирамиды.

Ее руки сжались в кулаки, на лице промелькнула боль от перелома.

- Я знаю, у кого будут ответы.

Мое сердце остановилось.

Я сделал шаг к ней, пытаюсь схватить ее, прежде чем она сделает что-нибудь безрассудное.

- Нила, послушай меня. Успокойся. Ты не можешь идти туда в таком состоянии. Ты не можешь...

- Я не могу, не так ли?

Она шагнула вперед, увернулась от моей хватки и схватила коробку со стола. Письмо скомкалось внутри, когда она захлопнула крышку.

- Моя мать только что очистила свою душу, вывалив десятилетние секреты. Это несправедливо. Как она могла так поступить со мной? - Она шмыгнула носом, ее черные глаза наполнились льдом. - Я не позволю, чтобы это сошло ей с рук. Мне нужны ответы, и я хочу получить их сейчас.

- Нила... не надо. Подожди. Остановись...

Она оскалила зубы.

- Не указывай мне, что делать, Кайт. Она была моей матерью, и это моя гребаная история. Я заслуживаю знать, что она имела в виду.

Я споткнулся, чтобы схватить ее.

- Ты не должна, не сегодня вечером...

Смяв коробку, она сердито посмотрела на неё.

Повернувшись на каблуках, она выбежала из комнаты, оставив меня стоять в полном одиночестве, гадая, какие секреты мы не должны были раскрывать.

Проклятая Эмма.

Возможно, рассказы о мертвых должны оставаться мертвыми.

Правильно ли я поступил?

Неужели я только что сдержал обещание призраку и по глупости разрушил наш тщательно созданный мир?

Я не позволю этому случиться.

- Нила!

Я бросился за ней, сбегал по лестнице и рванулся по траве.

Дни бега на беговой дорожке дали ей хорошую фору, и я не успел добраться до нее вовремя.

Я не мог остановить ее, когда она резко остановилась перед своим отцом.

Я не мог помешать ей швырнуть коробку ему в лицо.

И я не мог остановить поток вопросов, льющихся из ее души.

- Кто, черт возьми, такая Жаклин?

Я стояла, дрожа, перед отцом, борясь с волной головокружения.

Текс выглядел почти комично, когда замер, разинул рот и провел дрожащей рукой по лицу.

- Как... как ты узнала это имя?

Пригнувшись, я вырвала письмо из коробки у его ног и сунула ему в грудь. Ви подошел ближе, привлеченный атмосферой враждебности и вопросами.

- Мама только что сказала мне.

Текс сглотнул.

- Что? Как?

Джетро прибежал трусцой по лужайке с суровым выражением лица.

- Нила... Возможно, сейчас не лучшее время.

Я резко повернулась к нему.

- Если не сейчас, то когда?

Указывая на готовый вспыхнуть костер, я рывкнула:

- Я думаю, сейчас самое подходящее время. Покончить с этим, Джетро. Вот что это такое, и это то, что мой отец должен мне.

Оторвав взгляд от Джетро, я уставилась на Текса.

- Итак, скажи мне. Кто, черт возьми, такая Жаклин?

- Ниточка... что происходит? - Вон толкнул меня в плечо своим. - Что тебя так расстроило?

Мой отец не поднял глаз, читая то же самое письмо, которое я только что прочитала. Его лицо стало болезненно-желтым.

Мой голос дрожал, когда я переводила взгляд с моего близнеца на отца.

- Мама оставила записку. - Я указала на неё, колышущуюся на ветру в пальцах Текса. - Вот эту. Она не только сказала мне, что на наша бабушка никогда не платила Долг по наследству, но и принесла меня в жертву девушке по имени Жаклин. Итак, мой вопрос... кто она?

- Святое дерьмо. Какого хрена?

Потирая челюсть, Ви взглянул на Текса.

- Ну? Я думаю, мы заслуживаем того, чтобы знать.

Глубоко вздохнув, Текс закончил читать. Его взгляд метнулся к Джетро, прежде чем остановиться на мне и Ви.

- Она твоя сестра.

Я уже догадывалась об этом, но все равно было больно.

- Старшая сестра?

Старшая, которая должна была заплатить долг. Сестра, которая должна была защитить нас, будучи избранной, а не спасенной.

Джетро подошел ближе, заслоняя меня от ветра.

- Я думаю, тебе лучше выложить всё как есть, Текс.

Текс кивнул, сражаясь с призраками и вещами, о которых я никогда не знала. Как он мог хранить такую тайну? Как мог мой собственный отец быть совершенно незнакомым человеком?

Взяв коробку, я прижала ее к себе, ожидая ответы.

Его тело напряглось, мысли собрались в потоки, готовые сказать мне правду.

- Тут особо нечего сказать. Мы с твоей матерью познакомились молодыми. Мы никогда не планировали детей — она с самого начала испытывала отвращение к мысли о детях. Но таблетки не помогли. Когда мы узнали об этом, то несколько дней мучительно думали, что делать. Мы не могли сделать аборт, так как мои родители были очень религиозны и недавно умерли, что заставляло меня ненавидеть разрушать новую жизнь. Мы были слишком молоды, чтобы сделать выбор, поэтому решили позволить жизни сделать это за нас. Мы поженились, потому что любили друг друга, а не потому, что Эмма была беременна, и мы устроили свою жизнь. Однако вместо того, чтобы это было счастливое время, оно было наполнено тайнами и напряжением. Меня все это не волновало — странность того, что я взял ее имя. Странность ее семейной империи и невысказанные обязательства. Я был счастлив создать нашу семью молодыми. Эмма... она не была. Меня ввели в бизнес, и мы были финансово

обеспечены. Мы могли бы начать строить нашу собственную семью. На ранних сроках беременности мы узнали, что она носит не одного, не двух, а трех детей. Шок быстро сменился счастьем, и я был рад, что она происходила из рода, в котором часто была многоплодная беременность. Я превратил свой домашний офис в большую детскую с тремя кроватками, тремя качелями, тремя мобилями. Всего по три штуки. Но что бы я ни говорил и как бы я ни был взволнован, Эмма отгораживалась от меня. Чем ближе к родам, тем больше она плакала, нуждалась в пространстве и отталкивала меня. Наш местный врач посоветовал мне оставить ее в покое — некоторым женщинам требуется время, чтобы смириться с изменением своего тела и неопределенным будущим. Итак, я дал ей время. Я был рядом с ней, я оставлял ей записки, в которых рассказывал, какой удивительной будет наша жизнь, какими идеальными будут наши дети, и как я был счастлив состариться вместе с ней...

Текс остановился, вытирая глаза тыльной стороной ладони. Он уставился на ожидающий костер и продолжил.

- Она исчезла. Я помню это так ясно. Мы только что вернулись с нашего последнего осмотра, и я оставил ее в гостиной, чтобы приготовить ей чашку чая. Когда я вернулся... ее уже не было. Входная дверь была открыта, ее туфли стояли на входном коврике. Просто ушла. Она была на седьмом месяце беременности и бродила босиком по Лондону. Приближалась зима, и воздух был ледяным. В ужасе я запрыгнул в машину и принялся патрулировать улицы в поисках ее. Мне потребовалось несколько часов, прежде чем я нашел ее сидящей в соборе, где мы поженились. Там она рассказала мне самую ужасную вещь, проклятие на ее семье, долг, который она должна заплатить. Она пыталась развестись со мной, говоря, что совершила ужасную ошибку. Она пыталась убедить меня отдать детей на усыновление в тот момент, когда они родятся, и позволить ей убежать далеко-далеко. Конечно, я ей не поверил. Я думал, она устала и переживает из-за беременности. Я что-то пробормотал, успокоил и отвел ее домой в постель. Она больше не упоминала об этом, и я по глупости подумал, что все кончено. Только потом начались роды, и я срочно отвез ее в больницу. Жаклин родилась первой, потом ты, Вон, а за ней крошка Нила. - Его глаза сияли отеческой любовью. - Я держал вас всех в своих объятиях. Три маленьких свертка с крошечными красными пальчиками и сморщенными лицами. Я безумно влюбился в тебя за считанные секунды. Я поцеловал Эмму и передал своих новорожденных тройняшек медсестрам, чтобы они взвесили и измерили. Я верил, что в моем мире все в порядке.

Слезы навернулись у него на глаза, когда он прочистил горло.

- Однако через сорок минут, когда медсестры не вернулись, я начал беспокоиться. Я выследил их только для того, чтобы обнаружить, что трое моих детей превратились в двоих.

Мое сердце дрогнуло при мысли о трагедии.

- Я помчался обратно с тобой и Ви, требуя объяснений от Эммы. Она просто покачала головой и сказала, что рассказала мне, что случилось с первенцами в ее семье, и она не допустит, чтобы это случилось с Жаклин. За моей спиной она организовала частное усыновление; она подкупила медсестру и врача, чтобы стереть все записи о том, что у нее когда-либо была тройня, и указала, что она родила близнецов. Она сделала все это. Она украла одну из моих дочерей, чтобы защитить ее, и какое-то время верила, что ты будешь в безопасности, Нила. Она сказала, что на тебя не будут претендовать, поскольку технически первенцем был Вон, а не ты. Однако этот план показал свои недостатки, когда Кат пришел за ней. Она была моей женой, но у нее было так много секретов от меня. Она сказала мне, что ты будешь в безопасности. Она пожертвовала тобой. Она позволила им забрать тебя. И я

ничего не сделал, чтобы остановить это.

Тихие слезы текли по его лицу.

- Мне так жаль, Нила.

Я не могла пошевелиться.

Моя мать всегда была прекрасным воспоминанием. Какое-то время я ненавидела ее за то, что она оставила моего отца без объяснения причин, но потом она стала святой, когда я узнала, что Хоуки убили ее. Ее было трудно любить. И Текс был рядом с ней. Он так сильно любил ее, даже когда она ушла. Он солгал ради нее. Он сделал все, о чем она просила. И он выполнил ее желания и позволил им забрать меня.

У меня было так много вопросов, но я не могла сформулировать их четко. Мой мозг оставался затуманенным, медленно осознавая масштабы происходящего. Все, о чем я могла думать, было...

- У нас есть старшая сестра... - пробормотал Вон, перехватив мою мысль. Я положила голову ему на плечо, возвращаясь в свое тело после того, как прожила прошлое с Тексом. Вернуть моего близнеца и поделиться теми же мыслями было все равно что надеть любимую пару тапочек. Я воспринимала нашу непринужденность как должное, и то, что он был рядом со мной, пока мы узнавали что-то столь значимое, было благословением.

Моя рука скользнула в руку Джетро. Он не пошевелился. Он стоял слева от меня, в то время как мой близнец стоял справа.

Я была единственной женщиной на собрании мужчин - не считая Жасмин.

Большую часть своей жизни я была единственной женщиной.

Чтобы узнать, что была другая? Сестра? Потенциальный лучший друг, которого у меня отняли...это было больно. Но и волнительно тоже.

У меня есть сестра.

Я могу найти ее.

Сглотнув, я спросила:

- Где она сейчас?

Текс фыркнул, потянувшись за коробкой в моих руках, желая, чтобы я отдала ее ему. Я так и сделала, передав драгоценности, которые носила Эмма, и все остальные безделушки, которыми она дорожила.

Они принадлежали Тексу больше, чем мне. Эмма хотела бы, чтобы ее муж завладел ее последними безделушками.

- Я не знаю. Я никогда не знал.

- Ты никогда не пытался ее разыскать? - спросил Джетро.

Текс покачал головой.

- Я хотел. Но Эмма заставила меня поклясться, что я этого не сделаю.

- Но ты сказал, что нанял наемников до того, как я пришел забрать Нилу. Что ты имел в виду под этим?

Джетро был обманчиво спокоен, как будто он уже давно собирался задать этот вопрос.

Текс сглотнул.

- Ты это уловил, да?

Вздыхнув, он добавил:

- Ты прав. Я заручился помощью полицейского и команды защиты, чтобы выследить ее.

Я держал это в секрете от всех — даже от людей, работающих на меня. Они не знали, почему искали девушку. Они просто охотились. Эмма сказала, что если я когда-нибудь выслежу

Жаклин и Хоук узнают, они заберут обеих моих дочерей. Поэтому я держал это в секрете — половина меня хотела, чтобы они нашли ее, чтобы я мог любить ее издалека, и половина меня надеялась, что она останется потерянной, чтобы она оставалась в безопасности.

Его глаза сузились.

- Это правда, что ты взял бы и то, и другое? Если бы я нашел ее?

Джетро ущипнул себя за переносицу.

- Честно говоря, если бы Бонни все еще была главной, возможно. Но теперь тебе нечего бояться. Если ты хочешь разыскать ее, я думаю, тебе следует это сделать.

Текс посмотрел на меня.

- Нила... Что ты думаешь? Ты этого хочешь?

Вопрос был слишком велик, чтобы ответить на него так быстро. Я прикусила губу.

- Да... нет... я... я не знаю.

- Я голосую "за", - пропищал Вон.

Как могла девочка, которую отдали на усыновление, украли у нее наследие и наследие семьи, когда-либо проникнуть в наш мир?

- Представьте себе это с ее точки зрения, - сказала Жасмин, привлекая наше внимание к ней. - Вы двое выросли вместе. Вы были лучшими друзьями всю свою жизнь. У нее этого не было. Возможно, она чувствовала, что ей чего-то не хватает, но не знала, чего именно.

Она печально улыбнулась Джетро.

- Я знаю, что мне нравилось иметь больше одного брата. Естественно хотеть, чтобы похожие люди разделяли твою жизнь с тобой.

Да, но у нас не было похожего воспитания.

Вон усмехнулся, снова разделяя мои мысли.

- Ты думаешь, что кто-то может войти в нашу жизнь и не захотеть убежать? Особенно после того, как мы расскажем ей, что случилось и почему ее бросили?

Текс провел рукой по волосам.

- В чем-то ты прав.

- Но разве ей не следует предоставить такой выбор? - Жасмин положила руки на колени. - Я думаю, ты должен найти ее.

Мы все погрузились в молчание, обдумывая эту идею. Нам еще так много нужно было сказать, но не сегодня вечером. Мы все через многое прошли. Жаклин так много лет отсутствовала в нашей семье. Еще несколько дней ничего бы не изменили.

Текс расправил плечи, выглядя в сто раз легче даже после того, как рассказал что-то такое сложное.

- Я не понимал, как сильно эта тайна тяготила меня. - Его глаза заблестели. - Каждый раз, когда я смотрю на вас обоих, я вспоминаю Жаклин. Интересно, похожа ли она на тебя, имеет ли те же привычки и страхи. Я ненавижу то, что я был рад, что мои родители умерли, поэтому мне не пришлось разбивать их сердца, крадя внука.

Он вздохнул.

- Я не из тех, кто жалуется; я любил твою мать. Но она действительно оставила меня в таком одиночестве. Я запутался с секретами и скучаю по жене, которой у меня никогда не могло быть.

Оторвав пальцы от Джетро, я подошел к отцу. Я так долго держала на него обиду, полагая, что это его вина в том, что он не защитил меня. Но я не знала всей истории. Не было черного и белого — ни для кого из нас. Мы все делали выбор, основываясь на

полуфактах и неопределенности. Если мы не могли простить, тогда какой во всем этом был смысл?

Обхватив Текса руками, я крепко его обняла. Он крепко сжал меня в ответ.

- Ты когда-нибудь сможешь простить меня за то, что я не спас тебя?

Вон присоединился к нашим объятиям.

- Она уже сделала это, Текс.

Я кивнула.

- Он прав.

Текс обнял нас еще крепче.

- Я так рад, что вы оба у меня есть. Я так сильно тебя люблю.

Когда мы исцелили друг друга прикосновением, Джетро подошел к пирамиде и облил ветви, оборудование для пыток и коробки с записями бензином.

Едкий запах химикатов окутал ночное небо. Было больно слышать правду, но она залатала дыру внутри меня, о которой я и не подозревала.

Мое сердце сжалось, когда Джетро старательно продумал все, чтобы убедиться, что сегодняшний вечер будет идеальным концом. Я ненавидела тот факт, что у меня только что появилась сестра, которую я не знала, в то время как он потерял брата, которого любил. Жизнь никогда не была справедливой.

Жасмин подъехала ближе, коснувшись моей руки.

- Я знаю, о чем ты думаешь, с ним все будет в порядке.

- Я знаю. Просто так тяжело прощаться с хорошими людьми.

- Он был лучшим.

Мы обменялись улыбками, когда Джетро протянул коробку спичек. Его полуулыбка затрепетала в моем сердце, мои губы жаждали поцеловать его.

Взяв предложенный коробок спичек, Джетро обхватил мою щеку ладонями и нежно поцеловал.

- Это все твое.

Сегодня вечером, когда мы будем одни, я покажу ему, как я благодарна за все, что он сделал.

Я отошла и встала рядом с растопкой. Костер мог гореть несколько дней с тем количеством топлива, которое собрал Джетро.

Поглаживая спичечный коробок, я закрыла глаза и попрощалась.

Это делается для того, чтобы обрести свою свободу. Долг по наследству исчез. Все кончено.

Джетро присоединился ко мне, его взгляд светился любовью и поддержкой. Протягивая папку, он пробормотал:

- Это не оригинал — я заберу его у юристов на следующей неделе и тоже сожгу, — но это должно быть уничтожено вместе с остальным.

Взяв папку, я открыла ее. Слезы навернулись мне на глаза. Внутри были части Долга по наследству, которые мне давали после каждого этапа, вместе с поправкой, которую я недавно подписала под давлением Жасмин.

- Спасибо тебе. Это очень много значит.

Держа папку в руках, я изо всех сил пыталась открыть спичечный коробок, чтобы поджечь. Это будет первый кусок, который сгорит. Катализатор для уничтожения всего остального.

Щелчок кремня и отблеск пламени. Джетро протянул зажигалку с монограммой. Я видела это в ту ночь, когда он затащил меня в свой кабинет и заставил подписать клятву.

- Дерево пропитано керосином, так что оно легко загорится.

Поднеся зажигалку к углу папки, он подождал, пока бумага не загорится. Сделав шаг назад, он улыбнулся.

- Как только ты будешь готова.

Я посмотрела на своих брата и отца. Они стояли, как два часовых, на фоне темноты. Хоуксбридж маячил позади них, глядя на всех нас уже не как на врага, а как на друга. Несколько окон мерцали золотыми огнями, отбрасывая прямоугольные клинья света на траву.

Жасмин чопорно сидела в своем кресле, в ее глазах отражался дымящийся огонек в моей руке. Папка быстро растворилась в листьях почерневшего угля.

Страница 40

Зло исчезло. Осталось только счастье.

Без колебаний я бросила горящую бумагу в костер и с душераздирающим удовлетворением наблюдала, как все это вспыхнуло оранжевым жаром.

Ледяной воздух был отброшен назад, когда вспыхнуло пламя, и мой разум успокоился от мыслей о Жаклин, моей матери и секретах. Моя семья стояла вокруг меня, укрепляя меня в совершенно новом мире, где ничто не могло нас разлучить.

Больше сказать было нечего.

Пламя говорило за нас.

Дым очистил прошлое.

А потрескивание говорило о будущем, в котором не будет долгов.

Я был запачкан сажей.

Дым окутал мои волосы.

И мои глаза все еще горели искрящимся оранжевым и желтым светом костра. Мы были там несколько часов. Нила и Вон были единственными, кто бросил документально подтвержденные долги в огонь.

Остальные из нас засвидетельствовали свое почтение и молча поддержали их.

Я не сохранил никаких улик. Я не отложил в сторону ценное доказательство, чтобы посадить в тюрьму людей, которые скрывали секреты моей семьи. Отчасти потому, что их грехи были нашими грехами, и было бы лицемерием возлагать вину на них, когда мы все разделили преступление. И в основном потому, что я бы не стал использовать чужую боль в качестве разменной монеты.

Если адвокаты хотели поиграть и оказывались проблемой при разборе документов, то у меня были другие способы причинить им боль. Более справедливые средства. Мы так долго действовали вне закона, что еще с несколькими "незаконченными делами" можно было бы справиться таким же образом.

Текс смотрел вперед, сцепив руки, с суровым лицом. Если бы я позволил себе почувствовать то, через что он прошел, я бы получил удар током. Он прощался с тем, что

осталось от Эммы, вертя в руках ее обручальное кольцо из коробки, словно читая заклинание, чтобы вернуть ее.

Но ничто не могло вернуть ее обратно.

Ничто не могло отменить то, что сообщила Эмма.

И я боялся того, что сделает Нила, как только заживут раны сегодняшнего вечера и у нее будет больше времени подумать о внезапном открытии того, что у нее есть сестра.

Я скрыл свое насмешливое фырканье. В конце концов, Дэниэль был прав. Его глупая шутка в машине о краже не той сестры — он ничего такого не имел в виду — глупая уловка, чтобы еще больше расстроить Нилу.

Но каким-то образом он догадался о неммыслимом.

Был еще один Уивер.

Девочка-первенец, скрытая от нас.

Жаклин.

На несколько минут старше Вона. На несколько минут старше Нилы.

Любовь всей моей жизни была принесена в жертву судьбе, которая не принадлежала ей.

Это обрадовало или огорчило меня?

Счастлив ли я, что она стала моей?

Грустно ли мне от того, что я заставил ее так много пережить?

Кем была Жаклин?

Как она выглядела? Как бы она отреагировала?

Мои руки сжались в кулаки.

В одном я был уверен — кем бы ни была Жаклин, она не была Нилой. Я бы не влюбился в нее. Я бы не нарушил свою клятву и не склонился к ее ногам.

Жаклин не изменила бы историю.

Поддавшись бурным мыслям, я молчал, запертый там, где мне предстояло остаться на всю оставшуюся жизнь — рядом с Нилой.

Я не уходил, когда она бросала документы, аудио- и видеозаписи в бушующее пламя. Каждый раз, когда Нила смотрела в мою сторону, я целовал ее. Я передавал ей файл за файлом, преступления моей семьи в ее руки, чтобы избавиться от них.

Только когда трава опустела от истории, мы разошлись в разные стороны. Огонь продолжал бушевать сам по себе, пока мы расходились по разным углам, чтобы отдохнуть, переоценить события последних дней.

Текс исчез первым в садовой роще, безмолвно прижав коробку Эммы.

Вон покатила Жасмин в сторону Холла, ее колеса засасывали грязь следов от того, что она перевозила так много папок ранее вечером.

Нила и я — мы направились обратно в мою комнату.

Ее щеки были испачканы пеплом, а обугленные кусочки бумаги украшали волосы и подкладку капюшона куртки. Она выглядела так, словно побывала в битве. Она выглядела бесконечно усталой.

Войдя в холостяцкое крыло и в свою спальню — нашу спальню, — я снял куртку и повесил ее на шкаф.

Нила отошла на середину ковра, тупо уставившись на кровать.

Мое сердце сжалось. Все, что я хотел сделать, это снять тяжесть решения и даровать ей покой. Подойдя к ней сзади, я расстегнул молнию на ее куртке и снял ее с ее рук.

Запахи огня и свежего воздуха окутали ее.

- Ты хочешь принять душ? - тихо спросил я, массируя ее плечи.

Она вздрогнула, испуганная моим голосом после того, как в качестве разговора было слышно только потрескивание огня. Повернувшись, чтобы заключить себя в мои объятия, она покачала головой.

- Мне не нужен душ.

В ее голосе звучала потребность в чем-то другом. Мне не нужно было спрашивать, что ей нужно — я и так знал.

Я знал гораздо больше, чем следовало бы.

Тем не менее, я с уважением относился к предоставлению некоторого подобия границ.

Ниле нужно было во многом разобраться внутренне. Я бы не стал усугублять ситуацию, зная, что она не может притворяться, что с ней все в порядке, когда я полностью знал, что это не так.

Поэтому, хотя мне и не нужно было этого делать, я все равно спросил:

- Что тебе нужно...

Ее голова запрокинулась, черные глаза вспыхнули эбеновым огнем.

- Ты. - Она встала на цыпочки, прижимаясь своими губами к моим. - Ты мне нужен.

Мой член стал толще, сердце бешено забилося.

Я тоже нуждался в ней. Так чертовски сильно. Сейчас больше, чем когда-либо, поскольку в настоящее время она была потеряна для меня. Она не знала, как занять свое место в этой жизни. Она не знала, как признаться себе, что если бы ее не выбрали вместо Жаклин, она бы никогда не встретила меня. Никогда бы не влюбилась в меня. И я бы никогда в нее не влюбился.

Я застонал, когда беспокойство в ее мыслях возросло.

Я не хотел совать нос в чужие дела, но я не мог позволить ей думать о таких неправильных вещах.

- Я бы не полюбил ее, Иголочка.

Она ахнула, её губы замерли.

Я раздвинул ее губы своим языком, сообщая ей правду.

- Только ты. Меня не волнует, что она должна была стать моим наследством. Меня не волнует, что ты заняла ее место. На самом деле, я так чертовски рад.

Ее дыхание сбилось, когда я поцеловал ее сильнее, прижимая к себе.

- Я так счастлив, что это была ты, потому что ты вылечила меня, вылечила. Я люблю тебя, Нила. Не её. Не кого-то другого. Тебя.

Ее руки обвилились вокруг моей шеи, она сильнее притянула меня к своему рту. Я позволил ей отвести меня в постель. Я позволил ей контролировать поцелуй. Я позволил ей схватить меня за рубашку и притянуть к себе. И я позволил ей контролировать все, что ей было нужно.

Я бы дал ей все, что она когда-либо хотела.

Я бы провел остаток своей жизни, заботясь о том, чтобы ей никогда не пришлось сомневаться в моих чувствах к ней.

Она была для меня всем.

Не имело значения, что ложь свела нас вместе.

Судьба решила, что мы подходим друг другу.

И мы исполнили это пророчество, влюбившись по уши, черт возьми.

Я проснулась так же, как и заснула.

С Джетро, занимающимся со мной любовью.

Мы оставались в объятиях друг друга в течение нескольких часов сна. Мне ничего не снилось. Я не волновалась. Я просто спала и заряжалась энергией после такого долгого эмоционального дня.

Джетро разбудил меня поцелуями и прикосновениями, доведя до мягкого расслабления, прежде чем отнести в душ, чтобы помыться.

После костра уже взошло солнце нового дня.

Другого дня.

Дня, когда мы попрощаемся с Кестрелом.

Я боялась, что устану, когда мы с Джетро быстро оделись, натянув джинсы, куртки и ботинки. Я боялась, что буду не выспавшейся, когда мы быстро пообедали на кухне и направились через сад к конюшням.

Но мне не нужно было бояться.

Время, проведенное с Джетро, зарядило меня энергией лучше, чем сон.

Во время костра я не могла думать о своей матери без желания выть на луну и требовать от нее объяснений. Мне хотелось пнуть и ударить своего отца за то, что он хранил такую ужасную тайну всю мою жизнь. И я хотел обнять Вона, потому что эта новость затронула не только меня.

Мы были всем друг для друга. Близнецы. Лучшие друзья. Доверенные лица.

Узнать, что на самом деле мы были всего лишь двумя третями полного набора братьев и сестер - это было больно.

Жаклин.

Текс сказал, что продолжит разыскивать приемную семью. До сих пор у него не хватало сил докопаться до истины.

С другой стороны, может быть, сила удерживала его на расстоянии.

Я родилась третьей.

Я никогда не должна была платить этот долг.

Но я сделала это, и я покончила с этим.

Жаклин была обязана своей жизнью моим родителям за то, что они спасли ее. Но ее будущие дети были обязаны мне своей безопасностью.

Джетро взял меня за руку в перчатке, когда мы шагнули из яркого солнечного света в мускусный мир конюшен.

- Ты готова?

В моей голове всплыли воспоминания о том, как Джетро нежно подстригал мои волосы, снова собирая меня вместе с помощью того же орудия, которое уничтожило меня. Конюхи суетились вокруг, подбирая седла и уздечки, ухаживая за лошадьми.

Мое сердце подпрыгнуло, когда я заметила Мотылька.

Лошадь Кеса.

Моя лошадь.

Мост между нами, которым я всегда буду дорожить.

Сжав его пальцы, я кивнула.

Его губы улыбались, но глаза боролись со слезами.

Сегодня ему будет нелегко. Но буду там. Я всегда буду рядом.

Он сделал глубокий вдох.

- Тогда ладно.

Вместе мы приготовились попрощаться с Кестрелом Хоук.

- Ты уверена, что хочешь это сделать?

Я посмотрел на Жасмин, пока Вон выводил нашу самую спокойную лошадь из денника.

Конюхи уже расчесали, оседлали и подготовили шесть лошадей.

Я планировал этот день на прошлой неделе.

Я хотел, чтобы все было идеально.

- Перестань спрашивать меня об этом. Да, я уверена.

Жасмин неуклюже катила себя по булыжникам, ее колеса цеплялись и буксовали на неровной поверхности. Но она не жаловалась. Ни разу она не поругалась и не посетовала. Она больше не пряталась в доме, сожалея о той жизни, которой у нее никогда не будет.

Ее принятие было вызвано множеством факторов. Непокколебимое внимание Вона Уивера было одной из таких вещей, как и смерть Кеса. Его кончина в таком юном возрасте потрясла всех нас. Да, она потеряла способность передвигать ноги, но она не потеряла свою жизнь, как наш брат.

- Веди ее туда.

Я указал Ви на платформу, которую я заставил создать плотников Хоуксбриджа.

Изначально я планировал посадить Жасмин в карету, надежно защищенную стенами и колесами. Но в тот момент, когда я рассказал ей о плане, она заспорила. Она часто каталась верхом со мной и Кесом, когда мы были моложе. Она хотела разделить с ним последнюю поездку... прежде чем он уйдет.

Я сделал все возможное, чтобы переубедить ее, но она была чертовски упряма, когда принимала решение.

Я не вмешивался, пока Вон делал все возможное, чтобы направить лошадь к блоку. Однако у чалой были другие идеи — ее основное внимание было сосредоточено на сене.

Вон выругался себе под нос, делая все возможное, чтобы дернуть кобылу вперед.

- Давай, ты, чертово животное.

Господи, такими темпами мы не выберемся из конюшни до темноты.

Нила рассмеялась, когда я рванулся вперед и схватил поводья. Взяв на себя ответственность за лошадь, я указал Вону на новую задачу.

- Помоги моей сестре подняться по пандусу. Я подведу лошадь.

Текс вошел в конюшню. Его взгляд метнулся от лошади к Жасмин в ее кресле. Он мудро не упомянул о ее безопасности и вместо этого сосредоточился на своем собственном дискомфорте. Потирая затылок, он сказал:

- Ты уверен, что я должен быть на коне? Разве я не могу последовать за вами пешком?

Нила подошла к отцу и взяла его за руку.

- Кес хотел бы, чтобы мы все были там. Пожалуйста, сделай это для меня. Мы должны почтить его память. - Поцеловав его в щеку, Нила улыбнулась, полностью завоевав своего отца за считанные мгновения.

Попробуй сказать ей "нет".

Черт возьми, я бы не смог.

Скрывая свое самодовольство, я позволил своему состоянию взять верх. Текс все еще сбивал меня с толку. В конце концов, он заступился за свою дочь. Он помог положить конец безумию нашей семьи, но внутри он все еще погряз в ненависти к себе и чувстве вины. Это чувство вины разъедало его, как кислота.

Оторвав взгляд от Нилы и ее отца, я двинулся вперед. Похлопав кобылу кончиками поводьев, она побрела вперед, подчиняясь моему указанию, когда я повел ее вокруг недавно возведенного пандуса.

Вон схватил кресло Жасмин. Почти застенчиво он заправил ее длинные до подбородка волосы за ухо, прежде чем толкнуть ее, как чертову ракету, вверх по пандусу.

Черт возьми.

- Черт! - Жасмин схватилась за поручни, свирепость отразилась на ее лице.

- Просто подумал, что я должен убедиться, что ты не спишь, - усмехнулся Вон.

- Да, я бы хотела бодрствовать и не умирать так долго, как только смогу.

Ее притворный гнев не мог скрыть ее удовольствия от того, что Вон не обращался с ней как с фарфоровой куклой.

К сожалению, ее эмоции не могли лгать. Ее сердце замирало всякий раз, когда этот чертов Уивер оказывался рядом.

Нила подошла и встала рядом со мной, ее изящная рука легла на мое запястье.

- Перестань хмуриться. Я знаю, о чем ты думаешь.

Я не смотрел на нее. Чем больше времени она проводила со мной, тем больше она могла читать меня. Возможно, она и не могла хранить секреты от меня, но и я не мог скрывать их от нее.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Она улыбнулась.

- Да, ты понимаешь.

Ее глаза кричали: "Моему брату нравится твоя сестра".

Я сжал челюсти, игнорируя ее.

Лошадь топнула, вскинув голову, когда Вон толкнул ее, подходя к передней части кресла Жасмин. Его глаза встретились с глазами Джаз.

- Помнишь, когда ты в последний раз просила меня быть твоими ногами?

Джаз склонила голову набок, ее пристальный взгляд метнулся ко мне.

- Да.

- Я тебя уронил?

Она нахмурилась.

- Нет.

- Хорошо, значит, ты мне доверяешь?

Ее язык скользнул по нижней губе. Черт, она флиртowała с ним.

- Возможно.

- Думаю, этого достаточно. - Наклонившись, он улыбнулся. - Обними меня за плечи.

Мой желудок скрутило узлом, я хотел сказать ему, чтобы он был осторожен, но Джаз немедленно обхватила его руками и позволила ему снять ее бесполезные ноги с кресла.

Я никогда раньше не видел, чтобы Джаз так открыто доверяла кому-то. И все же она так легко приняла Вона.

Держа ее в своих объятиях, он совершенно забыл об остальных из нас и переполненной конюшне.

Я намеренно кашлянул.

Вон ухмыльнулся, не придавая значения тому, что я думал. Шепча ей на ухо, он осторожно посадил Жасмин на лошадь. Ее бесполезные ноги не оседлали лошадь, но Вон держал ее в воздухе, чтобы Джаз могла правильно устроиться.

Как только Джаз села на лошадь, она кивнула.

- Можешь отпустить меня.

Ви сделал, как она просила, глядя на меня в ожидании указаний.

Оставив Нилу, я поднялся по пандусу и проверил, туго ли затянута подпруга, ноги Джаз были закреплены и пристегнуты к изготовленному на заказ седлу, ее равновесие было правильным. Лука поднялась очень высоко, а задняя часть седла поддерживала ее спину с помощью амортизации и ремня безопасности.

Ей придется быть осторожной с язвами и синяками, так как она не сможет чувствовать, но она была в такой безопасности, в какой только могла быть на звере.

- Готова к своей первой поездке?

Я никогда не видел у Джаз таких ярких глаз. Мысль о том, чтобы сделать что-то, от чего она отказалась, придала немного волшебства этому печальному дню.

- Как никогда.

Борясь со своей братской заботой, я передал ей поводья.

- Ты уверена?

Ее губы поджались, когда она дёрнула поводья.

- Определённо.

Вручив ей хлыст, я спустился по пандусу. Хлыст был длиннее охотничьей версии и означал, что она могла побуждать лошадь двигаться без необходимости пинать или извиваться.

Направляясь к стойлу Винга, я остановился как вкопанный, когда Нила вышла из загона Мотылька, уже сидя на сером в яблоках.

Сколько раз за последние две недели я думал о Кес. Представлял, как он все еще жив, шутит и поддразнивает. Смеётся. Заполнить дыры в нашей жизни противоядиями мог только он.

Но мой брат исчез, а его лошадь, которую он так великодушно подарил Ниле, осталась.

Мое сердце пропустило удар, когда Нила остановилась, ее глаза тонули в любви. Ко мне. Любовь... то, чего я никогда не думал, что заслужу.

Я подошел к ней.

- Поцелуй меня.

Фраза, с которого все началось. Приказ, который сломил все мои намерения.

Нила мягко улыбнулась.

- Когда ты так вежливо просишь, как я могу отказать?

Я встал на цыпочки, чтобы дотянуться до ее восхитительного рта.

Это не был медленный поцелуй или даже эротический. Просто краткое подтверждение того, что мы принадлежим друг другу и всегда будем принадлежать.

Я неохотно отпустил ее. Вон сумел помочь Тексу взобраться на большого Клайдсдейла под названием "Бэнгерс энд Мэш", а конюх, в свою очередь, помог Ви взобраться на новое приобретение конюшни под названием "Абрикос".

- Выходите. Я догоню.

Джаз повиновалась, щелкнув хлыстом и подтолкнув Кларет вперед. Процессия

последовала из сарая. Текс осторожно последовал за ними, крепко сжимая поводья, в то время как Ви усмехнулся, качая головой из-за нервозности отца.

Их недостаток навыков был тем, что происходило, когда вы работали на фабрике всю свою жизнь.

Теперь Нила была моей, и я намеревался поделиться с нею.

Я хотел показать ей Хоуксбридж.

Я хотел научить ее играть в поло.

Я хотел, чтобы она помогла мне управлять алмазной империей и многими другими аспектами моего мира.

Я хотел войти и в её жизнь.

Я хотел путешествовать с ней на ее показах.

Я хотел смотреть, как она шьет, и часами просто сидеть рядом с ней, пока она создавала изысканные узоры из ничего.

Я хочу всё.

Мот фыркнула, когда Нила помешала ей последовать за остальными на солнечный свет.

- Ты хочешь, чтобы я осталась?

Всё внутри меня светилось любовью.

- Нет, я только на минутку.

Хлопнув Мотылька по задку, я отправил Нилу присоединиться к нашей семье. Я направился к Вингс и прикрепил седельную сумку к луке седла.

- Готов, мальчик?

Вингс фыркнул, его глаза были черными, как бездна.

Страница 41

- Я тоже нет. - Я прижалась лбом к его шелковистой шее, точно так же, как делал всякий раз, когда мое состояние становилось слишком плохим и мне требовалось уединение.

- Я не хочу прощаться.

Перекинув ногу через его огромный бок, я пнул его и последовал за остальными.

- Это то самое место.

Я натянул поводья, останавливая Вингс.

В течение часа мы бродили по лесам и долинам, по ущельям и руслам рек поместья Хоуксбридж. В тот момент, когда было зачитано Завещание Кеса, я знал, какими будут его инструкции.

Здесь у нас были такие счастливые времена. Подальше от нашего отца и обязательств. Вдали даже от нашей сестры. Только мы и дикая местность.

- Это потрясающе.

Нила подошла ко мне. Дыхание Мотылька выходило клубами в холодном зимнем воздухе.

Жасмин скомандовала Кларет, чтобы она двинулась дальше вверх по хребту, глядя вниз на долину, где вдалеке виднелась небольшая деревня. Хоуксбридж-холл отсюда не был виден. Вот почему нам с Кесом это понравилось.

Сидя по ночам, завернувшись в спальные мешки и жаря зефир на костре, мы любили наблюдать за мерцающими огнями деревни и придумывать истории о том, что делал каждый

человек.

Мы притворялись, что жили сотни лет назад. Обсуждали и спорили, какая у нас была бы карьера. Я был непреклонен в том, что стал бы кузнецом. Было что-то в том, чтобы молотить по горячему металлу до тех пор, пока он не подчинится, что мне понравилось. Кес, с другой стороны, хотел быть плотником. Не потому, что ему нравилось создавать вещи из дерева, а потому, что он считал, что женщины предпочитают мужчин, которые знают, как обращаться со стволом.

Я тихо рассмеялся, вспомнив его шутки.

- Ты такой идиот. - Я запустил в него пылающим зефиром.

Кес пригнулся, смахивая липкое месиво на землю. Его лохматые волосы блестели в лунном свете, в то время как лошади удовлетворенно жевали траву позади нас.

- Как скажешь, Джет. - Подняв руки, он ухмыльнулся. - Эти щенки были на сиськах Селены на прошлой неделе. Она сказала мне, что у меня хорошие руки.

Я закатил глаза.

- К ней, наверное, никогда раньше не прикасался парень, и ей не с кем было тебя сравнивать.

Кес усмехнулся.

- Может, мне и всего шестнадцать, но я знаю, как доставить удовольствие девушке.

Вздыхнув, я откинулся в своем спальном мешке, глядя на звезды.

- Ну, ей бы повезло, если бы у нее был ты.

Кес придвинулся ближе, потрескивание костра окутало нас безопасностью.

- То же самое могу сказать о тебе. Однажды ты встретишь кого-то, кто не думает только о покупках и идиотских вещах девочек-подростков. Вот увидишь.

Подняв настроение, я фыркнул.

- Возможно, мне тоже следует стать плотником, чтобы я знал, как обращаться со своим стволом.

Мы расхохотались.

Мое сердце было наполнено историей, когда я покинул прошлое и вернулся в Ниле.

- Кес будет счастлив здесь.

Нила кивнула, ее глаза были влажными.

Еще больше лошадиных копыт застучало по склону, когда Текс и Вон наконец догнали нас. Они хорошо справились с походом, позволив своим лошадям следовать за нами.

Повернувшись в седле, я открыл сумку и достал урну с прахом моего брата.

Жасмин придвинулась ближе, ее губы скривились от желания заплакать. Я улыбнулся, напоминая ей быть счастливой и не заикливаться на том, что мы потеряли.

- Ты хочешь сказать?

- Нет. Ты. Я думаю, что ты должен быть тем самым.

Сделав глубокий вдох, я отвинтил крышку медной урны и поднял ее вверх.

- За нашего брата. Каждый шелестящий ветер, будет напоминать о тебе. Каждый опадающий лист будет заставлять нас думать о тебе. Каждый восход солнца мы будем вспоминать те времена, которые мы разделили. И каждый закат мы будем ценить все, что нам дано. Это не прощание, это "до скорой встречи".

Мои руки дрожали, а грудь сжималась от печали. Нила вытерла слезу, Жасмин

проглотила рыдание. Их эмоции переполнили мои, угрожая обрушиться лавиной отчаяния.

Нуждаясь в том, чтобы попрощаться наедине, я наплавил Вингс вперед и пустился в галоп. Линия хребта расстилалась передо мной, когда я пустил свою лошадь в полет.

Я пустил его галопом так быстро, как только мог.

Я позволил ему унести меня прочь.

И когда грохот его копыт закрыл черную дыру горя, я наклонил урну и высыпал последние останки Кеса.

Серая пыль клубилась позади меня, кружась на ветру, закручиваясь спиралью.

Прощай, брат.

Поднялся ветер, заставляя серое облако подниматься и парить над долиной, сливаясь с сельской местностью.

Моя семья владела этим поместьем почти шестьсот лет. В нем было много душ. Оно повидало много событий. И стало свидетелем многих эволюций. Мой брат навсегда останется его наблюдателем и воином, охраняющим Нилу и мою новую семью.

Когда Вингс замедлился, я посмотрел на солнце и улыбнулся.

Урна была пуста.

Кестрел исчез.

От костей до пепла.

От крови к праху.

Его тело исчезло, но я знал, что он все еще жив.

И мы встретимся снова.

Мы снова посмеёмся.

Мы слова станем братьями.

- Зачем мы пришли сюда?

Джетро схватил меня за руку, и повёл от "Феррари" через автостоянку на Даймонд-аллее.

- Увидишь.

Прошло четыре недели.

Четыре недели привыкания.

Мне сняли гипс, мой перелом сросся, стерев преступление Ката. Мы с отцом много раз обсуждали откровение о Жаклин, и мы с Ви оба стремились разыскать нашу тройняшку, чтобы посмотреть в глаза потерянному родственнику.

Каждый день приносил разные впечатления. Кес ушёл. К этому было трудно привыкнуть — особенно потому, что он заслуживал того, чтобы наслаждаться изменениями, которые мы медленно вносили в Хоуксбридж—Холл, - но время шло, увлекая нас вперед без него.

Пробыв у нас несколько недель — чтобы разрядить обстановку и провести время вместе, как новая семья, - мой отец вернулся в Лондон, чтобы заняться работой.

Вон оставался почти все выходные, тихо болтая, постепенно избавляясь от своей враждебности по поводу прошлого, которое он не мог изменить. Вместо этого он сосредоточился на гораздо более светлом будущем.

В течение недели мой близнец распределял свое время между своим пентхаусом и

Хоуксбриджем. Они с Джаз проводили много времени вместе, и Джетро и Ви разговаривали все больше и больше.

Я застала их болтающими за коньяком у пылающего камина в игровой комнате. Комната больше не была запятнана карточными долгами, а была местом, где мой возлюбленный и брат обрели дружбу.

Они обсуждали различные мировые проблемы, сходясь во взглядах большинства тем. Я также видела, как они хихикали над чем-то детским в столовой, медленно превращаясь из врагов в друзей.

Я останавливалась и наблюдала, скрытая в тени, и позволяла оставшемуся страху уйти. Игровая комната больше не была комнатой, где был почти погашен Третий Долг, восьмиугольная оранжерея больше не была тем местом, где был извлечен Первый Долг, и озеро больше не было тем местом, где был отдан Второй Долг. Они были чистыми холстами, готовыми к новым воспоминаниям.

Хоуксбридж медленно избавлялся от своей жестокости и боли.

И теперь Джетро привел меня в другое место, где я уже была.

Алмазная аллея.

Место, где я впервые встретила Килла.

Артур "Килл" Киллиан вернулся во Флориду после финальной битвы, в тот день, когда я чуть не потеряла голову. Благодаря ему у нас было будущее. У нас была жизнь, которую мы ждали с большим нетерпением.

Постучав в ту же дверь, через которую мы проходили в прошлый раз, когда пришли сюда, я почувствовала легкую боль в сердце. Кеса не было с нами сегодня, и его не будет в любой другой день, но его присутствие не покидало нас. Джетро не часто вспоминал о нем, но я знала, что он думал о нем.

Девятизначный пароль был принят, и дверь открылась.

Джетро тут же вручил мне пару солнцезащитных очков и потащил в большое. Невероятно яркие прожекторы согревали мою кожу, как тропическое солнце, в то время как крошечные радуги танцевали на черных бархатных сортировочных подушечках на столах.

Бриллиантовый ошейник будто стал тяжелее, и я охотно вцепилась в руку Джетро, когда он потащил меня по коридору к двери, которую я когда-то считала входом в кладовку уборщика.

Он не сказал ни слова, когда открыл ее, ввел код большого сейфа и повернул ручку. Как только бронированный вход открылся, Джетро поклонился.

- После вас, мисс Уивер.

Я ухмыльнулась.

- Я могу представить, как Кат переворачивается в могиле, видя, как Уиверс счастливо остается в его Холле и трогает его бриллианты.

Джетро не сказал мне, что произошло во флигеле, и я не стала допытываться. Это была его травма и триумф, который он должен был вынести.

Бонни была похоронена в поместье, в катакомбах под домом. Ее саркофаг уже был изготовлен в соответствии с обычаем погребения богатых лордов и леди.

Сначала мне было неприятно думать о Бонни у меня под ногами, когда я бродила по коридору, но через некоторое время я перестала возражать. Я победила. Она этого не сделала. Это была ее епитимья, а не моя, видеть, как жизнь меняется к лучшему, пока она гниет внизу.

Тело Дэниэля так и не было найдено. Его кости обглоданы, а плоть пожрана хищниками. Хоуки так много взяли с африканской земли. Карма позаботилась о том, чтобы заплатить этот долг своей плотью.

- Я не думаю, что он был бы так сильно против, как мы думаем.

Джетро направился к сейфовым ячейкам.

- В конце концов, он действительно сожалел о том, что сделал. Если бы он не отменил условия своей последней воли и Завещания, все это было бы потеряно. Мы бы потратили годы на юридические баталии, пытаясь заявить о своем праве по рождению, и Хоуксбридж был бы разорван на куски государством.

Я переплела пальцы, тихо прислушиваясь. Что бы ни произошло между Джетро и Катом в тот день, это было их личное дело, но я была рада, что Джетро покончил с этим. Кат умер не с ненавистью в сердце, как я ожидала. Он умер с извинениями и печалью. Я надеялась, что он спокоен, где бы он ни был.

Стоя посреди сейфа, я ждала, пока Джетро выдвинет длинный серый ящик из оружейного металла.

Мое сердце забилося быстрее.

Я знаю, что там внутри.

В последний раз, когда он показывал мне оригинальный черный бриллиант, он намекнул на то, кем он был. Он использовал камень в качестве примера своего состояния — поглощения света и эмоций, а не преломления и предотвращения их проникновения. Аналогия была для него идеальной.

Подойдя ближе, я положила руку ему на предплечье.

- Я должна была догадаться в тот день. Я должна была знать, кто ты такой, и убедить тебя сбежать со мной.

Он усмехнулся.

- Бегство никогда не было вариантом, Иголочка. Но ты права. Эти наркотики действительно испортили мне жизнь. Я надеялся, что ты догадаешься и избавишь меня от этого.

Я улыбнулась.

- Кажется, я припоминаю, что в конце концов так и сделала. Я ворвалась в твою спальню и заставила тебя слушать.

- Ты никогда не узнаешь, как сильно помогла твоя сила. Как твое упорство заставить меня чувствовать себя сломило мое несчастье.

Его губы коснулись моих, когда его руки вытащили черный мешочек.

- Это для тебя.

Он сунул мягкий материал в мою руку.

Я отпрянула назад.

- Что? Нет. Я ни за что не могу это принять!

Он ухмыльнулся.

- Можешь. Приняв меня, ты уже приняла это. Он твой, и я хочу, чтобы ты его открыла.

- Джетро...

Он вложил ленту мне в пальцы.

- Открой его.

Мои руки дрожали, когда я открывала бархат. Мои глаза сузились. Я ожидала увидеть один большой камень, нежно укрытый набивкой. Однако что-то выглядело не так. Внутри

лежало еще несколько свертков, завернутых в тонкую папиросную бумагу.

Джетро скрестил руки на груди, самодовольство украсило его лицо.

- Продолжай. Продолжай. Ты еще не все открыла.

Положив мешочек на стол, я вытащила первый свёрток. Мои пальцы задрожали сильнее, когда я отодвинула гофрированную бумагу. Как только я развернула его, то чуть не выронила.

- О, Боже мой.

Джетро не сказал ни слова, когда я вытащила самый потрясающий браслет, который я когда-либо видела.

- Это...это... ты сделал это из одного черного бриллианта?

Единственный камень, с которого все началось. Бесценный драгоценный камень, который так давно принёс его семье богатство и славу.

Джетро кивнул.

- Да.

Взяв свисающий браслет, его пальцы проследили филигранный узор, где золото облизывало скопления черных бриллиантов, постепенно увеличиваясь до одного большого камня в центре рисунка.

- Дай мне свое запястье.

Потеряв дар речи, я протянула руку.

Джетро очень осторожно закрепил украшение. Конечно, это был идеальный размер.

- Ты сделал это для меня?

- Как я могу этого не сделать? - Он снова поцеловал меня. Мое сердце превратилось в перья, готовые взлететь. - Ты - причина, по которой я жив и счастлив. Я хочу отдать тебе все, Нила.

Проведя пальцами по бриллиантам уникальной формы, он добавил:

- Эта огранка называется "воздушный змей". Это редкость — не многие ювелиры помнят об этом искусстве. - Он ухмыльнулся. - Я подумал, что это довольно уместно использовать в дизайне.

Я не могла перестать пялиться.

- Более чем уместно. Теперь у меня есть воздушный змей в моем сердце и воздушные змеи на моем запястье.

- Надеюсь, на всю оставшуюся жизнь.

Не дав мне ответить, он снова посмотрел на мешочек.

- Это еще не все. Открой следующий.

Я не могла оторвать глаз от того, что он уже дал мне. Это было уже слишком. Намного, намного больше, чем я когда-либо ожидала. Чернота камней поглощала свет, очаровательно сияя.

Не в силах говорить, я вытащила следующий подарок из гофрированной бумаги. Слезы заблестели в моих глазах, когда я открыла то, что было внутри.

- Джетро...

Прежде чем я успела поцеловать его или наброситься в знак благодарности, он опустился передо мной на одно колено.

Ставив кольцо с черным бриллиантом, он схватил мою дрожащую левую руку и нежно улыбнулся.

- Я дважды просил тебя выйти за меня замуж. И каждый раз ты говорил "да". Насколько

я понимаю, ты стала Хоук в тот момент, когда ответила на мое первое сообщение. Но я не мог бы украсть тебя на всю оставшуюся жизнь, не сделав этого должным образом.

Я ахнула, когда его голос сорвался.

- Нила «Ниточка» Уивер. Окажешь ли ты мне абсолютную честь, приняв это кольцо, этого мужчину, это будущее? Я предлагаю тебе все, чем я являюсь и кем стану. Я обещаю обожать тебя с каждым ударом сердца и всегда буду защищать тебя, как я должен был делать с того дня, как мы встретились. согласишься ли ты быть моим лучшим другом и партнером до конца наших дней и продолжать быть такой самоотверженной со своей любовью и добротой?

Он прочистил горло, заставляя себя продолжать.

- Взамен я обещаю всегда любить тебя, всегда защищать тебя. Я буду тем якорем, который тебе нужен, и никогда больше не сделаю ничего, что могло бы причинить тебе боль.

Я упала перед ним на колени. Колено к колену. Сердца к сердцу.

- Да. Я принимаю и обещаю то же самое. Я никогда не буду лгать тебе, причинять тебе боль или что-то скрывать от тебя. Я всегда буду рядом, когда ты будешь больше всего во мне нуждаться.

Его губы прижались к моим. Мои пальцы погрузились в его волосы цвета соли и перца. Все, через что я прошла, было сделано для того, чтобы заслужить это. Его. Величайший трофей, подарок и награду, о которых я только могла мечтать.

Прижавшись губами к моим, Джетро надел обручальное кольцо мне на палец. Аккуратно, идеально, и никогда не снимется, как и мой ошейник.

С той суммой, которую я сейчас носила, я превратилась из швеи в наследницу бриллиантов. Огромный камень угрожающе сверкал.

Я не хотела гадать, сколько каратов было в кольце.

Прервав поцелуй, Джетро пробормотал:

- Там есть кое-что еще. Кое-что, что не для тебя, но я хочу, чтобы ты это увидела.

Моя бровь изогнулась, но я потянулась вверх и схватила мешочек со стола. Под тяжестью моего нового обручального кольца я повозилась с крепом.

Как только он был развернут, на этот раз я не смогла сдержать слез. Я склонилась над ожерельем, где черный бриллиант в форме слезинки был украшен золотыми завитками, крыльями ястреба и иглой с ниткой в креплениях. Это было не просто ожерелье, это было соединение двух наших домов. Подарок для того, кто ценится выше любого бриллианта или поместья. Бесценное ожерелье для бесценного ребенка.

- Ты сделал это для нашей дочери.

Джетро втянул в себя воздух.

- Как ты...

Я улыбнулась, слезы застеклила мое зрение и сердце.

- Я знаю, потому что я знаю тебя.

Поглаживая бриллиант, я выдохнула:

- Ты хочешь дочь, а не сына?

Его руки обвились вокруг меня.

- Нила, я хочу все, что ты мне дашь. Но дочь, если она родится первенцем, станет концом всего. Долги больше никогда не повторятся. Она будет наполовину Уивер, наполовину Хоук, и я хочу, чтобы у нее было что-то, что символизировало бы то, какое новое

начало она будет представлять.

- Я люблю тебя. - Я схватила его за щеки. - Я так чертовски сильно тебя люблю.

Все его тело таяло в моих объятиях, его обожание ко мне светилось во всех гранях.

- Я знаю. И я никогда этого не заслужу.

Поднявшись на ноги, он помог мне встать. Притянув меня в объятия, он нежно поцеловал меня.

- Есть еще одно место, куда я хотел бы тебя отвести, если ты мне позволишь?

Мое тело изогнулось в его, как запятая.

- Я хочу пойти туда, куда ты хочешь меня отвести.

Его великолепное лицо озарилось сексуальной улыбкой.

Мысли о том, чтобы скрепить нашу помолвку чем-то большим, чем просто поцелуем, приходили мне в голову.

Когда этим утром Джетро посадил меня в машину и увёз из поместья, я подумала, что это для того, чтобы выполнить несколько поручений или постоять рядом со мной, пока я навещала своих помощников в Уиввер Enterprises и давала отзывы о перспективной линии дизайна.

Наша жизнь стала в какой-то степени нормальной, с работой и бизнесом, которым нужно было управлять. Я любила нормальную жизнь, но также любила волшебные времена.

Я никогда не ожидала, что произойдет что-то столь завораживающее, как это.

Это завораживает.

В самом сердце Алмазной Аллеи мы дали обещание любить, уважать и дорожить друг другом до конца наших дней. Что еще существовало, если эти клятвы не были классифицированы как заклинание? Своего рода вечное заклинание. Заклинание, которое соединит наши души даже после смерти.

Мой взгляд упал на большой бриллиант у меня на пальце.

Я не могла перестать смотреть на это. Сверкая черным драгоценным камнем, наслаждаясь тем, каким заботливым и невероятным был мой будущий муж.

Я провела пальцем по глянцевой поверхности.

- Я никогда не смогу отблагодарить тебя за то, что ты мне дал, Джетро. Больше, чем просто якорь. Ты дал мне приют в своем сердце и сделал меня своей.

Страница 42

Он схватил меня за руку, крепко сжимая мои пальцы.

- Я чувствую то же самое. А теперь пойдём, чтобы я мог показать тебе следующую часть моего плана.

- Следующую часть? - Я рассмеялась. - Осторожнее, ты можешь меня избаловать.

Он ухмыльнулся.

- Ты еще не знаешь, куда я тебяведу. Это может быть ужасное место.

- Я сильно в этом сомневаюсь. - Отбросив волосы с лица, я улыбнулась. - Тогда скажи мне. Куда ты хочешь меня отвести?

Выводя меня из сейфа, он ухмыльнулся.

- Увидишь.

- Сюда?

Я оглянулась через плечо, когда Джетро кивнул.

Мы выехали из Даймонд-аллеи и въехали в оживленный местный городок, где улицы украшали безделушки и туристы.

- Ага. - Джетро прикусил губу, чтобы не улыбнуться.

- Ты хочешь, чтобы я зашла в кофейню?

Он прошел мимо меня, толкая дверь, пока звон колокольчика наверху не приветствовал нас вместе с запахом кофе и сладостей.

- Но я даже не люблю кофе. Ты это знаешь.

Он ухмыльнулся.

- Я знаю.

- Тогда почему...?

- Перестань задавать вопросы и иди туда.

Схватив меня за запястье, он потащил меня через порог и направился к обшарпанному дивану у витрины кофейни.

Диван.

Кофе.

О, боже мой.

Мое сердце остановилось.

- Это..это похоже на кафе в Милане, где я пыталась поцеловать тебя, когда мы впервые встретились.”

Он кивнул.

- Точно

Я нахмурилась, хотя мое сердце колотилось от любви.

- Зачем... зачем ты привел меня сюда?

Он похлопал по дивану, утопая в мягких подушках.

Я последовала за ним, наши колени соприкоснулись, когда мы оказались лицом друг к другу. Мягкость дивана убаюкивала меня, когда Джетро поглаживал мое кольцо, его лицо было живым и задумчивым.

- В ту ночь я наговорил тебе так много лжи и так много скрыл от самого себя. Я так сильно хотел тебя. Я хотел убежать в другую сторону, спрятать тебя, никогда не возвращаться в Хоуксбридж. Но я этого не сделал. Я позволил своей жизни управлять мной, и я совершил худшую ошибку.

Оглядев крошечное кафе — бабушку, кормящую чайным пирожным свою внучку, и баристу, обслуживающего пару, — он добавил:

- Я знаю тебя уже несколько месяцев, Нила, и я ни разу не пригласил тебя на настоящее свидание. Никогда не ходил в кино и не ел в ресторане.

Вся моя душа переполнилась нежностью.

- Ты хочешь сказать, что хочешь это сделать?

- Конечно.

Его спина выпрямилась.

- Я хочу исследовать мир вместе с тобой. Я хочу показать тебя и дать людям понять, что, возможно, я подбросил доказательства того, что ты сбежала со мной в начале этого беспорядка — что СМИ поверили, что у нас был роман задолго до того, как мы это сделали, — но теперь это правда, и я ценю тебя достаточно, чтобы не держать тебя при себе.

Его золотистые глаза потемнели и стали бронзовыми.

- Ты больше не в долгу. Ты вольна идти, куда и когда пожелаешь; Я хочу быть рядом с тобой во всем. Я хочу быть причиной твоей улыбки каждый день и мужчиной, которого ты обнимаешь каждую ночь.

Быстро сделанные фотографии и рукописная записка Флоу для прессы в ту ночь, когда Джетро украл меня, всплыли в моем сознании. Я больше не испытывала ни боли, ни раздражения, потому что, в конце концов, таков был план жизни. Отдать меня Джетро, чтобы я могла украсть его взамен.

Мой голос оставался мягким, приглашающим.

- О чем ты говоришь?

- Я говорю, что я буду рядом с тобой, что бы ты ни хотела сделать. Если ты захочешь вернуться к шитью, я буду там, держа ткань. Если ты хочешь путешествовать и помочь мне с бриллиантами, я буду там с твоими сумками. Пока мы вместе, Нила. Мне все равно, где мы находимся.

Мое сердце скакало галопом от тоски, любви и переполняющей похоти.

- Кайт... - Наклонившись ближе, я приковала взгляд к его рту. - Насколько я понимаю, ты на первом месте. Может быть, я больше и не в долгу, но я не собираюсь убежать от тебя далеко. Мне все равно, что мы делаем, пока мы делаем это вместе.

Он немного расслабился.

- Я никогда не устану это слышать.

- Никогда не устаешь от того, что я люблю тебя или что я не убегу?

Его улыбка превратилась в греховное приглашение.

- Если ты убежишь от меня, у меня есть средства преследовать тебя. Я найду тебя и снова сделаю своей.

Мои ноги задрожали, а живот затрепетал.

Придвинувшись ближе ко мне, Джетро провел подушечкой большого пальца по моей нижней губе.

- А теперь, если ты не возражаешь, я считаю, что мне нужно сделать кое-что, что я должен был сделать в ту первую ночь.

Мое дыхание остановилось.

- Что ты должен был сделать?

Его дыхание оведало мои губы.

- Поцеловал тебя. Ты должна мне поцелуй, который ты так наивно предложила мне через несколько мгновений после нашей встречи.

- Наивно?

Мое сердце заколотилось, а между ног я стала сладко влажной. Напряжение между нами закружилось и вспыхнуло.

- Ты хочешь сказать глупо? Я помню, как ты называл меня так несколько раз.

Его рука обхватила мою щеку, его большой палец скользнул от моей губы к уху.

- Как я и сказал. В ту ночь я наговорил много лжи. - Его взгляд переместился на мой рот. - Можно? Могу я забрать назад ту первую ошибку и исправить ее?

Я не могла дышать.

Я кивнула.

- Бл*ть. - Его тело подалось вперед, его губы встретились с моими.

Я раскрылась перед ним, приветствуя его вкус и власть. Придвинувшись ближе, он обхватил меня руками, его колени задели мои, и кофейня растворилась в темноте.

Я застонала ему в рот, тая в его объятиях. Меня никогда не целовали так глубоко и так самозабвенно. Он вдохнул в меня прошлое и настоящее, переписывая историю и отменяя все, что произошло. В его объятиях я помнила только о том, как я была счастлива, а не о печали, все еще цепляющейся за нас.

Мое кольцо с бриллиантом было надето у меня на пальце. Мое запястье украшал бриллиантовый браслет. И мой бриллиантовый ошейник навсегда запер меня как его. Так много всего произошло. Так много боли, долгов и смерти.

Но это.

Простой поцелуй в простом кафе, в простом мире.

Это делало все это стоящим того.

Это делало все это бесценным.

Его язык танцевал с моим, медленно отрываясь от меня, оставляя меня нуждающейся и отчаянно желающей большего.

Отпустив меня, Джетро полез в карман куртки и вытащил сложенный кусок пергамента.

- Справедливо предупредить тебя, Иголочка, что после этого поцелуя я чертовски тверд как скала и нуждаюсь в тебе больше, чем могу вынести. Я сомневаюсь, что у меня хватит самообладания заказать кофе или посмотреть, как ты ешь кусок торта, не будучи внутри тебя, поэтому я собираюсь показать тебе это, прежде чем вытащу тебя из этого места и найду темное место, чтобы я мог трахнуть тебя. Затем, я справлюсь со своей похотью, я вознагражу тебя, занявшись с тобой любовью и показав, как моя любовь может быть одновременно наказанием и игрой.

У меня отвисла челюсть. Его слова плескались вокруг меня, облизывая мои соски с обещанием.

- Мы можем уйти прямо сейчас. Сию же секунду.

Он покачал головой, разворачивая пергамент на низком кофейном столике.

- Нет, мы не можем. Пока я не покажу тебе это.

Его глаза встретились с моими, темные и восхитительные, его губы блестели от нашего поцелуя.

- Я никогда тебе этого не говорил, но Священное Обещание, которое я заставил тебя подписать в ночь на день рождения Ката, я сжег его перед тем, как приехал за тобой в Лондон.

Я вздрогнула, вспомнив ту ночь и то, что произошло потом. Он поцеловал меня. Он трахнул меня. Он позволил бы мне победить, увидев, как я разваливаюсь на части.

- Почему?

Его пальцы погладили написанные чернилами слова.

- Потому что я не хотел нести бремя владения твоей душой.

Расправив пергамент еще шире, разглаживая изгибы от центра, он снова сунул руку в карман и вынул авторучку.

Протягивая её мне, он сказал:

- Это не перо, но это придется сделать. - Внезапная нервозность заострила его черты. – Сделаешь ли ты это? Подпишешь ли ты еще одно, теперь ты знаешь все, зная, кто я такой?

Мой взгляд упал на бумагу. Что это такое?

Новый Священный Обет? Новый контракт, превосходящий Долг по наследству и все, что он означал?

Я без колебаний взяла ручку.

- Я уже согласилась выйти за тебя замуж. Я соглашусь на все, что успокоит твое сердце и подарит мне тебя навечно.

Он вздохнул.

- Ты слишком, слишком добра ко мне.

- И ты дал мне все, что я когда-либо хотела.

Нежно поцеловав его, я прошептала:

- Я подпишу все, что ты хочешь, чтобы я подписала, Кайт. Но... могу я сначала прочитать это?

Он усмехнулся, заправляя выбившиеся пряди мне за ухо.

- Конечно. Я хочу, чтобы ты прочитала это. Я хочу, чтобы ты знала, что мне нужно от тебя.

Взяв пергамент, я держала его в слегка дрожащих руках. Вернулась ночь дня рождения Ката. То, как я вломилась в его кабинет. Наше первое "свидание". Наша первая нормальная совместная прогулка в качестве любовников, а не должников.

Мои глаза остановились на великолепном каллиграфическом почерке Джетро. Слова были так похожи на другое обещание, которое я подписала, но в то же время так отличались.

Джетро Хоук, первенец Брайана Хоука, и Нила Уивер, первенец Эммы Уивер, настоящим торжественно клянутся, что это юридически обязательный и неоспоримый контракт.

Нила Уивер лишает себя права собственности на свою свободную волю, мысли и тело и передает их под единоличную опеку Джетро Хоука. В обмен Джетро Хоук отказывается от своей свободной воли, мыслей и тела и полностью предоставляет их Ниле Уивер, чтобы она делала все, что ей заблагорассудится.

Предыдущий неоспоримый документ, названный Долговым наследством, недействителен отныне и навсегда. Ни долги, ни семейные указы никогда не постигнут эти два дома. Это новое соглашение объединяет двух врагов в одну семью, где прошлое осталось в прошлом, а будущее светлое для всех.

И Нила Уивер, и Джетро Хоук обещают, что ни обстоятельства, ни перемены в сердце не изменят этой клятвы.

В болезни и в здравии.

Два дома.

Два человека.

Один контракт.

Брак и обязательства на всю жизнь.

Я подняла глаза.

Мое сердце наполнилось бесчисленными капельками обожания.

Я поцеловала своего будущего мужа.

- Как это возможно, что ты продолжаешь заставлять меня любить тебя все больше с каждым днем?

Его лицо расплылось в нежности.

Прежде чем он успел ответить, я нацарапала свое имя и приняла все — прошлое, настоящее, будущее. Триумфы и трагедии. Смерти хороших людей. Окончание плохого. Боль, которая так долго управляла нами. И предательство, позволившее безумию править.

Но больше нет.

Это была наша новая глава.

Наша новая история.

И мы писали каждое предложение вместе.

Нила Уивер.

Джетро Хоук.

Два дома.

Одно будущее...

...

Одна семья.